

В. Я. Сиполс

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

1936 - 1939 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

В. Я. СИПОЛС

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

1936-1939 гг.

Ответственный редактор
академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ

МОСКВА
«НАУКА»
1987

В монографии рассмотрены наиболее существенные проблемы внешнеполитической деятельности Коммунистической партии и Советского правительства в 1936—1939 гг., когда в условиях нарастания опасности второй мировой войны Советский Союз последовательно боролся за сохранение мира, против агрессивных действий держав фашистского блока. Автор использовал широкий круг советских и иностранных источников.

Рецензенты:

Ю. С. БОРИСОВ, Ф. Д. ВОЛКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Советский Союз к середине 30-х годов стал одним из наиболее могущественных государств мира. Укрепились его международные позиции. Он пользовался огромным авторитетом у прогрессивных сил всего мира. Широкое признание получила энергичная борьба Советского правительства за мир и коллективную безопасность.

Однако СССР по-прежнему находился в окружении враждебных капиталистических государств. Правящие круги империалистических держав, исходя из классовых соображений, считали своей важнейшей задачей уничтожение страны социализма. Они хотели погасить революционный маяк, яркие огни которого указывали путь к освобождению от капиталистической эксплуатации и к социальному прогрессу угнетенным трудящимся массам всего мира. Поэтому Советский Союз должен был и дальше укреплять свою обороноспособность. Серьезные задачи в деле обеспечения безопасности страны ложились и на советскую внешнюю политику.

Наиболее воинствующей позиции придерживались по отношению к Советскому Союзу две империалистические милитаристские фашистские державы — Германия и Япония. Они образовали агрессивный блок, поставивший своей целью перекроить карту мира. Это приводило к резкому обострению противоречий также внутри лагеря капитализма. В противовес блоку агрессивных держав стал складываться другой империалистический блок в составе Великобритании, Франции и США, заинтересованных в сохранении их господствующего положения в мире, установленного в результате победы в первой мировой войне.

Советское правительство неоднократно разоблачало империалистический характер Версальско-Вашингтонской системы мирных договоров, которыми завершилась эта война. Но Советский Союз решительно и последовательно выступал против разжигания блоком фашистских агрессоров нового мирового пожара, как средства уничтожить эту систему, установить над миром свое господство.

Это означало, что существовали определенные предпосылки для сотрудничества СССР с той группой капиталистических государств, которые в тогдашних условиях не были заинтересованы в новой мировой войне. В 1934 г. СССР вступил в Лигу наций, а в 1935 г. был заключен договор о взаимной помощи между СССР и Францией. Более дальновидные французские деятели понимали, что в случае германского нападения Франция сможет устоять, только если Германии придется воевать на два фронта, т. е. одновременно также и с СССР.

Главной внешнеполитической задачей СССР было обеспечение мира на советских границах, безопасности страны. Это было необходимым условием дальнейшего успешного строительства в стране социалистического общества. Более того, если бы разразилась война, она могла бы перерасти в «крестовый поход» против СССР всего лагеря капитализма, а это могло бы представить огромную опасность для самого существования Советского государства.

Коммунистическая партия и Советское правительство твердо и последовательно придерживались установки, что наиболее благоприятные возможности для обеспечения мира на советских границах имелись в случае сохранения *всеобщего мира*. Советской дипломатией была выдвинута концепция неделимости мира. Советское правительство считало необходимым не допускать захвата агрессорами той или иной страны, пресекать агрессию в самом зародыше, гасить пожар, пока он не разросся.

Коммунистическая партия и Советское правительство считали необходимым сделать все возможное, чтобы *предотвратить войну*. Учитывая соотношение сил между блоком агрессоров и странами, заинтересованными в сохранении мира, война не была неизбежной. Советский Союз был готов установить в борьбе против агрессии тесное сотрудничество с Англией, Францией и США. Советская дипломатия выступала за укрепление Лиги наций, за заключение региональных пактов взаимопомощи в Европе и на Дальнем Востоке, чтобы противопоставить агрессорам эффективную систему коллективной безопасности. Но для осуществления этих планов необходимо было, чтобы они были поддержаны другими странами.

Большим влиянием в мировых делах в те годы пользовалась Великобритания. Но британские реакционные правящие круги не поддерживали советских предложений. Они считали своей задачей не только обеспечение неприкосновенности Британской империи, но и уничтожение

столь ненавистного им Советского государства. Суть политики Англии заключалась в том, чтобы путем империалистического сговора с фашистской Германией отвести угрозу от себя и направить германскую агрессию на восток, против СССР. Чтобы подтолкнуть Германию к нападению на Советский Союз, в Лондоне были готовы даже подкормить ее за счет стран Центральной и Восточной Европы. Аналогичной была политика британских правящих кругов и на Дальнем Востоке, где они надеялись обеспечить свои империалистические интересы, спровоцировав войну между Японией и СССР.

Франция начиная с 1936 г. шла в своей внешней политике в фарватере британского союзника. Правительство США со своей стороны неоднократно заявляло, что идет с Великобританией параллельным курсом.

Все это создавало ту весьма сложную и опасную ситуацию, в которой в последние предвоенные годы пришлось действовать советской дипломатии. Она разоблачала захватнические планы агрессоров, раскрывала ту смертельную опасность, которую они представляли для многих стран и народов. Одновременно Страна Советов раскрывала коварные планы реакционных правящих кругов западных держав, пытавшихся откупиться от агрессоров за счет Советской страны, задушить их руками Республики Советов.

В то же время советская дипломатия выдвинула конструктивную программу борьбы за сохранение мира, обуздание фашистских агрессоров, предотвращение войны. Энергичная борьба Советской страны за мир и международную безопасность, против фашистских агрессоров, решительная поддержка жертв агрессии заслуженно снизили социалистической державе огромный международный авторитет. Миролюбивые народные массы всех стран рассматривали первую в мире страну социализма как знаменосца в борьбе за сохранение мира, против войны.

Советскими историками проделана значительная работа по изучению внешней политики СССР 1936—1939 гг. Она рассматривается в таких фундаментальных изданиях, как двухтомная «История внешней политики СССР» (5-е изд. М., 1986. Т. 1); пятитомная «История дипломатии» (2-е изд. М., 1965. Т. 3); шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг.» (М., 1960. Т. 1); двенадцатитомная «История второй мировой войны, 1939—1945» (М., 1974. Т. 2).

Опубликован ряд книг по истории двусторонних от-

ношений СССР с другими государствами. Несколько работ посвящено советско-английским отношениям¹. Имеются книги об истории советско-французских, а также советско-германских отношений². Вышли работы, в которых освещены отношения СССР с рядом других стран Европы: Румынией, Чехословакией, Прибалтийскими государствами³. В ряде работ рассматриваются отношения СССР с азиатскими странами⁴. Вышло несколько книг о советско-американских отношениях⁵.

Многие существенные вопросы внешней политики СССР затрагиваются также в трудах советских историков, посвященных внешней политике капиталистических стран⁶.

Данная монография является продолжением ранее изданной автором книги о внешней политике СССР в 1933—1935 гг.⁷ Учитывая наличие книг, специально посвященных отношениям СССР с рядом стран, автор считал нецелесообразным рассматривать некоторые уже изложенные в них вопросы двусторонних отношений. Главное внимание в работе уделено наиболее важным проблемам, которые составляли стержень развития международ-

---

¹ *Волков Ф. Д.* СССР — Англия, 1929—1945 гг. М., 1964; *Попов В. И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией, 1929—1939 гг. М., 1965.

² *Борисов Ю. В.* Советско-французские отношения, 1924—1945 гг. М., 1964; *Максимычев И. Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны: Очерк истории советско-германских дипломатических отношений в 1933—1939 годах. М., 1981.

³ *Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932—1939. М., 1977; *Петерс И. А.* СССР, Чехословакия и европейская политика накануне Мюнхена. Киев, 1971; *Сиполс В. Я.* Тайная дипломатия: Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав, 1919—1940 гг. Рига, 1968; и др.

⁴ *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962; *Капица М. С.* Советско-китайские отношения. М., 1958; СССР и Турция, 1917—1979. М., 1981; *Теплинский Л. Б.* СССР и Афганистан, 1919—1981. М., 1982.

⁵ *Фураев В. К.* Советско-американские отношения, 1917—1939. М., 1964; *Вальков В. А.* СССР и США: Их политические и экономические отношения. М., 1965; *Цветков Г.* Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. Киев, 1973.

⁶ *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась: Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну. М., 1975; *Белоусова З. С.* Франция и европейская безопасность, 1929—1939. М., 1976; *Стегарь С. А.* Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980; *Волков Ф. Д.* Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит. М., 1980.

⁷ *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935 гг. М., 1980.

ных отношений в предвоенные годы. Эти проблемы также с той или иной полнотой уже рассматривались в трудах советских историков. Но многие из них нуждаются в более глубоком освещении. Некоторые вопросы пока не стали предметом научного исследования. Между тем появились документальные публикации, материалы которых использованы историками пока недостаточно. Это прежде всего 19, 20 и 21-й тома «Документов внешней политики СССР» (М., 1974; 1976; 1977), в которых содержатся материалы за 1936—1938 гг. Имеются публикации советских внешнеполитических документов также за 1939 г.⁸ Кроме того, автором использовано немало и других документов Архива внешней политики СССР.

В последние годы вышли также очередные тома английских и французских публикаций внешнеполитических документов, так что в распоряжении исследователей теперь имеются почти завершённые комплекты официальных публикаций дипломатических документов Англии, Франции, США и Германии за 1936—1939 гг. Автор имел, кроме того, возможность изучить архивные материалы министерств иностранных дел Англии, фашистской Германии, Польши и Латвии. Критический анализ всех этих документов даёт немало нового материала для характеристики политики ряда капиталистических стран по отношению к СССР, а также их позиций по важнейшим международным проблемам.

Рассматриваемые в книге вопросы затрагиваются в работах многих историков капиталистических стран. В некоторых из них содержится немало полезного фактического материала и объективных оценок как миролюбивой внешней политики Советского Союза, так и внешнеполитического курса империалистических держав, в том числе их политики по отношению к СССР. Эти материалы довольно широко использованы в настоящей книге. Вместе с тем во многих работах буржуазных историков имеются утверждения, искажающие внешнюю политику СССР. Авторы этих работ пытаются также скрыть или хотя бы как-то сгладить антисоветские акции буржуазной дипломатии. Это вызывает необходимость опровержения клеветнических утверждений и фальсификаций, раскрытия истинных мотивов внешнеполитической деятельности правящих кругов капиталистических стран.

---

⁸ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, Сентябрь 1938 г.— август 1939 г.: Документы и материалы. М., 1971.

Глава I

БОРЬБА СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В УСЛОВИЯХ РОСТА ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ

К середине 30-х годов было очевидно, что Германия и Япония — державы империалистические, милитаристские, фашистские — развернули лихорадочную подготовку к войне. Они считали своей важнейшей задачей уничтожение Страны Советов. Безопасность СССР зависела прежде всего от его оборонной мощи, способности дать решительной отпор агрессорам.

За исторически кратчайший срок — всего два десятилетия своего существования — Советская страна под руководством Коммунистической партии достигла огромных успехов. Была совершена техническая реконструкция промышленности, а главное — осуществлено гигантское новое промышленное строительство. За две пятилетки было построено 6 тыс. новых крупных промышленных предприятий. СССР превратился в могущественную индустриально-колхозную социалистическую державу.

В декабре 1936 г. была принята новая Конституция СССР, в которой были закреплены достижения СССР в строительстве социалистического общества, принципиальные изменения, связанные с победой в СССР социализма.

Огромные успехи в социалистическом строительстве создавали условия для укрепления обороноспособности СССР. Были построены заводы, которые снабжали Советские Вооруженные Силы необходимым вооружением. Разрабатывались новые типы танков, самолетов и других видов военной техники. Объем продукции оборонной промышленности во второй пятилетке вырос в 2,8 раза¹. Об огромном внимании, которое Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли укреплению обороноспособности страны, свидетельствуют, например, дан-

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974. Т. 4, кн. 2. С. 398.

ные относительно того, какими темпами по мере возрастания угрозы войны увеличивалось производство в СССР орудий (76—210 мм): 1936 г.— 952, 1937 г.— 1705, 1938 г.— 5214, 1939 г.— 8863 ².

Взросшая экономическая и оборонная мощь серьезно укрепляла международное положение СССР. С одной стороны, она сдерживала агрессоров от искушения нарушать советские рубежи. С другой — могущество Советского Союза создавало у стран, которым угрожала агрессия, заинтересованность в том, чтобы СССР принимал активное участие в обеспечении сохранения мира, в том числе в деятельности Лиги наций.

Опираясь на свою мощь — к тому же быстро растущую,— Советский Союз был готов дать решительный отпор агрессорам, если бы они попытались нарушить его границы. СССР был преисполнен решимости внести максимально возможный вклад и в обеспечение всеобщего мира.

Главная опасность Советскому Союзу угрожала со стороны империалистической фашистской Германии, которая развернула широкомасштабную подготовку к новой войне с целью установить германское господство в Европе, а затем и во всем мире ³. В принятом в 1936 г. «четырёхлетнем плане» подготовки Германии к войне предусматривалось:

«1) через четыре года мы должны иметь боеспособную армию,

2) через четыре года экономика Германии должна быть готовой к войне»⁴.

В августе 1936 г. в Германии был введен двухлетний срок военной службы. Быстрыми темпами создавалась германская военная машина, парализовалось производство военной техники. Происходила психологическая обработ-

---

² История второй мировой войны, 1939—1945: В 12 т. М., 1974. Т. 2. С. 191.

³ *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М., 1972; *Проктор Д. М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985; *Weltherschaft in Visier.* В., 1975; *Thies J.* Architect der Weltherrschaft. Die «Endziele» Hitlers. Düsseldorf, 1976; *Fischer F.* Bündnis der Eliten: Zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland, 1941—1945. Düsseldorf, 1979; *Müller K. J.* Armee, Politik und Gesellschaft in Deutschland, 1933—1935. Paderborn, 1980.

⁴ Цит. по: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 323.

ка населения страны с целью подготовки его к войне, прежде всего против СССР⁵.

Усиливались политическое давление Германии на другие государства, ее экономическая экспансия. Разрабатывались планы захвата чужих стран и народов, как только будут в основном завершены соответствующие военные приготовления.

Исключительно злобными в отношении СССР были выступления гитлеровцев на очередном съезде нацистской партии в Нюрнберге в сентябре 1936 г.⁶ В своих речах Гитлер и его ближайшие подручные Геббельс и Розенберг разглагольствовали о «большевистской опасности» и призывали к «крестовому походу» против Советского Союза. Наблюдался явный припадок антисоветского бешенства и в германской печати. Все это было проявлением «воинствующего антибольшевизма» нацистов⁷. Советский полпред в Берлине Я. З. Суриц констатировал в письме в Народный комиссариат иностранных дел 13 сентября, что наиболее существенной особенностью съезда был «открыто агрессивный характер выступлений против Советского государства...» Он отмечал также, что гитлеровцы стремятся «укрепить германские связи с фашистскими или полуфашистскими странами (Италия, Польша, Венгрия, Югославия)»⁸.

В Советском Союзе не могли не учитывать антисоветских планов фашистской Германии. Председатель СНК В. М. Молотов, касаясь этих планов, отмечал 10 января 1936 г. на заседании ЦИК СССР, что фашистские правители Германии иногда пытаются отвести глаза наивных людей от своих захватнических планов в отношении Советского Союза тем, что ссылаются на отсутствие общих границ между Германией и СССР. Но известно, что Германия стремится занять господствующее положение на Балтийском море и «вошла в особые отношения с Польшей, имеющей достаточно большие границы с Советским Союзом»⁹. Народный комиссар иностранных дел СССР

---

⁵ *Hildebrand R. Deutsche Aussenpolitik, 1933—1945: Kalkül oder Dogma?* Stuttgart, 1971. S. 51.

⁶ *McMurry D. C. Deutschland und die Sowjetunion, 1933—1936.* Köln, 1979. S. 392.

⁷ *Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik, 1933—1940.* München, 1980. S. 117; *Kuisisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik, 1933—39.* Helsinki, 1984. S. 403.

⁸ *Документы внешней политики СССР.* М., 1974. Т. 19. С. 423, 425.

⁹ *Правда.* 1936. 11 янв.

М. М. Литвинов в речи на сессии Совета Лиги наций 17 марта 1936 г. констатировал, что Германия стремится к установлению своей гегемонии на всем Европейском континенте, что гитлеровцы ставят своей целью организацию похода против Советского Союза, привлечение к этому походу и других государств¹⁰.

Тесное сотрудничество продолжало осуществляться между Германией и Польшей (на основе германо-польской декларации о дружбе и ненападении от 26 января 1934 г.). В резолюциях VII конгресса Коминтерна констатировалось, что германский империализм нашел в Европе союзника «в лице польского фашизма, стремящегося также расширить свою территорию за счет Чехословакии, Прибалтийских стран и Советского Союза»¹¹.

В феврале 1936 г. один из фашистских главарей — Геринг под предлогом охоты очередной раз посетил Польшу.

Как сообщал в Берлин германский посол в Варшаве Г. Мольтке, Геринг от имени фюрера заверил президента, премьер-министра и министра иностранных дел Польши в стремлении к взаимопониманию на антисоветской основе¹².

На это сотрудничество не могло не обратить внимание Советское правительство. Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков констатировал в письмах полпреду в Варшаве (7 февраля и 19 апреля), что польско-германские отношения «становятся все более тесными» и что усиливается антисоветская направленность польской политики¹³.

В польской прессе постоянно появлялись различные антисоветские материалы, в частности планы захвата советских земель, раздела СССР и образования «Великой Украины» под эгидой Польши. Советское полпредство неоднократно делало по этому поводу представления польскому министерству иностранных дел¹⁴.

В. М. Молотов отмечал в докладе на сессии ЦИК 10 января 1936 г., что в Польше имеются люди, которые «от-

¹⁰ Там же. 19 марта.

¹¹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сб. документов. М., 1975. С. 383.

¹² Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Godesberg, 1975. Ser. C. Bd. 4. S. 1176. (Далее: ADAP).

¹³ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 64, 235.

¹⁴ Там же. С. 118, 497, 725, 730, 760.

крыто болтают в печати о захвате некоторых территорий СССР». Он говорил, что «подобные же бредни не чужды некоторым элементам соседней с нами Финляндии, все больше ориентирующейся на наиболее агрессивные империалистические государства»¹⁵.

Советский полпред в Хельсинки Э. А. Асмус сообщал в Москву, что даже по признанию некоторых финляндских деятелей германское влияние в стране является «очень сильным» и что в случае развязывания Германией войны в нее будет втянута и Финляндия¹⁶. Он писал, что Финляндию охватил «военный психоз»¹⁷. Даже министр иностранных дел Финляндии Р. Холсти признавал в беседе с М. М. Литвиновым в Женеве, что «финская молодежь действительно воспитана в антисоветских чувствах»¹⁸. Он не мог отрицать и тот факт, что между германскими и финляндскими военными кругами существует теснейшая связь¹⁹.

Известная французская журналистка Женевьева Табуи отмечала, что финский генерал К. Маннергейм ведет с Германией и Польшей переговоры о создании единого германо-польско-финляндского фронта против СССР²⁰.

В финляндской реакционной печати то и дело появлялись различные антисоветские инсинуации, фашистские организации выпускали воинственные антисоветские воззвания²¹. Реакционные круги страны призывали к созданию «Великой Финляндии», границы которой должны простираться до Енисея²².

Касаясь политики реакционных кругов Финляндии, «Правда» констатировала, что они повернули за последние годы финляндскую внешнюю политику в русло явного германофильства и одновременно привели к серьезному ухудшению отношений с СССР. Финляндские правящие круги, действуя по указке из Берлина и получая оттуда финансовую поддержку и оружие, а также импортируя «фашистскую идеологию, ведут преступную политику по вовлечению финляндского народа в войну с СССР».²³

---

¹⁵ Там же. С. 698.

¹⁶ Там же. С. 100.

¹⁷ Там же. С. 273.

¹⁸ Там же. С. 467.

¹⁹ Там же. С. 507.

²⁰ L'Oeuvre. 1936. 16 juin.

²¹ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 258.

²² Правда. 1936. 4 февр.

²³ Там же. 1 июля.

Особую опасность для Советского Союза представляло все усиливавшееся, как это будет показано дальше, сотрудничество Германии, Японии и Италии, создание агрессивного блока этих трех империалистических фашистских держав.

КУРС СССР НА СОТРУДНИЧЕСТВО С ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ

В связи с образованием очагов военной опасности в Европе и на Дальнем Востоке Советское правительство еще в 1933 г. развернуло энергичную борьбу за объединение усилий всех государств, заинтересованных в сохранении мира. По его инициативе начались переговоры о заключении региональных пактов безопасности в Европе и на Дальнем Востоке. Столь же последовательно СССР выступал в 1935 г. за обуздание итальянских агрессоров, напавших на Эфиопию²⁴.

Эти усилия дали определенные результаты. В мае 1935 г. Советский Союз заключил договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. Проявляли стремление к сотрудничеству с СССР и некоторые другие государства, которым угрожали Германия и Италия. В связи с опасностью японской агрессии Советское правительство проявляло готовность к установлению сотрудничества с Китаем и США.

Между тем положение в мире продолжало обостряться. Росла опасность и для Советского Союза. Важнейшая задача Коммунистической партии и Советского правительства заключалась в том, чтобы сорвать планы агрессоров, предотвратить развязывание ими войны и нападение на СССР, обеспечив тем самым благоприятные международные условия для социалистического строительства.

Как и в прежние годы, Советский Союз был заинтересован в том, чтобы строить свои отношения с капиталистическими странами на основе принципа мирного сосуществования, и, действительно, этот принцип лежал в основе отношений СССР со многими государствами. Но если ознакомиться с советскими внешнеполитическими документами последних предвоенных лет, то окажется, что в них упоминание о мирном сосуществовании встречается все же нечасто.

---

²⁴ Подробнее см.: *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935 гг. М., 1980.

Чем это объяснить?

В условиях, когда Германия и некоторые другие страны явно взяли курс на войну, лозунга мирного сосуществования было явно недостаточно. Конечно, СССР мог заявлять (и иногда действительно заявлял), что он заинтересован в мирном сосуществовании с Германией и Японией. Но мирное сосуществование было возможно со странами, которые не собирались нападать на СССР. Считать же этот принцип основой отношений с Германией, которая вовсе не собиралась сосуществовать с Советским Союзом, а готовилась к нападению на СССР, было невозможно. Поэтому вполне естественно, что Коммунистическая партия и Советское правительство ставили вопрос не о мирном сосуществовании с германскими агрессорами, а о решительной и последовательной борьбе против агрессивных устремлений Германии, о создании для этого надежной системы коллективной безопасности.

Если состояние отношений с Германией было безусловно ниже того уровня, когда можно говорить о мирном сосуществовании и стремлении к нему с обеих сторон, то отношения СССР с некоторыми капиталистическими странами переросли уровень простого мирного сосуществования. Так, если советско-французский договор о ненападении 1932 г. был по своему существу договором о мирном сосуществовании, то советско-французский, как и советско-чехословацкий, договор о взаимопомощи 1935 г. соответствовал уже гораздо более высокой степени сотрудничества. В условиях опасности агрессии со стороны Германии СССР был заинтересован в том, чтобы его отношения поднялись на этот более высокий уровень и с некоторыми другими странами. Советское предложение 1933 г. о заключении регионального пакта против германской агрессии означало, что СССР готов был поднять свои отношения на более высокий уровень также со всеми участниками такого пакта. В соответствии с предложением о заключении Тихоокеанского регионального пакта СССР проявлял заинтересованность в поднятии до такого же, гораздо более высокого уровня своих отношений также с Китаем, США и Великобританией. При определенных условиях СССР был готов укрепить сотрудничество вплоть до заключения договоров о взаимной помощи и с некоторыми другими государствами, которые могли внести полезный вклад в борьбу против агрессии, за сохранение мира.

На совершенно ином, еще гораздо более высоком уровне находились отношения СССР с Монгольской Народной Республикой. Они основывались на принципе пролетарского интернационализма.

Важнейшей обязанностью советской внешней политики было обеспечение безопасности СССР, мира на его границах. Наиболее надежным средством для достижения этих целей Коммунистическая партия и Советское правительство считали обеспечение мира во всем мире. В случае возникновения новой мировой войны в нее неизбежно был бы вовлечен и СССР. На VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. было заявлено по этому вопросу: «Ни для кого не может быть сомнения в том, что грядущая война, даже если бы она началась как война двух великих империалистических держав между собой или как война какой-нибудь великой державы против малой страны, неизбежно будет иметь тенденцию вылиться и неизбежно перейдет в войну против Советского Союза»²⁵.

В буржуазной исторической литературе широко распространён тезис, что Советский Союз в рассматриваемые годы делал все возможное, чтобы спровоцировать войну различных империалистических группировок между собой. Этим хотят свалить на СССР вину за возникновение второй мировой войны. Из сказанного видно, что такие утверждения не имеют, однако, ничего общего с действительностью и являются злонамеренной клеветой на страну социализма. Кроме того, коммунисты всегда учитывали, что наибольшие страдания войны приносят именно трудящимся массам. В решениях VII конгресса Коминтерна указывалось, что он «со всей решительностью отвергает клеветнические утверждения, будто коммунисты желают войны, ожидая, что она принесет революцию... Коммунисты всеми силами стремятся затруднить подготовку и развязывание новой войны»²⁶.

Германские милитаристы давно пришли к выводу, что Германии следует избегать войны на два фронта, иначе она может потерпеть поражение (наглядным примером служила первая мировая война). Эта аксиома, которая разделялась и в фашистской Германии, была широко известна во всех странах²⁷. Поэтому, например, в Лондоне и Париже твердо считали, что в случае возникновения

---

²⁵ VII конгресс Коммунистического Интернационала... С. 259.

²⁶ Там же. С. 389.

²⁷ Известия. 1939. 20 марта.

войны одержать победу над Германией можно будет легче при наличии против нее двух фронтов — на западе и на востоке. Франция еще в 20-е годы заключила союзные договоры с Польшей и Чехословакией. Для того чтобы иметь надежных союзников против Германии, более дальновидные представители французских правящих кругов (Л. Барту, Э. Эррио и др.) сочли необходимым заключить договор о взаимопомощи также с СССР.

А из утверждений буржуазных историков получается, что то, что было общеизвестно в Берлине, Лондоне, Париже да и в любой другой столице, о чем постоянно писалось в газетах, журналах и книгах, причем не только на Западе, но и в СССР, якобы не было ведомо советским руководителям, советским военным работникам. Ведь совершенно естественно, что в случае войны с Германией СССР был бы чрезвычайно заинтересован иметь союзника в лице Франции. Поэтому он никак не мог желать войны между Германией и Францией, тем более что фашистский рейх, располагающий преобладающим экономическим и военным потенциалом, мог бы одержать верх. Ведь не приходилось сомневаться в том, что после этого фашистско-империалистическая Германия обратила бы всю свою военную машину против СССР, которому пришлось бы сражаться тогда с Германией в одиночку, без французских союзников, без второго фронта на западных границах Германии. Таким образом, указанные клеветнические утверждения совершенно несостоятельны.

В действительности Советский Союз, учитывая даже одни эти соображения, был глубоко заинтересован в том, чтобы Германия не напала на Францию и не разгромила ее. Напротив, чтобы СССР и Франция, действуя в тесном союзе и привлекая на свою сторону также и ряд других государств, поставили на пути германских агрессоров непреодолимые заслоны.

Принципиально важная задача советской внешней политики в таких условиях заключалась в дальнейшем укреплении отношений между СССР и Францией.

Советско-французский договор о взаимопомощи, подписанный 2 мая 1935 г., к началу 1936 г. все еще не был ратифицирован французским парламентом. Реакционные силы Франции, считавшие главной целью своей политики достижение соглашения с Германией, преднамеренно затягивали вступление договора в силу²⁸. Они рассматри-

²⁸ Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929—1939. М., 1976. С. 227—231.

вали его не как средство обуздания германских агрессоров и отпора им в случае возникновения войны, а прежде всего как рычаг, при помощи которого они надеялись побудить гитлеровцев стать на путь примирения и сотрудничества с Францией. В Париже считали советско-французский договор также средством предотвращения какой-либо нормализации отношений между СССР и Германией, например в духе Рапалльского договора 1922 г.

Однако в начале 1936 г. в Париже начали испытывать серьезное беспокойство. Стали известны принимавшиеся Германией подготовительные меры к вводу войск в демилитаризованную Рейнскую зону. Понимая, что в случае конфликта с Германией Франция будет нуждаться в союзе с СССР, новое правительство во главе с правым радикалом А. Сарро, созданное во Франции в январе 1936 г., наконец сдвинуло вопрос о ратификации советско-французского договора о взаимопомощи с мертвой точки. Излагая свои взгляды на советско-французский договор, А. Сарро говорил в беседе с советским полпредом, что Советскому Союзу «принадлежит важнейшая роль» в обеспечении мира и организации коллективной безопасности. Поэтому он не мыслит внешней политики Франции иначе как в плане теснейшего сотрудничества с СССР ²⁹.

Вопрос о ратификации советско-французского договора был поставлен на обсуждение французского парламента. Представители партий, входивших в состав Народного фронта, т. е. коммунисты, социалисты и радикалы, а также ряд депутатов правых партий и группировок, понимавших значение союза с СССР для судьбы Франции, выступили за безотлагательную ратификацию договора. Часть правых кругов выступала, однако, против договора. Сторонники ратификации все же имели значительное большинство ³⁰. 27 февраля 1936 г. в палате депутатов французского парламента за ратификацию договора проголосовали 353 депутата, против — 164; 12 марта в сенате: за — 231, против — 52.

Во время беседы с главой французского правительства А. Сарро 14 марта советский полпред В. П. Потемкин

---

²⁹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 177.

³⁰ Белогловский Е. С. Из истории ратификации советско-французского договора о взаимной помощи 1935 г. // Фр. ежегодник, 1968. М., 1970. С. 189.

констатировал, что уже сам факт ратификации советско-французского договора должен внести устойчивость в международные отношения и содействовать упрочению мира и безопасности в Европе. Если Франция подверглась бы нападению, сказал полпред, она могла бы быть уверена, что «СССР немедленно оказал бы на ее стороне. СССР умеет выполнять принятые на себя договорные обязательства». А. Сарро выразил благодарность за это заявление. «Французское правительство и вся страна, — сказал он, — уверены в лояльности Советского Союза в отношении своих обязательств»³¹.

27 марта 1936 г. советско-французский договор о взаимной помощи вступил в силу, что имело в то время принципиальное значение. Это был первый такого рода договор, заключенный Советским Союзом с капиталистической страной. Причем это был договор с одной из самых мощных в военном отношении стран Европы. Характерны слова, сказанные французским коммунистом Г. Пери во французском парламенте во время прений по вопросу о ратификации договора: «Если 17 лет тому назад Франция была активнейшим участником антисоветской интервенции, то сейчас устами своего правительства она вынуждена признать, что без СССР нельзя добиться прочного мира в Европе. Это ли не великая победа СССР!»³²

Наряду с заключением договора о взаимопомощи с Францией Советское правительство придавало огромное значение установлению в борьбе за сохранение мира тесного сотрудничества с Великобританией. В этой связи заслуживают внимания переговоры, которые состоялись в начале 1936 г., в частности, во время пребывания в Лондоне наркома иностранных дел М. М. Литвинова и заместителя наркома обороны М. Н. Тухачевского (в связи с похоронами короля Георга V), а также беседы советского полпреда в Лондоне с британскими государственными деятелями. Так, 11 января 1936 г. по этому вопросу состоялась беседа советского полпреда в Лондоне И. М. Майского с британским министром иностранных дел А. Иденом. Сообщая о ней британскому послу в Москве, Иден писал: «Касаясь общей политики, г-н Майский подчеркнул важность сотрудничества правительства его величества, Советского правительства и правительства Франции в руководстве Лигой наций. В случае такого

³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 146.

³² Цит. по: Фр. ежегодник, 1963. М., 1964. С. 208.

сотрудничества и использования ими любой возможности для укрепления Лиги и их твердой позиции он уверен, что германскую опасность можно остановить без войны... Именно поэтому его правительство придает такое большое значение нашему тесному сотрудничеству...»³³

Еще более важное значение имели предложения М. М. Литвинова, высказанные в беседе с А. Иденом 30 января. Британский министр писал о ней: «Г-н Литвинов подчеркнул свое желание сделать все, что в его силах, для улучшения отношений между нашими двумя странами. Нельзя ли предпринять в этих целях какие-либо дополнительные меры? Он приветствовал бы это. Я ответил, что не представляю себе, что еще можно было бы сделать... Г-н Литвинов спросил... нельзя ли, например, наметить какое-то соглашение между Советской Россией, Францией и Соединенным Королевством. Я ответил, что не представляю, как это можно сделать...»³⁴

5 февраля И. М. Майский говорил по этому вопросу и с военным министром Англии А. Дафф Купером. Британский министр спросил, как Советское правительство представляет себе укрепление сотрудничества между тремя великими державами — Англией, Францией и СССР. «Считали бы Вы полезным заключение между Великобританией и СССР такого же пакта взаимопомощи, какой СССР заключил с Францией?» Полпред ответил, что заключение англо-советского пакта взаимопомощи, конечно, явилось бы «громадным шагом вперед в деле консолидации мира». Однако Дафф Купер заметил, что британская сторона не готова к подобного рода акту. В связи с этим полпред сказал, что «могут быть и более мягкие формы сотрудничества, например, хотя бы опубликование какого-либо совместного документа (декларации, протокола и т. п.), устанавливающего единство взглядов, скажем, Англии, Франции и СССР по важнейшим вопросам, связанным с борьбой против войны, и манифестирующего их готовность совместными усилиями способствовать сохранению мира. В качестве первого шага подобная декларация могла бы иметь большое значение». Британский министр признал, что такая мысль заслуживает серьезного внимания ³⁵.

---

³³ Public Record Office. FO 418/81. P. 78—79.

³⁴ Ibid. P. 55.

³⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 63.

2 апреля 1936 г. И. М. Майский довел до сведения Форин оффиса, что, по мнению Советского правительства, для спасения Европы «крайне необходимо возможно более тесное сближение в борьбе за мир между СССР, Францией и Великобританией». Он отметил, что «только срочное укрепление коллективной безопасности, готовой ответить на всякую новую агрессию Германии решительными действиями, может привести Гитлера к сознанию, что мир все-таки выгоднее, чем война»³⁶.

Инициатива Советского правительства не была поддержана британскими правящими кругами. Они стремились к достижению соглашения с фашистским рейхом, а не с Советским Союзом. Поэтому Форин оффис считал, что, для того чтобы не осложнять переговоры с Германией, ни в коем случае не следует обсуждать с Советским правительством вопрос об англо-франко-советском сотрудничестве³⁷. Даже западногерманский историк А. Кун отмечает, что «стремление англичан прийти к соглашению с антикоммунистически настроенными государствами делало невозможной интенсификацию англо-советских отношений»³⁸.

На тех первопричинах, руководствуясь которыми правящая верхушка Англии не считала возможным идти на сотрудничество с Советским государством, необходимо остановиться более обстоятельно.

Агрессивные устремления германского империализма представляли смертельную опасность и для Британской империи. Однако, руководствуясь антисоветскими классовыми соображениями, тогдашнее британское консервативное правительство во главе с С. Болдуином не считало возможным идти на сотрудничество с СССР. Если бы в России по-прежнему оставались капиталистические порядки, то позиция Великобритании, по-видимому, была бы такой же, как и накануне первой мировой войны, когда перед лицом опасности со стороны германского империализма образовалась Антанта — союз Великобритании, Франции и России. Однако, поскольку Россия стала государством социалистическим, позиция британских правящих кругов по вопросу о заключении союза трех держав оказалась совершенно иной. Британское правитель-

---

³⁶ Там же. С. 210—211.

³⁷ Public Record Office, FO 371/20339.

³⁸ *Funke M.* (Hrsg.). *Hiltler, Deutschland und die Mächte*. Düsseldorf, 1976. S. 649.

ство исходило из того, что если будут воздвигнуты непреодолимые преграды на пути германских агрессоров, то этим будет обеспечен мир не только для Великобритании, но и для Советского Союза. Но если английские консерваторы хотели мира для Великобритании, то они, исходя из своих антисоветских соображений, вовсе не хотели содействовать тому, чтобы и Советский Союз мог жить в мире, продолжая строительство нового, социалистического общества.

Если бы в условиях тесного сотрудничества Великобритании, Франции и СССР дело все же дошло до войны, то фашистская Германия неизбежно потерпела бы поражение. Но британских консерваторов по тем же классовым соображениям не устраивала такая победа, так как среди победителей был бы и Советский Союз, который не только продолжал бы существовать, но даже мог бы укрепить свои мировые позиции. Кроме того, в Лондоне учитывали, что в ряде капиталистических стран война могла бы привести к революционным потрясениям.

О сказанном наглядно свидетельствует позиция С. Болдуина, заявившего на заседании правительства, что в случае вооруженного конфликта Англия «могла бы разгромить Германию с помощью России, но это, по-видимому, будет иметь своим результатом лишь большевизацию Германии»³⁹. С. Болдуин решительно высказывался против возможного втягивания Великобритании (например, Францией) в войну по одну сторону фронта с русскими⁴⁰.

Правители Британской империи разработали собственный генеральный стратегический план, который предусматривал достижение империалистического стовора между Великобританией и фашистским рейхом. За обязательство гитлеровцев не покушаться на Британскую империю Лондон был готов предоставить фашистской Германии «право» на агрессию на восток, рассчитывая, что это приведет в конце концов к нападению ее на СССР. В Лондоне рассчитывали, что таким образом будет обеспечена безопасность Британской империи, уничтожен или во всяком случае серьезно ослаблен Советский Союз, да и истощит свои силы фашистская Германия — наиболее опасный империалистический конкурент Великобритании.

С. Болдуин говорил, излагая свои взгляды по этому

³⁹ Public Record Office. Cab. 23/83. P. 292.

⁴⁰ Aster S. Anthony Eden. L., 1976. P. 42.

вопросу: «Нам всем известно желание Германии, изложенное Гитлером в его книге, двинуться на восток. Если бы он двинулся на восток, мое сердце не разорвалось бы... Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами»⁴¹.

Британский посол в Москве лорд Чилстон считал необходимым предупредить Форин оффис, что, несмотря на всю добрую волю СССР и его стремление к сотрудничеству с Великобританией, ее политика в конце концов может иметь неблагоприятные последствия. Он писал, что политика Советского правительства заключается в том, чтобы коллективными средствами сдерживать Германию; но если оно убедится в том, что все его попытки обеспечивать таким путем свою безопасность бесполезны, оно может изменить свою политику по отношению в Германии и стать на путь нормализации отношений с ней⁴².

Несмотря на то что на пути к укреплению безопасности в Европе в результате такой политики правящих кругов Англии имелись серьезные трудности, Советский Союз со своей стороны продолжал делать все возможное для сплочения всех стран, объективно заинтересованных в сохранении мира.

Советское правительство по-прежнему считало весьма важным участие в деле укрепления мира также Соединенных Штатов Америки. Временный поверенный в делах США в СССР Л. Гендерсон, комментируя 11 января 1936 г. для госдепартамента доклад В. М. Молотова на сессии ЦИК СССР, акцентировал внимание на том месте доклада, где говорилось о необходимости сближения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, что «имеет огромное значение с точки зрения сохранения общего мира»⁴³.

Это заявление и беседа с прибывшим в Москву советским полпредом в Вашингтоне А. А. Трояновским дали основание Л. Гендерсону сообщить в госдепартамент, что Советское правительство рассчитывает на помощь США в создании системы коллективной безопасности⁴⁴. 17 апреля американский посол в Москве У. Буллит докладывал в

⁴¹ *Niedhart G. Grossbritannien und die Sowjetunion, 1934—1939.* München, 1972. S. 238.

⁴² Public Record Office. FO 418/81. P. 92.

⁴³ *Цветков Г. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны.* Киев, 1973. С. 98.

⁴⁴ Там же.

Вашингтон о своей беседе с М. М. Литвиновым, который подчеркнул важность объединения усилий США и СССР «в интересах мира». У. Буллит писал, что, по мнению наркома, если на Западе вспыхнет война, то это будет война Германии против Франции, а Япония одна без Германии на СССР не нападет. Но, беспокоясь не только о своей стране, а о всеобщем мире, Советское правительство предлагало Соединенным Штатам принять участие в коллективном укреплении международной безопасности⁴⁵.

Однако Соединенные Штаты Америки, как и Англия и Франция, не откликнулись на советские инициативы. Американский историк Т. Медакс отмечает, что США недооценивали значение обращений СССР к западным странам о сотрудничестве и ту пользу, которую оно могло принести⁴⁶. Американские послы в Париже, Лондоне и других столицах выступали за сотрудничество с Германией, а не с Советским Союзом⁴⁷. Последовательным противником расширения отношений с СССР был госдепартамент США⁴⁸.

Излагая советскую политику мира, газета «Известия» подчеркивала в передовой статье «необходимость теснейшего сотрудничества всех стремящихся к миру сил Европы и Америки... чтобы вопреки посягательствам военных авантюристов сохранить мир и в Европе, и в Азии. Советский Союз будет с полной решительностью... продолжать свою политику мира и собирания всех сил, желающих сохранения мира»⁴⁹.

Однако западные державы не поддержали советских инициатив. Положение в мире продолжало ухудшаться.

ВВОД ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК В РЕЙНСКУЮ ЗОНУ И ПОЗИЦИЯ СССР

Фашистская Германия вела себя все более нагло и вызывающе, не считаясь ни с какими договорами и нормами международного права. Она решила покончить с положением Локарнского договора 1925 г., согласно которому

---

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Maddux T.* Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933—1941. Tallahassee, 1980. P. 45, 48.

⁴⁷ *Ibid.* P. 51.

⁴⁸ *Ibid.* P. 56, 81, 92.

⁴⁹ Известия. 1936. 28 февр.

Германия обязалась не иметь своих войск на левом берегу Рейна, а также в 50-километровой полосе вдоль правого берега Рейна (эти ограничения были установлены еще Версальским мирным договором в целях укрепления безопасности Франции).

7 марта 1936 г. германские войска оккупировали демилитаризованную Рейнскую зону. Тем самым Германия создала благоприятные возможности для нападения в будущем на Францию. Кроме того, ремилитаризация Германией Рейнской зоны означала, что в случае германской агрессии против союзников Франции в Центральной и Восточной Европе или других стран французским войскам будет гораздо труднее оказать им помощь активными действиями на западном фронте.

Грубое нарушение фашистским рейхом договоров, укрепление его стратегических позиций представляли огромную опасность для мира и безопасности в Европе. Советский Союз, последовательно руководствуясь в своей внешней политике интересами мира, резко осудил агрессивную акцию Германии. Газета «Известия» 14 марта в передовой статье в этой связи подчеркивала, что СССР выступает против нарушения Германией Локарнского договора, против нарушения, могущего увеличить опасность войны.

Ввод германских войск в Рейнскую зону был для Франции прямым вызовом и серьезным испытанием. Однако французские правящие круги не решились оказать противодействие гитлеровской аванюре, хотя имели для этого все возможности. У Германии пока еще не было достаточно крупных вооруженных сил, и она не могла решиться на серьезный конфликт. Поэтому не случайно германские части, вступавшие в Рейнскую зону, получили приказ: в случае каких-либо контрмер со стороны Франции немедленно отойти на исходные позиции.

7 марта 1936 г. министр иностранных дел Франции П. Фланден заявил советскому полпреду В. П. Потемкину, что в связи с вводом германских войск в Рейнскую зону французское правительство требует созыва Совета Лиги наций и рассчитывает, что СССР активно поддержит в нем Францию⁵⁰. Уже 9 марта 1936 г. полпред по указанию Советского правительства дал ответ, что Франция может полностью рассчитывать в Лиге наций на поддерж-

---

⁵⁰ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1606. Л. 77.

ку Советского Союза⁵¹. Французские дипломаты высоко оценили значение этой солидарности⁵².

Бельгия, Чехословакия и некоторые другие союзники Франции среди малых стран Европы также заявили о готовности оказать ей необходимую помощь, так как понимали, что фактически решался вопрос и об их судьбе.

Британское правительство считало необходимым во что бы то ни стало предотвратить принятие Францией каких-либо военных мер против Германии⁵³. В Лондоне думали не о борьбе против агрессивной политики Германии, а о том, как бы скорее достигнуть с «третьим рейхом» полюбовного соглашения. Поискам путей к такому соглашению занялся учрежденный в то время внешнеполитический комитет британского правительства, состоявший из премьера и наиболее влиятельных министров. Было решено поставить вопрос о заключении нового Локарнского договора, но без пункта о демилитаризации Рейнской зоны. Члены комитета проявили большой интерес и к вопросу о возвращении Германии в Лигу наций⁵⁴, из которой она вышла в 1933 г. Обстоятельно изучалась в комитете проблема возвращения Германии ее бывших колоний.

В английской печати появились статьи о необходимости начать переговоры с Германией с целью заключения нового соглашения⁵⁵. 9 марта 1936 г. нарком иностранных дел СССР обращал внимание советского полпреда в Лондоне, что если позиция, занятая английской прессой, отражает курс правительства, то «это означает возвращение к политике премии агрессору, разрыв системы коллективной безопасности и конец Лиги наций», что переговоры с Гитлером на второй день после нарушения Локарнского соглашения будут иметь тяжелые последствия. «Мы решительно осуждаем такую позицию и готовы поддерживать любые действия, коллективно принятые в Женеве против Германии», — подчеркивал нарком. Переговоры англичан с Гитлером, продолжал он, будут означать увеличе-

---

⁵¹ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 129, 131.

⁵² Documents diplomatiques français, 1932—1939. Sér. 2. Т. 1. P. 628. (Далее: DDF).

⁵³ Public Record Office (London). Cab. 24/261. P. 190.

⁵⁴ Ibid. Cab. 27/626. P. 84—89; Cab. 27/622. P. 50—61.

⁵⁵ Поздеева Л. В. Англия и ремилитаризация Германии, 1933—1936. М., 1956. С. 238.

ние этой опасности и поощрение не только Германии, но также Италии и Японии⁵⁶.

Когда в тот же день заместитель министра иностранных дел Англии Ф. Крэнборн информировал советского полпреда о желании британского правительства «восстановить старое Локарно без Рейнской демилитаризованной зоны», полпред заявил, что «единственным достойным ответом Гитлеру явилось бы всемерное укрепление коллективной безопасности, включая и те меры репрессий в отношении Германии, на которые сочла бы возможным пойти Лига наций»⁵⁷.

Одна из причин занятия британскими правящими кругами указанной позиции заключалась в их опасениях, что в случае жесткой позиции в отношении Германии в ней может потерпеть крах фашизм и восторжествовать большевизм⁵⁸.

На сессии Совета Лиги, открывшейся 14 марта в Лондоне, британское правительство сделало все возможное для того, чтобы предотвратить принятие каких-либо мер против Германии. Британские дипломаты утверждали, что нарушение договоров — это еще, мол, не агрессия.

На заседании Совета Лиги 17 марта нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов подтвердил готовность СССР вместе с другими странами — членами Совета выразить возмущение нарушением Германией международных обязательств, осудить ее действия и присоединиться к «наиболее эффективным средствам предотвращения подобных нарушений в дальнейшем». Осуждая гитлеровскую Германию, нарушившую подписанные ею договоры, нарком в то же время подверг критике политику попустительства подобным мерам. Он выступил против коллективной капитуляции перед агрессором, против «коллективного премирования» агрессора путем принятия угодных и выгодных ему решений, против резолюций, которые под предлогом того, что необходимо избежать мнимой опасности войны сегодня, создали бы предпосылки для действительной войны завтра⁵⁹.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. М. Молотов также подтвердил, что «вся помощь, необходимая

---

⁵⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 130.

⁵⁷ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1582. Л. 110.

⁵⁸ Cowling M. The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933—1940. L., 1975. P. 147, 463.

⁵⁹ Правда. 1936. 19 марта.

Франции в связи с возможным нападением... была оказана со стороны Советского Союза»⁶⁰. Решительная позиция СССР в этом вопросе вытекала из его настойчивой борьбы за мир, за коллективную безопасность. В Советском Союзе хорошо понимали, что нельзя бороться за мир, не отстаивая нерушимости международных обязательств. Нельзя было обеспечить коллективную безопасность, не принимая коллективных мер против нарушения существующих договоров.

Британскому правительству все же удалось добиться того, что Совет Лиги наций ограничился лишь констатацией факта нарушения Германией своих договорных обязательств. Никаких санкций против нее принято не было. Такое решение вполне устраивало германских агрессоров, так как их действия остались безнаказанными.

Сообщая в НКВД о взглядах и настроениях в британских правительственных кругах, советское полпредство в Лондоне отмечало, что они сводятся к попыткам ограничить военные обязательства Англии, с тем чтобы эти обязательства относились только к Франции и Бельгии, и, наконец, к поискам соглашения с Германией⁶¹. Рассчитывая на заключение с Германией нового пакта, который снова гарантировал бы так называемую «западную безопасность», британское правительство готово было бросить на произвол агрессоров страны и народы Восточной и Центральной Европы. Это была та политика, которая привела к Мюнхену, а затем к войне.

Вслед за Англией на тот же опасный для дела мира путь стала и Франция. Министр иностранных дел Франции П. Фланден, излагая основные установки внешней политики страны в создавшихся после 7 марта 1936 г. условиях, заявил: «Нам придется добиваться для себя максимально благоприятного соглашения с Германией и бросить остальную Европу на произвол судьбы»⁶². Всего четыре года спустя такая политика привела Францию к поражению и позорной капитуляции.

Курс на соглашение между западными державами и Германией, причем на антисоветской основе, пользовался поддержкой и реакционных кругов США. Так, американский посол в Москве У. Буллит выступал за «вос-

---

⁶⁰ Известия. 1936. 24 марта.

⁶¹ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1583. Л. 37.

⁶² *Namier L. B. Europe in Decay. L., 1950. P. 10—11.*

становление дружественных отношений между Францией и Германией против СССР»⁶³.

Ре милитаризацией Рейнской зоны фашистский рейх создавал условия для осуществления новых агрессивных акций. Гитлеровцы в срочном порядке приступили к строительству военных укреплений вдоль германо-французской границы. Полпред СССР в Германии Я. З. Суриц писал в НКВД, характеризуя создавшееся положение, что «акт 7 марта сильно укрепил прежде всего военно-стратегические позиции Германии, создав для германской армии новый, стратегически исключительно выгодный плацдарм для развертывания военных сил и для угрозы соседям»⁶⁴.

Позиции Франции в Европе оказались серьезно ослабленными. Было подорвано и доверие к ней со стороны ее союзников. И действительно, какие могли быть надежды у союзников Франции на то, что она окажет им помощь, если Франция не попыталась защитить свои собственные, принципиально важные интересы на Рейне.

Во французских правящих кругах в это время окончательно утвердилась концепция, что в случае нападения Германии на союзников Франции французская армия будет придерживаться оборонительной позиции, т. е. отсиживаться за пограничными укреплениями — «линией Мажино». Советско-французский договор о взаимопомощи в немалой степени терял для СССР свое значение как военно-стратегический фактор.

Побуждая французское правительство примириться с совершенными Германией действиями, Англия выразила готовность взять на себя определенные обязательства перед Францией. 1 апреля правительства Англии и Франции обменялись официальными письмами, согласно которым британское правительство заявляло, что если попытки заключить вместо Локарнского договора новое соглашение с участием Германии окажутся безрезультатными, то в случае германского нападения на Францию Англия придет ей на помощь. Было также условлено начать переговоры между английским и французским генеральными штабами⁶⁵. Как показали начавшиеся вскоре англо-французские военные переговоры, серьезных намерений оказывать Франции эффективную воен-

⁶³ Цит. по: *Цветков*. Указ. соч. С. 32.

⁶⁴ АВП СССР. Ф. 010. Оп. 11. Д. 34. Л. 84.

⁶⁵ DDF. Sér. 2. P., 1964. Т. 2. P. 15—16.

ную помощь британское правительство все же не имело. Эти обязательства Англии создавали лишь видимость того, что Франция может опираться на ее поддержку.

Занятие германскими войсками Рейнской зоны означало, таким образом, коренное изменение военно-стратегического положения в Европе. Были серьезно подорваны возможности обеспечения в Европе коллективной безопасности.

Один из ближайших подручных Гитлера — И. фон Риббентроп, назначенный в 1936 г. германским послом в Лондоне, сразу же принялся за обработку британских правящих кругов. Он делал при этом ставку прежде всего на их антисоветизм. Вот как записал У. Черчилль свой разговор с Риббентропом: «Риббентроп был чрезвычайно учтив... Суть его речей сводилась к тому, что Германия хочет дружбы с Англией... Главное в том, чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен lebensraum, то есть жизненное пространство, для ее все увеличивающегося населения. Поэтому она должна проглотить Польшу и Данцигский коридор. Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского рейха, насчитывающего свыше 70 миллионов душ. Что-то меньшее было бы недостаточным. Единственное, чего немцы просят от Британского содружества и империи,— это не вмешиваться»⁶⁶.

Многие члены английского правительства встретили такие высказывания Риббентропа благосклонно, поскольку они соответствовали их надеждам, что фашистские агрессоры обратят свои взоры исключительно на восток.

БОРЬБА СССР ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ЛИГИ НАЦИЙ

Вступив в 1934 г. по приглашению ее членов в Лигу наций, Советский Союз проводил там большую работу по укреплению мира и международной безопасности. Огромные возможности СССР, его готовность эффективно участвовать в коллективных мерах членов Лиги наций в це-

---

⁶⁶ Churchill W. S. The Second World War. L., 1949. Vol. 1. P. 222—223.

лях предотвращения войны существенно повышали дееспособность этой международной организации.

Даже буржуазные историки признают, что Советский Союз был в Лиге наций самым активным сторонником политики коллективной безопасности. Один из руководящих сотрудников секретариата этой организации — англичанин Ф. Уолтерс отмечает, что с момента вступления в Лигу наций и в течение всех последующих лет СССР был ее «убежденным поборником». Позиция СССР по отношению к агрессорам соответствовала уставу организации «гораздо больше, чем позиция любой другой великой державы», а в вопросах безопасности Советский Союз играл в Лиге наций ведущую роль⁶⁷.

Советское правительство добивалось укрепления этой международной организации, повышения ее эффективности в предотвращении войны и сохранении мира. Советский Союз исходил в своих предложениях из того, что общая военная и экономическая мощь, а также людские ресурсы неагрессивных государств значительно превосходили в то время силы любой возможной комбинации агрессивных держав. Достаточно было неагрессивным государствам объединиться, продемонстрировать готовность к совместным действиям в защиту мира, чтобы предотвратить угрозу войны, укрепить безопасность всех стран.

Первым серьезным испытанием для Лиги наций оказалось в то время нападение фашистской Италии на Эфиопию осенью 1935 г. Согласно статье 16 Устава Лиги наций, все ее члены обязаны были, если она примет соответствующее решение, применить к агрессору торговые, финансовые и военные санкции. Англия и Франция, на которые ориентировалось большинство членов организации, не решились, однако, на применение к Италии военных санкций. Даже те экономические и финансовые санкции, которые решила применить Лига наций, были неполными: они не распространялись на экспорт в Италию нефти.

В Лондоне и Париже опасались, что применение нефтяных санкций приведет не только к капитуляции Италии, но и к краху там фашистского режима. На заседании британского правительства 2 декабря 1935 г. выражались опасения, что в результате исчезновения Мус-

---

⁶⁷ Walters F. R. A History of the League of Nations. L., 1952, Vol. 2. P. 585.

солини с политической арены «в Италии могло бы образоваться коммунистическое правительство, произошло бы коренное изменение всей расстановки сил в Европе»⁶⁸.

Англия и Франция стремились не к пресечению итальянской агрессии, а к империалистической сделке с фашистской Италией за счет Эфиопии. Поэтому меры, принимавшиеся Лигой наций против Италии, были недостаточно эффективными. В таких условиях итальянские войска, прибегая к самым зверским методам ведения войны, вплоть до применения ядовитых газов, сумели одержать победу⁶⁹. В связи с присоединением Эфиопии Муссолини в мае 1936 г. торжественно провозгласил Италию империей⁷⁰.

Советское правительство неоднократно ясно и твердо заявляло, что оно, руководствуясь принципом коллективной безопасности, преисполнено решимости выполнять все свои обязательства по уставу Лиги наций с целью обуздания итальянских агрессоров. Оно добросовестно осуществляло все решения Лиги об экономических и финансовых санкциях. Но немало членов Лиги наций попустительствовали агрессорам.

Неспособность Лиги наций обуздать итальянских агрессоров, спасти Эфиопию серьезно подорвала значение этой международной организации. Малые страны Европы, ранее рассчитывавшие на Лигу наций в случае агрессии против них, начинали приходить к выводу о том, что полагаться на нее они не могут. По планам превращения Лиги наций в эффективный орган коллективной безопасности был нанесен серьезный удар.

В то же время агрессивные державы пришли к заключению, что они могут не опасаться каких-либо мер со стороны Лиги наций. Все это наносило непоправимый ущерб делу мира. Президиум Исполкома Коминтерна

---

⁶⁸ Public Record Office. Cab. 23/82. P. 336—338.

⁶⁹ Император Эфиопии Хайле Селассие I был готов стать на путь предательства интересов своего народа. 19 февраля 1936 г. он отправил через английского военного атташе в Эфиопии совершенно секретное послание британскому правительству, в котором заявлял о своей готовности, во-первых, начать переговоры с итальянским правительством и, во-вторых, «связать Эфиопию с Англией или в виде протектората, или в виде мандата» (Public Record Office. Cab. 24/260. P. 314). Последнее предложение оказалось, однако, неприемлемым для Англии, так как включение в тогдашних условиях Эфиопии в состав Британской империи означало автоматическое вступление ее в войну с Италией.

⁷⁰ *Филатов Г. С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 16.

констатировал в своем постановлении по этому вопросу, что пассивность и колебания Лиги наций в отношении итальянской агрессии в Эфиопии поощряли наглость и безнаказанность агрессора⁷¹.

Выступая 1 июля 1936 г. на заседании ассамблеи Лиги наций, М. М. Литвинов отмечал, что в некоторых странах предпринимаются попытки приписать неуспех Лиги наций в пресечении итальянской агрессии против Эфиопии Уставу Лиги, ставится вопрос о ревизии Устава, особенно статей 10 и 16 (о гарантировании территориальной целостности и политической независимости ее членом, а также санкциях против агрессора). Но это может привести к тому, что вместе с независимостью Эфиопии окажется похороненной и сама Лига наций.

Излагая позицию Советского правительства, нарком выступал за укрепление Лиги наций, в том числе за безусловное сохранение в силе статьи 16 Устава. «Ст. 16 снабдила Лигу наций столь мощным орудием,— сказал он,— что в случае полного пуска его в ход всякая агрессия может быть сломлена. Более того, одно убеждение в возможности пуска его в ход может отбить у агрессора охоту привести в исполнение свои преступные замыслы». Неуспех Лиги наций был обусловлен не недостатками ее устава, хотя они и есть, а тем обстоятельством, что членами Лиги наций не был пущен в ход весь грозный механизм статьи 16. Поэтому, сказал нарком, эта статья должна остаться нетронутой и участие в осуществлении экономических санкций должно быть обязательным для всех членом этой международной организации.

В идеальной Лиге наций, продолжал М. М. Литвинов, должны были бы быть обязательными для всех и военные санкции. «Но если мы до таких высот международной солидарности подняться еще не можем, то следует позаботиться, чтобы все континенты, а для начала хотя бы вся Европа, были покрыты сетью региональных пактов, в силу которых отдельные группы государств обязывались бы защищать от агрессора определенные участки». Эти региональные пакты должны дополнять Устав Лиги, а не сводиться к довоенным союзам. Надо поднять Лигу наций, подчеркнул он, на уровень стоящих перед ней великих задач, так как она является международной необходимостью. Лига наций «должна жить, она должна быть сильной, сильнее, чем когда-либо»⁷².

⁷¹ Коммунист. 1969. № 2. С. 4.

⁷² Известия. 1936. 2 июля.

Три дня спустя ассамблея Лиги наций приняла резолюцию, в которой правительства всех стран — членов Лиги призывались представить свои предложения с целью повышения эффективности Лиги наций⁷³. В соответствии с этим решением 22 августа нарком иностранных дел СССР направил генеральному секретарю Лиги наций советские предложения⁷⁴.

Выступая 28 сентября 1936 г. на очередной сессии ассамблеи Лиги наций, М. М. Литвинов уделил основное внимание именно этому вопросу. Разоблачив агрессивные устремления Германии, он высказался за превращение Лиги наций в блок государств, заинтересованных в сохранении мира и объединившихся в целях взаимозащиты и взаимопомощи. Мы требуем, сказал он, «чтобы этот блок действительно организовал взаимопомощь, чтобы он заблаговременно составил план действий, дабы не быть застигнутым врасплох, чтобы происходящей вне этого блока организации войны соответствовали действия по организации отпора». Касаясь советских предложений об укреплении Лиги наций, нарком подчеркнул, что центральное место в них занимает идея региональных и, если необходимо, двусторонних пактов о взаимной помощи. Советский Союз располагает достаточными средствами самозащиты, сказал нарком, но он стремится к обеспечению мира не только на собственных границах, но и на границах других стран, к обеспечению безопасности всех народов, укреплению уверенности всех стран в получении помощи в случае агрессии⁷⁵.

Несколько дней спустя в беседе с главой французского правительства Л. Блюмом М. М. Литвинов выдвинул идею заключения широкого пакта о взаимопомощи с участием СССР, Франции, стран — членов Малой и Балканской Антант (Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция и Турция). Однако Л. Блюм счел постановку такого вопроса несвоевременной⁷⁶.

В переговорах советских дипломатов с представителями румынского и турецкого правительств неоднократно поднимался вопрос о заключении Черноморского пакта. По инициативе румынского министра иностранных дел Н. Титулеску еще в 1935 г. вслед за подписанием совет-

---

⁷³ Там же. 5 июля.

⁷⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 399—401.

⁷⁵ Известия. 1936. 29 сент.

⁷⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 461.

ско-французского и советско-чехословацкого договоров начались переговоры о заключении аналогичного договора о взаимопомощи между СССР и Румынией⁷⁷. 21 июля 1936 г. были согласованы почти все спорные вопросы и парафированы основные положения советско-румынского договора⁷⁸. Однако в связи с ростом влияния фашистской Германии и ослаблением позиций Англии и Франции в европейских делах в Румынии взяли верх силы, которые ориентировались на Берлин. Н. Титулеску был выведен из состава правительства. Вопрос о заключении между СССР и Румынией договора о взаимопомощи был снят с повестки дня.

Одновременно с переговорами о заключении советско-румынского договора летом 1936 г. рассматривался и вопрос о подписании пакта о взаимопомощи между черноморскими странами⁷⁹. Но их постигла та же участь.

Выдвигая свои предложения, направленные к укреплению мира, Советское правительство, разумеется, не забывало, что речь идет о сотрудничестве против агрессии государств двух противоположных социальных систем, что в немалой степени сказывалось на позиции возможных партнеров. Поэтому оно вело терпеливую разъяснительную работу, не считая правильным переусердствовать в продвижении своих предложений. М. М. Литвинов говорил 28 ноября 1936 г. в речи на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, что, проводя политику мира и предлагая другим странам свое сотрудничество, «Советский Союз, однако, не напрашивается ни в какие союзы, ни в какие блоки, ни в какие комбинации. Он спокойно предоставит другим государствам взвесить и оценить ту выгоду, которую можно извлечь в интересах мира из тесного сотрудничества с ним, и понять, что Советский Союз может больше давать, чем получать»⁸⁰.

Одним из актуальных вопросов международной безопасности была проблема прохода через Черноморские проливы. По инициативе Турции, поддержанной Советским Союзом, 22 июня 1936 г. в Монтрё (Швейцария) от-

---

⁷⁷ *Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. М., 1977. С. 170—171

⁷⁸ *Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 455, 565; Orlea I. M. Nicolae Titulescu's Diplomatic Activity. Buch., 1968. P. 105—106.*

⁷⁹ *Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. 20. С. 116, 270.*

⁸⁰ Там же. Т. 19. С. 718.

крылась международная конференция для урегулирования этого вопроса. В ней принимали участие представители СССР, Англии, Франции, Турции, Австралии, Болгарии, Греции, Румынии, Японии и Югославии.

Вопрос о режиме Черноморских проливов имел особое значение для СССР и других черноморских стран, так как он был связан с обеспечением их безопасности и они поддерживали через проливы торговые связи с другими странами. Через проливы осуществлялись также морские коммуникации советских черноморских портов с советскими портами на севере, западе и востоке страны.

Советское правительство, естественно, уделяло на конференции в Монтрё огромное внимание вопросу о проходе через проливы военных кораблей как СССР и других черноморских стран, так и нечерноморских государств. Советский Союз был заинтересован в том, чтобы иметь возможность свободно посылать свои военные корабли из Черного моря в другие военно-морские базы на территории СССР (Кронштадт, Владивосток и др.) и обратно в зависимости от того, где они в тот или иной момент будут более нужны для обороны страны.

В то же время СССР был заинтересован и в том, чтобы военно-морские суда нечерноморских стран, прежде всего империалистических держав, были лишены права заходить в Черное море, так как это могло бы представить опасность для Советского Союза. Во всяком случае Советское правительство считало необходимым установить определенные ограничения их захода в Черное море.

В первый же день работы конференции турецкая делегация внесла на рассмотрение свой проект конвенции о проливах. Он предусматривал право Турции строить в проливах военные укрепления. Согласно этому проекту, в мирное время военные корабли получали право проходить через проливы лишь в ограниченном количестве, а военные корабли нечерноморских стран могли находиться в Черном море только в течение ограниченного срока.

Еще во времена Ленина и Ататюрка между СССР и Турцией были установлены весьма дружественные отношения, а с 1935 г. по турецкой инициативе между ними шли переговоры о заключении договора о взаимопомощи, в особенности в защите проливов. В таких условиях нарком иностранных дел СССР положительно оценил турецкий проект конвенции и заявил о готовности принять его за основу для дискуссии. Вместе с тем советская делега-

ция считала необходимым внести в проект некоторые поправки ⁸¹.

Наиболее существенной была советская поправка о том, что ограничения прохода военных кораблей через проливы должны относиться только к нечерноморским державам. Военные же корабли черноморских государств должны иметь полную свободу прохода через проливы.

Турецкий проект, составленный с учетом интересов черноморских стран, явно не устраивал Англию. 6 июля английская делегация внесла измененный проект конвенции, в основу которого были положены британские империалистические интересы ⁸². В нем предусматривалось, что в мирное время военные суда всех стран имеют право беспрепятственного прохода через проливы. Это означало, что Великобритания хотела иметь неограниченный доступ в Черное море. Располагая самым мощным в мире военно-морским флотом, британский империализм получил бы в таком случае возможность создавать серьезную угрозу для черноморских стран, прежде всего СССР. Кроме того, если бы в случае войны Турция оставалась нейтральной или выступала в союзе с Англией, то британский флот снова имел бы право прохода в Черное море. Такие же права, как Великобритания, получали на основе британского проекта и другие империалистические державы, в том числе Германия и Италия. Этот проект был для СССР совершенно неприемлемым.

Советская делегация внесла к английскому проекту, в частности, дополнение, предусматривающее, что конвенция не может ограничить возможное применение мер, предусмотренных Уставом Лиги наций по отношению к агрессору, ни помешать проходу через проливы военных судов, которые выполняют обязательства взаимной помощи в силу соглашений, дополняющих Устав Лиги наций ⁸³. Это предложение соответствовало установке Советского правительства на укрепление Лиги наций, на повышение ее роли, равно как и роли заключенных ее членами региональных пактов в укреплении мира и обеспечении коллективной безопасности. Но английская делегация выступила против него. Французский

---

⁸¹ Там же.

⁸² DBFP. Ser. 2. L., 1977. Vol. 16. P. 702—708.

⁸³ Правда. 1936. 11 июля.

и румынский представители поддержали советское предложение.

После острой дискуссии представители Великобритании сочли необходимым пойти на некоторые уступки, чтобы не сорвать работу конференции. Советская делегация, искренне желая успешного завершения конференции, со своей стороны пошла по ряду вопросов на существенные уступки.

20 июля состоялось подписание конвенции о режиме Черноморских проливов. Выступая на следующий день на заключительном заседании конференции, М. М. Литвинов отметил большое международное значение конференции, состоявшейся в условиях быстрого нарастания опасности войны. Конференция в Монтрё, сказал он, является «светлым проблеском» в этой мрачной обстановке ⁸⁴.

В подписанной в Монтрё конвенции предусматривалось, что режим проливов устанавливается с целью обеспечения свободы судоходства «в рамках безопасности Турции и безопасности в Черном море прибрежных держав». Торговым судам предоставлялась свобода прохода через проливы как в мирное, так и в военное время. Нечерноморские страны имели право направлять в Черное море только легкие подводные корабли общим тоннажем в момент прохода не более 15 тыс. т. Все нечерноморские страны, вместе взятые, имели право одновременно держать в Черном море военные корабли общим тоннажем не более 30 тыс. т. Черноморские страны имели право проводить через проливы корабли любых размеров, а также подводные лодки, но при соблюдении некоторых установленных в конвенции условий. Если бы в случае войны Турция сохранила нейтралитет, то воспрещался проход через проливы военных кораблей воюющих стран. Если Турция участвовала бы в войне, то проход военных кораблей через проливы передавался на усмотрение турецкого правительства. Турция получила право ремилиитаризации проливов ⁸⁵. Конвенция вступила в силу 9 ноября 1936 г.

С точки зрения интересов СССР и других черноморских стран конвенция была шагом вперед по сравнению

---

⁸⁴ Известия. 1936. 22 июля.

⁸⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1938. Вып. 9. С. 61—78.

с Лозаннской конвенцией о проливах 1922 г. Положительное значение имел и сам факт успешного завершения конференции, свидетельствующий о возможности урегулирования сложных международных вопросов путем переговоров.

Последовательная, упорная борьба СССР за мир и коллективную безопасность содействовала дальнейшему росту международного авторитета Советского государства. В этом отношении весьма характерны высказывания бывшего премьер-министра Англии Д. Ллойд Джорджа в беседе с советским полпредом 1 июля 1936 г. Политика Англии и Франции, сказал Ллойд Джордж, становится все более неясной, колеблющейся, неопределенной. Это, естественно, подрывает доверие к Лондону и Парижу, особенно в средних и малых странах. «Между тем СССР все время ведет ясную, четкую, определенную политику — политику мира». Его международная роль возрастает⁸⁶.

Дискуссия, развернувшаяся в то время в Лиге наций по вопросу о внесении изменений и ее Устав, показала, однако, что Лига наций скользит по наклонной плоскости к полному бессилию и краху. Сказывалась политика попустительства агрессии, проводившаяся западными державами. Касаясь этого вопроса, И. М. Майский писал в НКВД 5 мая 1936 г., что политика британского правительства сводится к реформе Лиги наций («вырывание у Лиги зубов»), т. е. к формальной и фактической отмене статьи 16 Устава Лиги и к поискам соглашения с Германией⁸⁷. Английский историк Дж. Хаслэм также констатирует, что если Советский Союз стремился к укреплению Лиги наций в целях сдерживания Германии, то Лондон придерживался противоположного курса и «добивался сближения с Германией. Советские и британские приоритеты коренным образом противоречили друг другу — не в первый и не в последний раз»⁸⁸.

В беседе с А. Иденом 15 марта 1937 г. И. М. Майский отметил, касаясь этого вопроса, что Советский Союз верен политике коллективной безопасности, Лиге наций и сотрудничеству в деле защиты мира со всеми странами, которые против войны, в первую очередь с Францией и Англией. Одновременно он заметил, что «слабость внешнепо-

---

⁸⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 338.

⁸⁷ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1583. Л. 37.

⁸⁸ Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933—39. L., 1984. P. 77.

литической линии Англии и Франции вызывает в известных кругах советского общественного мнения настроение разочарования в сотрудничестве с западными демократиями»⁸⁹.

Одной из возможных полезных мер в целях создания широкого фронта борьбы против агрессии Советское правительство считало опубликование совместной декларации всех стран Европы, заинтересованных в сохранении мира. Так, в беседе с американским послом в СССР Дж. Дэвисом 26 марта 1937 г. М. М. Литвинов подчеркивал, что агрессоров еще не поздно остановить, но для этого необходимы твердые и решительные меры миролюбивых стран. Важную роль в деле сохранения мира, отметил нарком, могло бы сыграть опубликование твердой декларации неагрессивных стран Европы о том, что они едины в борьбе за мир. Если бы к такой декларации присоединились и Соединенные Штаты Америки, то это содействовало бы сохранению мира не только в Европе, но и на Дальнем Востоке⁹⁰. Нарком неоднократно поднимал вопрос об опубликовании такой декларации также и в переговорах с представителями других стран.

США и другие страны, однако, не поддерживали советского предложения. Вместе с тем следует отметить, что американский посол в Москве Дж. Дэвис высоко оценивал тот вклад, который Советский Союз мог внести и внесил в дело укрепления мира. Докладывая в Вашингтон о роли оборонительного потенциала СССР в развитии событий в Европе, он писал 28 июня 1937 г.: «Могущество и сила России... представляют бесспорную ценность в сдерживании Гитлера... Русская Красная Армия является одним из самых сильных факторов укрепления мира в Европе»⁹¹.

Если СССР добивался укрепления Лиги наций, то агрессивные государства вели активную подрывную работу против нее. Следуя примеру Германии и Японии, в 1937 г. покинула Лигу наций Италия.

В подрыве Лиги наций и в поддержке разобщенности стран Восточной Европы перед лицом агрессии активную помощь гитлеровцам оказывала польская дипломатия во главе с Ю. Беком. В 1936 г. он выдвинул идею

⁸⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 129.

⁹⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1937. Wash., 1954. Vol. 1. P. 265. (Далее: FRUS).

⁹¹ Цит. по: *Цветков Г.* Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. С. 69.

создания пояса «нейтральных» государств от Балтийского до Черного моря (имелись в виду Эстония, Латвия, Польша и Румыния). Заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин констатировал, что эта идея представляет собой не что иное, как «новый вариант старого плана создания антисоветского блока на западной границе СССР»⁹².

Советский полпред в Польше Я. Х. Давтян со своей стороны сообщал в Москву, что польская дипломатия усердно работает против СССР в Лиге наций в Женеве и во всех европейских столицах, не упуская ни одного случая, чтобы мешать нашим дипломатическим акциям по обеспечению коллективной безопасности⁹³.

Все более подрывала безопасность многих стран Европы политика британского правительства. 2 апреля 1937 г. канцлер казначейства (министр финансов) Н. Чемберлен представил внешнеполитическому комитету правительства меморандум «Англо-германские отношения», в котором выступал за переговоры между Англией, Францией и фашистской Германией с целью достижения между ними «широкого соглашения»⁹⁴. В то же время он считал необходимым принять меры к ликвидации советско-французского договора о взаимопомощи⁹⁵.

И если не по форме, то по существу правящим кругам Англии удалось добиться своих целей. Американский историк А. Фэрниа отмечал, что к этому времени «Англия добилась того, что значение франко-советского договора было сведено на нет»⁹⁶.

В мае 1937 г. Н. Чемберлен стал главой английского правительства. Он органически ненавидел все, что вело к прогрессивным изменениям в мире. Коммунизм был для него «врагом № 1». Этому не могут не признать и английские историки, изучавшие политику Н. Чемберлена. Так, Р. Сенкэт констатировал, что «главным лейтмотивом в политике Чемберлена был антикоммунизм»⁹⁷. Политические симпатии Н. Чемберлена были на стороне крайне реакционных сил как в Англии, так и в других странах. Даже в Гитлере и Муссолини, несмотря на их агрес-

---

⁹² Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 283.

⁹³ Там же. Т. 19. С. 497.

⁹⁴ *Colvin I. The Chamberlain Cabinet. L., 1971. P. 38.*

⁹⁵ *Public Record Office. Cab. 27/626. P. 197—198.*

⁹⁶ *Furnia A. The Diplomacy of Appeasement. Wash., 1960. P. 205.*

⁹⁷ *Sencourt R. The Foreign Policy of Neville Chamberlain // The Quarterly Review. 1954. Apr. N 600. P. 153.*

сивную политику, он видел прежде всего своих классовых союзников.

Н. Чемберлен возмнил, что он ниспослан, чтобы осуществить план двойного действия: руками гитлеровцев удушить Советский Союз, а заодно измотать силы Германии как империалистического конкурента Англии. «Невиль уверен, что на него самой судьбой возложена миссия достигнуть соглашения с диктаторами», — отмечал А. Иден в своем дневнике⁹⁸. Советский полпред также сообщал в Москву, что Н. Чемберлен проникся каким-то полумистическим убеждением в своей особой «избранности» для осуществления политики «умиротворения»⁹⁹. Он полагал, что можно договориться с агрессорами, причем на условиях, не затрагивавших коренных интересов Британской империи. Чемберлен думает, метко сказал о нем Черчилль, что «можно ехать верхом на тигре»¹⁰⁰.

События того периода обычно связываются прежде всего с именем Чемберлена. Было бы, однако, неправильно сваливать всю вину за тогдашний внешнеполитический курс Англии на него одного. Это был курс, одобрявшийся английским правительством, правящими кругами страны в целом. Один из единомышленников Чемберлена — Самьюэл Хор в своих воспоминаниях даже не отрицает, что он вместе с ним несет ответственность за этот курс.

Характеризуя политику британского премьера, советский полпред в Лондоне И. М. Майский сообщал в НКВД СССР: «Когда весной 1937 г. Чемберлен стал главой правительства и вплотную подошел к сложным проблемам британской внешней политики, которая сейчас, по существу, сводится к вопросу, „как защитить империю и сохранить мировые позиции Англии“, то перед ним явно наметились два возможных пути. Первый путь — это путь действительного сопротивления агрессору (Германия, Италия, Япония) на базе Лиги наций и коллективной безопасности, что конкретно означает необходимость создания „оси“ Лондон — Париж — Москва. Данный путь единственно надежен и эффективен, но он требует тесного сотрудничества с „большевиками“... Для Чемберлена, с

⁹⁸ The Eden Memoirs. L., 1962. P. 559.

⁹⁹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.: Документы и материалы. М., 1971. С. 209.

¹⁰⁰ Майский И. М. Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 2. С. 432.

его остро развитым „классовым самосознанием“ британского буржуа, данный путь был немислим. Он просто перевернуть не мог перспективы тесного сотрудничества „с Москвой“. Но если премьер-министр отвергал только что указанный путь, то в нынешней чрезвычайно трудной для Великобритании обстановке он неизбежно должен был выбрать второй путь — путь прямой сделки с агрессором, что на практике должно было означать нечто весьма близкое к капитуляции перед агрессором. Чемберлен как раз и пошел этим вторым путем¹⁰¹.

В течение 1937 г. обстановка в мире продолжала резко обостряться. Но британское и французское правительства, придерживаясь курса на установление сотрудничества с Германией и Италией, на заключение соглашения четырех держав, все больше игнорировали Лигу наций. Понятие «коллективная безопасность» фактически исчезло из лексикона их деятелей. Тем самым в Лондоне и Париже все больше утрачивали интерес к сотрудничеству с СССР в деле сохранения и упрочения мира. Британское и французское правительства не поддержали и советские предложения по укреплению Лиги наций, т. е. международной организации, которая могла бы внести определенный вклад в обеспечение коллективной безопасности и тем самым упрочение мира.

ВОПРОС О СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОМ ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Заключение договоров о взаимопомощи обычно сопровождается установлением тесных контактов между генеральными штабами соответствующих стран. Так всегда поступала, в частности, Франция. Как уже отмечалось, обмениваясь с английским правительством 1 апреля 1936 г. нотами, в которых содержались обязательства Англии об оказании помощи Франции в случае нападения на нее Германии, французская дипломатия добилась включения в них пункта о том, что будут немедленно начаты переговоры между генеральными штабами двух стран¹⁰². Однако по вопросу о военном сотрудничестве с СССР Франция заняла такую позицию.

¹⁰¹ Документы по истории мюнхенскогоговора, 1937—1939. М., 1979. С. 41.

¹⁰² DDF. Sér. 2. T. 2. P. 15—16.

Вопрос о советско-французском военном сотрудничестве неоднократно поднимался еще в 1935 г., но правящие круги Франции придерживались по нему более чем сдержанной позиции. Во французском генеральном штабе смотрели на советско-французский договор как на чисто дипломатический документ, не считая необходимым дополнять его военной конвенцией. Как отмечает французский историк М. Мурен, генеральный штаб Франции исходил при этом из следующих соображений: «Если французские вооруженные силы, согласно генеральной линии правительства, будут ориентированы в основном на оборонительные действия за линией Мажино, то военное соглашение с Советским Союзом вряд ли будет иметь большую пользу...»¹⁰³

Объективно Франция должна была проявлять даже большую, чем СССР, заинтересованность в том, чтобы придать договору действительную силу, дополнить его сотрудничеством по военной линии. Ведь Советский Союз не имел общей границы с Германией. Между ними находилась Польша. Поэтому более вероятным можно было считать такой случай вступления в силу советско-французского договора, когда фашистский рейх нападет на Францию (Германия имела с ней общую границу и неоднократно вторгалась на ее территорию и ранее) или на одну из более слабых европейских стран, с которой Франция была связана союзными обязательствами, т. е. на Бельгию, Чехословакию или Польшу. Оказавшись в результате этого в состоянии войны с Германией, Франция, естественно, была бы заинтересована в получении помощи со стороны СССР.

Но если нападение Германии на СССР было невозможно без прохода германских войск через территорию восточноевропейских стран, то оказание Советским Союзом эффективной помощи Франции также было невозможно без прохода советских войск к границам Германии через территорию некоторых стран Восточной Европы. Поэтому вопрос о том, как СССР может оказать помощь Франции, все же то и дело вставал.

Более дальновидные политические деятели Франции хорошо представляли себе то значение, которое могла иметь для Франции помощь со стороны СССР в случае германской агрессии. Но, учитывая, что французская

---

¹⁰³ Mourin M. Les relations franco-sovietiques, 1917—1967. P., 1967. P. 213.

сторона не проявляла стремления начать с СССР военные переговоры, Советское правительство с какими-либо конкретными предложениями в 1936 г. не выступало.

9 января 1937 г. генеральный штаб вооруженных сил Франции наконец официально запросил через советского военного атташе во Франции, какую помощь Советский Союз мог бы оказать Франции в случае нападения на нее Германии ¹⁰⁴.

Отвечая 17 февраля 1937 г. на этот вопрос, полпред и военный атташе СССР в Париже сообщили французскому генеральному штабу, а затем и главе правительства Л. Блюму: «Военная помощь СССР может иметь два варианта.

1. Если Польша, состоящая в союзе с Францией, и Румыния, состоящая в союзе с Францией и Чехословакией, выполнят свой долг и дадут согласие на проход советских войск каждая соответственно через свою территорию на основе решения, принятого ими самостоятельно или в соответствии с решением Совета Лиги наций,— в таком случае СССР имеет возможность предоставить свою помощь и поддержку всеми видами войск.

Это при необходимых условиях должно быть определено специальным соглашением между заинтересованными странами.

2. Если по непопятным причинам Польша и Румыния воспротивятся тому, чтобы СССР предоставил помощь Франции и Чехословакии, и если они не захотят разрешить проход советских войск через их территорию,— в таком случае помощь СССР неизбежно будет ограничена.

СССР сможет направить свои войска морским путем на территорию Франции и военно-воздушные силы в Чехословакию и Францию.

Размеры этой помощи должны быть определены специальным соглашением между заинтересованными государствами.

В этих обоих случаях СССР предоставит помощь военно-морскими силами.

СССР сможет поставить Франции и Чехословакии: бензин, мазут, масла, марганец, продукты питания, вооружение: моторы, танки, самолеты и др.»

Генеральный штаб СССР со своей стороны просил дать ответ на следующие вопросы:

---

¹⁰⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 703.

«1. Какую помощь Франция могла бы предоставить СССР, если бы он подвергся нападению со стороны Германии?»

Каким путем должен быть установлен размер этой помощи?»

2. Какое оружие Франция могла бы поставить СССР?»¹⁰⁵

Ответ на эти встречные вопросы, однако, так и не был получен.

Этот документ имеет большое принципиальное значение, так как показывает, что Советское правительство было преисполнено решимости осуществлять самое тесное сотрудничество с Францией в борьбе против возможной гитлеровской агрессии. В частности, Советский Союз был готов вести с Францией переговоры о выработке конкретных условий оказания взаимной помощи и заключении соответствующих соглашений.

К сожалению, правительство Франции вопреки жизненным интересам своей страны не поддержало советскую инициативу. 26 февраля В. П. Потемкин писал в Москву, что глава французского правительства Л. Блюм не скрывал в беседе с ним, что «Даладьё и некоторые представители генштаба относятся скептически к возможностям франко-советского военного сотрудничества»¹⁰⁶.

В немалой степени такая позиция французского правительства предопределилась и отношением к СССР со стороны Англии. В начале февраля 1937 г. британский правительственный комитет имперской обороны подготовил документ, в котором рассматривался вопрос о растущей опасности развязывания Германией и Италией мировой войны. В документе отмечалось, в частности, что СССР располагает мощными сухопутными силами, а также сильной авиацией. Авторы документа признавали, что Советский Союз является важнейшим фактором, затрудняющим развязывание Германией войны¹⁰⁷. Но английские правящие круги не хотели сотрудничества с СССР против германских и иных агрессоров. Они оказывали давление и на Францию¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 88; DDF. Sér. 2. P., 1968. Т. 4. P. 787—788.

¹⁰⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 704.

¹⁰⁷ Волков Ф. Д. Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 344—345.

¹⁰⁸ Hauser O. England und das Dritte Reich. Bd. 2. 1936 bis 1938. Göttingen, 1982. S. 126.

Французские деятели неоднократно заявляли советским полпредам — сначала В. П. Потемкину, а затем Я. З. Сурицу, сменившему его на этом посту в апреле 1937 г., — что они намерены обсудить советское предложение о военном сотрудничестве на заседании правительства, но фактически положили его в долгий ящик.

Но эти первые контакты по вопросу о советско-французском военном сотрудничестве все же не были бесполезными. В частности, они показали, что как в СССР, так и во Франции отчетливо понимали, что действительно эффективное участие СССР в войне против гитлеровских агрессоров было возможно только в случае положительного решения вопроса о проходе советских войск через территорию стран, расположенных между СССР и Германией, прежде всего Польши.

Это было не менее ясно и британским военным кругам. Об этом свидетельствует меморандум, составленный 12 ноября 1937 г. для правительства начальниками штабов британских военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил. В нем констатировалось, что «вмешательство России на стороне Франции и Англии может быстро стать реальной опасностью для Германии только в том случае, если Польша будет занимать дружественную позицию и проявит желание к сотрудничеству»¹⁰⁹.

Проведенное в 1936—1937 гг. изучение этих вопросов и предварительный обмен мнениями имели немаловажное значение для будущего, когда эти вопросы превратились в проблемы актуальной политики в условиях дальнейшего резкого обострения обстановки в Европе.

* * *

Таким образом, в связи с возникновением в Европе очага военной опасности Советский Союз энергично и последовательно добивался создания системы коллективной безопасности, чтобы обуздать агрессоров, предотвратить развязывание ими новой мировой войны. СССР придавал огромное значение установлению тесного сотрудничества как с Францией и Англией, так и со всеми другими странами, которым угрожали агрессоры. Советское правительство делало все возможное для укрепления Лиги наций, превращения ее в эффективный орган укрепления мира и международной безопасности.

---

¹⁰⁹ *Colvin I. Op. cit. P. 60.*

Глава II

ПОДДЕРЖКА СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРОТИВ ГЕРМАНО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

НАЧАЛО ИНТЕРВЕНЦИИ ФАШИСТСКИХ ДЕРЖАВ В ИСПАНИИ И ПОЗИЦИЯ СССР

18 июля 1936 г. в Испании начался контрреволюционный мятеж против правительства Народного фронта.

Испанская реакция начала готовиться к мятежу сразу же после состоявшихся в феврале 1936 г. выборов, на которых победу одержали партии Народного фронта. Они имели в новом составе парламента 269 мест. Правые партии получили только 157 мест, партии центра — 48. Потерпев поражение на выборах, реакция решила добиваться политической власти насильственным путем, опираясь на помощь германских и итальянских фашистов.

Готовность фашистских держав — Германии и Италии — оказать помощь испанской реакции предопределялась как политическими и стратегическими, так и экономическими причинами. Германские и итальянские фашисты опасались, что победа Народного фронта в Испании может привести к росту сил демократии и прогресса и в других странах Европы.

Германия и Италия связывали с победой реакционных сил в Испании также расчеты на укрепление своего военно-стратегического положения для дальнейшего расширения агрессии. Как считали в министерстве иностранных дел Германии, прежде всего коренным образом изменится положение Франции, поскольку под угрозой окажутся ее пиренейская граница и коммуникации с колониальной империей¹. Муссолини рассчитывал, что, укрепив свои позиции на Пиренейском полуострове, он сделает большой шаг вперед к возрождению Римской империи и пре-

¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1919—1945. Ser. D, Bd. 3, S. 644. (Далее: ADAP).

вращению Средиземного моря в «итальянское озеро». Он уже мечтал о лаврах римских императоров.

Италию и Германию привлекали также природные богатства Испании: уголь, железная руда, ртуть, вольфрам, свинец, которые им нужны были для войны².

Вскоре же после пачала мятежа в Испании туда широким потоком из Германии и Италии потекли военные материалы. Это было связано, в частности, и с тем, как отмечал в своем дневнике статс-секретарь МИД Германии Э. Вайцзеккер, что мятежники, возглавляемые Франко, не в состоянии «одними собственными силами установить господство в Испании»³. Американский посол в Испании К. Бауэрс также констатировал в конце 1936 г., что Франко не в состоянии победить без широкомасштабной военной поддержки со стороны Гитлера и Муссолини⁴.

В Испанию было направлено около 50 тыс. немецких военнопослужающих (летчики, танкисты и др.). Помощь, которую Германия оказала испанским мятежникам, оценивалась по официальным немецким источникам в 500 млн марок (200 млн долл.)⁵. Италия направила в Испанию 1930 орудий, 950 танков и бронетранспортеров, 240 тыс. винтовок. В войне в Испании участвовало около 1000 итальянских самолетов. Против Испанской республики воевало около 150 тыс. итальянских солдат. Как заявил министр иностранных дел Италии Г. Чиано в беседе с Гитлером, расходы, связанные с итальянской интервенцией в Испании, составили 14 млрд лир (700 млн долл.)⁶.

Симпатии английских консерваторов также оказались на стороне испанской реакции. Классовая несправедливость правящих кругов Англии к правительству Народного фронта в Испании была сильнее, чем их опасения по поводу того, что Испания в случае победы мятежников может оказаться в лагере будущих военных противников Англии. В дневнике одного из представителей британских твердолобых,

---

² *Овчинников Р. С.* За кулисами политики невмешательства. М., 1959. С. 22—23.

³ *Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950.* Frankfurt a. M., 1974. S. 102.

⁴ Цит. по: *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1975. С. 148.

⁵ *Война и революция в Испании, 1936—1939.* М., 1968. Т. 1. С. 198, 200.

⁶ Там же, с. 202—204. Впоследствии Муссолини признал в разговоре с Чемберленом, что Италия потеряла в Испании 50 тыс. человек. (Documents on British Foreign Policy. Ser. 3. L., 1949. Vol. 2. P. 636. (Далее: DBFP).

Г. Ченнона, за 27 июля мы читаем в этой связи: «В течение нескольких дней мы надеялись, что правые победят, но сегодня вечером создалось такое впечатление, что красное правительство, к сожалению, выиграет»⁷.

Классовые чувства английских правящих кругов оказались особенно обострены тем, что в результате победы левых сил на выборах весной 1936 г. правительство Народного фронта было образовано вслед за Испанией также и во Франции. «Если зараза коммунизма, — писала английская консервативная газета „Дейли мейл“, — распространяющаяся сейчас в Испании и Франции, перекинется на другие страны, то самыми полезными друзьями для нас оказались бы два правительства — германское и итальянское, уничтожившие эту заразу на своей земле»⁸. Английское правительство считало нежелательным оказывать хотя бы минимальную поддержку законному правительству Испании или как-то затруднять действия испанских мятежников.

Министр иностранных дел Англии А. Иден в беседе с советским полпредом отмечал, что победа Франко мало угрожала бы британским интересам. Франкисты-де не такие уж плохие люди. На замечание И. М. Майского о том, что франкисты, несомненно, превратятся в слепое орудие в руках Гитлера и Муссолини и что поэтому необходимо припрятать меры против германо-итальянской интервенции, А. Иден воскликнул: «Но ведь это значит создать в Испании крайне левое, может быть, даже коммунистическое правительство»⁹. А в Париже английский посол без стеснения похвалялся тем, что Англия сочувствует мятежникам¹⁰.

У. Черчилль также не скрывал в беседе с советским полпредом, что, по его мнению, победа франкистов — это «меньшее зло», чем победа республиканского правительства Испании. И. М. Майский телеграфировал в Москву об этой беседе: «Начал Черчилль с того, что, мол, победа Франко с точки зрения британских интересов выгоднее, чем победа испанского правительства... Я возражал, подчеркивая падение британского престижа в Европе и рост влияния Гитлера и Муссолини, и предрекал, что в случае победы Франко хозяевами положения в Испании и на Сре-

⁷ The Diaries of Sir Henry Channon. L., 1967. P. 73.

⁸ Цит. по: История дипломатии. 2-е изд. М., 1965. Т. 3. С. 632.

⁹ Цит. по: Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией, 1929—1939 гг. М., 1965. С. 287, 295.

¹⁰ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1565. Л. 168—169.

диземном море окажутся фашистские диктаторы. В конце концов я назвал Черчилля „плохим империалистом“, на что он обиделся и воскликнул: „Так что же вы хотите, чтобы я стал поддерживать диктатуру пролетариата в Испании?“»¹¹

Во главе правительства Франции находился в то время правый лидер французских социалистов Л. Блюм, который, по существу, разделял в отношении Испании политику английских тори. 25 июля 1936 г. французское правительство запретило вывоз оружия в Испанию и закрыло франко-испанскую границу. Вместе с английскими «твердолобыми» Л. Блюм стремился к «умиротворению» Германии и к франко-германскому сближению. 12 сентября 1936 г. советский полпред во Франции В. П. Потемкин сообщал в НКВД, что обострение внутренней обстановки в стране, испанские события, решительность Англии и растущая мощь Германии укрепляют во Франции «тенденцию к соглашению с Германией... Параллельно с усилением тенденции к сближению с Германией наблюдается обострение антисоветских настроений»¹². Французские деятели Ж. Боине и Ж. Мандель признали в беседе с В. П. Потемкиным, что правительство Л. Блюма идет на поводу у англичан и стремится к заключению соглашения с Германией¹³.

Прошло всего полгода с момента вступления в силу советско-французского договора о взаимопомощи, а французское правительство уже начало рассматривать вопрос о том, как бы избавиться от него. Министр иностранных дел Франции И. Дельбос говорил в ноябре 1936 г., что «главная цель франко-русского соглашения заключается в том, чтобы не допустить сближения между Германией и Советской Россией, т. е. противодействовать возможному возобновлению рапалльской политики». В настоящее время подписание между Германией и Японией антикоминтерновского пакта «окончательно исключает такую возможность. Поэтому отношение французского правительства к соглашению с Россией может быть изменено». И. Дельбос утверждал, что во Франции большинство

---

¹¹ АВП СССР. Ф. 05. Оп. 16. Д. 24. Л. 54—55. О позиции У. Черчилля см. также: *Трухановский В. Г.* Унистон Черчилль: Политическая биография. М., 1982. С. 265.

¹² АВП СССР. Ф. 05. Оп. 16. Д. 123. Л. 111—112.

¹³ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1608. Л. 138; Ф. 05. Оп. 16. Д. 123. Л. 124.

выступает за установление взаимопонимания с Германией¹⁴.

Политика США отличалась в испанском вопросе от политики Англии и Франции только внешне. Если английское и французское правительства проводили политику «невмешательства», то правительство США придерживалось политики нейтралитета, изоляционизма¹⁵. 7 января 1937 г. законы США о нейтралитете были распространены и на Испанию. Это серьезно затруднило положение республиканского правительства, так как лишило его возможности покупать в США военные материалы. Лучше всего об этом свидетельствует Франко, который заявил: «Законодательство о нейтралитете... быстрота, с которой оно было принято и приведено в действие, — это жест, который мы, националисты, никогда не забудем»¹⁶. Фашистская пресса ликует, утверждая, что «американский нейтралитет означает германо-итальянское господство в Испании», констатировал американский посол в Берлине У. Додд¹⁷. Рузвельт также впоследствии признал, что позиция, занятая США, была «серьезной ошибкой»¹⁸.

К тому же, нарушая законы о нейтралитете, американские монополии поставляли испанским мятежникам (прямо или через третьи страны) бензин, грузовые автомашины и даже авиационные бомбы, причем в кредит. Так, американские фирмы «Студебеккер», «Форд» и «Дженерал моторс» поставили Франко 12 тыс. грузовиков, а фирма «Тексако» (филиал «Стандард ойл») — более 1,8 млн т бензина. «Без американской нефти, без американских грузовиков, без американских кредитов, — признавали франкисты, — мы бы никогда не смогли выиграть войну»¹⁹.

В августе 1936 г. в результате настойчивых усилий Франции и Великобритании между 27 государствами Европы было заключено соглашение о невмешательстве в дела Испании. В соответствии с этим соглашением 9 сентября в Лондоне началась деятельность Комитета по

---

¹⁴ Papers and Memoirs of Józef Lipski. N. Y., 1968. P. 277.

¹⁵ Подробнее см.: Пожарская С. П. Испания и США: Внешняя политика и общество, 1936—1976. М., 1982.

¹⁶ Bendiner R. The Riddle of the State Department. N. Y., 1942. P. 56.

¹⁷ Дневник посла Додда, 1933—1938. М., 1961. С. 470.

¹⁸ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1979. P. 180.

¹⁹ Война и революция в Испании, 1936—1939. М., 1968. Т. 1. С. 228—229.

невмешательству в дела Испании, состоявшего из дипломатических представителей этих государств в Великобритании.

По просьбе Франции Советский Союз также подписал это соглашение и выразил готовность принять участие в работе комитета²⁰. Советское правительство руководствовалось при этом стремлением локализовать гражданскую войну в Испании, с тем чтобы она не переросла в войну мировую.

Разумеется, Советское правительство понимало, что такое соглашение имело мало общего с нормами международного права, по которым законное правительство страны имело полное право закупать за границей оружие для борьбы с мятежниками. Заключением же указанного соглашения испанское правительство лишалось возможности использовать это право. Но существовала некоторая надежда, что такое соглашение может положить конец оказанию Германией и Италией помощи испанским фашистским мятежникам, т. е. их противозаконному вмешательству во внутренние дела Испании. Советский Союз исходил из того, что без иностранного вмешательства испанский народ, большинство которого, как показали выборы, было на стороне законного республиканского правительства, сумеет отстоять свои демократические завоевания, преградить путь реакции и мракобесию. 2 сентября советскому представителю в Лондонском комитете были даны указания руководствоваться в нем «стремлением всячески затруднить доставку оружия испанским мятежникам» и добиваться строгого контроля над действиями Германии, Италии и Португалии²¹.

Участие в Комитете по невмешательству давало Советскому правительству возможность отстаивать в нем интересы Испанской республики, не допускать принятия им каких-либо решений, ущемляющих ее законные интересы, разоблачать германских и итальянских интервентов (решения комитета принимались единогласно, т. е. без согласия СССР ни одно решение не могло быть принято). Советские представители развернули в комитете энергичную борьбу с целью пресечения поставок Германией и Италией военных материалов испанским фашистам. Оно оказывало всяческое противодействие протаскиванию

---

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 393, 395—397, 402—403, 761.

²¹ Там же. С. 418.

англичанами через комитет «компромиссных решений», которые, по существу, означали бы потворствование германским и итальянским нарушителям соглашения о невмешательстве.

Советское правительство лояльно соблюдало соглашение о невмешательстве. Но когда стало очевидным, что Италия и Германия продолжают оказывать испанским мятежникам всевозможную военную помощь, Советский Союз выступил 7 октября 1936 г. с предупреждением о том, что если немедленно не будут прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, то СССР будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из этого соглашения ²².

12 октября временный поверенный в делах СССР в Великобритании С. Б. Каган отмечал в письме председателю Комитета по невмешательству заместителю министра иностранных дел Англии лорду Плимуту, что поставки военных материалов испанским мятежникам осуществляются главным образом через Португалию и португальские порты. Поэтому Советское правительство требует от комитета, писал он, установления контроля над португальскими портами. В письме предлагалось возложить осуществление этого контроля на английский и французский флоты ²³. Однако Плимут отказался созвать заседание комитета для обсуждения поставленного Советским правительством вопроса ²⁴.

Поскольку поставки мятежникам военных материалов из Германии и Италии не только не прекратились, а, напротив, продолжали расширяться, Советское правительство выступило 23 октября с новым заявлением. Оно указывало, что соглашение о невмешательстве систематически нарушается рядом его участников, в связи с чем оно превратилось в пустую бумажку и фактически перестало существовать. Не желая стать невольным пособником несправедливого дела, говорилось в заявлении, Советское правительство видит лишь один выход из создавшегося положения: вернуть законному правительству Испании право и возможность закупать оружие. Советское правительство заявляло, что оно «не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в боль-

---

²² Там же. С. 464.

²³ Там же. С. 470—471.

²⁴ Там же. С. 471.

шей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения»²⁵.

Стало очевидным, что работа Комитета по невмешательству не создает действительных гарантий против снабжения военными материалами испанских мятежников. Советское правительство обоснованно считало, что, поскольку Германия и Италия поставляют оружие мятежникам, имеются все основания для того, чтобы не ставить законное правительство Испании в худшее положение и возобновить продажу необходимой ему военной техники, боеприпасов и других материалов²⁶.

1 ноября М. М. Литвинов направил полпреду в Лондоне указания в случае необходимости дать членам Комитета по невмешательству понять, что «мы потеряли всякий интерес к нынешней абсолютно никчемной работе комитета и что остаемся в нем, лишь пока еще есть надежда установить контроль на будущее время»²⁷.

Советские газеты были полны сообщений о митингах солидарности советских людей с героическим испанским народом. 3 августа 1936 г. 120 тыс. человек собрались на Красной площади, чтобы выразить свое отношение к происходящим в Испании событиям. К концу октября советскими людьми было собрано 47,6 млн руб. и на эту сумму в Испанию для женщин и детей были отправлены пароходы с продовольствием, одеждой и медикаментами²⁸.

Глава испанского правительства Х. Хираль выразил через специального корреспондента «Правды» М. Кольцова «чувства огромной благодарности всего правительства и всех поддерживающих его групп за подлинно братское отношение народов Советского Союза, не оставивших испанский народ в тяжелый момент»²⁹.

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Испании Хосе Диас в телеграмме И. В. Сталину также выразил благодарность за братскую помощь и солидарность советского народа. Отвечая на эту телеграмму, 15 октября Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин писал: «Трудящиеся Советского Союза выполняют

---

²⁵ Там же. С. 513—514.

²⁶ Известия. 1936. 30 окт.

²⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 530—531.

²⁸ Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны, 1933—1937. М., 1961. С. 436.

²⁹ Правда. 1936. 20 авг.

лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества»³⁰.

Позиция СССР в отношении Испанской республики была изложена также 21 декабря 1936 г. в письме И. В. Сталина, В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова главе нового испанского правительства Л. Кабальеро: «Мы считали и считаем своим долгом, в пределах имеющихся у нас возможностей, прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил»³¹.

Когда 7 ноября 1936 г. войска мятежников начали наступление на Мадрид, законное испанское правительство уже располагало первыми советскими танками и самолетами. По неполным данным, за период германо-итальянской интервенции Советский Союз доставил в республиканскую Испанию 806 военных самолетов, 362 танка и более 100 броневедомостей, 1555 артиллерийских орудий, 15 113 пулеметов, 500 тыс. винтовок, 4 млн снарядов и мн. др.³²

Лозунг испанских патриотов «No pasaran!» громко раздавался в те дни во многих странах мира. Под этим лозунгом героически сражались за демократию, против фашизма более 42 тыс. добровольцев, прибывших в республиканскую Испанию со всех континентов. Среди них было около 3 тыс. советских добровольцев — военных советников, летчиков, танкистов и др.³³

Развязав мятеж, испанская реакция падевалась на быструю и легкую победу над республиканцами. Однако их расчеты провалились. Против мятежников поднялись народные массы Испании. Их героизм оказался сильнее фашистского оружия. Грудью став на пути интервентов к испанской столице, они сорвали расчеты фашистов быстро покончить с Испанской республикой. Развернулось первое серьезное вооруженное столкновение сил агрессии и фашизма с силами мира и прогресса в Европе. В результате упорных боев 7—8 ноября силы республикан-

³⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 486.

³¹ Война и революция в Испании. Т. 1. С. 419.

³² Проблемы испанской истории. М., 1971. С. 289.

³³ История второй мировой войны. М., 1974. Т. 2. С. 55, 57.

ской Испании остановили наступление войск фашистских мятежников на Мадрид³⁴. Война в Испании приобрела затяжной характер.

Гражданская война и иностранная интервенция в Испании внесли существенные изменения в расстановку сил в Европе. Реакционные круги Англии и Франции, озабоченные успехами прогрессивных сил в ряде стран, особенно образованием правительств Народного фронта в Испании и Франции, все больше стали руководствоваться в своей внешней политике не национальными интересами своих стран и народов, а внутривосточными, идеологическими соображениями. Франция все больше отходила от намечавшегося было сотрудничества с Советским Союзом и вслед за Англией стала придерживаться курса на империалистическую сделку с Германией и Италией, т. е. политики попустительства их агрессивным устремлениям.

В то же время тесное сотрудничество итальянских и германских фашистов в интервенции в Испании ускорило сколачивание блока агрессоров. «Мы должны приступить к активным действиям,— заявил Гитлер в беседе с министром иностранных дел Италии Чиано.— Мы должны переходить в наступление». Главарь фашистского рейха доказывал, что интересы Германии и Италии не сталкиваются: Германия должна иметь свободу действий на востоке Европы и в Прибалтике, а любые изменения в соотношении сил в бассейне Средиземного моря должны происходить в интересах Италии. Он отмечал, что германское правительство успешно ведет переговоры о сотрудничестве также с Японией и Польшей. Тактическое сотрудничество в отношении западных держав, которое позволит Германии и Италии осуществить их цели, подчеркивал германский канцлер,— это антибольшевизм³⁵.

25 октября 1936 г., на следующий день после этой беседы, состоялось подписание германо-итальянского соглашения, положившего начало существованию так называемой «оси Берлин—Рим». Между двумя агрессорами были согласованы меры по оказанию помощи испанским мятежникам. Нацисты признали захват Италией Эфиопии, а итальянцы обещали не вмешиваться в отношения между Германией и Австрией.

---

³⁴ Там же. С. 51.

³⁵ Ciano's Diplomatic Papers. L., 1947, P. 57—59.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В КОМИТЕТЕ ПО НЕВМЕШАТЕЛЬСТВУ В ДЕЛА ИСПАНИИ

Советское правительство оказывало законному республиканскому правительству Испании всю возможную поддержку также в международных органах. Советские представители в Комитете по невмешательству разоблачали германских и итальянских пособников фашистских мятежников, решительно требовали прекращения их вмешательства в испанские дела. Когда в конце октября 1936 г. на рассмотрение комитета был поставлен вопрос об установлении контроля на испанских границах в целях осуществления наблюдения за выполнением соглашения о невмешательстве, Советское правительство энергично поддержало это предложение.

В конце 1936 г. в связи с тем, что в Испанию начали прибывать под видом добровольцев германские и итальянские воинские части, Советское правительство начало добиваться распространения соглашения о невмешательстве на отpravку в Испанию иностранных войск. 3 декабря М. М. Литвинов дал полпреду в Лондоне указания послать председателю Комитета по невмешательству И. Плимуту письмо с предложением о распространении соглашения о невмешательстве также на посылку в Испанию добровольцев. «Правительства должны обязаться всеми мерами препятствовать отправке и транзиту добровольцев в Испанию, а контроль за этим должен быть поручен тем же агентам, которые намечены для контроля над ввозом оружия», — говорилось в этих указаниях³⁶. На следующий же день И. М. Майский передал председателю Комитета по невмешательству соответствующее письмо³⁷.

После длительных дискуссий Комитет по невмешательству принял наконец два важных решения: о запрещении посылки в Испанию каких бы то ни было добровольцев начиная с 21 февраля 1937 г. и о введении в действие плана контроля на суше и на море в ночь с 6 на 7 марта. Фактически же контроль начал действовать в ограниченном масштабе 19 апреля и в полном объеме — 5 мая.

Введение в силу контроля, однако, вовсе не означало, что германо-итальянское вмешательство в испанские дела

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 628.

³⁷ Там же. С. 630.

прекратилось. Выпущенные в какой-то степени маскировать свои действия, фашистские державы продолжали свое черное дело. Советская дипломатия и дальше вела в Комитете по невмешательству большую работу по защите интересов Испанской республики и разоблачению фашистских агрессоров³⁸.

В начале марта 1937 г. итальянский экспедиционный корпус начал наступление на Мадрид с севера, из района Гвадалахары. И. М. Майский заявил во время беседы с А. Иденом 15 марта, что размах этой интервенции, участие в боях против испанского правительства частей регулярной итальянской армии превращают интервенцию «в прямое военное нашествие Италии на чужую страну»³⁹.

Вскоре итальянский экспедиционный корпус был, однако, разгромлен республиканскими войсками. Это была крупная победа. Германия и Италия сочли необходимым усилить помощь испанским мятежникам, а для этого сорвать контрольную систему. Утверждая, что самолеты испанских республиканцев совершили палет на германский бронепоезд «Дойчланд» (он находился в испанских территориальных водах, в районе, контролируемом мятежниками), германские представители заявили 31 мая об отказе принимать участие в работе Комитета по невмешательству и в осуществлении контроля⁴⁰. Их примеру последовали итальянцы⁴¹.

Между тем весной 1937 г. с особой остротой встал вопрос о том, что в Испанию прибывало все больше и больше итальянских и германских войск. В беседе с А. Иденом 30 апреля И. М. Майский потребовал, чтобы Комитет по невмешательству занялся этим вопросом более основательно⁴².

Развитие событий шло вразрез с расчетом английской реакции, которая добивалась соглашения с Гитлером и Муссолини. Британское правительство приложило все силы, чтобы фашистские державы вернулись в комитет.

---

³⁸ Подробнее см.: *Майский И. М.* Испанские тетради. М., 1962.

³⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 128.

⁴⁰ Stenographic Notes of the Meetings of the International Committee for the Application of the Agreement regarding Non-Intervention in Spain. Vol. 1. P. 394. (Далее: Stenographic Notes of... the International Committee).

⁴¹ В дальнейшем морской контроль вдоль побережья Испании осуществлялся только английскими и французскими кораблями, а с 16 сентября 1937 г. прекратился вообще.

⁴² Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 214.

С помощью ряда уступок они уговорили правительства Германии и Италии продолжить участие в его работе.

Когда 18 июня германские и итальянские представители снова начали принимать участие в работе комитета, в центре внимания оказался вопрос об эвакуации из Испании иностранных комбатантов (участников войны). 21 июня британское правительство выступило с предложением, чтобы обе стороны в качестве свидетельства своей готовности эвакуировать иностранных комбатантов согласились для начала на эвакуацию из Испании небольшого, но одинакового для обеих сторон количества иностранцев⁴³.

Фашисты, не имея ни малейшего намерения выводить из Испании свои войска⁴⁴ да и не собираясь помогать англичанам выйти из затруднительного положения, выдвинули свои оговорки и условия. 2 июля они потребовали признания за испанскими мятежниками «прав воюющей стороны»⁴⁵, что дало бы им право устанавливать блокаду противника, перехватывать в открытом море суда любых стран, идущие с грузами для республиканского правительства, и конфисковывать эти грузы. Смысл этого предложения сводился, во-первых, к фактическому признанию мятежников, восставших при поддержке фашистских держав против законного правительства Испании, и, во-вторых, к установлению франкистами (с помощью немцев и итальянцев) морской блокады Испанской республики.

Английское правительство ради соглашения с фашистскими диктаторами было готово на новые уступки. 14 июля И. Плимут внес «компромиссное» предложение о том, что за Франко признаются права воюющей стороны при условии, что из Испании будут эвакуированы все иностранные комбатанты. Признание за Франко прав воюющей стороны должно было вступить в силу после того, как комитет убедится, что в эвакуации иностранных комбатантов достигнут «существенный прогресс»⁴⁶.

---

⁴³ Stenographic Notes of... the International Committee. Vol. 2. P. 435—436.

⁴⁴ Итальянский представитель в комитете Д. Гранди заявил, что «ни один итальянский доброволец не покинет Испании, пока Франко не одержит победы» (*Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Кн. 2. С. 371).

⁴⁵ Известия. 1937. 4 июля.

⁴⁶ Stenographic Notes of... the International Committee. Vol. 2. P. 631—633.

Советское правительство сразу же заняло по этому вопросу отрицательную позицию⁴⁷. Обсуждение этого вопроса затянулось на целый год.

Между тем Германия и Италия увеличивали отправку в Испанию своих войск и военных материалов. Эти действия фашистских держав настолько возмутили общественное мнение во Франции и многих других странах, что французское правительство открыло в середине июля 1937 г. франко-испанскую границу. Это облегчало получение республиканской Испанией военных и других материалов, закупаемых ею за границей.

Пользуясь политикой «невмешательства», проводившейся Англией и Францией, фашистские державы действовали все более нагло, в том числе в Испании. Они решили блокировать республиканскую Испанию с моря. Фашистские подводные лодки стали по-пиратски нападать на корабли, направлявшиеся в ее порты. Нападению «неизвестных» подводных лодок подвергались торговые суда СССР, Англии, Франции, Греции, Скандинавских и других государств. Ни для кого не было, однако, секретом, что эти «неизвестные» подводные лодки были итальянскими. Теперь это подтверждено уже документами. Так, еще 16 декабря 1936 г. Муссолини заявил в беседе с германским послом У. Хасселем, что в операциях участвуют семь итальянских подводных лодок⁴⁸.

30 августа 1937 г. в Средиземном море был потоплен советский пароход «Тимириязев» и 1 сентября — «Благоев». Советское правительство заявило в связи с этим правительству Италии решительный протест.

Все более наглые действия фашистских пиратов на важнейших имперских коммуникациях Англии и Франции не могли не вызвать недовольства также среди правящих кругов этих держав. После того как «неизвестная» подводная лодка торпедировала английский эсминец «Хэвок» (31 августа), Великобритания — бывшая владычица морей — сочла невозможным терпеть более подобное унижение. В начале сентября французское правительство предложило созвать конференцию по борьбе с пиратством на Средиземном море. Британское правительство поддержало эту инициативу.

Между Англией и Францией возникли, однако, разногласия по вопросу о составе участников конференции.

⁴⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 350, 351, 364, 382.

⁴⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 3. S. 145.

В Париже считали, что в конференции должны участвовать заинтересованные средиземноморские и черноморские страны — Югославия, Греция, Турция, СССР, Болгария и Румыния.

Британское правительство, надеясь договориться с итальянцами, чтобы заложить основу для заключения «пакта четырех», стало добиваться участия в конференции Италии и исключения из состава ее участников Советского Союза. Министр иностранных дел Англии А. Иден оказывал усиленное давление по этому вопросу на своего французского коллегу И. Делбоса⁴⁹. Французское правительство по ряду причин, однако, сочло невозможным и невыгодным для себя отсутствие СССР на конференции. В конце концов вынужденное согласиться на участие в конференции Советского Союза, английское правительство настаивало на том, чтобы на конференцию была приглашена не только Италия, но и Германия. Поскольку фашистские правительства Италии и Германии не желали участвовать в конференции, она состоялась без них, что только облегчило осуществление стоявшей перед конференцией задачи.

10—14 сентября 1937 г. в Нионе (Швейцария) состоялась международная конференция девяти стран (Англия, Франция, СССР, Турция, Греция, Югославия, Румыния, Болгария, Египет), призванная выработать конкретное и эффективное соглашение по борьбе с пиратством на Средиземном море. Выступая на конференции, М. М. Литвинов заявил, что Советский Союз заинтересован в сохранении международного порядка и мира и в борьбе против всех видов агрессии и международного произвола. Нарком подчеркнул, что речь идет о борьбе против «государственного пиратства» со стороны известного всем государства⁵⁰.

Британские и французские представители внесли предложение о том, чтобы Средиземное море было разделено на зоны, охрана которых поручалась бы отдельным государствам, в том числе и Советскому Союзу (предусматривалось, что СССР вместе с Турцией будет охранять северную часть Эгейского моря).

М. М. Литвинов внес в это предложение ряд существенных изменений, большинство которых было принято участниками конференции. По советскому предложению

⁴⁹ The Eden Memoirs. P. 461—462.

⁵⁰ Известия. 1937. 12 сент.

охрана всего Средиземного моря была возложена на военно-морские силы Англии и Франции. Была усилена формулировка пункта, предусматривающего потопление подводных лодок, нападающих на торговые суда. Недостаток текста соглашения, однако, заключался в том, что охрана не распространялась на суда Испанской республики⁵¹. Сообщая в Москву о подготовленном на конференции тексте соглашения, нарком высказывался за участие СССР в ее подписании. Он отмечал следующие положительные стороны конференции и соглашения: «1) Проведение конференции без участия Италии и Германии, которые добивались нашего отстранения, 2) оспаривание господства Италии в Средиземном море Англией и Францией, 3) признание наших интересов в Средиземном море, 4) некоторое уменьшение опасности от подводных лодок»⁵².

14 сентября состоялось подписание соглашения о коллективных мерах против пиратских нападений подводных лодок в Средиземном море. Выступая на заключительном заседании конференции, М. М. Литвинов подчеркнул большое политическое и практическое значение соглашения как частичного осуществления идеи коллективной безопасности, а также идеи региональных соглашений. Вместе с тем нарком подчеркнул, что СССР готов пойти дальше по проложенному конференцией пути. «Юное Советское государство, — заявил он, — полное сил, энергии, бодрости и веры в правильность его международных концепций, всегда готово идти дальше и быстрее по пути защиты мира и действовать решительнее, чем другие государства»⁵³.

Осуществление решений Нионской конференции привело к почти полному прекращению морского пиратства на Средиземном море.

Нионская конференция имела большое значение и в том смысле, что показала возможность и эффективность коллективных мер борьбы против агрессии. Она была убедительным свидетельством того, что при совместных решительных действиях СССР, Англии и Франции фашистские агрессоры вынуждены отступать. Решения ее были существенным достижением, в чем немалая заслуга принадлежала советской дипломатии. Американская га-

---

⁵¹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 750—751.

⁵² Там же. С. 751.

⁵³ Известия. 1937. 15 сент.

зета «Вашингтон стар» опубликовала 12 сентября 1937 г. статью под названием «Победа красной дипломатии», в которой с полным основанием писала: «Приходится признать, что результат антипиратской конференции в Нионе слишком смахивает на победу советской дипломатии. Эту конференцию организовали Англия и Франция, но только благодаря России конференция вынуждена была принять быстрые и конкретные решения»⁵⁴.

К сожалению, этот позитивный опыт коллективных действий против агрессора не был учтен правящими кругами Англии и Франции впоследствии в еще более сложной обстановке. В условиях опасности их важнейшим имперским коммуникациям они посчитали необходимым ошестиниться. Когда же они имели хоть какие-то основания надеяться, что те или иные действия агрессоров являются прелюдией к нападению на Советский Союз, они неизменно стояли на позициях попустительства агрессии.

Обеспечив в Нионе сохранение своего господства на Средиземном море, правительства Англии и Франции снова принялись за осуществление своей заветной внешнеполитической цели — достижения соглашения с агрессорами. Это сказывалось и на положении дел в Комитете по невмешательству. Англичане делали все возможное для того, чтобы, несмотря на германскую и итальянскую интервенцию в Испании, не только не испортить отношений с Гитлером и Муссолини, но и подготовить условия для сотрудничества четырех держав.

16 октября 1937 г. снова начались заседания Комитета по невмешательству. Французский посол в Лондоне Ш. Корбен внес предложения, которые в основном повторяли британские предложения от 14 июля, предусматривавшие признание за Франко прав воюющей стороны после достижения «существенного прогресса» в деле эвакуации из Испании иностранных комбатантов⁵⁵.

Германский и итальянский представители сразу же выступили в поддержку этого предложения. Тот факт, что им не потребовалось указаний от своих правительств, свидетельствовал, что французское предложение было заранее согласовано не только с Англией, но также с Германией и Италией. В Берлине и Риме надеялись воспользоваться французским предложением, чтобы добиться предоставления Франко прав воюющей стороны. В ус-

⁵⁴ Цит. по: Новая и новейшая история. 1963. № 4. С. 174.

⁵⁵ Известия. 1937. 17 окт.

ловиях, когда британское правительство припимало все возможные меры для заключения широкого соглашения четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии, объединение их в Комитете по невмешательству создавало для советских представителей весьма сложную ситуацию.

Согласно указаниям Советского правительства, И. М. Майский выступил на этом же заседании комиссии с речью, в которой охарактеризовал создавшееся положение как совершенно нетерпимое. «Надо считаться с фактами,— подчеркнул он.— Невмешательство попиралось некоторыми державами с самого начала, но в дальнейшем, особенно в последние шесть-семь месяцев, оно превратилось в полнейший фарс... В Испанию тайно посылались не только оружие, боеприпасы и самолеты, но и организованные воинские части, целые дивизии со штабами, генералами, офицерами и т. д. В результате в настоящее время на территории Испании, поддерживая генерала Франко, сражается настоящая оккупационная армия, насчитывающая около 100 тыс. человек и снабженная самыми современными средствами войны. Целью этой армии является в той или иной форме установить иноземный контроль над Испанией». И. М. Майский отметил, что в Италии это не только не отрицается, но даже восхваляется ее громадная роль в военных операциях в Испании. Таким образом, подчеркивал он, «невмешательство потерпело крах»⁵⁶.

Излагая 19 октября позицию Советского правительства в связи с французским предложением, И. М. Майский констатировал, что Комитет по невмешательству не достиг поставленной перед ним цели. В Испании целые сражения с занятием значительной территории и крупных городов проводились почти исключительно иностранными войсками, сражающимися на стороне Франко. В то же время комитет создал действительные ограничения для снабжения законного испанского правительства. Полпред заявил, что Советское правительство не может принять на себя ни малейшей доли ответственности за такую политику и ее продолжение⁵⁷.

В связи с заявлением Советского правительства о том, что оно снимает с себя всякую ответственность за продолжение политики «невмешательства», представители че-

---

⁵⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 545—546.

⁵⁷ Известия. 1937. 21 окт.

тырех держав попытались было отстранить советского представителя от участия в принятии комиссией новых решений. Но И. М. Майский заявил, что он остается полноправным членом комитета с соответствующими правами. И напомнил при этом о существующем в комитете принципе единогласия⁵⁸.

Сообщая в Москву о бурном характере заседания комиссии 26 октября, И. М. Майский писал, что против СССР в комитете образовалась группировка четырех держав⁵⁹. Он отметил, что ряд симптомов заставляют думать, что это соглашение между англо-французами и ита-ло-германцами является чем-то гораздо большим, чем случайные комбинации в рамках комитета.

Полпред с полным основанием отмечал, что англичане вовсе не стремятся к полной эвакуации ита-ло-германских войск, ибо в этом случае победа испанского правительства стала бы несомненной, «а такой победы они не хотят... Отсюда эта пресловутая формула — „существенная эвакуация“, которая даже в случае своей реализации оставила бы у Франко столько ита-ло-германцев, сколько, по мнению англичан, необходимо для предупреждения победы республиканцев... Не является ли в таком случае то, что было продемонстрировано сегодня..., лишь завязью, из которой при известных условиях можно вырасти „пакту четырех“?»⁶⁰.

На следующий день, 27 октября, А. Иден уже не скрывал в беседе с И. М. Майским, что Италия и Германия предлагают заключение соглашения четырех держав о выводе из Испании иностранных добровольцев, к которому могли бы примкнуть все желающие. Таким образом, стоял вопрос о том, чтобы прийти к соглашению в обход СССР и без учета его мнения⁶¹.

В создавшихся условиях советская дипломатия сочла необходимым проявить определенную гибкость и пойти формально (хотя и не по существу) на некоторую уступку, чтобы не оказаться в стороне от развития событий. 28 октября М. М. Литвинов послал полпреду в Лондоне директиву: «Завтра скажите в комитете еще раз, что снимаем с себя всякую ответственность за англо-французские предложения, участвуя в решении лишь тех вопросов,

⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 565, 757.

⁵⁹ Там же. С. 563—564.

⁶⁰ Там же. С. 565—566.

⁶¹ Там же. С. 574.

которые можно считать ведущими к действительному невмешательству. Так как вопрос о признании прав воюющей стороны, как вами заявлялось в самом начале, ничего общего с невмешательством не имеет, то вы по данному вопросу при голосовании воздерживаетесь»⁶².

29 октября, перед очередным заседанием комиссии, И. М. Майский информировал А. Идена о полученных им инструкциях. Британский министр выразил удовлетворение ими, так как открывался выход из трудного положения, в котором оказалась комиссия. Другое дело — представители Германии и Италии. «Само заседание, продолжавшееся пять часов, — сообщал в Москву полпред, — носило совершенно кошмарный характер». Германский посол Риббентроп и особенно итальянский посол Гранди «распоясались как никогда. Они были страшно раздражены тем, что моя новая директива спутала все их карты, и вели себя нагло и глупо». Самым важным результатом новой директивы было то, писал И. М. Майский, что «пакт четырех», сложившийся на прошлом заседании, расстроился и, наоборот, создалась группа трех (СССР, Англия, Франция), которая все время выступала против Германии, Италии и Португалии»⁶³.

4 ноября 1937 г. Комитет по невмешательству принял резолюцию, содержащую следующие условия:

1) принимается в целом британский план от 14 июля 1937 г.;

2) председатель комитета обращается к обеим сторонам в испанском конфликте с предложением оказать содействие эвакуации иностранных комбатантов;

3) председатель комитета доводит до сведения испанского правительства и Франко, что за ними будут признаны права воюющей стороны на условиях, изложенных в британском плане от 14 июля 1937 г.;

4) контроль на франко-испанской границе восстанавливается незадолго (примерно за неделю) до фактического начала эвакуации иностранных комбатантов из Испании, причем одновременно будет введен и эффективный морской контроль»⁶⁴.

Советский полпред, согласно имевшимся у него указаниям, воздержался при голосовании пункта 3, но поддержал резолюцию в целом.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 579—580.

⁶⁴ Stenographic Notes of... the International Committee. Vol. 3. P. 328—329.

Для испанского правительства важное значение имел тот факт, что, согласно этой резолюции, франко-испанская граница пока оставалась открытой. Решение же вопроса о предоставлении Франко прав воюющей стороны было отложено на неопределенное время (когда комитет признает, что в эвакуации иностранных комбатантов имеется «существенный прогресс»). Но в результате тактического маневра советской дипломатии наметившаяся в Комитете по невмешательству тенденция решать вопросы помимо СССР и вопреки ему была сорвана.

В комитете развернулась теперь длительная дискуссия по вопросу о финансировании эвакуации иностранных комбатантов и о расшифровке понятия «существенный прогресс» в их эвакуации. А в начале 1938 г. работа комитета на некоторое время вообще замерла.

Между тем фашистские державы, пользуясь отсутствием контроля на границах Испании, продолжали оказывать огромную помощь Франко. Накопив силы, интервенты и мятежники перешли в начале 1938 г. в новое наступление. 15 апреля им удалось прорваться к Средиземному морю севернее Валенсии, в результате чего территория республиканской Испании оказалась разрезанной на две части. Это серьезно осложнило ее положение.

Удар в спину республике был нанесен британским премьером Н. Чемберленом. Прибыв с визитом в Рим, он подписал с Муссолини 16 апреля 1938 г. договор о дружбе и сотрудничестве. По этому договору британское правительство согласилось после проведения частичной эвакуации из Испании иностранных комбатантов признать за Франко право воюющей стороны. Одновременно Англия признала захват Италией Эфиопии.

Пришедшее к власти в апреле 1938 г. во Франции правительство Э. Даладье круто повернуло руль вправо. В июне 1938 г. была снова закрыта франко-испанская граница. Советский полпред во Франции Я. З. Суриц отмечал 26 июня 1938 г., что новый французский министр иностранных дел Ж. Бонне взял определенную установку на удушение Испанской республики и на установление отношений с Франко⁶⁵.

Свободолюбивый испанский народ при поддержке прогрессивных сил всего мира продолжал героическое сопротивление фашистскому нашествию. Однако положение республики в результате сговора реакционных

---

⁶⁵ АВП СССР. Ф. 05. Оп. 18. Д. 160. Л. 30.

правлящих кругов западных держав с германо-итальянскими фашистами становилось критическим. 27 февраля 1939 г. правительства Англии и Франции признали правительство Франко и порвали дипломатические отношения с Испанской республикой.

В таких условиях Советское правительство сочло невозможным дальнейшее участие в работе Комитета по невмешательству. 1 марта 1939 г. оно приняло решение отозвать своего представителя из комитета ⁶⁶.

* * *

Вскоре фашистским войскам удалось захватить Мадрид и к концу марта установить свое господство над всей страной.

Победа итало-германских интервентов и фашистских мятежников над Испанской республикой существенно изменяла обстановку в Европе. 27 марта 1939 г. Франко присоединился к антикоминтерновскому пакту. Подорвав тылы Франции, Германия и Италия создали благоприятные возможности для активизации своих агрессивных действий в Центральной и Восточной Европе.

---

⁶⁶ Правда. 1939. 4 марта.

Глава III

СССР В БОРЬБЕ ПРОТИВ АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

УСИЛЕНИЕ АГРЕССИВНЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ ЯПОНИИ И ПОЗИЦИЯ СССР

На Дальнем Востоке все более агрессивной становилась политика империалистической Японии, вынашивавшей планы установления своего господства в Азии и бассейне Тихого океана. Эти планы представляли огромную опасность как для СССР, так и для многих других стран и народов. В Советском Союзе понимали, что расширение агрессивных действий Японии неминуемо отзовется и в Европе. Коммунистическая партия и Советское правительство учитывали, что вторжение в СССР японских войск могло бы ускорить нападение на Советский Союз также Германии и ее возможных союзников — Польши, Финляндии и др.

Поэтому Советский Союз, отстаивая, как и в прежние годы, концепцию неделимости мира, выступал за сохранение мира как в Европе, так и на Дальнем Востоке. СССР последовательно защищал мир во всем мире.

Непосредственная опасность нападения Японии на СССР сложилась в начале 1934 г. Но в результате принятых Коммунистической партией и Советским правительством экстренных мер по укреплению обороны советских дальневосточных рубежей японские агрессоры так и не решились тогда напасть на СССР. Немалую роль играла и миролюбивая внешняя политика Советской страны. Осуществленные ею акции по ликвидации источников постоянных конфликтов, в том числе продажа Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), принадлежавшей СССР, но проходившей через захваченную японцами Маньчжурию, содействовали тому, что напряженность в отношениях между двумя странами к концу 1935 г. временно несколько ослабла.

Но, как отмечал Председатель СНК В. М. Молотов на заседании ЦИК СССР 10 января 1936 г., главный вопрос

Советско-японских отношений по-прежнему оставался нерешенным. Он напомнил, что еще с 1931 г. Советский Союз выступает с предложением о заключении советско-японского договора о ненападении. Но Япония, сказал он, «до сих пор уклоняется. Такое поведение нельзя не считать подозрительным... Ясно одно, что игра с огнем вдоль наших дальневосточных границ не прекращается»¹.

26 февраля 1936 г. группа «молодых офицеров» предприняла в Токио попытку совершить путч с целью установления в стране военно-фашистского режима. Путч провалился, но он послужил толчком к дальнейшему усилению милитаризации и фашизации Японии.

Лихорадочно наращивая военную мощь страны², правящие круги Японии усиливали подготовку к нападению на СССР. Вместе с тем они планировали также расширение военных действий в Китае, агрессию в районе южных морей.

Информируя Берлин о намерениях Японии, германский посол в Токио фон Дирксен докладывал 28 декабря 1935 г., что она настроена враждебно в отношении СССР и преисполнена решимости разрешить свои противоречия с ним «силой оружия, как только она почувствует себя достаточно сильной в военном отношении»³. Японский военно-морской атташе в Москве капитан Накаси доверительно информировал германского военного атташе Э. Кёстринга, что японская армия выступает «за войну с Советским Союзом и оказывает свое влияние в этом плане»⁴.

В начале 1936 г. в Японии вышла книга генерала Ито «Современная армия», в которой он открыто излагал агрессивные планы японского милитаризма. В настоящее время, писал он, Японское море по названию японское. Но до тех пор пока примерно половина его находится в руках России, пока северной половиной Сахалина владеет Россия, Япония не может называться гегемоном Дальнего Востока и говорить о мире на Дальнем Востоке преждевременно. Напротив, стоит вопрос о войне. «Если в этой войне удалось бы подчинить власти Японии все пространство к востоку от Байкала, Япония сможет

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 699—700.

² Подробнее см.: *Савин А. С.* Японский милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979.

³ ADAP. Ser. C. Göttingen. 1975. Bd. 4. S. 934.

⁴ Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). Film 10573, письмо Э. Кёстринга от 29 февр. 1936 г.

прочно утвердиться на повой дальневосточной земле и все далее распространять высокую идею принципов императорского пути: на юг — в Китай, на восток — в Америку, на запад — в Россию. Разве не в этом истинный смысл русско-японской войны?»⁵

7 августа 1936 г. японское правительство утвердило план установления господства Японии в Восточной Азии — «Основные припципы национальной политики». Прежде всего японские милитаристы намеревались установить свое господство над Китаем. Япония намечала значительно увеличить свои военные приготовления в Маньчжоу-Го и Корею, чтобы «нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам Советского Союза». Осуществление всех этих агрессивных планов характеризовалось в документе как претворение в жизнь пресловутого «императорского пути»⁶.

Советская печать постоянно разоблачала эти агрессивные планы Японии. В статье «Япония готовит „большую войну“» газета «Правда» 6 августа 1936 г. констатировала, что военные приготовления Японии приняла настолько широкие размеры, что их уже трудно скрыть. Да и сами государственные деятели Японии не находят нужным утаивать свои военные планы, что видно из многочисленных воинственных высказываний японских министров и в особенности руководителей армии и флота. «Японские агрессивные круги,— подчеркивала „Правда“,— с исключительным упорством развертывают подготовку „большой войны“, заостренной прежде всего против Советского Союза», ведут разпузданную шовинистическую, антисоветскую пропаганду. «Правда» предупреждала, что развязываемый Японией военный пожар грозит охватить всю планету, что японский империализм готовит мировую войну. В ее водоворот неизбежно были бы вовлечены все державы, заинтересованные в судьбах Тихоокеанского бассейна. Поэтому крайне наивными кажутся представления некоторых английских и американских кругов о возможности локализации японской агрессии в «северном направлении», против советского Дальнего Востока.

Советское правительство со своей стороны неоднократно принимало меры к тому, чтобы содействовать нормализации советско-японских отношений. Парком обо-

---

⁵ Цит. по: Правда. 1936. 1 авг.

⁶ История войны на Тихом океане. М., 1957. Т. 2. С. 340—342.

роны К. Е. Ворошилов заявил 26 апреля 1936 г., что между СССР и Японией нет таких спорных вопросов, которые не могли бы быть разрешены мирным путем⁷. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов констатировал, что Советскому Союзу от Японии «ничего не нужно, кроме мира и развития торговли на условиях, выгодных для обеих сторон»⁸. Более того, СССР мог кое-что предложить Японии, что имело для нее немалый интерес. Это предоставление японским рыбакам права на рыбную ловлю в советских территориальных водах, концессий на добычу угля и нефти на Северном Сахалине и др.

Состояние советско-японских отношений и позиция Советского правительства были обстоятельно проанализированы в письме заместителя наркома иностранных дел Б. С. Стомопякова полпреду в Японии К. К. Юреневу от 26 июня 1936 г. В нем констатировалось, что в результате усиливающегося влияния японской военщины в стране, в частности на внешнюю политику, «враждебность к нам в Японии за последние месяцы сильно углубилась и, по-видимому, продолжает и дальше углубляться». Работа военно-экстремистских кругов по материальной и психологической подготовке войны с СССР «чрезвычайно усилилась».

Что касается того курса, которого в таких условиях считало необходимым придерживаться Советское правительство, то Б. С. Стомопяков отмечал, что необходимо проводить «разъяснительную контркампанию» с целью нейтрализации антисоветской кампании военно-экстремистских элементов. Необходимо будет, как и раньше, наносить удары по вылазкам японской военщины на советских границах, если она и дальше будет пытаться этими «прямыми действиями» подкреплять свою политику подготовки войны против СССР. «Эти удары показывают наглядно японской общественности, насколько рискованна и опасна политика, рекомендуемая ее военщиной». Но главное — необходимо оказывать влияние на японскую общественность «прежде всего положительными актами, убеждающими японский народ в нашем желании улучшить отношения с Японией и тем самым разряжающими создавшуюся напряженную атмосферу вокруг наших отношений»⁹.

⁷ Правда, 1936. 26 апр.

⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 638.

⁹ Там же. С. 319—320.

Некоторые возможности для этого были. Не все выступали в Японии за войну против СССР. Часть военных, особенно весьма влиятельное командование военно-морскими силами, считали более правильным осуществлять агрессию не в северном, а прежде всего в южном направлении, где можно было рассчитывать на более легкие победы. Другие исходили из того, что невозможно нападение на СССР, пока продолжается японо-китайский конфликт. Учитывалась также укрепившаяся обороноспособность СССР на Дальнем Востоке. Поэтому в Японии считалось, что, прежде чем нападать на СССР, необходимо принять дополнительные меры по наращиванию собственной военной мощи. Определенные позиции в то время в Японии имели еще и круги, выступавшие против опасного курса на войну, которого придерживались японские милитаристы.

В этой связи огромное принципиальное значение имело неоднократно повторявшееся советское предложение о заключении с Японией договора о ненападении. Даже в некоторых японских газетах («Асахи», «Ници-Пици», «Мияко» и др.) появились статьи с призывами о заключении с СССР договора о ненападении. Однако японское правительство, в том числе министр иностранных дел Х. Арита, по-прежнему занимало по этому вопросу отрицательную позицию¹⁰. 11 мая 1936 г. против заключения пакта выступил военный министр Японии Тераути¹¹. Через день на его воинственную речь сочла необходимым откликнуться в передовой статье даже лондонская «Таймс». Эта речь, отмечала газета, свидетельствует о том, что перспективы на Дальнем Востоке мрачные. «Если пакт о ненападении плох, — писала она, — то что же хорошо?»¹² В беседе с представителями японских газет против заключения с СССР договора о ненападении 27 августа высказался также М. Сигемицу, назначенный японским послом в Москве¹³. Это было наглядным свидетельством того, что правящие круги Японии по-прежнему

---

¹⁰ Правда, 1936. 17, 26 авг.; Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 639.

¹¹ Правда, 1936. 15 мая.

¹² Times. 1936. May 13. В то же время «Таймс» констатировала, что советские бомбардировщики, расположенные во Владивостоке, Хабаровске и других местах, будут оказывать сдерживающее влияние на политику Японии. См.: Там же.

¹³ Правда, 1936. 2 сент.

думали не о мире с СССР, а о захвате советского Дальнего Востока.

Курс Советского правительства на нормализацию отношений с Японией встречал упорное противодействие не только влиятельной части японских правящих кругов, но и правительств ряда других стран. Осуществляя усиленную подготовку к войне с СССР, фашистская Германия использовала все имевшиеся в ее распоряжении средства для того, чтобы не только не допустить ослабления напряженности в советско-японских отношениях, но, напротив, еще больше осложнить их. Еще со времени вторжения японских войск в Маньчжурию в 1931 г. в Англии, Франции и США лелеяли надежду на вооруженный конфликт также между Японией и СССР, рассчитывая, что это ослабит угрозу их владениям в Азии и бассейне Тихого океана. Поэтому как Германия, так и Великобритания, Франция и США поддерживали политику тех кругов в Японии, которые были за войну с СССР.

Враждебная позиция японских правящих кругов к СССР, все усиливавшиеся антисоветские акции военных и других властей Японии по отношению к Советскому Союзу постепенно снова приводили к ухудшению отношений между двумя странами.

Японские военные отряды и самолеты систематически нарушали советскую границу, в связи с чем Советское правительство неоднократно заявляло протесты правительству Японии¹⁴. Японские военные корабли и рыболовецкие суда вторгались в советские территориальные воды¹⁵. Японские власти, грубо нарушая все международные нормы, месяцами задерживали советские суда, из-за шторма или по иным причинам искавшие убежище в японских гаванях¹⁶.

Совершенно невозможные условия были созданы для сотрудников полпредства и торгпредства СССР в Японии. Японские агенты, не отходя ни на шаг, сопровождали советского полпреда и сотрудников полпредства, когда они отправлялись в город. Постоянно огромное количество

---

¹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 15, 23, 32, 50—51, 244—247, 743—744, 342—350, 367—368 и др.; Правда, 1936. 10, 15 февр., 27 июля.

¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 303, 307—308 и др.

¹⁶ Там же. С. 206—207, 283, 415—416, 680.

полицейских дежурило у полпредства, ночью располагаясь там даже на принесенных с собой кроватях¹⁷.

По мере того как становилось очевидным, что иных путей не остается, советская сторона вынуждена была по некоторым вопросам занять в отношении Японии такую же позицию, какую японское правительство занимало по отношению к СССР. Это касалось, в частности, режима для японского посольства в Москве, отношения к японским судам, оказавшимся по той или иной причине в территориальных водах СССР, и т. д.¹⁸ Это несколько сдерживало японские власти.

Готовясь к войне, Япония искала себе союзников. В Токио понимали, что одна Япония одержать победу в войне против Советского Союза не в состоянии. Японские агрессоры нуждались в союзниках также против Великобритании, Франции и США, так как ставили своей целью захват их владений в Азии и бассейне Тихого океана.

Вынашивая далеко идущие агрессивные планы, искала союзников и гитлеровская Германия. Она рассчитывала заключением союза с Японией поставить СССР в случае войны в сложное положение, заставив воевать на два фронта. Германия нуждалась в союзе с Японией также для борьбы против Англии и Франции. Однако Германия и Япония не хотели в то время вызывать подписанием союза недовольство Англии, Франции и США. Чтобы усыпить их бдительность, Берлин предложил назвать подготавливаемый договор «антикоминтерновским пактом»¹⁹.

Еще в июне 1935 г. германское правительство в сверхсекретном порядке обратилось к японцам с предложением о заключении военного союза²⁰. Гитлер заявил японскому послу, что Россия должна быть расчленена²¹. Переговоры затянулись, но это не меняло дела. Советский полпред в Германии Я. З. Суриц констатировал, что Германия и Япония «с договором или без договора... бу-

---

¹⁷ Там же. С. 179—181, 323, 682, 733—734, 751.

¹⁸ Там же. С. 323, 386—387, 646, 784.

¹⁹ *Sommer T.* Deutschland und Japan zwischen den Mächten, 1935—1940: Vom Antikominternpakt zum Dreimächtepakt. Tübingen, 1962.

²⁰ История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 656—657.

²¹ *Michalka W.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik, 1933—1940. München, 1980. S. 135.

дут действовать солидарно в конфликте против СССР. В отношении нас Япония и Германия спаяны кровной связью, общностью интересов и круговой порукой»²².

Первый конкретный проект пакта представила 4 октября 1935 г. японская сторона. Наряду с Германией и Японией предусматривалось участие в пакте Польши²³. В «Правде» 10 февраля 1936 г. отмечалось, что, по сообщениям иностранной печати, предполагается то или иное участие в пакте также Финляндии. «Речь, таким образом, идет, — констатировала газета, — об империалистическом блоке наиболее воинственных капиталистических государств во главе с германским фашизмом и японским империализмом».

Немало внимания японские агрессоры уделяли и фашистской Венгрии. Было решено отправить в Будапешт делегацию в составе нескольких членов японского парламента. По дороге в Венгрию глава этой делегации Макияма дал интервью, в котором потребовал эвакуации советских войск с Дальнего Востока, угрожая, что иначе «война неизбежна»²⁴.

Идею заключения японо-германского союза подпала под японский пропагандистский аппарат. Офицоз японского министерства иностранных дел «Джепэн таймс» доказывал «естественность» японо-германского военного союза. «Фактическая ситуация такова, — писал он, — что Япония и Германия почти автоматически станут союзниками в том случае, когда кто-нибудь из них подвергнется нападению или совершит нападение на Советскую Россию»²⁵.

Следует отметить, в частности, что японская дипломатия демагогически пыталась придать своим действиям по сколачиванию блока «оборонительный» характер. Но германо-японский военный союз заключался именно с целью их совместного нападения на СССР. Когда в середине ноября 1936 г. стали появляться сведения о том, что германо-японские переговоры о военном союзе фактически завершены, лондонская «Таймс» отмечала, что в Германии и Японии неизбежно будут утверждать, что их соглашение носит оборонительный характер. Но пе-

²² АВП СССР. Ф. 010. Оп. 11. Д. 34. Л. 14.

²³ *Martin B.* Die deutsch-japanischen Beziehungen während des Dritten Reiches // Funke M. (Hrsg.). Hitler, Deutschland und die Mächte. Düsseldorf, 1976. S. 461.

²⁴ Правда. 1936. 28 июня.

²⁵ Цит. по: Там же. 6 авг.

трудно отличить оборону от агрессии. «Нет никаких оснований сомневаться в том, что намерения СССР миролюбивы... Ведь не кто иной, как СССР, предлагал заключить пакт о ненападении и не кто иной, как именно Япония, отказался принять это предложение...»²⁶

Советскому правительству своевременно стало известно о подготовке пакта между Германией и Японией. Оно предупреждало японское правительство, что подписание его несомненно нанесет тяжелый удар по советско-японским отношениям²⁷.

25 ноября 1936 г. состоялось подписание антикоминтерновского пакта. В опубликованной части соглашения говорилось о сотрудничестве Германии и Японии в борьбе против Коминтерна. Но это было не главным содержанием договора. Из подписанного одновременно секретного соглашения, являвшегося приложением к антикоминтерновскому пакту, было совершенно очевидно, что пакт был направлен против Советского Союза, хотя для маскировки его статьи внешне носили «оборонительный» характер. В статье I секретного соглашения предусматривалось, что Германия и Япония обязывались в случае неспровоцированного нападения или угрозы неспровоцированного нападения на одну из них со стороны СССР «не принимать каких-либо мер, которые могли бы облегчить положение СССР» и «немедленно приступить к обсуждению мер для защиты их обоюдных интересов». Германия и Япония приняли на себя также обязательство «без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров, противоречащих духу настоящего соглашения»²⁸.

В тот же день министр иностранных дел Японии Х. Арита заявил на заседании Тайного совета: «Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией»²⁹. Вскоре же военные органы этих стран договорились снабжать друг друга разведывательными данными об СССР³⁰.

Раскрывая смысл антикоминтерновского пакта, японская газета «Ници-Ници» писала, что «цель соглашения заключается в окружении СССР со всех сторон для того,

²⁶ Times. 1936. Nov. 18.

²⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 591, 602; Правда. 1936. 21 нояб.

²⁸ ADAP. Ser. D. Baden-Baden, 1950. Bd. 1. S. 600.

²⁹ Цит. по: История дипломатии. Т. 3. С. 658.

³⁰ Междунар. жизнь. 1971. № 3. С. 152.

чтобы дать возможность Японии и Германии повести сильную политику против коммунистического государства»³¹.

В декабре появилась статья японского журналиста Курода, в которой он восхвалял германо-японское соглашение. Он подчеркивал значение соглашения в связи с тем, что война с СССР предначертана Японии самой судьбой. Курода указывал, что для осуществления континентальной политики Японии имеется лишь один путь — «сокрушение» СССР. Но, учитывая огромную мощь СССР, Япония в одиночку не в состоянии выполнить эту задачу. Поэтому она должна «войти в соглашение против СССР с такой страной, которая считает СССР также своим смертельным врагом». Именно такой страной является Германия. Если две державы объединят свои армии против СССР, то все его попытки устоять будут тщетными. С нескрываемой ненавистью к Советскому государству Курода писал, что с точки зрения высокой международной политики по отношению к СССР может существовать только одна политика — «политика оттеснения СССР в скованные льдом районы Севера»³².

Главарь гестапо Гиммлер, информируя Гитлера в январе 1937 г. о переговорах с японским военным атташе генералом Х. Осимой, со своей стороны отмечал, что цель разрабатываемых ими мероприятий — «расчленение России, которое должно начаться с Кавказа и Украины»³³.

Япония стремилась к укреплению своих связей также с итальянскими агрессорами. 2 декабря 1936 г. был заключен итало-японский договор³⁴.

Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков отмечал 7 января 1937 г. в письме полпреду в Токио М. М. Славуцкому, что Япония еще больше укрепила свои связи с Германией и Италией и, по имеющимся совершенно достоверным сведениям, японское правительство считает, что эти отношения «фактически уже приняли характер союза»³⁵.

Таким образом, был создан союз трех агрессивных держав, поставивших своей целью перестройку карты

³¹ Цит. по: Правда. 1936. 29 нояб.

³² Цит. по: Там же. 23 дек.

³³ Фокин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе, 1933—1939 гг. М., 1968. С. 212.

³⁴ 6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к антикоминтерновскому пакту.

³⁵ АВП СССР. Ф. 011. Оп. 02. Д. 203. Л. 2.

мира путем войны. Этот союз представлял огромную опасность для первого в мире социалистического государства. Вместе с тем он был направлен также против многих других государств, как больших, так и малых.

Япония уделяла серьезное внимание как потенциальному союзнику также Польше, ибо в Токио прекрасно знали, что польские правящие круги с нетерпением ждали нападения Японии на Советский Союз, чтобы тоже поживиться за его счет. Отвечая на вопрос о том, против кого Япония так усиленно вооружается, японский военный атташе в Варшаве генерал Р. Савада заявил: «Это ни для кого не является тайной. Конечно, против Советского Союза». Он доказывал, что Япония и Польша имеют общие интересы в отношении СССР³⁶.

31 января 1937 г. польская газета «АБЦ» опубликовала статью представителя польских реакционных кругов В. Студницкого, который откровенно писал: «В случае русско-японской войны Польша должна совместно с Германией нанести удар Советскому Союзу», отвоевать «естественные границы» Польши и создать «независимую Украину», отторгнув ее от СССР. Американский посол в Варшаве Д. Биддл также отмечал, что Польша ведет «настоящую борьбу за изоляцию и ослабление Советского Союза» и надеется, что японские акции рано или поздно приведут к «ослаблению Советского Союза» и «подрыву его влияния»³⁷. Польский посол в Японии даже не считал нужным скрывать, что он получил от своего правительства большие деньги для работы по подталкиванию Японии к войне с СССР, «чем воспользовались бы Польша с Германией для наступления на Украину»³⁸.

Не желая в то время осложнения своих отношений с Англией, Францией и США, германское и японское правительства делали вид, что их сотрудничество не направлено против этих держав. Но это, разумеется, не могло полностью ослабить беспокойства в Лондоне, Париже и Вашингтоне. Английская газета «Ньюс кроникл» констатировала, что, хотя германо-японское соглашение направлено на окружение Советского Союза, оно одновременно представляет собой серьезную угрозу для Британской империи. На Дальнем Востоке, считала газета, это соглашение угрожает Англии и США даже больше, чем

---

³⁶ Правда. 1937. 6 февр.

³⁷ FRUS. 1937. Vol. 1. P. 138.

³⁸ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1747. Л. 103.

Советскому Союзу³⁹. Такие же взгляды высказывал У. Черчилль. Он считал, что, как только Германия начнет войну в Европе, Япония развяжет пожар войны на Дальнем Востоке⁴⁰. «Нью Йорк геральд трибюн» со своей стороны отмечала, что японо-германское соглашение является первым звеном в цепи событий, которые вовлекут США в новую мировую войну⁴¹.

Агрессивные планы, которые вынашивали японские и германские империалисты против СССР, все большее сближение двух агрессивных держав самым отрицательным образом отражались на развитии советско-японских отношений. Ввиду агрессивных устремлений японского империализма все усилия Советского правительства по нормализации отношений с Японией оставались безрезультатными.

Более того, в связи с заключением «антикоминтерновского пакта» Советское правительство сочло невозможным подписать с Японией новую рыболовную конвенцию⁴², хотя текст ее был к этому времени согласован. Японское правительство со своей стороны проявляло большую заинтересованность в скорейшем подписании этой конвенции, так как при подготовке ее Советское правительство согласилось, стремясь к улучшению отношений с Японией, предоставить японским рыбакам весьма широкие возможности для ловли рыбы в советских территориальных водах. Касаясь вопроса об этой конвенции, советский полпред в Японии К. К. Юренев отмечал, что «японский империализм принадлежит к числу наиболее хищных, и поэтому уступки ему, особенно на таких участках, как рыболовный, лишь разжигают вожделения враждебных нам групп»⁴³.

Новая обстановка, создавшаяся в советско-японских отношениях в связи с подписанием «антикоминтерновского пакта» и секретного приложения к нему, направленного против СССР, была обстоятельно проанализирована в письме Б. С. Стомонякова полпреду в Японии от 21 января 1937 г. Заключение японо-германского договора, говорилось в нем, является сильнейшим ударом по японо-советским отношениям вообще. Этот договор чрезвычайно затрудняет урегулирование наших отношений с

³⁹ News Chronicle. 1936. Nov. 25.

⁴⁰ Evening Standard. 1936. Nov. 27.

⁴¹ New York Herald Tribune. 1936. Nov. 27.

⁴² Документы внешней политики СССР, Т. 19, С. 647, 667.

⁴³ Там же. С. 749.

Японией с целью обеспечения возможно более длительной передышки перед весьма вероятной войной с ней. Дело не только в том, что Япония приняла на себя официальные обязательства, направленные против СССР, но и в том, что отныне в большей или меньшей степени все правительства Японии вынуждены будут в своей политике в отношении СССР считаться с этим договором...».

В то же время в письме констатировалось, что происшедшие за последнее время события наглядно выявили изменение соотношения сил на Дальнем Востоке в пользу СССР. Отпор, который советские и монгольские войска дают японо-маньчжурским вторжениям, подписание Советским Союзом протокола о взаимопомощи с МНР, отказ СССР подписать рыболовецкую конвенцию вследствие заключения антикоминтерновского пакта — все это показывает укрепление позиций СССР.

Несмотря на более твердую позицию, занятую Советским правительством по отношению к Японии, СССР по-прежнему отнюдь не был заинтересован в ухудшении отношений с Японией. Б. С. Стомонаков отмечал в указанном письме: «Мы и после заключения японо-германского договора не заинтересованы в обострении отношений с Японией... Мы, напротив, должны удвоить свою работу в Японии по мобилизации всех элементов, желающих сохранения мира с нами. Эта работа должна, однако, идти параллельно с проявлением сдержанности в отношении японского правительства»⁴⁴.

В начале марта 1937 г. министром иностранных дел Японии стал бывший японский посол в Париже Н. Сато, не принадлежавший к наиболее агрессивным кругам. Поскольку М. М. Литвинов ранее неоднократно встречался с ним, в середине апреля он направил Н. Сато через советское полпредство устное послание, в котором в дружественных тонах охарактеризовал ему как «старому знакомому» состояние советско-японских отношений. Нарком выражал заинтересованность, чтобы советско-японские отношения были «налажены наиболее удовлетворительным для обеих стран образом в соответствии с интересами мира», подчеркивая, что интересы СССР и Японии отнюдь не антагонистичны. «Мы хотим жить с Японией в мире... — указывал нарком. — Мы хотели бы максимального улучшения отношений с Японией вплоть до длительной дружбы, но если это теперь невозможно, то надо хоть старать-

---

⁴ Там же. Т. 20. С. 54—56.

ся помешать их ухудшению». М. М. Литвинов выражал надежду, что Н. Сато будет оказывать положительное влияние на развитие советско-японских отношений⁴⁵.

Это послание имеет принципиальное значение для осуждения советской внешней политики. Но особой роли в советско-японских отношениях оно не сыграло, тем более что уже в конце мая Н. Сато был смещен с поста министра иностранных дел.

Состояние советско-японских отношений, особенно после подписания «антикоминтерновского пакта» и секретного германо-японского соглашения, направленного против СССР, продолжало ухудшаться. Враждебность империалистических, милитаристских, фашистских правящих кругов Японии к СССР нарастала. То и дело происходили инциденты на советской границе, спровоцированные японской военщиной⁴⁶. Японские власти по-прежнему осуществляли дискриминационные меры в отношении советского полпредства и советских судов, находившихся в японских портах. В Токио думали отнюдь не о мире, а о новых агрессивных акциях против СССР, а также других стран.

ПРОТОКОЛ О ВЗАИМОПОМОЩИ МЕЖДУ СССР И МНР (12 марта 1936 г.)

Японский спрут начал протягивать щупальца и в сторону Монгольской Народной Республики, захват которой мыслился, в частности, как подготовка к нападению на СССР. В начале 1936 г. начальник штаба Квантунской армии генерал С. Итагаки в беседе с министром иностранных дел Х. Аритой говорил о значении для Японии захвата МНР: «Если внешняя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар... Поэтому армия планирует распространение влияния Японии и Маньчжурии на Внешнюю Монголию всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении»⁴⁷.

---

⁴⁵ Там же. С. 713—714.

⁴⁶ Там же. С. 47—50, 87—88, 338, 340, 695.

⁴⁷ Цит. по: *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений, М., 1962, С. 220—224.

В связи с угрозой японской агрессии еще 27 ноября 1934 г. по просьбе правительства МНР Советское правительство заключило с ним джентльменское (устное) соглашение, которое предусматривало «взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказание друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-либо третьей стороны на СССР или МНР»⁴⁸. Это соглашение имело огромное значение для обеспечения независимости МНР и упрочения мира на Дальнем Востоке.

Однако японские империалисты вели себя все более агрессивно. Дело дошло до серьезных вооруженных столкновений на границе МНР с Маньчжоу-Го — марионеткой Японии. Приходилось опасаться, что японские империалисты могут предпринять вооруженное вторжение на территорию МНР.

С 11 декабря 1935 г. по 9 января 1936 г. по приглашению Советского правительства в СССР находилась правительственная делегация МНР во главе с Председателем Совета Министров Гендуном. В ходе переговоров особое внимание было уделено поставленным делегацией вопросам об укреплении обороноспособности МНР, о техническом оснащении и боевой подготовке ее армии, защите границ от японо-маньчжурских захватчиков⁴⁹.

3 января 1936 г. в «Правде» были опубликованы ответы Гендуна на вопросы московского корреспондента «Ассошиэйтед Пресс» Ллойда, касающиеся опасности МНР со стороны Японии и ее заинтересованности в советской помощи. Гендун отметил, что действия японо-маньчжурских войск на границе МНР за последнее время свидетельствуют об агрессивности их намерений. Они нападают на пограничные части МНР, захватывают ее территорию. Я думаю, сказал он, что Япония ставит своей целью «ликвидацию нашей независимости и превращение нас во второе Маньчжоу-Го». Гендун отметил, что МНР находится в тесных дружественных отношениях с Советским Союзом. «Все мы рассчитываем, что СССР нас поддержит в случае, если мы сделаемся жертвой нападения со стороны захватчиков».

В начале февраля в газетах многих стран стали появляться сообщения об отправке крупных частей японо-

---

⁴⁸ Советско-монгольские отношения, 1921—1974: Документы и материалы. М., 1975. Т. 1. С. 548.

⁴⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. 18. С. 666.

маньчжурских войск к границам МНР с целью ее захвата ⁵⁰.

Еще в конце января 1936 г. Советское правительство приняло решение о поддержке МНР поставками вооружения и транспортных средств на сумму 8 млн тугриков ⁵¹.

Советское правительство считало необходимым оказать Монгольской Народной Республике всю необходимую помощь. В феврале 1936 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоляков заявил об этом и японскому послу в Москве ⁵². 1 марта И. В. Сталин изложил позицию СССР в беседе с американским журналистом Р. Говардом. «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость,— сказал он,— нам придется помочь Монгольской Народной Республике... Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 г.»⁵³ Три дня спустя М. М. Литвинов снова предупредил японского посла о решимости СССР прийти на помощь МНР ⁵⁴.

12 марта 1936 г. между СССР и МНР был подписан протокол о взаимопомощи. В преамбуле протокола указывалось, что, руководимые желанием поддержать дело мира на Дальнем Востоке и содействовать дальнейшему укреплению существующих между двумя странами дружественных отношений, правительства СССР и МНР решили оформить в виде протокола существующее между ними с 27 ноября 1934 г. джентльменское соглашение о взаимной помощи. В протоколе предусматривалось, что в случае угрозы нападения на территорию СССР или МНР их правительства обязуются немедленно обсудить совместно создавшееся положение и принять все те меры, которые могли бы понадобиться для ограждения безопасности обеих стран (ст. 1). Главной была статья 2 протокола, которая гласила: «Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь»⁵⁵.

---

⁵⁰ Правда. 1936. 11 февр.

⁵¹ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 666.

⁵² Известия. 1936. 23 февр.

⁵³ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 105—106.

⁵⁴ Известия. 1936. 5 марта.

⁵⁵ Советско-монгольские отношения. Т. 1. С. 339—340.

Касаясь значения этого протокола, Б. С. Стомоняков отмечал в письме советскому полпреду в Японии, что протокол является новым звеном «в той цепи последовательных действий, которыми мы обуздываем японскую агрессию против МНР». Теперь Япония, конечно, уже не сомневается в том, что ее попытка захватить Монголию привела бы к войне с Советским Союзом. Серьезных действий Японии против Монголии «можно ожидать уже только тогда, когда Япония примет окончательное решение о войне с нами»⁵⁶.

Подписание протокола было наглядным проявлением верности СССР пролетарскому интернационализму, огромной помощью Монгольской Народной Республике. Японские агрессоры вынуждены были отказаться от нападения на МНР.

РАЗГРОМ ЯПОНСКИХ АГРЕССОРОВ

У оз. ХАСАН

(июль—август 1938 г.)

Последовательно придерживаясь ленинского миролюбивого внешнеполитического курса, Советский Союз естественно проявлял заинтересованность в том, чтобы предотвратить дальнейшее обострение отношений с Японией, тем более вооруженного конфликта с ней, что могло бы ускорить нападение на СССР также Германии. Оказывая все более широкую помощь жертве японской агрессии — Китаю и занимая твердую позицию в связи с различными враждебными акциями японской военщины по отношению к СССР, Советское правительство в то же время стремилось к ослаблению напряженности в советско-японских отношениях, урегулированию спорных вопросов и различного рода провоцировавшихся японской стороной инцидентов, чтобы устранить поводы, которые могли быть использованы японскими агрессорами для обострения отношений с СССР.

Подводя итоги событиям конца 1937 г., Б. С. Стомоняков констатировал 7 января 1938 г. в письме полпреду в Японии М. М. Славуцкому, что «враждебность Японии к нам под влиянием японской военщины за истекший период продолжала расти. Это находит отражение во всех

---

⁵⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 197.

областях наших отношений с Японией»⁵⁷. Заместитель наркома отмечал, что, стремясь противодействовать усилиям японской военщины, Советское правительство приняло ряд мер к устранению наиболее удобных для нее поводов, которые она могла бы использовать в целях возбуждения против СССР японской общественности. Была продлена на 1938 г. советско-японская рыболовная конвенция, некоторым японцам, нарушившим советские законы, приговоры о заключении заменены высылкой из СССР и т. д. Каких-либо надежд Б. С. Стомоняков, однако, не выражал, отмечая, что «нашему стремлению смягчить отношения с Японией противодействует провокационная позиция, занятая японским правительством по ряду интересующих нас вопросов»⁵⁸.

4 апреля 1938 г. Советское правительство выступило с инициативой урегулирования взаимных претензий по ряду конкретных вопросов советско-японских отношений⁵⁹. Однако японское правительство не приняло этого предложения. Б. С. Стомоняков характеризовал японский ответ на него как «отрицательный по существу и провокационный по форме»⁶⁰. «Мы считались, — писал он полпреду в Японии, — с возможностью отрицательного ответа со стороны японского правительства и все же полагали, что даже и в этом случае наше предложение принесет свою пользу, лишней раз разоблачив провокационную агрессивность японской военщины»⁶¹.

Инструктируя советского полпреда в Японии о том, какой позиции ему следует придерживаться в существовавшей сложной обстановке, Б. С. Стомоняков писал: «С японцами рекомендую говорить не только сдержанно и корректно, но и в определенно твердом тоне, всячески избегая вызывать у них представление о нашей неуверенности, о слабости нашей позиции... К этим выводам мы пришли на основании многолетнего опыта»⁶².

Японское правительство попыталось выдвинуть в качестве предварительного условия принятия советских предложений прекращение оказания Советским Союзом военной помощи Китаю. Советское правительство решительно отвергло такое требование, указав, что продажа

⁵⁷ Там же. М., 1977. Т. 21. С. 27.

⁵⁸ Там же. С. 47.

⁵⁹ Там же. С. 166—168.

⁶⁰ Там же. С. 174.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 176.

Союзом ССР оружия Китаю находится в полном соответствии с нормами международного права ⁶³.

Если Советское правительство стремилось к ослаблению напряженности в отношениях с Японией, то японские правящие круги своими авантюристическими, провокационными действиями продолжали усугублять положение. Японские вооруженные силы систематически нарушали советскую границу. Так, 11 апреля в советское воздушное пространство вторглось более десяти японских военных самолетов ⁶⁴. 8 июня японцы пытались высадить на берегу Амура на советскую территорию вооруженную банду для совершения диверсионных актов в составе 29 человек ⁶⁵. Японские власти неоднократно без всяких на то оснований задерживали советские корабли. 19 февраля ими был захвачен зашедший в японский порт советский грузовой пароход «Кузнецкстрой». Советская печать с полным основанием характеризовала это как «очередную сознательную провокацию» японцев ⁶⁶. 1 марта 1938 г. японские власти приговорили к одному году каторжных работ капитана незаконно задержанной ими советской рыболовной шхуны «Вымпел», отнесенной штормом к берегу Южного Сахалина ⁶⁷. 31 мая японцы наложили арест на советское судно «Рефрижератор № 1», потерпевшее аварию в проливе Лаперуза ⁶⁸.

Советское правительство вынуждено было обращаться к японскому правительству с протестами по поводу этих бесчинств. Решительные дипломатические демарши в связи с ними следовали буквально один за другим ⁶⁹.

В то же время японские правящие круги, готовя население страны к агрессивной войне против СССР, все больше разжигали в Японии антисоветскую истерию. «Позиция Японии в отношении СССР, — писал Б. С. Стомоляков полпреду в Японии 8 апреля, — стала еще более агрессивной и наглой». Японская военщина «планомерно стремится к обострению отношений, не упуская для этого никакого случая и повода. За нею идет выслуживающаяся перед

⁶³ Известия. 1938. 5 апр.; Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 273.

⁶⁴ Правда. 1938. 12 апр.

⁶⁵ Там же. 25 июня.

⁶⁶ Там же. 23 февр.

⁶⁷ Там же. 11 марта.

⁶⁸ Там же. 29 июня; Известия. 1938. 2 июля.

⁶⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 18—19, 75—77, 217—218, 289—290, 307, 317, 330—331, 341—342, 343—346, 407, 716—717.

нею японская дипломатия во главе с Хирота и Сигемицу»⁷⁰. 14 мая Б. С. Стомоняков обратил внимание японского посла в Москве М. Сигемицу на то, что в Японии, зачастую при участии официальных учреждений и лиц, ведется систематическая кампания клеветы и пропаганды войны против Советского Союза. Японские военные деятели не останавливаются перед прямыми призывами к войне с СССР⁷¹.

Готовясь к войне, японские империалисты стремились к дальнейшему укреплению связей с Германией и Италией. Между ними шли переговоры о заключении в дополнение к «антикоминтерновскому пакту» военного союза. Эти переговоры начались еще в январе 1938 г., когда И. Риббентроп поставил вопрос о союзе перед японским военным аташе в Берлине Х. Осимой. В июне от Х. Осимы был получен ответ, что японские военные круги «приветствовали бы развитие сотрудничества» с Германией. При этом подчеркивалось: «Главное, что пужно помнить в развитии этого сотрудничества, — это соглашение о совместных действиях против Советской России»⁷². Премьер-министр Японии Ф. Коноэ отмечал в своих мемуарах, что это был план превращения «антикоминтерновского пакта» в «военный союз, направленный в основном против СССР»⁷³.

Поскольку фашистская Германия была заинтересована в заключении союза, который был бы направлен не только против СССР, но и против Англии и Франции, в переговорах возникли трудности. Японское правительство добивалось скорейшего заключения союза против СССР, но опасалось, что заключение предлагавшегося Германией союза с более широкими целями могло осложнить отношения Японии с западными державами. В ходе переговоров была достигнута договоренность о том, что Германия признает «право Японии на экспансию на запад вплоть до озера Байкал взамен признания права Германии на экспансию вплоть до Кавказа»⁷⁴.

---

⁷⁰ Там же. С. 174.

⁷¹ Там же. С. 257.

⁷² Цит. по: *Кутаков Л. И.* Указ. соч. С. 186.

⁷³ Цит. по: *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950. С. 241—242.

⁷⁴ Цит. по: *Кутаков Л. И.* Указ. соч. С. 189.

В связи с этими переговорами заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин констатировал в письме советским полпредствам в ряде стран 26 июля, что японская дипломатия ведет усиленную работу по «сколачиванию антисоветского фронта в целях ускорения войны против СССР как на Востоке, так и на Западе»⁷⁵.

Особого накала провокационные действия японцев достигли в середине 1938 г. Японские газеты открыто призывали к войне против Советского Союза, к захвату советского Дальнего Востока⁷⁶.

15 июля японский поверенный в делах в Москве обратился в НКВД с необоснованными претензиями по поводу того, что советские войска якобы незаконно занимают западный берег оз. Хасан на границе с Маньчжоу-Го⁷⁷. В тот же день японскому дипломату были предъявлены соглашение 1886 г. и приложенная к нему карта, которые не оставляли никакого сомнения в том, что западный берег озера являлся составной частью территории СССР⁷⁸.

Явившись 20 июля к народному комиссару иностранных дел СССР, японский посол М. Сигемицу все же снова требовал вывода советских войск из соответствующего района. Иначе Япония, угрожал посол, должна будет «применить силу для того, чтобы заставить советские войска эвакуироваться». М. М. Литвинов напомнил послу, что японскому поверенному в делах были предъявлены официальные документы, на которых совершенно ясно очерчена граница, проходящая по горам, расположенным к западу от оз. Хасан. Советские войска в этом районе не имеют иной цели, сказал нарком, как защиту советской границы. Что касается угрозы М. Сигемицу применить силу, то нарком заявил: «Посол, очевидно, считает тактику угроз хорошим средством дипломатии». Немало стран теперь действительно поддается запугиванию и угрозам, но «это средство в Москве успешного применения не найдет»⁷⁹.

Не добившись своих целей путем шантажа и угроз, японские агрессоры решили прибегнуть к вооруженной

---

⁷⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 391.

⁷⁶ Подробнее см.: *Бедняк И. Я.* Японская агрессия в Китае и позиция США, 1937—1939. М., 1957. С. 123—124.

⁷⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 362—363.

⁷⁸ Там же. С. 365—366.

⁷⁹ Там же. С. 379—384.

силе. На следующий день японский военный министр С. Итагаки заявил императору Хирохито, что министр иностранных дел и военно-морской министр согласились «на применение нами силы в связи с недавним пограничным инцидентом с Россией»⁸⁰.

Информируя 25 июля советские полпредства в ряде стран об этом инциденте, М. М. Литвинов сообщал: «Япония отлично знает, что оспариваемая ею высота на основании всех имеющихся договоров и официальных карт находится на советской территории. Ей неприятно нахождение наших войск на высоте, которая имеет некоторое стратегическое значение, и поэтому она сделала попытку путем шума в печати и запугивания нас побудить нас отозвать свои войска. Натолкнувшись на наш решительный отказ, японское правительство очутилось в трудном положении, ибо формально обосновать свою претензию оно не может, а отступив, оно теряет лицо». Нарком выражал надежду, что японское правительство все же не решится осуществлять свои угрозы, опасаясь, как бы это не вызвало столкновения на всей границе⁸¹. Однако эти надежды на благоразумие японского правительства не оправдались.

29 июля 1938 г. японские войска открыли военные действия против советских пограничных отрядов, расположенных на западном берегу оз. Хасан. Впоследствии Международный военный трибунал для Дальнего Востока на основе многочисленных фактов признал в приговоре по делу главных японских военных преступников, что нападение японских войск у оз. Хасан было сознательно запланировано японцами. Трибунал констатировал, что «операции японских войск носили явно агрессивный характер»⁸².

В связи с конфликтом у оз. Хасан в западных державах снова начали выражать надежду на возникновение войны между СССР и Японией. «Некоторые члены дипломатического корпуса, — писала 2 августа 1938 г. „Нью-Йорк таймс“, — полагают, что Япония зашла слишком далеко, чтобы отступать. Они полагают, что Япония может воспользоваться этим случаем для ограничения ее действий в Центральном Китае и что настоящий японо-рус-

---

⁸⁰ *Bergamini D. Japan s Imperial Conspriacy. L., 1971. P. 693.*

⁸¹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 390.

⁸² *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Указ. соч. С. 260.*

ский инцидент может „автоматически“ вылиться в необъявленную войну»⁸³.

Военные действия припяти широкие масштабы. По указанию Политбюро ЦК ВКП(б) в район конфликта был направлен стрелковый корпус в составе трех дивизий и механизированной бригады. Общее руководство военными операциями было возложено на командующего Дальневосточным фронтом В. К. Блюхера. На время боевых действий командиром корпуса был назначен начальник штаба фронта Г. М. Штерн. Непосредственно в районе боевых действий было сосредоточено свыше 15 тыс. человек, 285 танков, 237 орудий⁸⁴.

6 августа советские войска перешли в решительное контрнаступление. К концу дня высота Заозерная была освобождена. Но упорные бои продолжались до 9 августа⁸⁵.

В разгар конфликта Япония обратилась за поддержкой к Германии, но фактически получила отказ. Гитлеровцы были в то время целиком заняты подготовкой агрессивных действий против Чехословакии. На случай, если Япония начнет войну против СССР, Германия обещала ей только моральную помощь.

7 августа М. Сигемицу поставил перед НКВД вопрос о прекращении военных действий⁸⁶. 10 августа между М. М. Литвиновым и японским послом было достигнуто соглашение о прекращении военных действий в 13 час. 30 мин. 11 августа⁸⁷.

После окончания конфликта М. М. Литвинов телеграфировал советским полпредствам за границей, что этот конфликт был затеян Японией с целью недопущения пребывания советских войск на высоте Заозерной и в лучшем случае даже овладения этой высотой. «Ни той, ни другой цели японцы не достигли, понеся огромные потери... Япония получила урок, убедившись в нашей твердости и сопротивляемости»⁸⁸.

---

⁸³ Цит. по: *Марушкин Б. И.* Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае, 1937—1939 гг. М., 1957. С. 121.

⁸⁴ История второй мировой войны. Т. 2. С. 211—212.

⁸⁵ Там же. С. 213—214.

⁸⁶ Известия. 1938. 8 авг.

⁸⁷ Там же. 11, 12 авг.

⁸⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 433—434.

Поражение японских захватчиков в районе оз. Хасан явилось серьезным ударом по агрессивным планам империалистической Японии против СССР. Английский журнал «Экономист» признавал, что у Хасана «Япония получила надлежащий урок, который скажется благоприятно как на дальневосточной ситуации, так и на европейской»⁸⁹.

В то же время эти события свидетельствовали, что можно остановить агрессоров и сохранить мир. Г. М. Дмитриев отмечал, что весь мир увидел, как Советский Союз ответил на нападение японских самураев на советскую землю у оз. Хасан. «Сокрушительным молниеносным ударом по японским провокаторам армия Страны социализма показала, как нужно вооруженной рукой охранять дело мира»⁹⁰.

Разгром японских войск у оз. Хасан был, в частности, немаловажной помощью китайскому народу, продолжавшему борьбу против японских агрессоров. Продемонстрировав, что японские захватчики не всемогущи, что они могут быть разбиты, события у оз. Хасан в немалой степени содействовали укреплению воли китайского народа к сопротивлению агрессорам. Еще выше в Китае стали ценить сотрудничество с Советским Союзом в борьбе против японских агрессоров⁹¹.

Председатель СНК В. М. Молотов, подводя 6 ноября 1938 г. в докладе на торжественном заседании Моссовета итоги событий у оз. Хасан, констатировал: «Может ли быть сомнение в том, что японское нападение в Приморье было пробой для развязывания войны на Дальнем Востоке? Если бы Советский Союз на деле не показал твердости своей внешней политики и непоколебимости своей линии в защите своих границ оружием Красной Армии, это не могло бы не послужить поводом к разжиганию новых военных авантур. Наша твердая позиция в этих событиях

---

⁸⁹ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1960. Т. 1. С. 235.

⁹⁰ Большевик. 1938. № 21/22. С. 50.

⁹¹ 10 мая 1938 г. в своей речи в Манчестере У. Черчилль отмечал, что необходимо оценить «ту услугу миру, которую СССР оказывает на Дальнем Востоке», так как он сковывает у своих сибирских границ лучшие японские войска. Это означает, что Япония будет не в состоянии покорить Китай (цит. по: Правда. 1938. 12 мая).

заставила одуматься зарвавшихся авантюристов... Бесспорно, что этим Советский Союз оказал величайшую услугу делу мира»⁹².

* * *

Авантюризм японских империалистов и милитаристов не знал предела. И так глубоко увязнув в войне в Китае, конца которой не было видно, они все же решили не только продолжать, но даже усилить подготовку к войне и против Советского Союза. Поэтому серьезная опасность продолжала существовать для Советского Союза на Дальнем Востоке и впредь. Особенно в случае, если бы он оказался в состоянии войны с Германией и ее европейскими союзниками.

---

⁹² Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 697.

Глава IV

ПОМОЩЬ СССР КИТАЮ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНСКИХ АГРЕССОРОВ

ВТОРЖЕНИЕ ЯПОНСКИХ ВОЙСК В СЕВЕРНЫЙ КИТАЙ. СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ

Оккупировав в 1931 г. Северо-Восточный Китай (Маньчжурия), японские агрессоры продолжали занимать все новые районы страны, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны Китая. Официально состояние войны между Японией и Китаем ни той ни другой страной не объявлялось.

Советский Союз, верный своей политике поддержки жертв империалистической агрессии, готов был прийти на помощь китайскому народу в национально-освободительной войне против иностранной интервенции. Это имело для Китая огромное значение, тем более что рассчитывать на помощь других государств он не мог.

Во время визита в Москву весной 1935 г. лорда — хранителя печати Англии А. Идена Советское правительство выдвинуло предложение о заключении Тихоокеанского пакта о взаимопомощи. Народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов писал накануне этого визита: «Мы готовы сотрудничать с Англией, как и с другими странами, в деле обеспечения мира на Дальнем Востоке... Конкретно мы мыслим себе региональный Тихоокеанский пакт взаимопомощи с участием СССР, Китая, Японии, Великобритании, США, Франции, Голландии...» Суть пакта в том, что «дальнейшей агрессии Японии были бы противопоставлены силы всех остальных участников пакта»¹.

28 марта 1935 г. М. М. Литвинов в беседе с А. Иденом подчеркнул, что для прочного обеспечения мира на Тихом океане «нужны коллективные усилия всех заинтересованных государств». Однако А. Иден не поддержал этого

---

¹ АВП СССР. Ф. 05. Оп. 15. Д. 122. Л. 126, 128—129.

предложения. Он ссылался на то, что США не согласятся на активное сотрудничество в деле обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке². Британское правительство и само не собиралось принимать участие в создании системы коллективной безопасности на Дальнем Востоке, но старалось возложить вину за попустительство японской агрессии на Соединенные Штаты Америки.

Американское правительство не беспокоила судьба китайского народа. Но оно было немало озабочено обеспечением своих собственных империалистических интересов на Дальнем Востоке. Об этом откровенно заявил заместитель государственного секретаря Р. Мур в разговоре с поверенным в делах СССР в США А. Ф. Нейманом. Нужно несколько лет, сказал он, чтобы США получили превосходство над Японией. «Они-де надеялись,— писал А. Ф. Нейман о высказываниях Р. Мура,— что СССР облегчит им положение, начав войну с Японией»³.

В связи с агрессивными действиями Японии председатель исполнительного юаня Китая Кун Сянси 9 октября 1935 г. поставил перед советским полпредом Д. В. Богомоловым вопрос, может ли Китай в случае оказания военного сопротивления Японии рассчитывать на получение из СССР военных материалов⁴.

18 октября советский полпред в беседе с главой гоминьдана Чан Кайши и Кун Сянси заявил о желании Советского правительства улучшить советско-китайские отношения, в частности заключить торговый договор и пакт о ненападении. Чан Кайши выразил согласие на улучшение советско-китайских отношений, отметил, что угроза обеим странам исходит из одного источника. Соглашаясь на заключение торгового договора и пакта о ненападении, Чан Кайши зондировал возможность заключения также и соглашения о военном сотрудничестве⁵. 10 ноября Д. В. Богомолов снова сообщал в Москву, что китайские деятели «намекают на желательность пакта о взаимной помощи»⁶. Полпред констатировал, что суть китайского предложения сводится к тому, что они «хотели бы ускорить возможное столкновение между нами и Японией»⁷.

---

² Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 239.

³ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1263. Л. 270.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 662.

⁵ Там же. С. 537—538.

⁶ Там же. С. 663.

⁷ Там же. С. 587.

Д. В. Богомолов получил указания сообщить Чан Кайши, что Советское правительство «не возражает против соглашения» о взаимопомощи и готово обсудить этот вопрос с китайской стороной. Полпред передал это сообщение Чан Кайши⁸. 20 ноября он извещил Кун Сянси о согласии СССР поставлять Китаю военные материалы⁹.

Позиция Советского правительства по этому вопросу была обстоятельно изложена 28 декабря в письме Б. С. Стомонакова полпреду в Китае. «Мы согласны, — говорилось в нем, — на предложение Чан Кайши о сотрудничестве и взаимной помощи против японской агрессии. Мы исходили при этом из целесообразности поддержания усиливающегося в Китае течения за оказание вооруженного сопротивления против японской агрессии. Мы готовы оказать посильную помощь Китаю, если бы он действительно вступил в освободительную борьбу против Японии. Мы думаем, однако, что, несмотря на несомненное распространение в Китае идей борьбы с Японией, может быть, еще не настал момент для того, чтобы связывать себя соглашением с Чан Кайши по вопросу об оказании взаимной помощи в случае вооруженной агрессии со стороны Японии. Чан Кайши все еще, хотя и в меньшей степени, чем раньше, идет на уступки требованиям японских империалистов... Не исключено, что он может еще договориться с Японией»¹⁰.

Ввиду этого Советское правительство считало необходимым, прежде чем начать переговоры о заключении соглашения о взаимной помощи, выяснить действительные намерения Чан Кайши. Полпреду поручалось заявить ему, что, соглашаясь принять на себя столь серьезные обязательства, Советское правительство хотело бы иметь ясное представление о его плане защиты Китая против Японии, об обязательствах СССР по отношению к Китаю и обязательствах Китая о помощи СССР против японской агрессии. Полпред должен был указать, что это тем более необходимо, что «с разных сторон нас заверяют, что пекинское правительство все свои расчеты строит исключительно на войне других держав с Японией и что само оно не считает возможным с нею воевать»¹¹.

22 января 1936 г. Д. В. Богомолов имел подробную беседу с Чан Кайши. Однако ничего конкретного о своих

⁸ Там же. С. 590, 599.

⁹ Там же. С. 663.

¹⁰ Там же. С. 601.

¹¹ Там же. С. 602.

планах в отношении борьбы с японскими агрессорами Чан Кайши не сообщил¹².

В связи с такой позицией китайских правящих кругов Б. С. Стомоняков констатировал в телеграмме полпреду 29 февраля 1936 г., что чанкайшисты все еще колеблются относительно сопротивления японской агрессии, в связи с чем необходима предусмотрительность¹³.

Переговоры продолжались, но из-за позиции гоминьдановского правительства, вместо сопротивления шедшего на все новые уступки японским агрессорам, они не двигались с места. Китай не захотел воспользоваться даже согласием СССР на поставку военных материалов.

Более того, китайское правительство вело переговоры с японским правительством, в ходе которых выражало готовность удовлетворять его все возрастающие требования. В ходе этих переговоров Япония ставила, в частности, вопрос о заключении японо-китайского военного союза против СССР¹⁴. По полученным Советским правительством в ноябре 1936 г. сведениям, китайское правительство дало принципиальное согласие на такой союз¹⁵. Такая позиция Китая не могла не отразиться на советско-китайских отношениях¹⁶.

К началу 1937 г. положение на Дальнем Востоке становилось все более напряженным. 11 февраля Д. В. Богомоллов констатировал: «Теперь уже совершенно ясно, что если бы советско-монгольский пакт не был своевременно подписан, то большая японская авантюра в МНР наверняка уже произошла бы, и мы или были бы вовлечены в войну, или принуждены были бы подпустить японцев к Байкалу».

Полпред отмечал также растущее беспокойство в Китае. В создавшихся условиях, писал он, «руководящие круги в антияпонском движении в Китае все свои надежды на успешное сопротивление Японии неразрывно связывают с надеждой на помощь со стороны СССР». Д. В. Богомоллов предлагал слова выступить с предложением о заключении между всеми странами, заинтересованными в положении в этом районе, регионального пакта о взаимной помощи¹⁷.

¹² Там же. Т. 19. С. 35—37.

¹³ Там же. С. 723.

¹⁴ Там же. С. 447.

¹⁵ Там же. С. 572—573.

¹⁶ Там же. С. 600—601.

¹⁷ АВП СССР. Ф. 09. Оп. 30. Д. 180. Л. 51—55.

В конце февраля 1937 г. советскому полпреду Д. Б. Богомолу, возвращавшемуся после отпуска в Нанкин, где в то время находилось китайское правительство, были даны новые директивы по вопросу о развитии отношений с Китаем. Полпред должен был заявить Чан Кайши, что Советское правительство, по-прежнему оставаясь сторонником сотрудничества с Китаем против общей опасности, предлагает заключить широкий пакт о дружбе, а также установить практическое сотрудничество в ряде областей. Пакт о дружбе мог бы содержать «обязательство непринятия одной из сторон мер и незаключения ею соглашений, которые могли бы поставить в выгодное положение третье государство, со стороны которого угрожает опасность нападения другой договаривающейся стороне». Он мог бы предусматривать также взаимное обсуждение мер, необходимых «в целях охраны их общих интересов». Предлагалось включить в пакт также обязательство всемерно содействовать скорейшему заключению Тихоокеанского пакта взаимопомощи¹⁸.

Советское правительство считало целесообразным заключить с китайским правительством также военно-техническое соглашение, предусматривающее:

а) продажу самолетов, танков и другого военно-технического снаряжения и предоставление для этой цели кредита в 50 млн американских долларов;

б) подготовку в СССР китайских летчиков и танкистов, в крайнем случае — посылку советских инструкторов-преподавателей в китайскую военную школу;

в) в случае угрозы со стороны японцев единственной коммуникационной линии, связывающей Китай и СССР через Ганьсу, и в случае просьбы о том командования китайской армии — посылку нескольких советских военно-воздушных и танковых соединений с советским персоналом для включения в китайскую армию, защищающую эту коммуникационную линию.

Предлагалось также возобновить сделанное еще в 1935 г. предложение об образовании на паритетных началах советско-китайского общества для установления и эксплуатации воздушной линии от советской границы через Урумчи—Хами—Ланьчжоу—Сиань—Нанкин до Шанхая.

Считалось необходимым при заключении с китайским правительством всех этих соглашений добиваться отко-

---

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 701.

мандривания из китайской армии имевшихся в ней еще с 20-х годов германских военных советников¹⁹.

Это была широкая программа помощи китайскому народу в справедливой освободительной борьбе против японских агрессоров. Указанные меры, в особенности поставки военных материалов, могли сыграть существенную роль в укреплении обороноспособности Китая. Вместе с тем Советское правительство проявляло и необходимую предосторожность, чтобы не получилось так, что Советский Союз мог оказаться в состоянии войны с Японией фактически один на один, причем симпатии и поддержка не только Германии, но также США, Великобритании и многих других стран были бы на стороне японских империалистов. Другое дело — борьба против японских агрессоров вместе с США и Великобританией, для чего Советское правительство снова ставило вопрос о заключении Тихоокеанского пакта о взаимной помощи.

10 марта 1937 г. М. М. Литвинов развивал идею о заключении Тихоокеанского регионального пакта на встрече с журналистами²⁰. На следующий день он поставил вопрос о Тихоокеанском пакте о взаимопомощи в беседе с китайским послом в СССР Цзян Типфу. «Я убежден, — сказал нарком, — что только такой пакт может окончательно прекратить агрессию Японии и обеспечить мир на Дальнем Востоке». Далее он отметил, что необходимо убедить в этом другие державы, в особенности Великобританию и США, и в этом направлении должны быть сделаны усилия как китайской, так и советской дипломатией.

В связи с высказыванием китайского посла о том, что лучше было бы сначала заключить советско-китайский пакт, нарком напомнил переговоры о региональном Восточном пакте, которые велись между странами Европы в 1933—1935 гг. Сначала шли переговоры об участии в нем широкого круга стран, в том числе и Германии, обеспечив в результате сочувствие к пакту со стороны Англии. Лишь после того как окончательно выяснилось нежелание Германии и Польши участвовать в пакте, СССР заключил двусторонние пакты с Францией и Чехословакией. Благодаря этому Советский Союз избежал упреков в создании военных союзов. «Мне кажется, — сказал нарком, — что таким же путем надо действовать и на Дальнем

---

¹⁹ Там же. С. 701—702.

²⁰ Там же. С. 117.

Востоке». Когда окончательно убедимся в невозможности заключения регионального Тихоокеанского пакта, «можно будет думать о более ограниченных соглашениях»²¹.

1 апреля Д. В. Богомолов изложил эти предложения Кун Сянси, а два дня спустя — Чан Кайши. Сообщая в Москву об итогах беседы с Чан Кайши, полпред писал, что согласие СССР «оказать поддержку тихоокеанскому соглашению, с оставлением некоторой надежды на заключение даже двустороннего пакта в будущем, создало сравнительно благоприятную атмосферу для дальнейших разговоров». Он телеграфировал, что Чан Кайши проявил заинтересованность в отношении советского предложения о военно-техническом сотрудничестве, являющегося доказательством серьезности намерений СССР в деле советско-китайского сближения²².

12 апреля Д. В. Богомолов начал переговоры с министром иностранных дел Китая Ван Чунхоем. Полпред предложил китайскому правительству взять на себя инициативу переговоров о Тихоокеанском региональном пакте взаимопомощи. СССР поддержит такое предложение и окажет китайскому правительству всемерное содействие в этом деле. Полпред сказал, что целесообразно участие в пакте Китая, Англии, СССР, Японии, США и Франции. Ван Чунхой отпелся к этому предложению весьма положительно.

Далее полпред сообщил, что если из Тихоокеанского пакта ничего не выйдет, то СССР будет готов в будущем вновь обдумать вопрос о возможности заключения между СССР и Китаем двустороннего пакта взаимопомощи. Он предложил немедленно приступить к переговорам о заключении советско-китайского договора о ненападении. Заключение его, сказал полпред, серьезно облегчит в дальнейшем возможные переговоры о двустороннем пакте о взаимопомощи. Полпред отметил, что ему непонятна отрицательная позиция китайского правительства в отношении такого пакта²³.

Как раз в это время шли оживленные японо-китайские переговоры и китайское правительство надеялось на их благополучное завершение. Поэтому советские предложения встретили, как отмечал Д. В. Богомолов в письме от 5 мая, «довольно прохладный прием». Китайское прави-

---

²¹ Там же. С. 117—118.

²² Там же. С. 155—157.

²³ Там же. С. 167—168.

тельство выражало опасения, что его переговоры с СССР могут затруднить достижение соглашения с Японией²⁴. Два дня спустя полпред телеграфировал, что, «по-видимому, китайское правительство намерено и впредь тянуть переговоры с нами»²⁵. В таких условиях с советской стороны также считалось нецелесообразным их форсирование²⁶.

17 мая 1937 г. Д. В. Богомолов имел встречу с заместителем председателя военного совета Фэй Юйсяном, председателем контрольного юаня Юй Юженем, председателем законодательного юаня Сунь Фо и министром иностранных дел Ван Чунхоем. По указанию Советского правительства полпред изложил идею заключения Тихоокеанского регионального пакта. Однако китайские представители высказали мнение, что Япония выступит против пакта, а США уклонятся от участия в нем.

Полпред отметил также желательность заключения между СССР и Китаем пакта о ненападении и снова подтвердил готовность Советского Союза оказать Китаю помощь военными материалами²⁷.

Несмотря на опасность дальнейшего усиления японской агрессии, китайское правительство продолжало колебаться относительно советских предложений. 16 июня 1937 г. полпред в Китае сообщал в НКВД, что китайское правительство не желает «окончательно закрыть дверь к двустороннему соглашению с Японией, на что Чан Кайши, по-видимому, еще не потерял надежду». По вопросу о заключении договора о ненападении, писал полпред, китайское правительство также придерживается отрицательной позиции. Ван Чунхой, однако, не решается дать отрицательный ответ и «продолжает тянуть». Китайцы не дают ответа и на предложение об оказании Китаю помощи военными материалами, так как опасаются, что в результате согласия принять такую помощь они «рассорятся с японцами»²⁸.

Между тем 14 мая 1937 г. премьер-министр Австралии Дж. Лайонс также выступил с предложением о заключении Тихоокеанского пакта, правда, пакта о ненападении, а не о взаимной помощи. Советское правительство решило поэтому еще раз попытаться добиться заключения пакта.

²⁴ Там же. С. 720—721.

²⁵ Там же. С. 233.

²⁶ Там же. С. 303.

²⁷ АВП СССР. Ф. 09. Оп. 30. Д. 180. Л. 109—113.

²⁸ Там же. Л. 117—122.

Во второй половине мая, находясь в Жэпее в связи с сессией Совета Лиги наций, М. М. Литвинов поднял вопрос о Тихоокеанском пакте во время встреч с министром иностранных дел Англии А. Иденом и председателем исполнительного юаня Китая Кун Сянси²⁹. Советскому полпреду в Лондоне И. М. Майскому было дано указание обсудить этот вопрос с Дж. Лайонсом. Полпреду предлагалось сообщить премьер-министру Австралии о положительном отношении СССР к его предложению, по высказать соображения в пользу пакта о взаимной помощи³⁰. В беседе с И. М. Майским Дж. Лайонс отнесся положительно к идее заключения пакта о взаимопомощи, но высказал мнение о том, что ни Англия, ни США не готовы подписать подобное соглашение³¹.

21 июня полпреду в Вашингтоне А. А. Трояновскому было поручено выяснить позицию США. «Правда, — писал М. М. Литвинов, — мы имели в виду Тихоокеанский пакт о взаимной помощи, а Лайонс сводит это к обязательству о ненападении». Нарком отмечал, что в отношениях СССР с Китаем этот вопрос играл в то время значительную роль, но подчеркивал, что «пакт, конечно, немислим без США. Вот почему столь важно выяснить позицию Рузвельта». В письме отмечалось, что позиция США в конечном счете определит и отношение к пакту Англии.

Не подлежит никакому сомнению, отмечал нарком, что, подобно Германии в случае с Восточным пактом, Япония будет пытаться всячески сорвать этот пакт и не согласится участвовать в нем. Мы внушаем всем, с кем приходится на эту тему говорить, что «с самого начала должно быть заявлено, что пакт может состояться и без участия Японии». Пакт о ненападении без Японии большой ценности не имеет, по все же он будет свидетельством «известной солидарности между нами, в особенности если в пакт будет включен пункт о консультации в случае угрозы одному из участников пакта»³².

Ф. Рузвельт не проявил, однако, желания принять участие в таком пакте. Он заявил А. А. Трояновскому, что США не могут вступать в союзы и другие подобные соглашения. К тому же Тихоокеанский пакт о ненападении без участия в нем Японии не имеет-де смысла³³.

²⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 266, 278.

³⁰ Там же. С. 303—304.

³¹ Там же. С. 310.

³² Там же. С. 732.

³³ Там же. С. 338.

Когда 7 июля 1937 г. японцы спровоцировали вооруженный инцидент, явившийся началом крупномасштабного вторжения японских войск в Северный Китай, советская печать решительно осудила действия японских агрессоров. «Речь идет о повом важном этапе в империалистической борьбе в Восточной Азии, на Тихом океане,— писала газета «Известия»,— о повом существенном этапе в агрессии японского империализма, стремящегося поработить китайский народ»³⁴. «Правда» констатировала, что события, происходящие в Северном Китае, показывают со всей ясностью, что «японские агрессивные военные элементы твердо и упорно проводят свою политику захвата и закабаления по частям всего Китая. Японская военщина... приступила к решению этой задачи железом и кровью»³⁵.

16 июля 1937 г. государственный секретарь К. Хэлл выступил с официальным заявлением о позиции США. В нем содержались, однако, лишь призывы к соблюдению общепринятых норм взаимоотношений между государствами. Он при этом очередной раз подчеркивал, что США избегают заключения союзов или принятия на себя определенных обязательств³⁶. Это означало, что США по-прежнему намеревались придерживаться политики попустительства агрессорам и заявление К. Хэлла не имело серьезного значения. В советских официальных кругах заявление К. Хэлла справедливо расценили как «маниловскую манифестацию солидарности с другими государствами»³⁷.

Поскольку текст этого заявления был передан Советскому правительству, оно все же сочло необходимым откликнуться на него, в то же время изложив и свою принципиальную позицию в связи с опасным вооруженным конфликтом на Дальнем Востоке. В ответном заявлении М. М. Литвинова подчеркивалось, что действия агрессоров требуют «энергичного противодействия со стороны всех наций». Это противодействие наряду с активизацией Лиги наций, отмечал он, «может принимать различные формы, как, например, региональных договоров взаимной помощи и других соглашений»³⁸. Однако правительство США не поддержало этих предложений.

³⁴ Известия. 1937. 22 июля.

³⁵ Правда. 1937. 31 июля.

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 399—400.

³⁷ АВП СССР. Ф. 05. Оп. 17. Д. 1. Л. 278.

³⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 398—399.

В дипломатических кругах западных держав, разумеется, понимали, что одними заявлениями невозможно остановить японских агрессоров. Заведующий дальневосточным отделом госдепартамента США С. Хорнбек писал 27 июля, что на японскую политику силы в Китае можно повлиять только применением ответной силы. «Поскольку ни Великобритания, ни США не готовы прибегать каким-либо образом к силе (помимо увещевания), — отмечал Хорнбек, — мы не должны ожидать, что наши меры (словесные) окажут какое-либо воздействие»³⁹.

Политика США, Англии и Франции свелась в сложившейся обстановке к тому, чтобы попытаться как-то оградить свои главные интересы в Китае поисками сговора с Японией на базе империалистического компромисса⁴⁰. О защите интересов самого Китая, оказании ему помощи в отпоре японским захватчикам правящие круги этих стран и не помышляли. Напротив, империалистические державы опасались того, что китайцы, если они сумеют отразить нашествие японских империалистов, могут вышвырнуть из Китая затем и других колонизаторов.

Китайское правительство, наконец, решилось принять советскую помощь. 19 июля 1937 г. оно обратилось к СССР через советского полпреда с просьбой о поставке Китаю военных материалов и предоставлении необходимых в связи с этим кредитов. Сообщая об этом в Москву, Д. В. Богомоллов высказывался за увеличение размеров военных поставок Китаю. В то же время он считал необходимым настаивать на заключении между СССР и Китаем договора о ненападении, так как должна быть гарантия, что советское оружие не будет направлено против СССР⁴¹.

Советское правительство сразу же откликнулось на просьбу Китая о помощи. 29 июля полпреду в Китае было дано указание сообщить китайскому правительству, что СССР готов предоставить Китаю кредит в 100 млн китайских долларов (на 6-летний срок с погашением поставками китайских товаров). «В счет этого кредита мы готовы доставить 200 самолетов со снаряжением, в том числе истребители и бомбардировщики, и 200 танков по 8—10 тонн с 1 орудием и 2 пулеметами на каждом»⁴².

³⁹ FRUS. 1937. Vol. 3. P. 280.

⁴⁰ Roskill S. Hankey: Man of Secrets. Vol. 3. 1931—1963. L., 1974. P. 287.

⁴¹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 394.

⁴² АВП СССР. Ф. 09. Оп. 30. Д. 180. Л. 72—73.

Выражая готовность поставлять Китаю военные материалы, ЦК ВКП(б) и Советское правительство одновременно считали, что «непременным условием военных поставок является предварительное заключение пакта о ненападении»⁴³.

Китай стал усиленно добиваться заключения двустороннего китайско-советского договора о взаимопомощи. Так, 16 июля этот вопрос поднимал перед советским полпредом председатель законодательного юаня Китая Сунь Фо⁴⁴. Раскрывая суть этих предложений, советский полпред писал в Москву: «Ставка на советско-японскую войну остается у Чан Кайши по-прежнему идеей фикс»⁴⁵.

В условиях, когда Китай уже находился в состоянии фактической войны с Японией, ЦК ВКП(б) и Советское правительство, естественно, не считали возможным заключать в двустороннем порядке договор о взаимопомощи с Китаем⁴⁶. М. М. Литвинов писал советскому полпреду, что «форсирование китайцами этого вопроса в настоящий момент сводится ведь к тому, чтобы мы теперь же ввязались в войну с Японией»⁴⁷.

2 августа Д. В. Богомолов информировал Чан Кайши о позиции Советского правительства. Чан Кайши пытался уклониться от подписания договора о ненападении. В то же время он признал, что японское правительство в переговорах с ним выдвигает требование о заключении японо-китайского военного союза против СССР. Советский полпред заявил в связи с этим, что один тот факт, что такой вопрос обсуждался в японо-китайских переговорах, липный раз подтверждает правильность постановки Советским правительством вопроса о заключении с Китаем договора о ненападении. В конце концов Чан Кайши дал согласие начать переговоры о заключении договора⁴⁸.

21 августа 1937 г. между СССР и Китаем был заключен договор о ненападении. Его подписали в Нанкине Д. В. Богомолов и министр иностранных дел Китая Ван Чунхой. В преамбуле договора указывалось, что он заключается в целях содействия сохранению всеобщего мира и укрепления дружественных отношений между двумя странами. Прежде всего договор содержал условие о не-

⁴³ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 430.

⁴⁴ Там же. С. 385.

⁴⁵ Там же. С. 389.

⁴⁶ Там же. С. 701, 430.

⁴⁷ Там же. С. 738.

⁴⁸ Там же. С. 437—439.

пападении (ст. 1). СССР и Китай обязывались также не оказывать помощи третьим странам в случае нападения их на одно из договаривающихся государств. Предусматривалось, что договор вступает в силу в день его подписания. Он был заключен на пятилетний срок с условием автоматического продления, если ни одна из сторон не денонсирует его ⁴⁹.

Подписание с Советским Союзом такого политического по своему характеру договора имело для Китая в тогдашних трудных условиях огромное значение. В редакционной статье газеты «Правда», посвященной договору, подчеркивалось, что он является вкладом в дело укрепления мира и новым выражением дружественных чувств, которые народы СССР питают по отношению к китайскому народу, борющемуся за свою свободу и независимость. Советско-китайский договор, указывалось в статье, практически подтверждает и закрепляет принцип неделимости мира, необходимости защиты мира как на Западе, так и на Востоке. Советско-китайский договор показывает всем странам путь борьбы с военной угрозой. Он является новым инструментом мира и безопасности ⁵⁰.

Значение этого договора было высоко оценено патристическими силами Китая и прогрессивной общественностью во всем мире ⁵¹. Нанкинская газета «Фулуцзибао» выражала надежду, что сотрудничество Китая и СССР перерастет в систему коллективной безопасности на Тихом океане ⁵².

Заключение советско-китайского договора о ненападении, как отмечал полпред СССР в Токио М. М. Славутский, произвело в Японии «огромное впечатление»⁵³. В Токио расценивали договор как дипломатическое поражение Японии ⁵⁴. В частности, в Японии были вынуждены признать провал попыток втянуть Китай в антисоветский блок, заключить в этих целях японо-китайский союз ⁵⁵.

9 сентября в Москве начались переговоры с китайской военной делегацией во главе с генералом Ян Цзе. Уже

---

⁴⁹ Там же. С. 466—468.

⁵⁰ Правда. 1937. 30 авг.

⁵¹ Подробнее см.: Яковлев А. Г. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии, 1931—1945 гг. // Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968. С. 77—78.

⁵² Правда. 1937. 6 сент.

⁵³ АВП СССР. Ф. 09. Оп. 27. Д. 57. Л. 70.

⁵⁴ Капица М. С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 271.

⁵⁵ Правда. 1937. 1 сент.

14 сентября была достигнута договоренность о конкретных поставках в Китай военных материалов за счет предоставляемого Советским Союзом долгосрочного кредита. По просьбе китайской делегации сроки доставки первой партии самолетов были сведены к минимуму. Первые 225 самолетов, в том числе 62 средних бомбардировщика и 155 истребителей, советская сторона обязалась отправить в Китай до 25 октября 1937 г.⁵⁶

Китайский посол в СССР Цзян Типфу заявил в беседе с заместителем наркома Б. С. Стомоняковым, что китайцы исключительно довольны духом и результатом переговоров, которые дали Китаю даже больше, чем он ожидал. «Посол счел поэтому своим долгом, — указывается в записи этой беседы, — прийти засвидетельствовать свою благодарность Советскому правительству. Он говорил в прочувственных выражениях». «Все наши симпатии на стороне Китая», — заявил в ответ Б. С. Стомоняков. «В Советском Союзе нет ни одного человека, — подчеркнул он, — который не желал бы победы Китаю в его борьбе за независимость»⁵⁷.

1 марта 1938 г. было подписано соглашение о предоставлении Советским Союзом кредита Китаю в размере 50 млн американских долларов для финансирования осуществлявшихся поставок военных материалов⁵⁸.

К середине 1938 г. Советский Союз поставил Китаю 297 самолетов, 82 танка, 425 пушек и гаубиц, 1825 пулеметов, 400 автомашин, 360 тыс. снарядов, 10 млн патронов и другие военные материалы⁵⁹. Помощь Советского Союза дала Китаю возможность выстоять, избежать разгрома и капитуляции, продолжать оказывать сопротивление японским агрессорам.

Горячие симпатии к китайскому народу, подвергнутому японской агрессии, проявлял весь советский народ. Решительно протестуя против японской агрессии, он выражал твердую уверенность в победе правого дела китайского народа. Советские люди приветствовали создание в Китае единого фронта борьбы против японской агрессии

---

⁵⁶ Яковлев А. Г. Указ. соч. С. 102—103.

⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 520—521.

⁵⁸ Советско-китайские отношения, 1917—1957. М., 1959. С. 167—170.

⁵⁹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, Сентябрь 1938 — август 1939 г.: Документы и материалы. М., 1971. С. 650; Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем, 1917—1974. М., 1977. С. 128—130.

с участием коммунистов, осуждали капитулянтскую позицию правящей гоминьдановской группировки, а также проводившуюся правительствами Англии, Франции и США политику попустительства японской агрессии. В советской печати и по радио широко освещались события в Китае, давались сообщения советских и иностранных корреспондентов с фронтов антияпонской войны. Советские профсоюзы и другие общественные организации проводили митинги и собрания в поддержку борьбы китайского народа против японской агрессии⁶⁰. 7 января 1938 г. Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР передал Китаю 100 тыс. американских долларов для приобретения медикаментов и оказания помощи беженцам⁶¹.

Помощь Советского Союза укрепила в Китае решимость к сопротивлению агрессорам, ослабила позиции тех кругов китайской буржуазии, которые склонялись к капитуляции перед Японией.

В связи с советской помощью Китаю в столицах западных держав усилились надежды на обострение советско-японских отношений и на возможность войны между СССР и Японией. Министр иностранных дел Франции И. Дельбос заявил американскому послу У. Буллитту 26 августа 1937 г., что он получил от посла в Японии телеграмму о том, что «Япония, по-видимому, намерена объявить Советскому Союзу войну»⁶². Британский посол в Японии Р. Крейги также отмечал, что японцы считают необходимым свести счёты с СССР⁶³. Помощник американского военного атташе в Японии Векерлинг писал в Вашингтон, что японская армия «своим главным врагом считает Советскую Россию» и существует уверенность, что «предотвратить новую русско-японскую войну невозможно»⁶⁴.

Американский посол в Японии Дж. Грю откровенно выражал свое недовольство тем, что японцы вместо нападения на СССР предприняли в середине августа вторжение в Центральный Китай и захватили Шанхай. «Как же быть с Советской Россией,— вопрошал он,— если япон-

---

⁶⁰ Яковлев А. Г. Указ. соч. С. 96.

⁶¹ Бородин Б. А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне, 1937—1941 гг. М., 1965. С. 126.

⁶² FRUS. 1937. Vol. 3. P. 477.

⁶³ Ibid. P. 403—404.

⁶⁴ Ibid. P. 568.

ские силы полностью вовлечены (в войну с Китаем.— В. С.) и, таким образом, ослаблены?»⁶⁵.

Гоминьдановское правительство Китая, вместо того чтобы бросить все силы на организацию отпора японским агрессорам, по-прежнему исходило из того, что Китай не сможет сам отразить японское нападение, и считало, что положение его изменится только в том случае, если в состоянии войны с Японией окажется также СССР.

Расчеты правящих кругов западных держав, что японцы нападут на СССР, были не лишены оснований. Полпредство СССР в Японии, анализируя цели японской агрессии в Китае, писало 5 сентября 1937 г. в Москву: «Нам надо все время учитывать, что вся эта авантюра имеет целью и нас. Когда они приведут в действие весь военный аппарат, подтянут к нему всю страну, то в случае какого-либо вдруг благоприятного оборота для них дел в Китае (или каких-либо событий в США, или в Англии, или в Европе), а может быть, даже из отчаяния, они могут броситься на нас, хотя бы и знали, что это дело рискованное. Квантунский штаб, как я себе представляю, только и мечтает об этом»⁶⁶. Японская военщина всеми силами старалась привить японскому народу сознание «неизбежности близкой войны с Советским Союзом»⁶⁷.

Положение Советского Союза усугублялось тем, что в случае войны на Дальнем Востоке он должен был считаться также с серьезными осложнениями на своих западных рубежах. Так, китайский посол Цзян Типфу в беседе с наркомом 1 августа 1937 г. сказал, что, по сведениям, полученным из германского и итальянского посольств, в случае выступления СССР на стороне Китая Германия и Италия должны будут поддержать Японию⁶⁸. Японский посол в Берлине также сообщил французскому послу, что германское и итальянское правительства обещали Японии «активную военную помощь в том случае, если СССР окажется в дальневосточном конфликте на стороне Китая»⁶⁹.

Серьезные опасения вызывала также позиция Польши. Японский военный атташе в Польше генерал Р. Савада,

---

⁶⁵ *Grew J.* Ten Years in Japan. N. Y., 1944. P. 221.

⁶⁶ АВП СССР. Ф. 09. Оп. 27. Д. 57. Л. 62.

⁶⁷ Там же. Л. 24—26, письмо НКВД полпредству в Японии от 15 ноября 1937 г.

⁶⁸ Там же. Ф. 05. Оп. 17. Д. 4. Л. 75—76.

⁶⁹ Там же. Ф. 09. Оп. 27. Д. 61. Л. 14, письмо НКВД полпредству в Италии от 9 августа 1937 г.

обратившись 24 августа к польскому правительству с просьбой о поддержке японцев при обсуждении вопроса о японо-китайском конфликте в Лиге наций, особенно подчеркнул, что Китай сотрудничает с СССР, а у Японии и Польши «общие интересы» в отношении Советского Союза⁷⁰. Польское правительство охотно откликнулось на эту просьбу, считая, что «Япония является естественным союзником Польши»⁷¹.

В то же время нельзя не отметить, что Германия, Италия и Польша были заинтересованы в прекращении войны между Японией и Китаем. В Берлине считали, что Япония, увязнув в Китае, потеряет свое значение в качестве союзника против СССР⁷². Итальянское правительство полагало, что Германии и Италии следовало бы, выступив в качестве посредников, оказать содействие прекращению войны. «Урегулирование на Дальнем Востоке, — отмечал Муссолини в беседе с Риббентропом 6 ноября 1937 г., — содействовало бы сохранению военной силы Японии для будущей акции, направленной против России»⁷³.

Надеждам западных держав на войну между Японией и СССР, однако, не суждено было сбыться. Вместе с быстрым экономическим развитием Советского государства росла также его оборонная мощь. К началу 1936 г. в Советских Вооруженных Силах насчитывалось 1 300 000 человек⁷⁴, а к 1937 г. их численность была доведена до 1 433 000⁷⁵. К тому же Советское правительство постоянно уделяло самое серьезное внимание защите своих дальневосточных рубежей. Все это не могло не действовать отвращающе на японских агрессоров.

Советская дипломатия проявляла также необходимую бдительность и гибкость, с тем чтобы СССР не оказался в состоянии войны с агрессорами один на один, без союзников, причем одновременно на Востоке и Западе.

---

⁷⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. 6. С. 333.

⁷¹ Там же.

⁷² История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 665.

⁷³ Ciano's Diplomatic Papers. L., 1947. P. 142.

⁷⁴ Известия. 1936. 16 янв.

⁷⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. М., 1960. Т. 1. С. 90.

ПОДДЕРЖКА СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ КИТАЯ В ЛИГЕ НАЦИЙ. БРЮССЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

20 августа 1937 г. китайский посол в Москве Цзян Тинфу информировал заместителя наркома В. П. Потемкина, что китайское правительство приняло решение обратиться в Лигу наций и просить о применении к Японии санкций. Оно надеется, что правительство Советского Союза окажет Китаю поддержку при обсуждении в Лиге этого вопроса ⁷⁶. 25 августа В. П. Потемкин по поручению Советского правительства заверил китайского посла, что советская делегация поддержит Китай при рассмотрении конфликта в Лиге наций. Китайский посол выразил признательность и сказал, что это сообщение является для него «большой радостью»⁷⁷.

М. М. Литвинов, прибыв в Женеву, сообщал 9 сентября в НКВД, что Китай пока формально не обращался в Лигу наций с требованием о включении вопроса о японской агрессии в повестку дня Совета Лиги. Но если вопрос встанет, писал он, то советская делегация поддержит «любые меры, которые будут предложены», против агрессивных действий Японии ⁷⁸.

Английское и французское правительства считали нежелательным обсуждение в Лиге вопроса о японской агрессии. Прежде всего потому, что они не намеревались принимать какие-либо меры против японских агрессоров. В то же время правящие круги Англии и Франции понимали, что вина за неизбежную в таком случае бесплодность обсуждения этого вопроса в Лиге ляжет именно на них. Они высказывали также опасения, выдержит ли Лига наций еще один удар, не будет ли это ее последним раундом. Наконец, если уж необходимо обсуждать этот вопрос, то Лондон и Париж были заинтересованы в том, чтобы в этом обсуждении приняли участие и Соединенные Штаты Америки. Поэтому Англия и Франция предпочитали, чтобы обсуждение вопроса о японской агрессии происходило не в Лиге наций, а в органе, в котором были бы представлены также Соединенные Штаты Америки.

13 сентября 1937 г. китайское правительство официально обратилось в Совет Лиги наций с просьбой приме-

⁷⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 465.

⁷⁷ Там же. С. 478, 747.

⁷⁸ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1747. Л. 75.

нить к Японии меры, предусмотренные в Уставе Лиги наций. Вместе с тем китайский представитель не настаивал на обсуждении этого вопроса в самом Совете, а предложил по совету Лондона и Парижа передать его на рассмотрение Консультативного комитета, созданного Лигой наций еще в 1931 г. в связи с вторжением японских войск в Маньчжурию. Правительства Англии и Франции, согласно обычной процедуре Лиги, надеялись, что тем самым этот вопрос фактически будет положен в долгий ящик. Как сообщала из Женевы 16 сентября советская делегация, «англичане и французы очень довольны, избавившись пока от китайского вопроса»⁷⁹.

Характеризуя позицию британских правящих кругов, НКВД отмечал 20 сентября в телеграмме советской делегации в Женеве, что имеющиеся сведения «не оставляют сомнений в том, что Англия изо всех сил старается локализовать японо-китайский конфликт, стремясь ликвидировать шанхайский фронт и переадресовать японскую агрессию с юга на север, то есть в конечном счете против СССР»⁸⁰.

Позиция Советского правительства по вопросу о борьбе против агрессии была подробно изложена в речи наркома иностранных дел СССР на ассамблее Лиги наций 21 сентября 1937 г. М. М. Литвинов обратил внимание участников ассамблеи, что агрессия «еще выше подняла голову, еще паглее показывает свое безобразное лицо и находит все новые и более частые проявления и во все более резкой форме». Однако, сказал он, Лига наций остается в стороне от происходящих событий, не реагируя на них. Нарком призвал все страны объединиться в борьбе за мир, против агрессии. Он отмечал, что «решительная политика Лиги в одном случае агрессии избавила бы нас от всех остальных случаев. И тогда, и только тогда, все государства убедились бы, что агрессия не рентабельна, что агрессию не следует предпринимать»⁸¹.

Газета «Правда» указывала в те дни, что, для того чтобы остановить агрессоров, есть верное средство: «коллективный отпор фашистским разбойникам со стороны всех заинтересованных в мире государств, коллективная защита неделимого мира»⁸².

---

⁷⁹ Там же. Л. 100.

⁸⁰ Там же. Д. 1784. Л. 109.

⁸¹ Известия. 1937. 22 сент.

⁸² Правда. 1937. 22 сент.

В связи с предстоящим обсуждением в Консультативном комитете Лиги вопроса о японской агрессии 26 сентября наркомун накануне были посланы директивы о том, что «желательно и признание Японии агрессором, и применение к ней эффективнейших санкций»⁸³.

Представители Англии и Франции в Лиге наций не скрывали, что обе державы не намерены принимать какие-либо меры против японского агрессора⁸⁴. Они ссылались на то, что им не известна позиция США.

2 октября полпредству СССР в Вашингтоне было дано указание немедленно выяснить позицию США⁸⁵. На следующий день поверенный в делах СССР в США К. А. Уманский обратился с этим вопросом к заместителю государственного секретаря С. Уэллесу. Он получил ответ, что американское правительство лишено возможности делать различие между агрессором и жертвой агрессии и на каком-то основании сочувствовать ей⁸⁶. Не следует рассчитывать на участие Соединенных Штатов в военных и экономических санкциях. Выслушав высказывания С. Уэллеса, К. А. Уманский охарактеризовал политику США как «крайне обескураживающую»⁸⁷.

Одна из причин такой позиции правительства США заключалась в его опасениях, что санкции против японских агрессоров могли бы привести к полному провалу их действий в Китае и «анархии» там (словом «анархия» в буржуазной литературе принято обозначать приход к власти коммунистов). А в таком случае, считали в Вашингтоне, Соединенным Штатам «пришлось бы проделывать еще раз всю ту работу, которую делают японцы», но в более трудных условиях⁸⁸.

23 сентября китайская делегация поставила на обсуждение Консультативного комитета вопрос о необходимости осудить бомбардировку японской авиацией мирных городов Китая. Западные державы добивались принятия

---

⁸³ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 752—753.

⁸⁴ Личный секретарь А. Идена О. Харви отмечал в своих дневниках, что Н. Чемберлен «решительно против какого бы то ни было экономического бойкота» в отношении Японии. «It ni в коем случае не применю санкций», — заявил он (The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937—1940. L., 1970. P. 49, 58).

⁸⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 529.

⁸⁶ Там же. С. 530.

⁸⁷ FRUS. 1937. Vol. 3. P. 571—572.

⁸⁸ Maddux Th. R. Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933—1941. Tallahassee, 1980. P. 94—95.

такой резолюции, в которой при осуждении бомбардировок мирных городов не указывалось бы конкретного виновника. М. М. Литвинов решительно поддержал требование китайской делегации. В результате комитет принял резолюцию, осуждавшую бомбардировку японской авиацией китайских городов⁸⁹.

В целом же решения Лиги наций по вопросу о японской агрессии, принятые 6 октября, оказались половинчатыми. Лига ограничилась констатацией, что Япония нарушила свои обязательства по существующим договорам и что ее действия «не могут быть оправданы». Лига заявляла о «моральной поддержке» Китая и рекомендовала, чтобы ее члены рассмотрели, «как далеко каждый из них индивидуально может пойти в деле оказания помощи Китаю»⁹⁰. Заинтересованным государствам рекомендовалось созвать по вопросу о японо-китайском конфликте специальную конференцию.

Выступая на заседании ассамблеи Лиги наций, М. М. Литвинов заявил, что в действиях японского правительства имеются все элементы, составляющие агрессию. Он выразил надежду, что, если это потребует, Лига наций выполнит все свои обязательства по отношению к Китаю⁹¹.

Газета «Известия» подчеркивала, что все подлинные друзья мира и враги любой агрессии должны использовать осуждение Лигой наций японской агрессии в качестве «первого шага на пути организации коллективного отпора Японии и коллективной помощи Китаю»⁹².

Английский историк Г. Хаббард признавал, касаясь позиции СССР по китайскому вопросу: «В Женеве русские представители активно выступали за коллективные действия против Японии, и та поддержка, хотя и небольшая, которую Китай получал от рассмотрения этого вопроса в Лиге, в значительной степени была результатом их активности»⁹³. Даже западные историки признают, что Советский Союз вошел в историю Лиги наций как наиболее последовательный защитник жертв германской, итальянской и японской агрессии и как лидер тех сил,

---

⁸⁹ Правда. 1937. 29 сент.

⁹⁰ The Sino-Japanese Conflict and the League of Nations. Geneva, 1937. P. 64—80.

⁹¹ Правда. 1937. 7 окт.

⁹² Известия. 1937. 6 окт.

⁹³ Survey of International Affairs, 1938. L., 1941. Vol. 1. P. 568.

которые выступали в ней за неукоснительное соблюдение положений Устава Лиги ⁹⁴.

В соответствии с решением Лиги наций началась подготовка международной конференции стран, заинтересованных в положении на Дальнем Востоке ⁹⁵. Местом проведения конференции был избран Брюссель.

Сразу же встал вопрос об участниках конференции. Особенно усердно США, Англия и другие организаторы конференции добивались участия в ней Японии. В связи с этим 23 октября 1937 г. М. М. Литвинов писал полпреду в США А. А. Трояновскому, что, убеждая японцев принять участие в конференции, их всячески заверяют, что «речь будет идти лишь о примирении, а отнюдь не о каких-либо мерах против Японии. Я полагаю, что так оно и будет. Предложат перемирие, посредничество и т. п., создадут процедуру, которая позволит оттягивать более практические решения на долгое время и этим помешают вновь заняться вопросом Лиге наций... Ничего хорошего Брюссельская конференция при таком положении вещей не предвещает» ⁹⁶.

Правящие круги Англии, считавшие своей важнейшей задачей установление сотрудничества с германскими фашистами, усиленно добивались участия в конференции также Германии, хотя она и не относилась к числу Тихоокеанских стран. Японское и германское правительства, однако, огорчили англичан и американцев: они грубо отклонили приглашение. Защиту интересов японских агрессоров в Брюсселе взяли на себя итальянские фашисты.

США выражали явное недовольство тем, что на конференцию в Брюсселе предполагалось пригласить Советский Союз ⁹⁷. Помешать этому они все же не смогли. Получив 28 октября приглашение принять участие в конференции, Советское правительство на следующий же день дало положительный ответ ⁹⁸.

Что касается задач конференции, то, по мнению правительства США, она должна была предпринять попытку примирения между Японией и Китаем, т. е. между агрессором и жертвой агрессии. США не считали возможным

---

⁹⁴ *Walters F. P.* A History of the League of Nations. L., 1952. Vol. 2. P. 783.

⁹⁵ *Севостьянов Г. Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961. С. 116—136.

⁹⁶ *ЛВН СССР.* Ф. 05. Оп. 17. Д. 90. Л. 20.

⁹⁷ *Maddux Th. R.* Years of Estrangement. P. 95.

⁹⁸ *Документы внешней политики СССР.* Т. 20. С. 578.

участвовать в каких-либо мерах, направленных против японских агрессоров⁹⁹. Ф. Рузвельт, давая инструкции главе американской делегации на конференции П. Дэвису, подчеркнул, что слово «санкции» необходимо «строжайшим образом избегать»¹⁰⁰.

Британское правительство заявило, что оно готово идти так же «далеко» (!?), как правительство США, но ни в коем случае не дальше. А. Иден указывал, что ввиду напряженного положения в Европе Англия не может предпринимать какие-либо действия на Дальнем Востоке, иначе как в полном сотрудничестве с Соединенными Штатами¹⁰¹. Как отмечал М. М. Литвинов, подобные заявления делались, по-видимому, только потому, что в Англии уверены, что Америка не захочет такого сотрудничества¹⁰².

Позиция Англии в связи с конференцией видна из записи беседы министра по делам доминионов М. Макдональда с представителем Новой Зеландии на конференции У. Джорданом 29 октября 1937 г. Британский министр сразу же заметил, что «конференция созывается, разумеется, не для того, чтобы рассматривать вопрос о применении санкций против Японии». Следует предпринять дальнейшие усилия в целях восстановления мира путем соглашения. Конференция могла бы принять решение о том, чтобы одна или две страны (например, Соединенные Штаты Америки и Великобритания) установили в качестве посредников контакт с Токио и Нанкином с целью выяснения, «имеются ли надежды на успешное сотрудничество». В Брюсселе «не должно быть предложений о санкциях». Рассматривать вопрос о санкциях «преждевременно»¹⁰³.

Таким образом, ни США, ни Англия не намеревались прибегать к каким-либо мерам, кроме словесных увещаний агрессора.

За принятие эффективных мер против японских агрессоров, в защиту Китая по-прежнему выступал только СССР.

М. М. Литвинов писал 20 октября 1937 г., что СССР считает желательным применение к японскому агрессору

---

⁹⁹ FRUS. 1937. Wash., 1954. Vol. 4. P. 85—86.

¹⁰⁰ The Moffat Papers, 1919—1943. Cambridge (Mass.), 1956. P. 157.

¹⁰¹ Ibid. P. 146; The Eden Memoirs. P. 537.

¹⁰² АВПН СССР. Ф. 0129. Оп. 21. Д. 2. Л. 36.

¹⁰³ Public Record Office. Cab. 27/626. P. 246.

эффективных санкций¹⁰⁴. 29 октября в беседе с американским послом в СССР Дж. Дэвисом нарком снова заявил, что Советский Союз серьезно заинтересован в прекращении агрессии и в установлении мира и коллективной безопасности. СССР готов занять в сотрудничестве с Соединенными Штатами, Францией и Англией решительную позицию, подчеркнул он¹⁰⁵.

Если в организационной подготовке конференции в Брюсселе инициатива принадлежала британскому правительству, то по-иному обстояло дело с выработкой проектов различных документов, которые вносились на рассмотрение конференции. Госдепартамент заранее подготовил для своего представителя на конференции Н. Дэвиса проекты решений конференции, составленные в соответствии с политикой попустительства агрессии, проводившейся Соединенными Штатами. Американское правительство рассчитывало навязать таким путем конференции свой политический курс и предотвратить принятие каких-либо решений, несовместимых с ним. Даже Н. Дэвис, ознакомившись с ними, не мог не признать, что подготовленные госдепартаментом проекты резолюций могут «убить и похоронить конференцию»¹⁰⁶.

Тон на Брюссельской конференции, открывшейся 3 ноября 1937 г., сразу же задали американская делегация, выступив с программой «умиротворения» японских агрессоров. Н. Дэвис в своей речи не считал возможным даже уточнить, кто является агрессором и кто — жертвой агрессии. Япония и Китай, говорил он, «оказались в состоянии конфликта и начали военные действия». Он предложил урегулировать конфликт на основе, «приемлемой для обеих сторон»¹⁰⁷. Это могло означать только одно: США были готовы удовлетворить агрессивные устремления Японии за счет Китая, а китайский народ должен был покорно мириться с этим. Англичане и французы пошли по тому же пути. А. Иден и И. Дельбос заявили, что они полностью присоединяются к тому, что было сказано Н. Дэвисом.

Принципиальную позицию заняла на конференции только советская делегация. Глава делегации М. М. Литвинов в речи 3 ноября выразил несогласие с политикой

---

¹⁰⁴ АВП СССР. Ф. 05. Оп. 17. Д. 1. Л. 345—346.

¹⁰⁵ FRUS. 1937. Vol. 4. P. 119—120.

¹⁰⁶ Ibid. P. 132.

¹⁰⁷ The Conference of Brussels, Nov. 3—24, 1937. Wash., 1938. P. 24—27.

США, Англии и Франции, выступавших за мир, «приемлемый для обеих сторон». Он отметил, что нет ничего легче, как сказать агрессору: «Возьми себе свою добычу, то, что захватил силой, и да будет мир с тобой», а жертве агрессии: «Люби своего агрессора и не сопротивляйся злу». Но это может вызвать, подчеркнул он, лишь новые акты агрессии. В таком случае конференция вместо борьбы с агрессией может оказаться «орудием агрессора». Цель ее — не просто в том, заявил глава советской делегации, чтобы добиться мира на Дальнем Востоке; она должна добиться «мира справедливого, мира, который не развяжет, а свяжет агрессию и в дальнейшем и в других частях света». Напомнив неоднократно излагавшуюся ранее позицию СССР по вопросу о борьбе с агрессией, М. М. Литвинов подчеркнул необходимость сплочения стран, выступающих за сохранение мира. Это особенно необходимо в такой момент, «когда агрессивные страны все больше и больше объединяются и сплываются между собой, создавая угрозу все большему количеству государств»¹⁰⁸.

Характерна оценка позиции советской делегации, которую дал Н. Дэвис. «Литвинов убеждал меня, — писал он в Вашингтон, — в целесообразности тесного сотрудничества и взаимопонимания между Англией, Соединенными Штатами и Россией, утверждая, что в случае, если Япония окажется перед лицом такой группировки, она согласится прекратить военные действия»¹⁰⁹. Нарком заверил, что Советский Союз готов принять активное участие в борьбе против японской агрессии, но отметил, что в этой борьбе должны принимать участие также США и Англия. Советская страна должна быть уверена в том, подчеркнул он, «что не взвалит все бремя на нее одну»¹¹⁰. Таким же образом характеризовал позицию Советского Союза и советник американской делегации на конференции П. Моффат. Он отмечал, что советская делегация «добивается тесного сотрудничества между Англией, Соединенными Штатами и Россией»¹¹¹.

Между тем Н. Дэвис и после начала конференции усиленно старался устранить СССР от активного участия в ее работе. Он носился с идеей создания исполнительного

---

¹⁰⁸ Известия. 1937. 4 нояб.

¹⁰⁹ FRUS. 1937. Vol. 4. P. 157—158.

¹¹⁰ FRUS. 1938. Wash., 1954. Vol. 3. P. 25.

¹¹¹ The Moffat Papers. P. 172.

комитета конференции для посредничества в японо-китайском конфликте, в то же время пытаюсь доказать нежелательность участия в нем СССР¹¹². Как нарком сообщил в Москву 5 ноября, И. Дельбос информировал его, что «американская делегация весьма недоброжелательно настроена в отношении СССР»¹¹³. Н. Дэвис развивал мысль, писал несколько позднее М. М. Литвинов, что «на данной стадии конференции мы вообще не нужны и можем понадобиться лишь в дальнейшем, очевидно, когда потребуются применение силы против Японии». «Не сомневаюсь, — заключал нарком, — что Дэвис пошел бы на любое ущемление нас, если бы от этого зависела возможность каких-либо переговоров с Японией»¹¹⁴.

Первый этап конференции кончился 6 ноября выработкой текста повторного обращения к Японии с приглашением принять участие в конференции. До получения ответа был объявлен перерыв в работе.

Раскрывая принципиальное отличие политики первого в мире социалистического государства от политики других держав, В. М. Молотов отмечал 6 ноября 1937 г. в докладе, посвященном 20-й годовщине Октябрьской революции, что свое сочувствие китайскому народу и отношение к японской агрессии Советский Союз выразил уже заключением советско-китайского пакта о ненападении. Но еще не известно ни одного шага, который бы сделали другие государства для противодействия неслыханной агрессии против китайского народа. «И здесь Советский Союз выделяется, — сказал он, — из хора держав своей особой позицией, своим честным отношением и искренними симпатиями к народу, подвергнутому иностранной агрессии»¹¹⁵.

Между тем Япония продолжала усиливать и расширять военные действия в Китае. 12 ноября японские войска захватили Шанхай, значительно укрепив свои позиции в Центральном Китае. В тот же день японское правительство вновь отвергло обращение Брюссельской конференции.

Когда 13 ноября конференция возобновила свою работу, китайский представитель Веллингтон Ку поднял воп-

---

¹¹² Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 596, 605—606; *Maddux Th. R. Years of Estrangement*. P. 95.

¹¹³ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 593.

¹¹⁴ Там же. С. 606.

¹¹⁵ Правда. 1937. 10 нояб.

рос об экономических санкциях против Японии и об оказании помощи Китаю¹¹⁶. Однако представители США, Англии и Франции оставались глухи. Они в своих выступлениях просто игнорировали эти предложения¹¹⁷. Суть очередной речи Н. Дэвиса заключалась в том, что он все еще надеялся на возможность сотрудничества Японии с конференцией¹¹⁸. «Все помыслы Дэвиса, — отмечал М. М. Литвинов, — были сосредоточены на посредничестве». В ходе конференции, писал он, американский посол в Бельгии «Гибсон продолжал все время давать японскому послу самые успокоительные заверения, высмеивая конференцию»¹¹⁹.

Китайское предложение поддержала только советская делегация. В. П. Потемкин, возглавлявший после возобновления работы конференции советскую делегацию, заявил, что СССР всегда готов поддержать любые меры, продиктованные желанием сохранить мир. Он подчеркнул, что для прекращения японской агрессии необходимо, чтобы были приняты «солидарные и действенные усилия держав, заинтересованных в сохранении мира на Дальнем Востоке. Всякая конкретная инициатива в этом плане будет поддержана Советским Союзом»¹²⁰.

Об этом же заявлял В. П. Потемкин и в беседах с другими участниками конференции. Так, Н. Дэвис сообщал в Вашингтон, что Потемкин в разговоре с ним *«очень упорно настаивал на необходимости принятия конкретных мер против Японии»*, так как Советское правительство уверено в том, что другими средствами прекратить конфликт невозможно. В. П. Потемкин неоднократно заявлял, что СССР «примет участие во всех мерах, на которые выразят согласие Англия и США»¹²¹. Однако Дэвис упорно продолжал отклонять всякое обсуждение вопроса о совместных действиях участников конференции против японского агрессора¹²².

15 ноября 1937 г. конференция приняла декларацию, проект которой был подготовлен делегациями США, Англии и Франции. В ней констатировалось, что действия Японии в Китае противоречат договору девяти держав

¹¹⁶ Там же. 15 нояб.

¹¹⁷ The Moffat Papers. P. 181.

¹¹⁸ The Conference of Brussels. P. 61—63.

¹¹⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 622.

¹²⁰ Известия. 1937. 15 нояб.

¹²¹ FRUS. 1937. Vol. 4. P. 198—199.

¹²² Ibid. P. 213.

1922 г.¹²³ Однако никаких мер борьбы против японской агрессии в декларации не предусматривалось.

Со второй половины ноября правительство США начало подготовку к свертыванию работы конференции, причем так, чтобы она закрылась «без каких-либо действий или угроз» в отношении Японии¹²⁴.

В связи с тем что в Брюсселе началась работа над проектом заключительной декларации, в соответствии с решением ЦК ВКП(б) 20 ноября советской делегации было послано указание добиваться, чтобы она рекомендовала членам конференции «оказывать Китаю всевозможную максимальную помощь как индивидуально, так и коллективно»¹²⁵. Предпринятые советской делегацией попытки включить эти положения в проект декларации¹²⁶, однако, не были поддержаны представителями западных держав.

24 ноября конференция приняла декларацию о том, что она временно прерывает свои заседания, для того чтобы предоставить участвующим в ней правительствам время «для дальнейшего изучения мирных методов урегулирования конфликта»¹²⁷. Это оказалось последним заседанием конференции.

Если главную ответственность за «невмешательство» в связи с германо-итальянской интервенцией в Испании несли английские и французские «умиротворители», то основная вина за политику попустительства японской агрессии ложилась на Соединенные Штаты Америки. В случае если бы США, Англия и Франция в сотрудничестве с СССР выступили против агрессивных действий японских милитаристов, то агрессию можно было бы остановить.

Правительства западных стран не думали о помощи Китаю в борьбе против агрессоров. Они считали фактически законной (разумеется, по волевым законам империализма) японскую экспансию в Китае, правда, в таком виде, чтобы она не была направлена против их интересов. Американская дипломатия не считала оптимальным вариантом разгром японских (как и германских) агрессоров и потому, что она опасалась укрепления в результате этого позиций СССР¹²⁸. Лучшим выходом из создавшегося положения правящие круги США, Англии и Франции счи-

¹²³ Правда. 1937. 16 нояб.

¹²⁴ FRUS. 1937. Vol. 4. P. 220.

¹²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 761—762.

¹²⁶ Там же. С. 762.

¹²⁷ The Conference of Brussels. P. 76—77.

¹²⁸ The Moffat Papers. P. 183.

тали империалистический сговор с Японией о «мирном» грабеже всеми ими Китая, с тем чтобы японская агрессия обратилась против Советского Союза.

Поскольку японские империалисты продолжали свои агрессивные действия в Китае, нарушая интересы США, Англии и Франции, и не намеревались до поры до времени нападать на СССР, правящие круги западных держав попытались было толкнуть СССР на выступление против Японии. Это отчетливо проявилось в последние дни работы Брюссельской конференции. Так, 23 ноября 1937 г. В. П. Потемкин писал из Брюсселя, сообщая о своей беседе с председателем конференции министром иностранных дел Бельгии П. Спааком, что, явно прибегая к провокационному маневру, «он фамильярно нам заявил, что лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов поугагать Токио». В. П. Потемкин ответил на это, что в Брюсселе, очевидно, имеются охотники «загрести жар чужими руками»¹²⁹.

Разумеется, эти провокации были обречены на провал. Советское правительство трезво оценивало создавшееся положение. Оно было готово на самые эффективные меры помощи Китаю в борьбе против японских агрессоров, но вместе с США, Англией и Францией. Разоблачая провокационные планы правящих кругов США, Англии и Франции, орган ЦК ВКП(б) журнал «Большевик» писал, что в Брюсселе «представители западных держав сгорали желанием столкнуться с Японией Советский Союз. Почему бы, в самом деле, СССР не поддержать Китай? Почему бы Советскому Союзу не произвести мобилизацию на маньчжурской или монгольской границах? Почему не послать в Токио воздушные эскадрильи из Владивостока, чтобы таким образом образумить Японию? То осторожно, намеками, то открыто, в порядке дружественного внушения, то развязно и назойливо различные делегаты и журналисты пробовали заговаривать об этом с советской делегацией»¹³⁰.

Итоги Брюссельской конференции свидетельствовали, что США, Англия и Франция фактически поощряли японскую агрессию. Безрезультатность конференции, отсутствие конкретных мер, которые могли бы заставить при-

---

¹²⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 617.

¹³⁰ Большевик. 1938. № 1. С. 64.

задуматься японских захватчиков, лишь поощрили японскую военщину.

Сообщая в Москву об итогах конференции, В. П. Потемкин телеграфировал, что она закрылась «в атмосфере капитуляции перед Японией и явной подготовки к сговору с ней... О коллективной помощи Китаю всерьез не говорит никто»¹³¹.

М. М. Литвинов отмечал в письме полпреду в США, оценивая результаты конференции, что СССР с самого начала относился скептически к возможным результатам Брюссельской конференции. «Конференция закончила свое существование даже более позорно, чем можно было ожидать»¹³².

Бесплодность Брюссельской конференции имела своим последствием дальнейшее усиление японской агрессии в Китае. 27 ноября, т. е. два дня спустя после окончания конференции, японские войска пачали наступление на Нанкин, где в то время располагалось китайское правительство. 13 декабря город оказался в их руках.

Обсуждение вопроса об оказании помощи Китаю в борьбе против японских агрессоров раскрыло и состояние советско-американских отношений. Полпред в США А. А. Трояновский констатировал, что «наши отношения с Соединенными Штатами в настоящее время довольно прохладны... Во всяком случае, все те, которые работают против коллективной безопасности, работают здесь против нас, и огромную роль в этом деле играет госдепартамент... За все это время, несмотря на угрожающее положение на Дальнем Востоке, при обсуждении в прессе вопросов, связанных с борьбой против агрессоров, за коллективную безопасность, мы не фигурируем как возможные активные участники, а если фигурируем, то в большей части в качестве доказательства опасности и вредности коллективной безопасности, так как придется идти вместе с Советским Союзом»¹³³.

Классовая ненависть к Советскому государству не позволяла реакционным кругам США правильно оценить обстановку, действительное значение сотрудничества с СССР в ограждении интересов самих Соединенных Штатов против агрессивных устремлений Японии. Это поняли в США лишь после того, как в декабре 1941 г. они подверглись нападению со стороны Японии.

¹³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 763.

¹³² Там же. С. 622—623.

¹³³ Там же. Т. 21. С. 53—54.

ПОМОЩЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КИТАЮ

Для Китая по-прежнему остро стоял вопрос о закупках за границей военных материалов. В январе 1938 г. китайское правительство направило в СССР, Англию и Францию чрезвычайную миссию во главе с председателем законодательного юаня Сунь Фо, с тем чтобы она обратилась к правительствам этих стран с просьбой об оказании Китаю помощи в борьбе против агрессии. 21 января 1938 г. Сунь Фо заявил в беседе с заместителем наркома иностранных дел Б. С. Стомопяковым, что, «ведя войну против империалистов, т. е. за свое освобождение, китайский народ черпает силы в симпатии и поддержке со стороны СССР». Заместитель наркома отметил, что советский народ действительно полон симпатий к великому китайскому народу и горячо желает ему победы ¹³⁴.

Советские дипломаты отмечали в беседах с китайскими деятелями, что в своей политике по отношению к Китаю Советское правительство основывается на учении Ленина, который завещал СССР поддерживать с Китаем дружбу, так же как и Сунь Ятсен завещал Китаю дружбу с СССР ¹³⁵.

После длительных бесполезных переговоров в Лондоне и Париже Сунь Фо снова прибыл в Москву. В беседе с Б. С. Стомопяковым 19 мая 1938 г. он передал глубокую благодарность китайского правительства за советскую помощь военными материалами и выразил надежду на продолжение этой помощи ¹³⁶. Во время встречи с заместителем наркома В. П. Потемкиным Сунь Фо признал, что результаты его поездки в Англию и Францию неутешительны и что эти страны уклоняются от оказания помощи Китаю. «Единственной страной, которая оказывает Китаю реальную помощь, остается СССР», — заявил Сунь Фо ¹³⁷.

Позиция Англии по вопросу о помощи Китаю наглядно видна из меморандума, который 31 мая Форин оффис представил внешнеполитическому комитету британского правительства. Китай, говорилось в меморандуме, «ведет на Дальнем Востоке нашу войну, так как в случае победы Японии наши интересы там обречены... Прежде всего будут потеряны наши необъятные капиталовложения в Северном Китае и Шанхае... Если бы только Китай мог

¹³⁴ Там же. С. 43.

¹³⁵ Там же. С. 411.

¹³⁶ Там же. С. 277.

¹³⁷ АВП СССР. Ф. 05. Оп. 18. Д. 3. Л. 125.

устоять в борьбе против Японии, мы с американцами тогда могли бы осуществить эффективную и результативную интервенцию, снова обеспечив наши позиции на целое поколение». В то же время в меморандуме отмечалось, что, по мнению британского посла в Токио Р. Крейги, предоставление Китаю займа могло бы вызвать в Японии резкое недовольство. Вопрос выносился на решение комитета¹³⁸. Опасаясь негативных последствий для англо-японских отношений, комитет занял отрицательную позицию¹³⁹.

В связи с позицией Англии, а также США и Франции Китай по-прежнему проявлял огромную заинтересованность в сотрудничестве с Советским Союзом. 14 июня 1938 г. Чап Кайши снова поставил перед советским полпредом вопрос «о возможности вступления СССР в войну с Японией». Если это невозможно, то он считал желательным «перейти к хотя бы секретному военному сотрудничеству». Он просил также прислать в Китай авторитетного советского военного советника масштаба В. К. Блухера, работавшего в Китае до 1927 г.¹⁴⁰

Все возрастающим потоком в Китай шла советская военная техника. 20 июня 1938 г. был подписан контракт о поставке Китаю военных материалов в счет не израсходованной еще части кредита, предоставленного 1 марта 1938 г., в том числе 120 самолетов и боекомплектов к ним¹⁴¹. 1 июля 1938 г. в Москве было подписано соглашение о предоставлении Советским Союзом кредита Китаю еще на 50 млн. американских долларов¹⁴². По контракту, заключенному в соответствии с этим соглашением, Советский Союз поставил Китаю 180 самолетов, 300 орудий, 1500 ручных и 500 станковых пулеметов, 300 грузовых автомашин и другие военные материалы¹⁴³.

Японское правительство попыталось оказать давление на Советский Союз, но безрезультатно. М. М. Литвинов заявил японскому послу в Москве, что продажа Китаю оружия, в том числе самолетов, находится в полном соответствии с общепринятыми нормами международного права¹⁴⁴.

---

¹³⁸ Public Record Office. Cab. 27/623. P. 317—321.

¹³⁹ Ibid. P. 307—310.

¹⁴⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 333—335.

¹⁴¹ Там же. С. 704.

¹⁴² Советско-китайские отношения, 1917—1957 гг. С. 172—175.

¹⁴³ СССР в борьбе за мир... С. 650, 690.

¹⁴⁴ Известия. 1938. 5 апр.

С китайской стороны неоднократно выражалась благодарность Советской стране за поставки военной техники. Советский полпред в Лондоне И. М. Майский сообщал в Москву, излагая высказывания в беседе с ним китайского посла Ку Тайци: «Единственная страна, которая серьезно помогала и помогает Китаю оружием, самолетами и прочим, — это СССР. За это Китай нам чрезвычайно благодарен, тем более что наши самолеты прекрасны»¹⁴⁵. Веллингтон Ку констатировал, что политика СССР в связи с японской агрессией обеспечила ему заслуженный международный авторитет¹⁴⁶.

С конца мая 1938 г. в Китай пачали прибывать также опытные советские военные советники. Они участвовали в подготовке планов ведения войны против японских захватчиков, обучении китайских солдат и офицеров. В различных учебных заведениях и подразделениях китайской армии под руководством советских инструкторов прошли обучение свыше 90 тыс. человек. Для участия в борьбе против агрессоров в Китай отправились также советские летчики-добровольцы¹⁴⁷.

Очевидец крупнейшего воздушного боя, разразившегося в небе Уханя 29 апреля 1938 г., когда советские летчики-добровольцы сбили 21 вражеский самолет из 54 совершивших налет на город, рассказывал: «В ожесточенном воздушном бою над городом советские летчики, как отважные соколы, героически сражались против вражеских самолетов, вдвое превосходящих их по численности. Когда поврежденные самолеты советских летчиков загорались, летчики, не жалея своей жизни, шли на таран и, погибая, сбивали вражеские самолеты»¹⁴⁸.

В связи с советско-японским конфликтом у оз. Хасан председатель исполнительного юаня Китая Кун Сянси особенно настойчиво начал ставить вопрос о том, что «интересы Советского Союза и Китая перед лицом японской агрессии одинаковы». Он доказывал 30 июля в беседе с советским поверенным в делах в Китае, что основным объектом японской агрессии является СССР, не скрывая, что Япония всегда стремилась «втянуть Китай в борьбу против Советского Союза для совместного нападения, предлагая Китаю военный союз, антикоммунистический

¹⁴⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 602.

¹⁴⁶ DDF. Sér. 2. P., 1977. Т. 11. P. 470.

¹⁴⁷ Дубинский А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937—1945. М., 1980. С. 92—102.

¹⁴⁸ Цит. по: Капица М. С. Указ. соч. С. 284—285.

пакт и т. д.» Кун Сянси все снова и снова говорил о выгодности безотлагательного совместного военного выступления СССР и Китая, чтобы «уничтожить Японию сейчас», покончить с японским империализмом¹⁴⁹.

Сунь Фо (26 и 31 августа) и Чан Кайши (31 августа) все снова и снова поднимали вопрос о заключении с СССР нового политического договора, чтобы установить теснейшее сотрудничество с СССР «на сравнительно вечное время». Год освободительной войны показал, сказал Сунь Фо, что СССР является единственным подлинным другом Китая и что завещанный Сунь Ятсеном курс на сотрудничество с СССР является единственно правильным. «Осуждая собственный ошибочный отход в прошлом от этой политики,— продолжал Сунь Фо,— китайское правительство обязуется навеки не нарушать дружбу с СССР»¹⁵⁰.

8 сентября 1938 г. В. П. Потемкин телеграфировал полпреду в Китае, что ему поручается дать китайскому правительству следующий ответ:

«1. СССР не считает сейчас целесообразным выступать войной против Японии изолированно без Англии или США...

2. СССР выступит войной против Японии лишь при трех следующих условиях: а) если Япония нападет на СССР; б) если Англия или США присоединятся к войне против Японии; в) если Лига наций обяжет тихоокеанские державы выступить против Японии.

3. СССР готов при всяких условиях помогать Китаю средствами обороны согласно договорам, заключенным между Китаем и СССР»¹⁵¹.

В тот же день советский полпред изложил этот ответ Сунь Фо, который отметил, что, исходя из своих интересов и соображений, «обе стороны правы», а цель у них общая — содействие освободительной войне Китая. Полпред И. Т. Луганец-Орельский со своей стороны констатировал, что имевшие место переговоры «способствовали фактическому укреплению взаимоотношений» между обеими странами¹⁵².

Советское правительство проявляло, таким образом, необходимую предосторожность. Продолжая оказывать

---

¹⁴⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 410—413.

¹⁵⁰ Там же. С. 462—463, 465—468, 475—476.

¹⁵¹ Там же. С. 482.

¹⁵² Там же. С. 486.

Китаю все увеличивавшуюся помощь военными материалами, Советский Союз все же не считал возможным вступать в войну с Японией в одиночку, без участия США, Англии и Франции.

Осенью 1938 г. китайское правительство решило снова поставить вопрос о японской агрессии на рассмотрение ассамблеи Лиги наций. В связи с этим китайский посол в Москве Ян Цзе обратился к В. П. Потемкину с просьбой, чтобы советские представители поддержали в Женеве обращение китайской делегации по этому вопросу. Он просил также, чтобы советские представители, если они будут лучше информированы о касающихся Китая вопросах, держали китайскую делегацию в курсе дел. Заместитель наркома заверил китайского посла, что советские представители будут поддерживать в Женеве самую тесную связь с китайской делегацией и «долг дружбы в отношении Китая Советским Союзом будет выполнен»¹⁵³.

Когда китайская делегация поставила в Лиге наций вопрос о санкциях против Японии, английская и французская делегации сделали все возможное, чтобы сорвать принятие по этому вопросу какого-либо решения. Но М. М. Литвинов выступил на неофициальной совещании членов Совета Лиги наций за принятие решения о том, что статья 16 Устава Лиги о санкциях вступила в силу, предложив членам организации выполнять ее в индивидуальном порядке. Ему удалось добиться включения в проект резолюции ассамблеи положения¹⁵⁴, в котором констатировалось, что в результате действий Японии вступила в силу статья 16 Устава Лиги наций. Правда, все еще нет всех необходимых условий для согласованных действий Лиги наций. Но члены Лиги не должны забывать «обязательства изыскать возможности индивидуальной помощи Китаю»¹⁵⁵.

Выступая 30 сентября на ассамблее Лиги наций при обсуждении этого проекта, М. М. Литвинов заверил китайскую делегацию, что советские представители разделяют ее неудовлетворенность проектом. Таким решением, сказал он, «агрессоров не удержать и агрессию не остановить». Индивидуальных мер для пресечения агрессии недостаточно. Советское правительство, подчеркнул пар-

---

¹⁵³ Там же. С. 482—483.

¹⁵⁴ Там же. С. 587.

¹⁵⁵ Правда. 1938. 2 окт.

ком, было бы готово пойти дальше этого проекта «и принять участие в коллективных мероприятиях»¹⁵⁶.

Но и указанный проект резолюции был шагом вперед по сравнению с прежними решениями Лиги наций, в связи с чем СССР, как и Китай, голосовал за него. В тот же день он был одобрен ассамблеей Лиги наций.

Ян Цзе от имени китайского правительства выразил большую благодарность Советскому правительству за энергичную поддержку Китая в Лиге наций, в результате чего была принята резолюция о применении статьи 16 Устава Лиги. Посол, сославшись на указания своего правительства, обратился к наркому с просьбой о том, чтобы СССР еще больше увеличил помощь «оружием и людьми». Нарком заверил его, что СССР готов и впредь оказывать помощь Китаю¹⁵⁷.

* * *

Помощь Советского Союза Китаю наглядно продемонстрировала потенциальные возможности СССР, его решимость принять необходимые меры для обуздания агрессоров. Это было наглядным свидетельством того, что Советский Союз был надежным оплотом мира и безопасности, в том числе на Дальнем Востоке. Вместе с тем Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли осмотрительность, чтобы СССР не оказался в состоянии войны с Японией, в то время как США, Англия и Франция оставались бы в стороне. Вместе с ними, т. е. путем коллективной акции, Советский Союз был готов на все меры, необходимые для обуздания японских агрессоров, оказания помощи Китаю в национально-освободительной войне.

---

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 586—589.

Глава V

ПОЗИЦИЯ СССР В СВЯЗИ С ОБОСТРЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ В ЕВРОПЕ ВЕСНОЙ 1938 г.

АННЕКСИЯ ГЕРМАНИЕЙ АВСТРИИ И ПОЗИЦИЯ СССР

Весной 1938 г. фашистская Германия начала осуществление своих агрессивных планов в Центральной и Восточной Европе. Прежде всего она решила захватить Австрию.

Советский Союз исходил из того, что сохранение независимости Австрии имело принципиально важное значение для поддержания мира в Европе. В результате захвата Австрии Германия получила бы исключительно выгодные стратегические позиции для дальнейшей агрессии. СССР был готов сотрудничать с другими странами в деле защиты Австрии. 8 мая 1935 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов писал, что судьба Австрии серьезно затрагивает интересы безопасности Советского Союза: «Мы не можем быть индифферентны к какому бы то ни было усилению гитлеровской Германии»¹. В феврале 1936 г. советский полпред в Париже В. П. Потемкин подтвердил в беседе с министром иностранных дел Франции П. Флаанденом, что СССР готов вместе с другими членами Лиги наций в случае нападения на Австрию принять участие в коллективных санкциях против агрессора².

24 июня 1937 г. военный министр Германии В. Бломберг утвердил директиву о подготовке военного вторжения в Австрию под кодовым названием «план Отто»³. Излагая 5 ноября 1937 г. руководящему составу германского генерального штаба свою внешнеполитическую программу, Гитлер подчеркнул, что для осуществления целей, стоящих перед Германией, имеется «только один путь — путь насилия». Первоочередной задачей он счи-

---

¹ АВП СССР. Ф. 05. Оп. 15. Д. 122. Л. 208. Усиление фашистской Германии, писал нарком, неизбежно вовлечет в германскую орбиту также Румынию и таким образом для нее «откроются те ворота на Украину, в которые толкает ее Польша» (Там же).

² Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 61.

³ ADAP. Ser. D. Bd. 1. S. 355.

тал захват Австрии и Чехословакии. В то же время, указывал фашистский канцлер, присоединение этих территорий является лишь первым шагом, «средством для осуществления дальнейших завоеваний»⁴.

Для того чтобы сохранить мир, необходимо было противопоставить блоку агрессоров единый фронт государств, заинтересованных в предотвращении войны. «Теперь уже для всех ясно, — писала в те дни „Правда“, — что речь идет об образовании блока агрессоров, намеревающихся осуществить новый передел мира». Чем скорее необходимость коллективной защиты мира будет осознана правящими кругами Англии, Франции и США, указывала газета, тем легче будет положить конец агрессивным действиям фашистских государств, готовящих новую мировую войну⁵.

Большую роль в предупреждении агрессии по-прежнему могла бы сыграть Лига наций. Излагая позицию СССР в отношении Лиги наций, М. М. Литвинов отмечал 4 января 1938 г., что колоссальное политическое значение в создавшихся условиях могло бы иметь опубликование совместной англо-франко-советской декларации в защиту Лиги наций, за что СССР выступает уже больше года. Однако Англия, писал он, уклоняется от такой декларации⁶.

27 января 1938 г. открылась 100-я сессия Совета Лиги наций. Выступая на сессии, М. М. Литвинов заявил, что Советский Союз продолжает исходить из того, что при доброй воле членов Лиги наций она «все еще может служить значительной помехой к дальнейшему развертыванию сил агрессии, а в известных случаях — к приостановке и уменьшению агрессии». Он подчеркнул, что Советский Союз готов по-прежнему «на максимальное сотрудничество с остальными лояльными членами Лиги»⁷.

В комитете Лиги наций, занимавшемся вопросом о реформе Устава, советский нарком констатировал, что сторонники отмены статьи 16, предусматривавшей санкции, хотят превратить Лигу в «универсальный комитет по невмешательству», предоставляя полную свободу действий любому агрессору. Разгул агрессии, заявил он, рас-

---

⁴ Цит. по: *Дашинев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки, документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 126—127, 207.

⁵ Правда. 1937. 10 нояб.

⁶ АВП СССР. Ф. 05. Оп. 18. Д. 1. Л. 11—13.

⁷ Правда. 1938. 28 янв.

пространившийся на все континенты, ставит лицом к лицу с опасностью все государства — малые и большие. «Коллективная безопасность — это есть статья 16, и ее мы должны сохранить и, когда окажется возможным, усилить»⁸.

Самое серьезное внимание Советский Союз обращал на грозные тучи, нависшие над Австрией. Советское правительство ставило вопрос о принятии коллективных мер для защиты мира в центре Европы. Сохранение независимости Австрии, подчеркивала «Правда», требует быстрых и сплоченных действий всех стран, заинтересованных в обеспечении европейского мира⁹.

Начав подготовку к захвату других стран, германские фашисты наряду со сколачиванием необходимых для этого вооруженных сил придавали важнейшее значение арсеналу дипломатических и пропагандистских средств. На нацистский внешнеполитический аппарат была возложена задача предотвратить установление сотрудничества СССР, Франции и Англии, так как это фактически сделало бы германскую агрессию невозможной.

Нацисты стремились убедить реакционные круги западных держав, что они имеют в виду экспансию только на восток. Антисоветская пропаганда в германской печати становилась все более разнузданной. Как отмечало советское полпредство в Берлине, она приняла «значительно более гнусный и пагубный характер, чем прежде». Вокруг советских консульств в Германии было установлено «осадное положение». Причем все признаки свидетельствуют, сообщало в Москву полпредство, что в будущем антисоветский курс германского правительства усилится еще больше¹⁰.

Германские дипломаты продолжали усыплять бдительность британских политических деятелей, подогревая их враждебность к СССР и в то же время заверяя их, что Германия искренне стремится-де к сотрудничеству с Англией. Эти заверения были, разумеется, лишь дымовой завесой. В одном из секретных документов И. Риббентроп писал, что задачи нацистской дипломатии в области германо-английских отношений заключаются в том, чтобы создавать у англичан «впечатление, что урегулирование и договоренность между Германией и Англией все же в

---

⁸ Известия. 1938. 2 февр.

⁹ Правда. 1937. 28 сент.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 93.

копце копцов возможны», по в то же время «сколачивать в глубокой тайне, но со всей возможной решительностью союз против Англии»¹¹.

Однако реакционные правящие круги Англии и Франции продолжали придерживаться курса на империалистический сговор с Германией. Это по-прежнему определялось классовыми соображениями. Классовая близорукость политики как Англии, так и Франции была раскрыта, в частности, в беседе М. М. Литвинова с французским послом в СССР Р. Кулондром. Нарком отметил, что Англия стремилась бы к сближению с СССР, если бы этому не мешала социальная вражда к Советскому Союзу господствующих классов Англии. Это же можно сказать и о Франции, где немало влиятельных людей (П. Фланден и др.) открыто выступают за «пакт четырех»¹².

Характеризуя тогдашнюю политику Англии, Франции и США, американский историк Ф. Шуман пишет, что имущие классы западных держав «восхищались фашизмом и полагали, что их собственные интересы были бы обеспечены сохранением и распространением фашизма». Более того, многие политические деятели этих стран уверовали, что предоставление фашистской тройке свободы рук приведет к гермапо-японскому нападению на Советский Союз, что «цивилизация» таким путем будет «предохранена от большевизма», а Франция, Англия и Америка смогут оставаться нейтральными, пока фашизм и коммунизм будут уничтожать друг друга¹³.

С целью достижения соглашения с германскими фашистами британское правительство направило в Германию в ноябре 1937 г. одного из наиболее влиятельных членов правительства, лорда — председателя королевского тайного совета Галифакса (бывшего вице-короля Индии). Переговоры Галифакса с Гитлером свидетельствовали, что в случае достижения англо-германского соглашения по важнейшим проблемам, интересовавшим британские правящие круги, они готовы были не препятствовать германской агрессии в отношении Австрии, Чехословакии и Польши. Характеризуя тогдашнюю позицию Н. Чемберлена, советский полпред в Лондоне И. М. Майский писал в НКВД 22 ноября, что ради осуществления своих планов

---

¹¹ ADAP. Ser. D. Bd. 1. S. 134—136.

¹² АВП СССР. Ф. 05. Оп. 18. Д. 6. Л. 24.

¹³ Schuman F. L. Soviet Politics: At Home and Abroad. N. Y., 1947. P. 282.

англо-германского сближения «он готов примириться с германской гегемонией в Центральной и Юго-Восточной Европе, если только она не будет проведена в каких-либо слишком одиозных формах...»¹⁴.

Гитлер воспринял высказывания лорда Галифакса в беседе с ним как свидетельство того, что ему открыт «зеленый свет» для экспансии в Центральной и Восточной Европе¹⁵.

В конце ноября 1937 г. в Лондон были приглашены французский премьер К. Шотан и министр иностранных дел И. Дельбос, чтобы согласовать дальнейшие планы переговоров с Германией. При этом была уточнена позиция обеих стран в случае германской агрессии против Чехословакии. Н. Чемберлен твердо заявил, что Англия «не должна быть втянута в войну из-за Чехословакии»¹⁶. Прибыв в Варшаву после визита в Лондон, И. Дельбос рассказывал о господствовавших в Англии настроениях: «Чемберлен убежден, что нет иного пути и следует договориться о сотрудничестве с Германией и Италией». Из переговоров с англичанами было видно, сказал французский министр, что «в Лондоне настроение по отношению к СССР ухудшилось» и что «Англия не имеет ничего против того, чтобы СССР остался вне пакта и, более того, чтобы возник конфликт между Германией и СССР»¹⁷.

В таком же направлении постепенно менялась и позиция французского правительства. В частности, реакционные круги Франции делали все возможное, чтобы подорвать значение франко-советского договора о взаимопомощи. Этот вопрос был подробно проанализирован в письме полпреда СССР во Франции Я. З. Сурица от 27 ноября 1937 г. Полпред отмечал рост опасений во Франции за безопасность страны. Гарантацией ее безопасности могли бы явиться союз и сотрудничество Франции с другими государствами, которым также угрожает германская агрессия, в первую очередь с Советским Союзом. Тем не менее приходится констатировать, писал полпред, что за последний период при обсуждении всех крупных международных вопросов, например испанского и дальневосточного, фран-

¹⁴ Цит. по: Междунар. жизнь. 1973. № 5. С. 111.

¹⁵ *Krummacker F. A., Lange H. Krieg und Frieden: Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen: Von Brest-Litowsk zum Untertnehmen Barbarossa.* München, 1970. S. 347.

¹⁶ Public Record Office (London). Cab. 27/626. P. 256—257.

¹⁷ ЦГИА ЛатвССР. Письмо латвийского посланника в Варшаве М. Вальтерса в МИД Латвии от 9 декабря 1937 г.

дузская дипломатия уклонялась от такого сотрудничества. Наши непосредственные взаимоотношения также очень мало напоминают отношения между союзниками. «О пакте вспоминают очень редко, полустыдливо, с постоянными оглядками и оговорками». Меньше всего проявляется стремление и желание придать ему действенный характер. «Я уже как-то писал, — отмечал полпред, — что если его и ценят, то больше с точки зрения негативной, как помеху против нашего сотрудничества с Германией, но не больше»¹⁸.

Наблюдая предательство Францией своих собственных национальных интересов, например в испанском вопросе, констатировал полпред в этом письме, «приходишь к выводу, что классовые интересы в международной политике явно преобладают над национальными». Этот курс имеет свои глубокие корни в страхе перед «красной опасностью», в ненависти к социальной революции. «Здесь заложена и главнейшая опасность, что этот курс... может привести к соглашению между двумя „осями“, к соглашению за наш счет, к соглашению, направленному против наших интересов»¹⁹.

Близорукость тогдашних руководителей французской внешней политики выступает особенно отчетливо, если учесть, что Советский Союз был тем единственным государством, тесное сотрудничество с которым могло спасти Францию от разгрома германскими агрессорами.

Д. Ллойд Джордж считал политику отказа французского правительства от франко-советского пакта проявлением совершенного безумия. Касаясь вопроса, кто может спасти Францию в случае войны, он справедливо указывал: «Не Англия, а только СССР... Победа над Германией может быть решена только большой сухопутной армией. Такая армия имеется лишь у СССР»²⁰.

Официальная французская позиция тем не менее заключалась в том, что главная ее союзница — Великобритания. Между тем надежды на британскую помощь были

---

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 631—632. 12 августа 1937 г. Я. З. Суриц отмечал в письме в НКВД, резюмируя свои беседы с французскими государственными деятелями: «Взаимоотношения с нами ценятся и мыслятся не в плане общей борьбы против германской угрозы, не в плане, словом, позитивном, а больше — негативном: превалирует стремление удерживать СССР подальше от Германии...» (Там же. С. 764—765).

¹⁹ Там же. С. 632—633.

²⁰ Там же. С. 613.

несостоятельными иллюзиями. Обязательства Англии перед Францией формально были основаны на Локарнском договоре 1925 г. и англо-французском обмене нотами от 1 апреля 1936 г. о взаимной помощи. Британское правительство время от времени заверяло французских деятелей, что оно остается верным своим обязательствам. Однако все попытки французов воплотить словесные заверения в конкретное соглашение генеральных штабов двух стран оставались безрезультатными.

Таким образом, Франция пренебрегала своим договором с СССР, ставя на первое место союз с Англией. Это был, однако, такой союз, который мог погубить Францию, а не спасти ее, так как оказывать ей действительно эффективную помощь в случае нападения на нее Германии в Лондоне не собирались да и не могли.

Военная доктрина самой Франции в принципе соответствовала британской. Заместитель председателя французского правительства и военный министр Э. Даладье считал, что Франция «могла бы жить в безопасности за линией Мажино, невзирая на то, что может произойти в Центральной и Восточной Европе»²¹. О военном сотрудничестве с СССР французское правительство не думало. В меморандуме Э. Даладье от 7 марта 1938 г. говорилось, что, поскольку у СССР нет общей границы с Германией, а Румыния и Польша занимают по отношению к нему враждебную позицию, «обсуждать военные мероприятия с Советским Союзом нецелесообразно»²².

Правительство Соединенных Штатов Америки также было в курсе агрессивных планов Германии. Помощник государственного секретаря США Дж. Мессермит писал 11 октября 1937 г., что германские планы сводятся к следующему: захват Австрии и Чехословакии; установление господства Германии в Юго-Восточной Европе; захват Украины; изоляция России; ослабление Франции путем расторжения ее союза с Россией; постепенное расчленение Британской империи; наконец, действия против США²³. И тем не менее Соединенные Штаты не принимали каких-либо мер против агрессоров. Заместитель государственного секретаря США С. Уэллес признает в своих воспоминаниях, что в то время в Соединенных Штатах

---

²¹ FRUS. 1938. Wash., 1955. Vol. 1. P. 29.

²² Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War. L., 1977. P. 236.

²³ FRUS. 1937. Vol. 1. P. 140—145.

господствовало убеждение, что Германия не начнет войны против западных держав, пока не уничтожит своего истинного врага — СССР²⁴.

Готовясь к захвату Австрии, в Германии могли не беспокоиться по поводу позиции правящих кругов Соединенных Штатов Америки. 2 марта 1938 г. полпред в США А. А. Трояповский констатировал: «Судьба Австрии не вызывает здесь большого беспокойства. Изоляционисты всех толков в общем готовы примириться со всеми захватами фашистов»²⁵.

Не завершив пока подготовки к крупному вооруженному конфликту, Германия была заинтересована в том, чтобы получить все, что возможно, без войны. Англо-франко-американская политика попустительства агрессии лила воду на ее мельницу. Учитывая позицию западных держав, фашистский канцлер начал форсировать захват Австрии. Ради перестраховки бывший германский посол в Англии И. Риббентроп, назначенный в феврале 1938 г. министром иностранных дел Германии, прибыл в Лондон «для нанесения прощальных визитов».

Английские правящие круги решили воспользоваться визитом Риббентропа, чтобы снова предложить Гитлеру «руку и сердце». 10 марта лорд Галифакс, сменивший в начале года Идена на посту министра иностранных дел, заверил Риббентропа, что у Чемберлена и других членов правительства нет более заветного желания, чем установление тесных отношений с Германией²⁶.

Одновременно состоялась и другая беседа, менее официальная, но не менее важная. Это беседа Гораса Вильсона, ближайшего советника Н. Чемберлена, явно имевшего задание последнего более откровенно изложить гитлеровцам сокровенные планы британского правительства, с сотрудником аппарата Риббентропа Э. Кордтом. Чемберлен подвергается нападкам за то, сказал Вильсон, что он «предает демократию и ищет соглашения с фашизмом». Несмотря на это, подчеркнул он, премьер преисполнен стремления «продолжать свой курс на достижение соглашения с Германией и Италией». Коснувшись сотрудничества между западноевропейскими державами и раскрывая конечную цель британского правительства,

---

²⁴ Welles S. Seven Decisions that Shaped History. N. Y., 1950. P. 251.

²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 109.

²⁶ ADAP. Ser. D. Bd. 1. S. 211.

Г. Вильсон подчеркнул: «Россия должна быть в настоящее время полностью оставлена в стороне. В один прекрасный день господствующая там система... должна исчезнуть»²⁷.

Это было уже прямое предложение Н. Чемберлена заключить англо-германское соглашение по интересовавшим обе стороны вопросам, после чего они могли бы объединить усилия для уничтожения Советского государства.

В тот же день вечером И. Риббентроп информировал фашистского канцлера о результатах зондажа позиции Великобритании на случай, если австрийский вопрос нельзя будет «урегулировать» мирным путем. «Я принципиально убежден, — писал И. Риббентроп, — что Англия в настоящее время со своей стороны не предпримет что-либо против этого, а будет оказывать сдерживающее влияние на другие державы». В целом же Чемберлен и Галифакс, сообщал он, добиваются «взаимопонимания четырех великих держав Европы, исключая Советский Союз»²⁸.

Информация И. Риббентропа подтверждала уверенность германского канцлера в том, что он может действовать, не опасаясь вмешательства западных держав. В ночь на 12 марта германские войска вступили в Австрию. Она была присоединена к фашистской Германии.

Захват германскими агрессорами Австрии не встретил какого-либо противодействия со стороны Англии. Такую же позицию заняли Франция и Соединенные Штаты Америки. Что касается Лиги наций, то британское и французское правительства договорились не поднимать в ней этого вопроса²⁹, так что Лига наций даже «не заметила» исчезновения австрийского государства, хотя оно и было ее членом.

Захват Германией Австрии резко обострил положение в Европе. 14 марта М. М. Литвинов констатировал в пись-

---

²⁷ Ibid. S. 222—224. О крайней враждебности в отношении СССР, проявленной Н. Чемберленом, свидетельствуют и другие источники. Так, в дневниках А. Кадогана отмечается, что Н. Чемберлен испытывал «ненависть к русским» (The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—1945. L., 1971. P. 53). Г. Никольсон также сделал в своем дневнике 7 марта запись о том, что «премьер-министр настроен резко антирусски» (Nicolson H. Diaries and Letters, 1930—1939. L., 1966. P. 329).

²⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 1. S. 217.

²⁹ DBFP. Ser. 3. Vol. 2. P. 32, 41.

ме в ЦК ВКП(б), что это событие представляется «чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»³⁰. 17 марта 1938 г. нарком иностранных дел СССР в интервью представителям печати от имени Советского правительства решительно осудил военное вторжение в Австрию и насильственное лишение австрийского народа независимости³¹.

Одновременно Советский Союз разоблачал и тех, кто своей политикой соглашения с агрессорами сделал возможным захват Германией Австрии, мостил немецким фашистам дорогу в Вену. Бесконечные уступки агрессорам, писала «Правда», перерастают, как это видно на примере Австрии, «в прямое пособничество, в подталкивание поджигателей войны. Это — роковая политика по своим неизбежным последствиям. И те, кто ее проводит, не могут снять с себя ответственности за соучастие в усилении военной угрозы в Европе»³².

СРЫВ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИХ ПЛАНОВ ЗАХВАТА ЛИТВЫ

Весной 1938 г. вместе с Германией становилась на путь агрессии также Польша. Посол США в Варшаве Д. Биддл на основе своих бесед с польским министром иностранных дел полковником Ю. Беком сообщал в Вашингтон, что Польша стремится к установлению тесных отношений с Германией и приветствует германо-итальянское сотрудничество против коммунистической России, так как рассматривает ее как своего главного врага³³.

Гитлеровцы были заинтересованы в привлечении Польши к активному участию в «антикоминтерновском пакте». Они неоднократно обращались к польским правителям с соответствующими предложениями³⁴. Вопрос о присоединении Польши к пакту поднимала также фашистская Италия³⁵. Не считая удобным открыто присоединиться к анти-

³⁰ История внешней политики СССР. М., 1986. Т. 1. С. 333.

³¹ Известия. 1938. 18 марта.

³² Правда. 1938. 14 марта.

³³ FRUS. 1937. Vol. 1. P. 147.

³⁴ Papers and Memoirs of Józef Lipski. N. Y., 1968. P. 314—316, 360, 427. В кабинете Ю. Бека находились портреты Гитлера и Муссолини с их автографами. См.: *Fest F. S. Hitler: Eine Biographie*. Frankfurt a. M., 1973. S. 666, 791.

³⁵ Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). Film 4662.

коминтерновскому пакту³⁶ (во всяком случае, в то время), Польша самым тесным образом сотрудничала с участниками пакта, в том числе в отношении к СССР. 13 января 1938 г. Ю. Бек заявил министру иностранных дел Германии К. фон Пейрату, что он считает уничтожение большевизма «основной целью своей политики»³⁷. 31 марта И. Риббентроп не преминул поднять в беседе с польским послом в Берлине Ю. Липским «не выходящую у него из головы идею широкого антикоммунистического сотрудничества». Польский посол в ответ заявил, что он убежден в целесообразности сотрудничества Германии и Польши «в борьбе против коммунизма»³⁸. Подогревая аппетиты польских правящих кругов, гитлеровцы подчеркивали, что Польше «недостаточно» выхода к Балтийскому морю и она должна иметь также «выход к Черному морю»³⁹.

Как отмечал в своих воспоминаниях французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе, Польша рассчитывала «извлечь пользу от удушения Германией Австрии и Чехословакии»⁴⁰.

Сразу же после аннексии Германией Австрии Польша предприняла попытку захвата Литвы. Польские правящие круги рассматривали захват Литвы как «компенсацию» за поддержку агрессивных планов Германии в отношении Австрии⁴¹. Польский журнал «Пшеглџнд Повсехны» писал: «В связи с „ашшлюсом“ мы должны получить какую-то компенсацию... Качественно, ввиду своего геополитического положения, Литва является очень ценной»⁴².

В ночь на 11 марта польские пограничники спровоцировали инцидент на польско-литовской границе, чтобы создать повод для вторжения польских войск в Литву. 12 марта в Варшаве состоялось чрезвычайное заседание с участием генерального инспектора вооруженных сил Э. Рыдз-Смиглы, премьера Ф. Складковского и Я. Шембека, который замещал отсутствовавшего в Варшаве ми-

³⁶ *Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie, 1933—1938. W-wa, 1965. S. 400—401.*

³⁷ ADAP. Ser. D. Bd. 5. Baden-Baden, 1953. S. 33.

³⁸ *Ibid. S. 39; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. 6. С. 348—349. (Далее: Документы советско-польских отношений).*

³⁹ *Документы советско-польских отношений. Т. 6. С. 334.*

⁴⁰ *François-Poncet A. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. P., 1946. P. 309.*

⁴¹ *Социалистические революции в Прибалтийских странах в 1940 г. М., 1978. С. 144—145.*

⁴² *Przegląd Powszechny. 1938. N 4.*

пистра иностранных дел Ю. Бека. Было решено добиваться политического подчинения Литвы Польше⁴³. У литовской границы были сосредоточены крупные силы польских войск, и в любой момент можно было ожидать их вторжения в Литву.

Германия и Польша действовали в тесном контакте. Польское правительство неоднократно заверяло гитлеровцев, что оно не имеет каких-либо возражений против захвата Германией Австрии⁴⁴. Гитлеровцы «расплатились» с польскими правящими кругами уже 16 марта. Геринг сообщил Липскому о согласии Германии на захват Польшей Литвы, сделав, однако, оговорку о заинтересованности Германии в присоединении к ней Клайпеды⁴⁵. Отметив, что действия Польши могут повлечь за собой осложнения в ее отношениях с СССР, Геринг одновременно сделал польскому послу «открытое предложение о польско-германском военном сотрудничестве против России»⁴⁶.

В середине дня 17 марта Ю. Бек информировал германского посла в Варшаве г. Мольтке, что вечером Литве будет вручен ультиматум. Сообщая в Берлин об этой беседе, германский посол отмечал, что, согласно высказываниям Бека, в случае отклонения ультиматума «встанет вопрос о военной акции»⁴⁷.

Одновременно готовилось вторжение в Литву также германских войск. «В случае конфликта между Польшей и Литвой,— писал И. Риббентроп 17 марта,— следует в первые же часы оккупировать территорию Клайпеды. Необходимые меры уже приняты»⁴⁸. Таким образом, Литва оказалась перед смертельной опасностью одновременно со стороны двух агрессоров — Польши и Германии.

Советское правительство энергично выступило в поддержку Литвы. 16 марта 1938 г. М. М. Литвинов, вызвав польского посла в Москве В. Гжибовского, сделал ему заявление о том, что СССР заинтересован в разрешении польско-литовского пограничного конфликта мирным путем и что насильственные действия «могут создать опас-

⁴³ Советско-польские отношения, 1918—1945: Сб. ст. М., 1974. С. 215.

⁴⁴ Papers and Memoirs of Józef Lipski. P. 323, 328, 331, 333, 336, 348, 350.

⁴⁵ Ibid. P. 353—354.

⁴⁶ Ibid. P. 353—354.

⁴⁷ Zentrales Staatsarchiv. Film 15408.

⁴⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 5. S. 362, 365.

ность на всем востоке Европы». Серьезность положения заставляет Советское правительство, подчеркнул нарком, обратить внимание польского правительства на то обстоятельство, что СССР не смог бы остаться безучастным, если бы Литва оказалась под угрозой⁴⁹. Это было серьезное предупреждение⁵⁰.

Одновременно Советское правительство приняло меры к тому, чтобы оказать воздействие на Польшу через ее союзницу Францию, а также Англию. М. М. Литвинов дал советскому полпреду в Париже Я. З. Сурицу указание немедленно информировать французского министра иностранных дел Ж. Поль-Бонкура о его демарше В. Гжибовскому. Полпреду предписывалось поставить перед французским министром вопрос о необходимости принятия Францией мер к тому, чтобы «удержать Варшаву от безумной авантюры, которая грозит пожаром на всем востоке Европы»⁵¹.

В Заявлении Советского правительства от 17 марта, связанном с захватом Германией Австрии, была публично выражена озабоченность также в связи с тревожным положением, создавшимся на польско-литовской границе⁵².

Поскольку 17 марта Польша вручила Литве ультиматум⁵³, в котором угрожала прибегнуть к военным действиям, на следующий день нарком иностранных дел сделал Гжибовскому для передачи в Варшаву повторное серьезное предупреждение⁵⁴.

Вмешательство Советского правительства предотвратило захват Литвы Польшей и Германией.

Польские правящие круги, однако, упорно не хотели отказываться от своих захватнических устремлений, в том числе в отношении СССР. Это получило свое отражение в частности, в их планах создания возглавляемого Польшей блока стран, расположенных между Балтийским и Черным морями. Созданием этого блока польские правящие круги хотели, увеличив международное влияние Польши, подкрепить свои претензии о признании другими странами Польши великой державой. Польша намеревалась

---

⁴⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 129, 154.

⁵⁰ Там же. С. 154.

⁵¹ Там же. С. 130.

⁵² Там же. С. 129.

⁵³ *Žiugzda R. Lietuva imperialistiniu valstibiu planuose, 1917—1940.* Vilnius, 1983. L. 123.

⁵⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 131—132.

выступать во главе этого блока как союзница Германии в войне против СССР.

Имелось в виду создание и более широкого союза. Польский посланник в Бухаресте А. Арцишевский доказывал румынскому королю, что Германия сильнее, мол, Советского Союза и что в случае назревания войны Польша включится в блок, состоящий из Германии, Италии, Финляндии, Латвии, Эстонии, Венгрии, Австрии и Болгарии. Польша приветствовала бы, сказал он, присоединение к этому блоку Румынии, а вместе с ней — Югославии и Греции⁵⁵. Еще в июле 1937 г. начальники генеральных штабов Польши и Румынии заключили соглашение, по которому в случае войны с СССР Польша обязалась выставить 350 тыс. солдат и Румыния — 250 тыс. Было решено, что если в их руках окажется вновь приобретенная территория, то она будет поделена между ними: области к югу от линии Винница—Киев—р. Десна, включая Одессу, отойдут к Румынии, а к северу от этой линии, включая Ленинград, — к Польше⁵⁶.

Как будет показано дальше, Польша тесно сотрудничала с фашистской Германией и в расчленении Чехословакии.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ЗА КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОТПОР ГЕРМАНСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

После присоединения Австрии генеральный штаб германской армии приступил к непосредственной подготовке захвата Чехословакии, т. е. осуществлению «плана Грюп», утвержденного еще 7 декабря 1937 г.⁵⁷ В военном отношении захват Чехословакии был, однако, нелегкой задачей. Германия еще не завершила подготовку к крупной войне, а чехословацкая армия по своему оснащению и боевой подготовке была одной из лучших среди капиталистических стран Европы.

В Берлине решили пачать подготовку захвата Чехословакии с постановки вопроса о присоединении к Германии так называемой Судетской области, т. е. довольно

⁵⁵ Подробнее см.: *Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932—1939. М., 1977. С. 196—197.

⁵⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 431—432.

⁵⁷ ADAP. Ser. D. Baden-Baden, 1956. Bd. 7. S. 548.

широкой полосы чехословацкой территории вдоль границы с Германией, где большинство населения составляли судетские немцы.

Несмотря на увеличение материальных и людских ресурсов Германии в результате захвата Австрии, а также на улучшение ее стратегических позиций в центре Европы, силы германских агрессоров все же значительно уступали возможностям тех стран, для которых агрессивная политика Германии представляла серьезную опасность. Поэтому Советское правительство с полным основанием считало, что германских агрессоров все еще можно обуздать, если им противопоставить единый фронт этих стран. СССР исходил из того, что в тогдашних конкретных условиях прежде всего необходимо было предотвратить захват Германией Чехословакии.

Со своей стороны Советский Союз был готов внести весомый вклад в дело защиты мира. Он имел для этого достаточно сил и возможностей. В результате успешного выполнения второго пятилетнего плана Советский Союз занял по объему промышленного производства первое место в Европе и второе в мире (после США). С 1933 по 1938 г. продукция оборонной промышленности СССР выросла в 2, 8 раза, в том числе авиационной промышленности — в 5,5 раза⁵⁸. К началу 1938 г. в Советских Вооруженных Силах насчитывалось 1 513 400 человек. В них было 4950 танков, 6810 орудий, 9385 самолетов различных видов⁵⁹.

В меморандуме «Военная сила Советского Союза», подготовленном в апреле 1938 г. американским военным атташе в СССР Ф. Феймонвиллем для госдепартамента США, констатировалось, что Красная Армия со своими 1,5 млн солдат и значительным количеством танков и самолетов представляла собой большую силу, чем армии Германии и Японии, вместе взятые⁶⁰.

Французский военный атташе в СССР полковник О. Палас также докладывал в Париж, что вооружение Красной Армии «современное и имеется в достаточном количестве. Достигнут прогресс в развитии артиллерии». Возможно-

⁵⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. М., 1960. Т. 1. С. 65.

⁵⁹ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 198; Захаров М. В. Накануне второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 10—11.

⁶⁰ Цветков Г. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. Киев, 1973. С. 73.

сти производства вооружения и военного снаряжения в результате развития советской индустрии значительны и будут продолжать расти. «Патриотизм комсомольцев, их гордость за великую страну мне представляются вне всякого сомнения». О. Палас делал вывод, что Советская Армия способна «обеспечить надежную оборону своей страны» и предпринять наступление⁶¹. Французский посол Р. Кулондр со своей стороны писал 18 апреля, что Советское правительство уделяло и уделяет первостепенное внимание укреплению обороны страны. Мощь Советской Армии «не уступает силе других армий Европы». Он выражал несогласие с имевшимися ходячими на Западе утверждениями, будто Советская Армия «не способна предпринять крупные наступательные действия»⁶².

Советское правительство было преисполнено решимости принять вместе с другими заинтересованными странами все необходимые меры, чтобы предотвратить дальнейшее расширение германской агрессии, в том числе выполнить свои обязательства по заключенному в 1935 г. договору о взаимной помощи с Чехословакией.

Учитывая опасность, которая нависла над Чехословакией, чехословацкий министр иностранных дел К. Крофта сказал в беседе с советским временным поверенным в делах в Праге 12 марта, что в случае германской опасности Чехословакия будет нуждаться в помощи всех своих союзников, в том числе СССР. Чехословакия хочет заранее иметь уверенность, что помощь ей будет оказана. Поэтому она заинтересована в том, чтобы соответствующие правительства сделали заявления о своей позиции в вопросе защиты Чехословакии в случае нападения на нее. К. Крофта говорил, что подобное заявление Советского правительства «было бы встречено с большим удовлетворением в Чехословакии»⁶³.

В связи с этим обращением 15 марта 1938 г. заместитель народного комиссара иностранных дел В. П. Потемкин заверил чехословацкого посланника в СССР З. Фирлигера, что Советское правительство в случае нападения на Чехословакию выполнит свои союзнические обязательства. Одновременно такое же заявление Советское пра-

---

⁶¹ DDF. Sér. 2. P., 1974. T. 9. P. 393—394.

⁶² Ibid. P. 391, 393.

⁶³ Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. М., 1979. С. 45.

вительство сделало правительствам Франции и Англии⁶⁴.

По поручению ЦК ВКП(б) и Советского правительства 17 марта М. М. Литвинов выступил перед представителями печати с официальным заявлением в связи с обострением положения в Европе. Он констатировал, что захват Германией Австрии, расположенной в центре Европы, создал несомненную опасность для всех европейских государств. Касаясь обязательств, лежавших на СССР на основе Устава Лиги наций и договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, нарком заявил, что Советское правительство «по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не пришло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»⁶⁵.

Тексты этого заявления были направлены правительствам Великобритании, Франции, США, Чехословакии, Балканских, Прибалтийских, Скандинавских государств, Польши, Бельгии и Турции. Таким образом, советское обращение было адресовано и правительствам и общественности стран, которые объективно были заинтересованы в пресечении германской агрессии.

Ознакомившись с заявлением, министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта заявил советскому поверенному в делах в Праге, что оно является «значительной поддержкой для Чехословакии. Большой моральной поддержкой является и советская позиция по литовскому вопросу»⁶⁶.

Отвечая на запрос советского полпреда в Лондоне, как импено предполагается осуществлять советское предложение, 20 марта Народный комиссариат иностранных дел сообщил ему: «Нужно, чтобы по крайней мере Англия

⁶⁴ Там же. С. 54; Внешняя политика Чехословакии, 1918—1939. М., 1959. С. 476—477.

⁶⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 128—129.

⁶⁶ Документы по истории мюнхенского соглашения, С. 61.

и Франция изъявили готовность к совместному обсуждению актуальных европейских проблем»; после этого можно будет в дипломатическом порядке обсудить с ними форму и место конференции. НКИД считал возможным созвать конференцию «с участием государств, занимающих недвусмысленную позицию в отношении коллективной безопасности». С советской стороны не исключалась возможность созыва для этой цели и Совета Лиги наций⁶⁷.

Однако предложение Советского Союза о коллективных мерах по защите мира не встретило поддержки у западных держав.

Несмотря на агрессивные действия фашистского рейха, британское правительство продолжало прежний курс. Выступая 24 марта в палате общин, британский премьер-министр Н. Чемберлен сделал официальное заявление, что Великобритания не намерена брать на себя новые обязательства в Европе. Но если начнется война, говорилось в нем, «неотвратимая сила событий может оказаться сильнее формальных заявлений и в таком случае представляется вполне возможным почти немедленное вовлечение в нее других стран, помимо участников первоначального конфликта. Это особенно относится к таким двум странам, как Великобритания и Франция, которые связаны давними узами дружбы и интересы которых переплетаются...»⁶⁸.

Правительство Н. Чемберлена, таким образом, не считало нужным пойти дальше такой ничего не значащей декларации. Суть политики британского правительства заключалась в том, что оно «убеждало» Берлин не развязывать вооруженного конфликта, фактически заверяя нацистов в том, что они смогут добиться осуществления своих целей другими средствами. В основе такой позиции британских правящих кругов лежала надежда, что, осуществив свои агрессивные планы в отношении Чехословакии, германские агрессоры будут двигаться дальше на восток.

В тот же день Форин оффис официально отклонил советское предложение⁶⁹.

Внешнеполитический курс правительства Чемберлена то и дело подвергался в парламенте критике со стороны представителей лейбористской и либеральной партий.

---

⁶⁷ Там же. С. 99.

⁶⁸ DBFP. Ser. 3. Vol. 1. P. 97.

⁶⁹ Документы по истории мюнхенскогоговора. С. 70

Немало критических статей появлялось и в британской печати. Не было единодушия и в самой консервативной партии. Об этом свидетельствовал, в частности, уход из правительства А. Идена ⁷⁰.

Последовательно выступал против внешнеполитического курса правительства У. Черчилль. Он считал проводившуюся Н. Чемберленом политику, направленную на достижение империалистической сделки с Германией, обреченной на провал. Учитывая опыт первой мировой войны, когда Германия потерпела поражение в результате того, что ей пришлось воевать одновременно на два фронта, У. Черчилль выдвигал планы создания «большого альянса», состоящего из Англии, Франции и СССР, а также других государств, готовых принять участие в борьбе с германскими и иными агрессорами. Излагая как эти планы, так и свои взгляды вообще, У. Черчилль говорил 23 марта в беседе с И. М. Майским: «20 лет назад я боролся со всей доступной мне энергией против коммунизма, потому что в то время я считал коммунизм с его идеей мировой революции величайшей опасностью для Британской империи... В наши дни величайшей опасностью для Британской империи является германский национализм с его идеей мировой гегемонии Берлина. Поэтому я в настоящее время со всей доступной мне энергией борюсь против Гитлера. Если бы опасность для империи со стороны фашизма исчезла и опять возникла опасность со стороны коммунизма, я — говорю это совершенно открыто — вновь стал бы с вами бороться. Однако на ближайший период времени... такой ситуации не предвижу. На этот период времени нам с вами по пути. Вот почему я за тесное сотрудничество между Англией, Францией и СССР»⁷¹. И. М. Майский констатировал, что ради борьбы с Германией Черчилль готов преодолеть свою классовую неприязнь к Советскому правительству ⁷².

Но в консервативной партии в то время господствующим было стремление к империалистической сделке с Германией, а не к борьбе с ее агрессивными устремлениями. Н. Чемберлен и его сторонники и слышать не хотели о сотрудничестве с СССР.

---

⁷⁰ Подробнее см.: *Трухановский В. Г.* Антоци Идеп. М., 1983. С. 150—154.

⁷¹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 151, 153.

⁷² Там же. С. 177. О планах У. Черчилля см. также его беседу с И. М. Майским 12 мая 1938 г. (Там же. С. 253—254).

Франция также не поддержала советское предложение от 17 марта о принятии неотложных мер по борьбе с агрессией, хотя захват Германией Австрии представлял собой прямую опасность для ее союзницы Чехословакии. В конце марта 1938 г. У. Черчилль предпринял специальную поездку во Францию, чтобы выяснить ее позицию в связи с обострением положения в Европе. Он не пашел там свидетельств того, что Франция намерена оказать эффективное противодействие агрессии. Он получил также информацию о том, что «французы не намерены сотрудничать с русскими»⁷³. Британский историк А. Адамтуэйт констатирует, что в Париже франко-советский договор о взаимопомощи был «предан забвению»⁷⁴.

Советское предложение от 17 марта все же имело важнейшее международное значение. Оно твердо вошло в историю международных отношений как свидетельство последовательной борьбы СССР против агрессивной политики империалистической фашистской Германии, за предотвращение новой мировой войны. Даже реакционный американский историк А. Улам признает «исключительную важность» советского предложения. Это предложение, пишет он, отражало уверенность Советского Союза, что достаточно твердые гарантии трех великих держав Чехословакии «заставили бы Гитлера отступить». Но советские предложения были отклонены западными державами. Советские руководители, констатировала А. Улам, не могли не убедиться в том, что эти державы будут продолжать свою политику попустительства агрессорам⁷⁵.

[Будучи глубоко заинтересовано в тесном сотрудничестве с Францией в целях предотвращения войны, Советское правительство проявляло большой интерес в отношении внешнеполитического курса своего французского союзника. Однако никаких иллюзий оно не питало. Заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин дал в своем письме полпреду во Франции от 4 апреля 1938 г. следующую характеристику политики французского правительства: несмотря на крайнюю напряженность международной обстановки, французское правительство не меняет своей позиции нерешительности,

---

⁷³ *Furnia A.* The Diplomacy of Appeasement. Wash., 1960. P. 297—298.

⁷⁴ *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 182.

⁷⁵ *Ulam A. B.* The History of Soviet Foreign Policy, 1917—67. N. Y., 1969. P. 253.

бездеятельности и легковерия перед лицом событий, создающих непосредственную угрозу для общего мира и прямую опасность для самой Франции. Ни захват Австрии Германией, ни критическое положение Чехословакии, ни польский ультиматум Литве, ни появление новых германских и итальянских войск на испано-французской границе «не заставили французов восторженно, одуматься и что-либо предпринять, хотя бы для самозащиты... Франция неизбежно дойдет до катастрофы». Нечего и думать, чтобы французское правительство пришло на помощь своему чехословацкому союзнику ⁷⁶.

Было очевидно, что реакционные правящие круги Франции ненавидели и опасались трудового народа собственной страны больше, чем немецких фашистов. Они становились на тот путь национального предательства, который всего два года спустя привел к поражению и капитуляции Франции.

Участие США в борьбе против германской агрессии также могло иметь в тогдашних условиях существенное значение, но и они придерживались политики попустительства агрессии. Советский полпред в Соединенных Штатах Америки А. А. Трояповский в своих выступлениях в различных американских аудиториях подчеркивал, что коллективными усилиями стран, заинтересованных в сохранении мира, поджигатели войны могут быть остановлены. Отсутствие же сопротивления льет воду на мельницу фашистских агрессоров. «Советский Союз, — сказал он, — больше, чем любая другая страна в Европе, в состоянии с военной точки зрения позаботиться о себе... Он может дать отпор агрессии не только на своей собственной территории, но может прийти на помощь другим миролюбивым странам», в том числе Чехословакии. «Мы готовы к сотрудничеству в любой форме в целях сохранения мира во всем мире»⁷⁷.

Правительство США также оставило советское предложение от 17 марта без ответа ⁷⁸. Государственный секретарь США К. Хэлл, излагая в своих воспоминаниях историю вопроса, писал, что, поскольку американский ответ, «диктуемый политикой уклонения от связывающих обязательств», должен был быть отрицательным, то для

---

⁷⁶ Документы по истории мюнхенскогоговора. С. 80—82.

⁷⁷ Washington Post. 1938. Mar. 25.

⁷⁸ Maddux Th. R. Years of Estrangement. Tallahassee, 1980. P. 97.

того, чтобы не обескураживать Россию, было сочтено, что лучше не посылать вообще никакого ответа⁷⁹.

В инструктивном письме М. М. Литвинова полпреду СССР в Вашингтоне от 26 марта говорилось по поводу позиции США: «Рузвельт и Хэлл продолжают дарить мир своими проповедями, но в то же время палец о палец не ударяют в пользу мира. На фоне сохранения закона о нейтралитете и неограниченного снабжения Японии оружием означенные проповеди становятся тошнотворными»⁸⁰.

Правящие круги США надеялись, что фашистский рейх, осуществляя агрессию на восток, не будет представлять собой опасности для Соединенных Штатов. Американские историки У. Лэнджер и С. Глисон отмечают, что Ф. Рузвельт был «не особенно обеспокоен» захватом Германией Австрии. «Он был уверен, что Гитлер приступает к осуществлению своей восточной программы»⁸¹.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство и дальше придавали предотвращению захвата Германией Чехословакии первостепенное значение. В апреле 1938 г. этот вопрос был рассмотрен ЦК ВКП(б) и было принято соответствующее решение⁸². Чехословацкий посланник в СССР З. Фирлингер сообщал в Прагу 23 апреля 1938 г., что он получил от находившегося в тот момент в Москве советского полпреда в Чехословакии С. С. Александровского для передачи чехословацкому правительству следующие сведения о принятом решении: «СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Для этого он располагает всеми необходимыми средствами. Состояние армии и авиации позволяет это сделать»⁸³.

28 апреля французский посол в Москве Р. Кулондр также писал в Париж, сообщая о своей беседе с М. М. Литвиновым, что в отношении Чехословакии «позиция Со-

⁷⁹ The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. 1. P. 658—659.

⁸⁰ АВП СССР. Ф. 0129. Оп. 21. Д. 2. Л. 28.

⁸¹ Langer W. L., Gleason S. E. The Challenge to Isolation, 1937—1940. N. Y., 1952. P. 67.

⁸² История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 66.

⁸³ Документы по истории мюнхенскогоговора. С. 87, 89. З. Фирлингер поставил в известность об этом сообщении французского посла в Москве Р. Кулондра. См.: DDF. Sér. 2. T. 9. P. 768.

ветов очень четкая и они согласны рассмотреть конкретные формы оказания ей помощи»⁸⁴.

Беседуя 2 мая 1938 г. с британским военным атташе в Москве Р. Файэрбрейсом, парком обороны К. Е. Ворошилов в свою очередь заявил, что Советский Союз, безусловно, лояльно выполнит свои обязательства по договору с Чехословакией⁸⁵.

Если бы Англия, Франция и США заняли столь же твердую позицию, то можно было бы преградить германским войскам путь в Прагу. Однако правящие круги этих стран продолжали проводить политику попустительства агрессорам.

Все более капитулянтской становилась позиция Франции. 10 апреля было образовано новое французское правительство, важнейшие посты в котором заняли сторонники соглашения с Германией. Это прежде всего правые радикалы — глава правительства Э. Даладье и министр иностранных дел Ж. Боше. Они, правда, то и дело заявляли, что Франция выполнит свои обязательства перед Чехословакией. Фактически же, предавая не только Чехословакию, но и национальные интересы Франции, они были готовы на любые уступки Германии в Центральной и Восточной Европе. Э. Даладье и Ж. Бонне лелеяли надежду, что таким путем им удастся избежать войны между Францией и Германией и приблизить час конфликта между фашистским рейхом и СССР.

Англо-французские переговоры, состоявшиеся в Лондоне 28—29 апреля, показали, что обе стороны намерены продолжать в чехословацком вопросе свою прежнюю политику. Так, Н. Чемберлен заявил французам, что в случае оказания Францией помощи Чехословакии Англия остается в стороне⁸⁶. Э. Даладье сначала делал вид, что занимает твердую позицию. Он подчеркнул даже огромное значение возможной помощи со стороны СССР странам, которые вступят в борьбу против германской агрессии. Так, он отметил, что СССР располагает огромным военным потенциалом, в том числе мощной авиацией, а также большими сырьевыми ресурсами⁸⁷. Тем не менее под конец переговоров, «уступая» пажиму англичан, Э. Даладье и Ж. Бонне заявили, что преисполнены реши-

---

⁸⁴ DDF. Sér. 2. T. 9. P. 555.

⁸⁵ Междунар. жизнь. 1973. № 6. С. 100.

⁸⁶ DBFP. Ser. 3. Vol. 1. P. 199—202, 208, 214.

⁸⁷ DDF. Sér. 2. T. 9. P. 580.

мости навязать Чехословакии «любое решение», включая ее нейтрализацию, лишь бы избежать войны⁸⁸.

Германское правительство получило также сведения, что в ходе лондонских переговоров англичане предложили французам «держаться подальше от русских»⁸⁹ и ликвидировать франко-советский пакт о взаимопомощи⁹⁰.

Касаясь англо-французских переговоров, «Правда» 13 мая 1938 г. писала, что их политический итог можно кратко сформулировать одной фразой: «Политика попустительства продолжается, агрессор и впредь может действовать безнаказанно».

Что касается позиции Англии, то 10 мая советский полпред в Лондоне И. М. Майский имел весьма показательную беседу с ближайшим советником британского премьера Г. Вильсоном, которого он характеризовал как фактического творца внешнеполитического курса Чемберлена. Г. Вильсон откровенно заявил, что основная идея Чемберлена — «пакт четырех», отметив, что премьер поставил перед собой задачу достигнуть соглашения с Италией и Германией. Чемберлен считается, сказал Г. Вильсон, с возможностью поглощения Германией ряда центральноевропейских и Балканских государств, по считает это «меньшим злом». Проблема англо-советских отношений «не кажется Чемберлену срочной или практически важной для данного момента. Поэтому он ею мало интересуется... Это происходит потому, что Чемберлен считает СССР под углом „замирения Европы“ фактором пассивного характера. Премьер уверен, что СССР хорошо вооружен (особенно в воздухе) и обладает неизмеримой мощью в области обороны. Однако маловероятно, по его мнению, чтобы СССР был способен к большой войне наступательного характера. Поэтому ценность СССР как возможного союзника Франции или Англии в случае войны с Германией стоит для Чемберлена под вопросом»⁹¹.

Разумеется, Г. Вильсон говорил советскому полпреду далеко не все, что имели в виду британские правящие круги в своей политике по отношению к СССР. Так, он умалчивал о том, что они вовсе не считали бы злом, если бы после поглощения ряда стран Центральной и Юго-

⁸⁸ The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. 1937—1940. L., 1970. P. 133; Hauser O. England und das Dritte Reich. Bd. 2. 1936 bis 1938. Göttingen, 1982. S. 329—331.

⁸⁹ ADAP. Ser. D. Baden-Baden, 1950. Bd. 1. S. 895.

⁹⁰ Ibid. Baden-Baden, 1950. Bd. 2. S. 197.

⁹¹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 246—247.

Восточной Европы Германия предприняла нападение на Советский Союз. Более того, их расчеты строились именно на этом. Поэтому они отводили СССР, в частности, лишь «пассивную» роль в европейских делах, что означало прекращение сотрудничать с ним, ибо такое сотрудничество означало бы укреплении международных позиций не только Великобритании, но и СССР. В Лондоне не могли не учитывать и силу Красной Армии, тем более в сравнении с сухопутными войсками самой Великобритании. Но из высказываний Г. Вильсона видно стремление приуменьшить наступательные возможности советских войск.

Реакционная пресса западных стран в связи со снятием со своих постов ряда советских военачальников вела усиленную клеветническую кампанию чуть ли не о полном развале Красной Армии. Теперь СССР, мол, не в состоянии внести сколько-нибудь серьезный вклад в борьбу против германской агрессии и нет смысла сотрудничать с ним. Одновременно принижением силы Красной Армии западная пропаганда пыталась убедить германских фашистов, что в случае нападения на СССР они не встретят серьезного сопротивления. Напротив, следует воспользоваться благоприятным моментом.

Такая позиция британских реакционных правящих кругов объяснялась прежде всего их классовой ненавистью к Советскому государству. Это отмечал в своих дневниках, в частности, британский политический деятель Г. Никольсон. Он писал: «Представители правящих классов думают только о собственном будущем, что означает ненависть к красным. Это создает... чрезвычайно эффективную тайную связь между нами и Гитлером»⁹².

Несмотря на то что Франция имела с Чехословакией договор о взаимной помощи, французское правительство считало возможным выполнять свои обязательства перед ней только в том случае, если бы Англия также заявила о своей готовности прийти на помощь Чехословакии. Поскольку в Лондоне не собирались оказывать помощь Чехословакии, Франция также не была намерена выступать в ее поддержку. Французское правительство к этому времени фактически полностью отказалось от проведения самостоятельного внешнеполитического курса и послушно следовало за Англией.

Ставя свои классовые интересы выше национальных интересов страны, выше жизненных интересов чехосло-

---

⁹² *Nicolson H.* Op. cit. P. 346.

вацкого парода, постепенно сложились к капитуляции также чехословацкие буржуазные правящие круги. Они не считали возможным оказывать сопротивление германской агрессии, не имея твердых заверений о помощи со стороны Франции. Без них чехословацкое правительство не было заинтересовано и в получении помощи от СССР. В Праге твердо придерживались позиции, что в вопросе о военных переговорах с Советским Союзом Чехословакия должна следовать за Францией⁹³. Во время встречи с французским послом в Польше Л. Поэлем, прибывшим в конце апреля в Прагу, президент Чехословакии Э. Бенеш подчеркнул силу Красной Армии, но тут же добавил: «Я хочу сотрудничать с СССР только в той мере, в какой это делает сама Франция»⁹⁴.

17 мая в беседе с британским посланником Б. Ньютоном Э. Бенеш снова заявил, что отношения Чехословакии с СССР «всегда были и всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании... Если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет. Чехословакия будет всегда следовать за Западной Европой и будет всегда связана с ней и никогда не будет связана с Восточной Европой. Всякая связь с Россией будет поддерживаться через Западную Европу»⁹⁵.

Чехословацкое правительство не скрывало своей позиции по этому вопросу и от Советского Союза. В беседе с советским полпредом С. С. Александровским 30 мая министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта подчеркнул, что «советско-чехословацкий договор и приведение его в действие зависят от приведения в действие франко-чехословацкого союзного договора. Если бы Франция молчала, то и Чехословакия должна была бы формально молчать». К. Крофта отмечал, что «Чехословакия не может быть инициатором, не может выступать раньше Франции», она «не могла бы пойти против намерений Франции»⁹⁶. Этим было совершенно недвусмысленно сказано, что чехословацкое правительство не считало возможным ставить вопрос о получении помощи со стороны СССР, если Чехословакии не будет помогать Франция.

---

⁹³ DDF. Sér. 2. T. 9. P. 467.

⁹⁴ Ibid. P. 558.

⁹⁵ DBFP. Ser. 3. Vol. 2. P. 314—315.

⁹⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 296.

13 мая 1938 г. М. М. Литвинов, находясь в Женеве па сессии Совета Лиги наций, имел беседу с Ж. Бонне. Французский министр информировал наркома о заявлении И. Риббентропа британскому послу, что в случае, если во время предстоящих муниципальных выборов в Чехословакии произойдет столкновение, то Германия вынуждена будет прийти на помощь судетским немцам. Ж. Бонне высказал мнение, что критический момент может наступить в течение ближайших трех месяцев. В таком случае, сказал он, Франция объявит мобилизацию⁹⁷. Это было весьма уклончивое и неопределенное заявление, так как, согласно своему союзному договору с Чехословакией, Франция обязана была не ограничиваться мобилизацией, а объявить Германии войну и перейти в наступление. Но, сделав это заявление о позиции Франции, Ж. Бонне стал интересоваться, какую помощь окажет Чехословакии Советский Союз⁹⁸, хотя прекрасно знал, что СССР был обязан прийти на помощь Чехословакии только в том случае, если на помощь ей выступит Франция. Кроме того, Ж. Бонне подчеркнул, что поляки и румыны заявляют, что ни в коем случае не пропустят советские войска⁹⁹.

Как нарком сообщал в Москву, французский министр ставил вопрос таким образом, что чувствовалось его желание получить ответ, который был бы равносильен отказу СССР от оказания помощи Чехословакии, и явно хотел воспользоваться этим ответом для того, чтобы у Франции был повод уклониться от выполнения своих обязательств в отношении Чехословакии¹⁰⁰.

«Я ответил, — писал об этой беседе М. М. Литвинов, — что эта проблема как будто предвиделась еще при заключении советско-чехословацкого пакта, тем не менее до сих пор Франция не проявляла интереса к возможным нашим действиям». Если Ж. Бонне имеет в виду дипломатическую сторону дела, продолжал М. М. Литвинов, то ему известно, какие государства отделяют нас от Германии и Чехословакии. Это — Прибалтика, Польша и Румыния. Ж. Бонне также должно быть известно, что нашего воздействия на эти страны недостаточно, чтобы они позволили нам оказать содействие Чехословакии. Очевидно, требуются дополнительные дипломатические меры, в ко-

⁹⁷ Там же. С. 262—263.

⁹⁸ Там же. С. 263.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1907. Л. 26—27.

торых должны участвовать и другие государства (т. е. Лига наций). Поскольку Ж. Бонне имеет в виду военные мероприятия, то этот вопрос должен обсуждаться представителями французского, советского и чехословацкого генштабов¹⁰¹. На этом разговор прекратился. Французский министр иностранных дел не проявил интереса к продолжению обсуждения с Советским правительством этого вопроса.

Не проявлял интереса к сотрудничеству с СССР и лорд Галифакс. Когда М. М. Литвинов напомнил ему в Женева советское заявление от 17 марта 1938 г. о готовности СССР участвовать в коллективных действиях против агрессии и принять участие в совещании заинтересованных государств для согласования необходимых мер, Галифакс пропустил эти слова мимо ушей. Нарком подверг критике политику британского правительства в отношении Германии. Он развил перед Галифаксом перспективы развития событий в Европе в случае, если Германия не будет обуздана, указав и на опасность, которая возникнет через некоторое время для Великобритании. М. М. Литвинов снова изложил советскую «концепцию коллективной безопасности», осуществление которой спасло бы Эфиопию, Австрию, Чехословакию и Китай¹⁰².

В Париже не поддерживали идею трехсторонних советско-франко-чехословацких переговоров, а чехословацкое правительство покорно следовало за Францией. Э. Бенеш сказал 18 мая в беседе с советским полпредом: «СССР, Франция и Чехословакия, конечно, должны договориться между собой о размерах и способах взаимной помощи, по об этом должны бы говорить между собой Франция и СССР. Вернее, Франция должна говорить за себя и за Чехословакию»¹⁰³. Чехословацкий посланник в СССР Э. Фирлингер в беседе с французским послом Р. Кулондром отмечал, что молчание Праги по поводу советского предложения о переговорах представителей генштабов трех стран соответствует желанию чехословацкого правительства действовать только с согласия Парижа¹⁰⁴.

Таким образом, Прага смотрела на Париж, а Париж — на Лондон. Лондон же смотрел... на Берлин. Чтобы не вызывать недовольства Германии, а вслед за ней и Англии,

¹⁰¹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 284.

¹⁰² Там же. С. 263, 285.

¹⁰³ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 104.

¹⁰⁴ DDF. Sér. 2. Т. 9. P. 768.

французское правительство не соглашалось на переговоры военных представителей Франции, СССР и Чехословакии.

Между тем в Германии набирала темпы подготовка к нападению на Чехословакию. Была установлена дата завершения этих приготовлений («день X») с тем, чтобы в любой момент после этой даты — в зависимости от общей обстановки — германские войска могли осуществить вторжение в Чехословакию. Сначала этой датой было намечено 1 октября, но впоследствии окончательным «днем X» было назначено 28 сентября 1938 г.

В агрессии против Чехословакии Германия тесно сотрудничала с Польшей. Как германские, так и польские дипломаты вели переговоры об участии в расчленении Чехословакии также с фашистскими правителями Венгрии. «Правда» отмечала 10 апреля 1938 г., что «Германия вкупе с Польшей и Венгрией уже разрабатывает планы раздела Чехословакии».

В начале апреля 1938 г. польская правящая верхушка разработала планы дальнейших агрессивных действий. Предусматривалось продолжать добиваться усиления польского влияния в Прибалтийских странах «под знаком объединенного фронта против Москвы». Была разработана политика в отношении Тешинской области Чехословакии, большинство населения которой составляли поляки. Было решено, что в случае германской акции против Чехословакии одновременно выступит и польская армия (ранее предполагалось в таком случае на первых порах сохранить нейтралитет).

Главной намеченной в Варшаве акцией была «активизация украинского вопроса», т. е. недвусмысленная наступательная позиция по отношению к Востоку. Это связывалось с возможным «вооруженным конфликтом между Москвой и Берлином» или «хаосом в России». Предусматривалось, что украинское национальное меньшинство в Польше «следует использовать для организации направленной против Советов националистической украинской пропаганды, ратующей за создание самостоятельного украинского государства, сотрудничающего с Польшей в рамках федерации»¹⁰⁵.

Польша не скрывала своих агрессивных планов и даже афишировала их.

---

¹⁰⁵ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1981. Т. 1. С. 86—89.

Характеризуя позицию польских правящих кругов, 17 апреля заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоныков констатировал, что «Польша все более и более открыто выступает как фактический участник блока агрессоров. Торопясь не опоздать, она сейчас же после аншлюса предъявила ультиматум Литве и добилась насильственного установления дипломатических и всяких иных сношений с Литвой, которые она... рассматривает лишь как начало постепенного освоения ею Литвы. В германских планах разрешения чехословацкого вопроса Польша играет активную роль. Она открыто провоцирует обострение Тенинского вопроса... Польша, как это теперь очевидно для всех, прочно связана с Германией и будет и дальше идти по ее пути»¹⁰⁶.

«Правда» в статье «Германия и Польша» также разоблачала империалистические планы правящей верхушки Польши¹⁰⁷.

Обескуражено позицией союзной Польши было и французское правительство. Э. Даладье информировал Я. З. Сурица 25 мая, что его зондаж о позиции Польши в случае германской агрессии против Чехословакии дал «самый отрицательный результат». Не только не приходится рассчитывать на поддержку со стороны Польши, сказал Э. Даладье, но «нет уверенности, что Польша не ударит с тыла». Глава французского правительства рассказал, что накануне он задал польскому послу Ю. Лукаевичу вопрос, пропустит ли Польша советские войска. Посол ответил отрицательно. Он спросил тогда, пропустит ли она советские самолеты. Ю. Лукаевич заявил, что поляки откроют по ним огонь. Польский посол ответил отрицательно и на вопрос, придет ли Польша на помощь, если Франция в случае германского нападения на Чехословакию объявит Германии войну. В связи с этим Э. Даладье заявил польскому послу, что не видит смысла в существовании франко-польского союза¹⁰⁸.

27 мая Ю. Лукаевич заявил в беседе с Ж. Бонне, что считает какое-либо участие СССР в решении центрально-европейских вопросов «совершенно недопустимым»¹⁰⁹. 14 июня он снова сказал Бонне, что Польша считает

---

¹⁰⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 202—203.

¹⁰⁷ Правда. 1938. 17 апр.

¹⁰⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 287.

¹⁰⁹ Papers and Memoirs of Juliusz Lukaszewicz: Diplomat in Paris, 1936—1939. N. Y., 1970. P. 103.

«абсолютно невозможным сотрудничество с Россией в Центральной Европе или Прибалтике»¹¹⁰.

Агрессивная позиция Польши, в частности ее министра иностранных дел полковника Ю. Бека, снова подверглась 3 июня резкой критике в газете «Правда». В статье отмечалось, что на чехословацкую границу переброшены два корпуса польских войск, что вслед за Германией Польша протестует против оборонительных мер, принятых чехословацким правительством.

Учитывая невозможность прохода советских войск в целях оказания помощи Чехословакии через территорию Польши, особое значение имела позиция румынского правительства.

В Уставе Лиги наций было предусмотрено, что все члены Лиги разрешат проход через свою территорию войск других членов Лиги для оказания помощи жертве агрессии¹¹¹. Но на Румынию огромное давление оказывали как ее союзница Польша, так и Германия. Еще в марте 1938 г. румынский министр иностранных дел Г. Татареску заявил французскому послу А. Тьери, что «Румыния категорически отказывается разрешить проход русских войск»¹¹². Во время пребывания в Польше в мае 1938 г. главы румынского правительства Мирона Кристи Польша и Румыния договорились, что не будут пропускать советские войска через свою территорию¹¹³.

В июне 1938 г. Польшу посетил начальник румынского генерального штаба Йопеску. В результате состоявшихся в Варшаве переговоров снова было подтверждено, что Польша и Румыния не будут пропускать через свою территорию ни сухопутные, ни военно-воздушные силы СССР. Как свидетельствуют документы, об этом стало известно и германскому министерству иностранных дел¹¹⁴.

С середины июня между польским послом Ю. Липским и Г. Герингом начались переговоры о сотрудничестве, в том числе и военном, в деле «полного расчленения Чехословакии», ликвидации ее¹¹⁵.

---

¹¹⁰ Ibid. P. 113.

¹¹¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1935. Вып. 8. С. 43.

¹¹² Цит. по: *Шевяков А. А.* Указ. соч. С. 264.

¹¹³ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 46.

¹¹⁴ Zentrales Staatsarchiv. Film 4925.

¹¹⁵ Papers and Memoirs of Józef Lipski. P. 370, 377, 380—381, 384—385, 397, 403, 405—410.

Усиливая подготовку к нападению на Чехословакию и рассчитывая на сотрудничество с фашистской Германией, в том числе против СССР, польские правящие круги начали притесняться в отношении Советского Союза все более враждебной позиции. В польской реакционной печати поднимались антисоветские кампании. Отношения между СССР и Польшей в результате агрессивной, провокационной деятельности реакционных польских правящих кругов оказались в весьма напряженном состоянии.

Гитлеровцы по мере возможности подогревали антисоветские устремления правящих кругов Польши. 17 июня Геринг заверил Ю. Липского, что «в случае польско-советского конфликта рейх в хорошо осознанных собственных интересах не мог бы не оказать своей помощи Польше»¹¹⁶.

Агрессивность Польши в отношении Чехословакии стала настолько очевидной, что вызывала раздражение даже в Париже и Лондоне, ибо затрудняла их попытки урегулировать конфликт между Германией и Чехословакией без открытого вооруженного столкновения. Даже британский посол в Берлине Н. Гендерсон заявил Ю. Липскому, что военное содействие Польши разделу Чехословакии было бы для нее «моральным падением, невозместимым перед французским и английским общественным мнением»¹¹⁷.

* * *

Весной 1938 г. произошло дальнейшее резкое обострение обстановки в Европе. Коммунистическая партия и Советское правительство отчетливо представляли себе опасность, угрожавшую многим государствам со стороны германского империализма. СССР снова во всеуслышание выступил в марте 1938 г. с призывом к Франции, Англии, США и другим странам о принятии коллективных мер как в рамках Лиги наций, так и путем созыва совещания заинтересованных государств, чтобы поставить надежные преграды на пути агрессоров. Однако в Лондоне и Париже не поддерживали советских предложений.

---

¹¹⁶ Ibid. P. 372.

¹¹⁷ Archiwum Akt Nowych (Warszawa). Письмо Ю. Липского Э. Рачиньскому от 23 июня 1938 г.

Глава VI

МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ И ПОЗИЦИЯ СССР

КУРС ГЕРМАНИИ И АНГЛИИ НА ПОДРЫВ ДОГОВОРОВ О ВЗАИМОПОМОЩИ МЕЖДУ СССР, ФРАНЦИЕЙ И ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ

В дипломатической подготовке к захвату Чехословакии германские агрессоры существенное значение придавали ликвидации ее договоров о взаимопомощи с СССР и Францией. Это означало бы международную изоляцию Чехословакии. Тем самым в Берлине могли бы рассчитывать на то, что конфликт с ней не перерастет в войну Германии с Францией, СССР и другими странами.

Германское правительство стремилось одновременно свести на нет и значение советско-французского пакта о взаимопомощи 1935 г. Это ослабило бы позиции Франции. Вместе с тем подрывом союзных договоров, которые СССР удалось заключить с Францией и Чехословакией, Германия надеялась сделать немалый шаг к тому, чтобы поставить в положение международной изоляции также и Советский Союз¹. Британский посланник в Чехословакии Б. Ньютон констатировал в конце мая 1938 г., что с германской точки зрения важно «порвать особые связи Чехословакии с Советской Россией и Францией». Германское правительство стремится, писал он, «изгнать Россию из Центральной Европы»².

В деле осуществления этих планов Германия нашла добровольных союзников в лице реакционных правящих кругов Великобритании. Желая помочь германским фашистам осуществить их агрессивные планы в отношении Чехословакии без опасности войны в центре Европы, они были готовы сделать все возможное для ликвидации ее союзов с Францией и СССР. Британское правительство не прочь было подрывом договоров Франции с СССР и другими странами ослабить и позиции своих французских

¹ ADAP. Ser. D. Bd. 1. S. 744.

² DBFP. Ser. 3. Vol. 1. P. 404—405.

союзников, чтобы сделать их абсолютно послушными. Британская реакция особенно хотела ликвидацией советско-французского союза добиться ослабления международных позиций СССР, чтобы тем самым подтолкнуть германских агрессоров на войну против него³.

Путь к осуществлению своих целей в Лондоне видели прежде всего в том, чтобы удержать Францию от оказания помощи Чехословакии. Тем более что вступление в войну Франции могло втянуть в нее и Англию⁴.

25 мая лорд Галифакс вынес на рассмотрение британского кабинета вопрос о будущем политическом курсе Англии. Отметив, что французское правительство постоянно выражает опасения, как бы ему не пришлось делать выбор между бесчестьем и войной, Галифакс считал необходимым «добиться освобождения французов от их обязательств перед Чехословакией». Он высказался за превращение Чехословакии в нейтральное государство. Англии неудобно, сказал он, ставить вопрос о ликвидации союзных договоров Чехословакии с Францией и Россией, но в случае нейтрализации Чехословакии «эти союзы будут автоматически ликвидированы». Кабинет одобрил предложенный Галифаксом курс⁵.

Париж вслед за Лондоном все больше склонялся к поискам соглашения с Германией, а вернее — к капитуляции перед ней. Сотрудничать с СССР в деле оказания помощи Чехословакии на Кэ д'Орсэ не собирались. В разговоре с польским послом Ю. Лукасевичем 27 мая министр иностранных дел Франции Ж. Бонне заявил, что франко-советский пакт является очень «условным» и французское правительство «отнюдь не стремится опираться на него». Он лично «не является приверженцем сотрудничества с коммунизмом». Ж. Бонне указал, что он был бы особенно доволен, если бы мог в результате расширения сотрудничества с Польшей «заявить Советам, что Франция не нуждается в их помощи»⁶.

---

³ Американский посол в Москве Дж. Дэвис отмечал, что если СССР окажется в положении изоляции, то это будет более опасно для западных держав, чем для него: Советский Союз сам в состоянии постоять за себя, западным же державам сотрудничество с ним может еще понадобиться. См.: *Davies J. E. Mission to Moscow*. N. Y., 1941. P. 279—280.

⁴ *Middlemas K. Diplomacy of Illusion*. L., 1972. P. 241.

⁵ *Public Record Office (London)*. Cab. 23/93. P. 347—350.

⁶ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1981. Т. 1. С. 104.

В конце мая французский посол в СССР Р. Кулондр, прибыв в Париж, сообщил, что «Советы хотят, чтобы Франция открыто укрепила с ними свой пакт»⁷. Но французское правительство решило занять отрицательную позицию в отношении переговоров представителей советского, французского и чехословацкого генеральных штабов. Не желая помогать Чехословакии, Франция, естественно, не хотела и переговоров о средствах и методах оказания такой помощи. Французское правительство информировало о своей позиции в отношении трехсторонних переговоров Чехословакию⁸, но скрывало это решение от СССР. Но оно стало известно в Москве от чехословацких представителей. Так, З. Фирлингер сказал М. М. Литвинову, что, когда чехословацкий посланник во Франции С. Осуский поставил перед Ж. Бонне вопрос о трехсторонних военных переговорах с участием СССР, он получил ответ, что «ввиду успешного сотрудничества между Англией и Францией такие переговоры теперь несвоевременны»⁹.

29 мая министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта информировал советского полпреда С. С. Александровского о состоявшемся накануне зондаже британского посланника по вопросу о нейтрализации Чехословакии. К. Крофта отметил, что Англия хочет «оторвать Чехословакию от опоры на СССР. Чехословакия же исключительно высоко ценит СССР не только в качестве своего союзника, но и в качестве главной опоры мира в Европе»¹⁰. Получив сообщение об этой беседе, НКВД писал полпреду в Праге: «Вы... правильно поступили бы, если бы указали на опасность предложения о нейтрализации Чехословакии»¹¹.

В Советском Союзе не могли не отдавать себе отчета в том, что, несмотря на растущую опасность со стороны агрессоров, вся дипломатия западных держав сводилась к попустительству захватническим планам фашистского рейха в Центральной Европе. И тем не менее Советское правительство продолжало свою принципиальную, последовательную борьбу за мир, против фашистской агрессии.

---

⁷ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978. Т. 3. С. 447. (Далее: Документы советско-чехословацких отношений).

⁸ См.: Там же.

⁹ АВП СССР. Ф. 05. Оп. 18. Д. 6. Л. 73. Запись беседы М. М. Литвинова с З. Фирлингером 4 июля 1938 г.

¹⁰ Документы советско-чехословацких отношений. Т. 3. С. 439.

¹¹ Цит. по: Междунар. жизнь. 1973. № 6. С. 102.

Характерна беседа, состоявшаяся 9 июня между М. М. Литвиновым, З. Фирлингером и французским послом Р. Кулондром на приеме у американского посла в СССР Дж. Дэвиса. «По мнению Литвинова,— писал об этой беседе чехословацкий посланник,— очень важна возможность прохода советских войск через Румынию, не говоря уже о немедленной помощи авиацией. Необходимо незамедлительно наладить связь между советской и чехословацкой территориями». З. Фирлингер осведомился у М. М. Литвинова, может ли СССР дать Польше и Румынии в случае прохода советских войск через их территорию гарантию их территориальной неприкосновенности. Нарком иностранных дел СССР отметил, что «это само собой разумеется»¹².

Французский посол в Москве Р. Кулондр сообщал в Париж, что, по полученным им сведениям, «Советы обещали чехословацкому правительству предоставить в случае агрессии мощную помощь в количестве 900 самолетов-бомбардировщиков»¹³.

Во время посещения Советского Союза генеральным директором чехословацкого завода боеприпасов «Эксплозия» О. Гусакком в мае 1938 г. советская сторона внесла предложение об установлении между двумя странами широкого технического сотрудничества в военной области. О. Гусак заявил о готовности чехословацкого правительства к такому сотрудничеству. 25 мая он имел беседу с К. Е. Ворошиловым¹⁴.

В июне в СССР прибыли генеральный директор заводов «Шкода» В. Громадка и генерал К. Гусарек с чехословацкими военными специалистами. Возглавляемая В. Громадкой группа посетила ведущие советские военные заводы (главным образом авиационные). В результате их переговоров с представителями Народного комиссариата оборонной промышленности СССР было подготовлено соглашение о советско-чехословацком военном и техническом

¹² *Fierlinger Zd. Ve službách ČSR. Pr., 1947. D. 1. S. 108*; Документы советско-чехословацких отношений. Т. 3. С. 451. З. Фирлингер отмечал, что М. М. Литвинов не упускал ни малейшей возможности для улучшения отношений с Румынией и Польшей, так как от сотрудничества с этими странами зависела эффективность оказания советской помощи Чехословакии. См.: *Fierlinger Zd. Ve službách ČSR. S. 117*.

¹³ DDF. Sér. 2. Т. 10. Р. 363.

¹⁴ Документы советско-чехословацких отношений. Т. 3. С. 425—426, 429.

ком сотрудничестве. С целью обмена опытом генерал Гусарек, возглавлявший фортификационные работы в Чехословакии, посетил советский пограничный район вблизи Минска, где также строились укрепления. 28 июня В. Громадка и К. Гусарек имели трехчасовую беседу с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, где обсуждались проблемы сотрудничества в области военной промышленности и подготовки Чехословакии к борьбе против агрессии. В тот же день было подписано советско-чехословацкое соглашение о военном и техническом сотрудничестве¹⁵.

Общая характеристика советской внешней политики была дана 23 июня 1938 г. в речи М. М. Литвинова в Ленинграде. Он заявил, что СССР сохраняет верность своим пактам с Францией и Чехословакией и что Советское правительство «готово выполнить и выполняет в полном объеме свой долг международной солидарности в качестве последовательного и страстного поборника мира. Наши пакты с Францией и Чехословакией, — сказал он, — помимо оказания помощи в случае войны, имеют также целью предотвращение или уменьшение самой опасности войны»¹⁶. Нарком дал полпреду в Чехословакии указания информировать об этом заявлении президента страны, подчеркнув, что в нем четко определена позиция СССР в связи с чехословацко-германским конфликтом¹⁷.

Таким образом, твердая позиция Советского правительства по вопросу об оказании помощи Чехословакии в целях предотвращения поглощения ее Германией сыграла важнейшую роль в том, что вынашивавшиеся в то время планы нейтрализации Чехословакии остались на бумаге.

СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О КОЛЛЕКТИВНЫХ МЕРАХ ПРОТИВ ГЕРМАНСКОЙ АГРЕССИИ

В июле — августе 1938 г. происходило дальнейшее усиление агрессивности фашистской Германии, что приводило к еще большему обострению положения в Европе. Советское полпредство в Берлине сообщало в Москву, что

---

¹⁵ Там же. С. 455.

¹⁶ *Литвинов М. М.* К современному международному положению. М., 1938. С. 20, 22—23.

¹⁷ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 142.

усиленным темпом происходит подготовка Германии к активным действиям. Проводятся большие военные маневры. Германские власти не только не скрывают этих мер, но даже афишируют их, создавая атмосферу нервозности и запугивая Чехословакию и Францию¹⁸.

Вместе с тем в результате действий тройственного блока агрессоров продолжала пакаляться обстановка во всем мире. В передовой статье «Фашизм — это война! Социализм — это мир!» газета «Правда» 1 августа 1938 г. констатировала, что блок агрессоров «стремится к главной цели — к мировой войне для реализации своих захватнических планов».

Несмотря на все более наглые действия фашистской Германии, правящие круги Англии и Франции продолжали придерживаться политики потворствования им. Они еще больше усилили давление на правительство Чехословакии, добиваясь от него удовлетворения требований Германии в отношении Судетской области. Смысл этого давления заключался в том, чтобы Чехословакия «совершила самоубийство с целью избежать убийства»¹⁹. Правительства Англии и Франции надеялись, что после «мирного урегулирования» судетского вопроса наконец будут созданы благоприятные условия для достижения ими соглашения с Германией.

20 июля Ж. Бонне заявил чехословацкому посланнику С. Осускому: «Чехословацкое правительство должно точно знать нашу позицию. Франция не будет воевать из-за судетского вопроса... Чехословацкое правительство не должно считать, что если разразится война, то мы будем на его стороне». С. Осуский, для кого это не было новостью, просил лишь о том, чтобы публично французское правительство и впредь подтверждало свою солидарность с Чехословакией, ибо иначе будет ослаблена позиция чехословацкого правительства в переговорах по судетскому вопросу. Ж. Бонне обещал удовлетворить эту просьбу. Но чехословацкое правительство, сказал он, «должно отдавать себе отчет в том, что Франция, как и Англия, на войну не пойдет»²⁰.

Советский полпред во Франции Я. З. Суриц отмечал в то время, что французские политические деятели прекрасно понимают, что в Чехословакии решаются судьбы

---

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 438—439.

¹⁹ The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. L., 1970. P. 149.

²⁰ DDF. Sér. 2. T. 10. P. 447.

многих стран. Они отдают себе отчет, что в результате расчленения Чехословакии Германия захватит решающие стратегические позиции для будущей войны и господствующее положение во всей Центральной Европе. Огромное большинство французов сходится на том, что теперешняя Франция уже не способна выдержать единоробства с гитлеровской Германией. Нормальная и простая логика подсказывает, что единственным союзником Франции является Советский Союз, располагающий мощной сухопутной армией и, как признают французские военные органы, сильной авиацией. «И тем не менее — и это факт бесспорный — теперешнее правительство меньше всего свою чехословацкую политику строит в расчете на помощь СССР... Несмотря на наличие советско-французского пакта, на наличие параллельных пактов с Чехословакией, взаимно между собой связанных и друг друга дополняющих,— писал полпред,— руководители французской внешней политики ни разу по-серьезному (если не считать обрывочных разговоров Ж. Бонне) не предложили приступить к совместному и практическому обсуждению вопроса, вытекающего из наших пактов». Э. Даладьё, отмечал полпред, проводит тактику «игнорирования СССР»²¹.

Советское правительство видело всю опасность политики западных держав для дела мира в Европе. Оно было готово принять эффективные коллективные меры борьбы против агрессии, но оно реально оценивало обстановку и не питало иллюзий относительно политики английских и французских правящих кругов. 11 августа М. М. Литвинов писал по этому вопросу дипломатическим представителям СССР в Праге, Берлине, Лондоне и Париже: «Мы чрезвычайно заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в торможении гитлеровского устремления на юго-восток». Однако западные державы «не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас и между собой решают все, касающееся германо-чехословацкого конфликта»²².

Через несколько дней по указанию Советского правительства И. М. Майский заявил лорду Галифаксу, что Советский Союз «все больше разочаровывается» в политике Англии и Франции и считает ее «слабой и близорукой», способной лишь поощрять агрессора к дальнейшим «прыж-

²¹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 396—397.

²² Междунар. жизнь. 1973. № 7. С. 104—105.

кам». Тем самым, сказал он, на западные державы «ложится ответственность приближения и развязывания новой мировой войны». Политика Англии и Франции в отношении Чехословакии была охарактеризована полпредом как попытка «обуздать не агрессора, а жертву агрессии»²³.

В отличие от западных держав Советский Союз по-прежнему был преисполнен решимости, если это требуется, выполнить свои обязательства по договору с Чехословакией. И. М. Майский заявил 16 августа чехословацкому посланнику в Лондоне, что в случае нападения на Чехословакию Советский Союз «выполнит свои обязательства»²⁴. Аналогичное заявление 17 августа полпред сделал Галифаксу²⁵. В тот же день полпред встретился также с американским поверенным в делах в Англии Х. Джонсоном. Снова подтвердив готовность Советского правительства выполнить свои договорные обязательства, полпред отметил, что Чехословакия является ключом к положению в Центральной Европе. Поэтому «нельзя позволять Гитлеру уничтожить Чехословакию и меры к предотвращению ее уничтожения необходимо принимать немедленно»²⁶.

Советское правительство сочло полезным поставить в известность о твердой позиции СССР также и Германию. 22 августа М. М. Литвинов заявил германскому послу в СССР Ф. Шуленбургу, что Советский Союз выполнит свои обязательства перед Чехословакией²⁷.

Советский Союз придавал предотвращению захвата Германией Чехословакии огромное значение. Это соответствовало общему курсу советской внешней политики, направленному на сохранение мира, но одновременно было связано также с конкретными соображениями. Пока существовала Чехословакия, Германии было не так-то просто решиться на нападение, например, на Францию или Польшу. Она была серьезным барьером на пути германской агрессии в Юго-Восточную Европу. Затрудняя германскую агрессию на восток вообще, Чехословакия была преградой и для осуществления агрессивных планов Германии в отношении СССР. Советский Союз был готов сотрудничать с Францией в деле защиты независимости

²³ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 436.

²⁴ FRUS. 1938. Vol. 1. P. 546.

²⁵ DBFR. Ser. 3. Vol. 2. P. 107.

²⁶ FRUS. 1938. Vol. 1. P. 67—68.

²⁷ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 175.

Чехословакии, оказывать чехословацкому народу всю возможную помощь.

Вполне естественно, что в Чехословакии интересовались тем, каковы реальные возможности СССР оказать ей помощь. Начальник генерального штаба чехословацкой армии генерал Л. Крейчи оценивал их очень высоко: Россия может выставить на поле боя такие же силы, как и Германия, сохраняя при этом достаточно войск и на Дальнем Востоке. Он характеризовал Советскую Армию как первоклассную, отмечая, что у нее хорошая дисциплина. Численность ее составляет 1,7 млн человек. Обученный резерв насчитывает 8 млн человек. Он говорил, что, по мнению германских специалистов, Советская Россия может немедленно выставить на поле боя 90—100 дивизий, а в течение короткого времени увеличить число дивизий до 240—260; если русская армия очень хорошая, то русская авиация исключительная. Военные ресурсы СССР неисчерпаемы. СССР имеет развитую военную промышленность. Техническое вооружение русской армии великолепное. И что самое главное: СССР хочет оказать нам помощь²⁸.

Для того чтобы попытаться как-то оправдать предательство Францией своего чехословацкого союзника, французское правительство решило предпринять коварную дипломатическую акцию, надеясь свалить хотя бы часть вины на Советский Союз. 31 августа Ж. Бонне дал французскому поверенному в делах в Москве Ж. Пайяру указания поставить перед Советским правительством вопрос, каким образом СССР сможет оказать помощь Чехословакии, учитывая позицию, занятую Польшей и Румынией. Польское правительство, сообщил при этом Ж. Бонне, категорически заявило, что оно приняло решение «воспрепятствовать проходу советских войск через свою территорию и перелету советской авиации. Правительство Румынии «дало идентичный ответ, но в более сдержанных выражениях»²⁹.

1 сентября Ж. Пайяр передал этот запрос В. П. Потемкину³⁰. Сообщая об этом советскому полпреду в Праге,

²⁸ Документы советско-чехословацких отношений. Т. 3. С. 491.

²⁹ DDF. Sér. 2. Т. 10. Р. 900. Французская газета «Тан» 19 июля, а затем и в последующие дни также писала, что Польша и Румыния решительно отказываются пропускать советские войска через свою территорию. См.: *Стегаль С. Л.* Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980. С. 185.

³⁰ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 185—186.

заместитель наркома отмечал, что снова обращает на себя внимание особое ударение, сделанное Ж. Бонне на затруднениях, которые военная помощь Советского Союза Чехословакии встретила бы со стороны Польши и Румынии. По-видимому, писал он, подчеркивая эти затруднения, Ж. Бонне рассчитывает получить от нас такой ответ, которым французское правительство могло бы воспользоваться «для оправдания своего собственного уклонения от помощи Чехословакии»³¹.

Посетив 2 сентября 1938 г. М. М. Литвинова, Ж. Пайяр прямо задал вопрос о том, «на какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, имеющиеся со стороны Польши и Румынии». Нарком воспользовался этим случаем, чтобы очередной раз изложить принципиальную позицию Советского правительства по вопросу о помощи Чехословакии. «При условии оказания помощи Францией, — сказал он, — мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути»³². Нарком внес три конкретных предложения:

поставить вопрос в Лиге наций, чтобы она вынесла решение об агрессии, что, возможно, могло бы оказать влияние на позицию Румынии и Польши;

для определения конкретной помощи Чехословакии провести совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий;

созвать совещание представителей Англии, Франции, СССР и других государств, заинтересованных в сохранении мира, и принять общую декларацию, которая могла бы удержать Гитлера от военной авантюры³³.

Содержание своего заявления Ж. Пайяру М. М. Литвинов изложил также чехословацкому посланнику Э. Фирлингеру. 11 сентября В. П. Потемкин напомнил все указанные три советских предложения возвратившемуся в Москву французскому послу Р. Кулондру³⁴.

---

³¹ Там же. С. 187.

³² По инициативе чехословацкого правительства в советско-чехословацкий договор о взаимопомощи 1935 г. была включена оговорка о том, что обязательства СССР и Чехословакии об оказании помощи друг другу будут действовать лишь в том случае, если помощь Советскому Союзу и Чехословакии в случае агрессии против них будет оказана также со стороны Франции.

³³ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 470—471.

³⁴ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 205—207.

Советские предложения были переданы также британскому правительству. 3 сентября И. М. Майский подробно информировал о них У. Черчилля. Последний в тот же день направил лорду Галифаксу письмо, в котором не только пункт за пунктом точно и полно изложил содержание советских предложений, но и подчеркнул их огромное значение³⁵. 8 сентября, когда И. М. Майский был принят Галифаксом, он и сам изложил британскому министру эти предложения. Полпред напомнил также общую позицию Советского правительства по вопросу о борьбе с агрессией. Галифакс ответил, что он теперь вполне понимает советскую точку зрения, но своего отношения к ней никак не выразил³⁶.

Оставляя без ответа советские предложения, французское и британское правительства пытались замолчать их, сузить и исказить их содержание. Это наглядно иллюстрирует и следующий пример. Несколько дней спустя Н. Чемберлена и Галифакса посетили лидеры лейбористской партии У. Ситрин, Х. Долтон и У. Моррисон. Основываясь на недавно принятой на съезде тред-юнионов декларации, они говорили, что правительства Великобритании, Франции и СССР должны объединиться и твердо заявить Гитлеру, что есть пределы, далее которых он не должен идти. Рассказывая об этой встрече на заседании правительства, Н. Чемберлен сказал, что он ознакомил лейбористских лидеров с позицией французского правительства. Кроме того, премьер сказал им, что французы запросили СССР о его позиции и выяснилось-де, что Советское правительство не собирается, мол, принимать какие-либо меры до тех пор, пока Франция не окажется в состоянии войны, а затем оно «поставит вопрос в Женеве». Для представителей лейбористов эта информация оказалась большим ударом, сказал Н. Чемберлен, и лейбористская партия стала занимать «мягкую позицию»³⁷. Этот случай показывает, насколько грубо и умышленно глава британского правительства фальсифицировал позицию СССР в целях введения в заблуждение общественного мнения страны.

Между тем положение в Европе становилось с каждым днем все более опасным. Германский канцлер принял

---

³⁵ Churchill W. S. The Second World War. L., 1949. Vol. 1. P. 229—232.

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 484.

³⁷ Public Record Office. Cab. 23/95. P. 114—115.

3 сентября 1938 г. решение о приведении войск к 28 сентября в боевую готовность³⁸. Вместе с тем принятые в Германии меры военного характера вовсе еще не означали, что она действительно собиралась воевать, так как соотношение сил было не в ее пользу.

Прибыв в Женеву на очередную сессию ассамблеи Лиги наций, заместитель министра иностранных дел Англии Р. Батлер 11 сентября передал Ж. Бонне, что британское правительство, по-видимому, не согласится на совместный англо-франко-советский демарш³⁹. Когда в тот же день М. М. Литвинов встретился в Женеве с Ж. Бонне, последний ограничился заявлением, что он, мол, передал англичанам советские предложения, но они были ими отклонены. О позиции самого французского правительства Ж. Бонне даже не упомянул. «Бонне разводил руками,— сообщал в Москву нарком,— что, мол, ничего сделать нельзя»⁴⁰.

Правительства Англии и Франции не поддержали советских предложений. А между тем осуществление этих предложений, предусматривавших как политические, так — в случае необходимости — и военные меры, могло сыграть важную роль в предотвращении агрессии и укреплении мира.

В то время как Советский Союз считал необходимым противопоставить агрессивным устремлениям все более наглевшего германского империализма и фашизма единый фронт стран, заинтересованных в сохранении мира, в Лондоне и Париже разрабатывались совершенно иные планы. 6 сентября во французской газете «Республик» и на следующий день в британской газете «Таймс» открыто был поставлен вопрос о том, не следует ли чехословацкому правительству подумать о передаче Германии Судетской области. Пригласив 7 сентября советского полпреда С. С. Александровского, Э. Бенеш сообщил ему, что «Англия и Франция производят бешеный нажим с прямыми угрозами оставить Чехословакию на произвол Гитлера»⁴¹.

---

³⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 2. S. 547. Уже три дня спустя британское правительство получило соответствующую информацию. См.: *Kordt E. Nicht aus den Akten. Stuttgart, 1950. S. 279—281.*

³⁹ *Colvin I. Vensittart in Office. L., 1965. P. 242.*

⁴⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 487—488.

⁴¹ Там же. С. 480.

Таким образом, правительства Франции и Англии не проявляли заинтересованности в сотрудничестве с СССР, чтобы остановить германских агрессоров. Они продолжали придерживаться политики попустительства германской агрессии, лишь бы она была обращена не на запад, а на восток.

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР И ОСУЖДЕНИЕ ЕГО СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

С начала сентября в Лондоне и Париже все активнее стал рассматриваться вопрос о том, как именно оформить передачу Германии Судетской области. Н. Чемберлен предпочитал двустороннюю англо-германскую сделку. В таком случае получалось бы, что именно Англия «дарит» германским фашистам Судетскую область. Британский премьер надеялся в обмен выторговать у Гитлера обязательство не покушаться на британские владения. В Париже, однако, считали, что в переговорах и сделке с Германией должна участвовать и Франция, чтобы не были обойдены ее интересы. Не хотела оставаться в стороне и Италия. На праве участия в переговорах о расчленении Чехословакии настаивала и Польша. США поддерживали идею созыва конференции для урегулирования вопроса о передаче фашистской Германии части чехословацкой территории, но сами предпочитали оставаться в стороне от этого неприглядного дела. Таким образом, в позициях этих стран было немало расхождений. Но в одном они все были единого мнения: СССР в переговорах или конференции о судьбе Чехословакии участвовать не должен.

В британском правительстве решение этого вопроса взяли в свои руки Н. Чемберлен, Дж. Саймон и С. Хор. На их совещании 11 сентября был рассмотрен вопрос о созыве конференции Англии, Франции, Германии и Италии. Они полагали, что Берлину план проведения такой конференции может импонировать в связи с тем, что от решения вопроса о судьбе Чехословакии будет отстранена Россия⁴².

В связи с планами созыва такой конференции главный дипломатический советник британского министра иностранных дел Р. Ванситтарт, выступавший против этих планов, представил Галифаксу записку, в которой

---

⁴² Public Record Office. Cab. 27/646.

отмечал, что суть такой конференции в том, чтобы «изгнать Россию из Европы», что «целиком и полностью было бы на руку Германии» (курсив мой.— В. С.). Но такая политика может привести к тому, предостерегал он, что Россия, поставленная в положение изоляции, впоследствии может вспомнить о традициях русско-немецких связей, существовавших еще при Бисмарке⁴³.

13 сентября в Чехословакии произошло дальнейшее резкое обострение положения. По указанию Берлина германо-фашистская агентура в Судетской области начала провокационные акции, требуя присоединения ее к Германии. В тот же день на совещании британского премьера с указанными тремя министрами по инициативе Н. Чемберлена было принято решение о его поездке на переговоры к Гитлеру⁴⁴. Это был сверхсекретный «план Зет».

Хотя французское правительство предлагало провести трехстороннюю встречу, тоже желая участвовать в переговорах, Н. Чемберлен предпочитал решать все вопросы вдвоем с Гитлером.

Британский премьер полагал, что, возможно, придется привлечь к осуществлению «плана Зет» и лорда Ренсимена, отправленного им в Прагу в качестве посредника между чехословацким правительством и судетскими немцами. Поэтому Н. Чемберлен послал ему 12 сентября письмо, в котором изложил суть этого плана. Я решил, писал британский премьер, сделать неожиданный и драматический шаг, а именно отправиться в Германию для встречи с германским канцлером. Если Гитлер согласится, а ему отказать будет трудно, «я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Будем обсуждать и другие политические вопросы. Один из них будет касаться, вероятно, системы договоров между Францией, Чехословакией и Россией... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России. Это и есть «план Зет»⁴⁵.

В этом небольшом документе как в капле воды отра-

---

⁴³ Colvin I. Op. cit. P. 248—249.

⁴⁴ Подробнее см.: Крал В. План Зет. М., 1978. С. 241.

⁴⁵ Там же. С. 225.

жена суть внешнеполитического курса британских консерваторов: достижение империалистического сговора Великобритании с Германией с целью устранения опасности войны на Западе и поощрения антисоветских замыслов германского империализма и фашизма. Этот документ является тем ключом, который дает возможность разобраться во всех хитросплетениях британской дипломатии накануне второй мировой войны.

В Германии, разумеется, понимали, что приезд Н. Чемберлена в тех условиях мог означать только одно: готовность на серьезные уступки. Поэтому в Берлине решили «разыграть» Н. Чемберлена ⁴⁶. К этому времени в результате совещаний с командованием вермахта германский канцлер склонялся к выводу, что осуществить захват всей Чехословакии сразу будет не так-то просто. Это был довольно твердый орешек. Но ввиду капитулянтской позиции Англии и Франции вполне возможно присоединить к германскому рейху без особых осложнений всю пограничную полосу Чехословакии. После этого она, лишенная укрепленной оборонительной линии и значительно ослабленная также во многих других отношениях, будет представлять уже легкую добычу. Это был бы тогда орешек без скорлупы.

15 сентября Н. Чемберлен прибыл в Берхтесгаден — резиденцию фашистского канцлера. Гитлер решительно потребовал передачи Германии Судетской области, угрожая в противном случае мировой войной. Он требовал также ликвидации союзных договоров Чехословакии с другими странами. Н. Чемберлен выразил готовность удовлетворить эти требования, но заявил, что должен получить на это официальную санкцию своего правительства, а также согласовать вопрос с французским правительством ⁴⁷.

Еще даже и не зная конкретного содержания происшедших в Берхтесгадене переговоров, М. М. Литвинов телеграфировал в этот же день в НКВД из Женевы: «Что Чехословакия будет предана, не подлежит сомнению»⁴⁸. Более подробно сообщал в Париж 18 сентября о мнении М. М. Литвинова генеральный секретарь французской де-

---

⁴⁶ Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950. Frankfurt a. M., 1974. S. 169.

⁴⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 156—157, 159, 162—165.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 494.

легации на ассамблее Лиги наций Р. Арналь. Советский нарком охарактеризовал поездку Н. Чемберлена как капитуляцию перед Гитлером, писал Р. Арналь, потерю Англией и Францией престижа и подрыв их влияния в Европе. В связи с этим перед Советским Союзом, естественно, встает вопрос, не следует ли ему пересмотреть свою политику. Вместе с тем нарком предупреждал, что Гитлер не удовлетворится сделанными ему уступками, а выдвинет новые требования. В недалеком будущем между Францией и Великобританией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой, неизбежно разразится война, причем в условиях крайне неблагоприятных для первых ⁴⁹.

Французский посол в Москве Р. Кулондр также был весьма встревожен тем, как заключение нового соглашения типа «пакта четырех» может отразиться на позиции СССР. Перед СССР может встать вопрос, писал посол, о необходимости заключения соглашения с Германией, а в результате этого усилилась бы позиция Германии по отношению к западным державам ⁵⁰.

Весь смысл берхтесгаденского свидания сразу же был раскрыт советской печатью. Совершенно очевидно, писала «Правда» 17 сентября 1938 г., что поездка британского премьера в Германию имела целью «торг, расплачиваться за который хотят заставить Чехословакию». Поездка Н. Чемберлена — это попытка обмануть народы и под флагом миротворческих жестов «протащить соглашение с агрессором».

В результате переговоров с Н. Чемберленом Гитлер пришел к выводу, что ему нечего опасаться противодействия Англии его планам захвата Судетской области.

Настал тот момент, когда Франция как союзница Чехословакии обязана была занять твердую позицию. Но она вслед за Англией позорно капитулировала. 16 сентября Ж. Бонне снова решительно предупредил чехословацкого посланника С. Осуского, что Чехословакии не следует рассчитывать на помощь Франции ⁵¹.

19 сентября британское и французское правительства передали чехословацкому правительству заявления, содержащие, по существу, совместное ультимативное требование Германии, Англии и Франции о передаче нацист-

---

⁴⁹ DDF. Sér. 2. T. 11. P. 300.

⁵⁰ Ibid. P. 694—696.

⁵¹ Ibid. P. 268.

скому рейху Судетской области⁵². Ж. Бонне в беседе с чехословацким посланником подчеркнул, что если Чехословакия не примет этих требований, то Франция и Англия никакой помощи ей не окажут, а бросят ее на произвол судьбы⁵³.

Президент США Ф. Рузвельт поддержал англо-французскую акцию. Пригласив к себе на следующий день британского посла Р. Линдсея для совершенно секретного разговора, он отметил, что Англия и Франция требуют от Чехословакии «самой ужасной безжалостной жертвы, которая когда-либо требовалась от какого-либо государства». В то же время Рузвельт заявил, что если бы осуществляемый англичанами курс увенчался успехом, то он «был бы первым, кто приветствовал бы его»⁵⁴.

Совершенно иной была позиция СССР. 19 сентября 1938 г. президент Чехословакии Э. Бенеш обратился к Советскому правительству с просьбой дать как можно скорее ответ на следующие вопросы:

«1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь.

2. В случае нападения Бенеш немедленно обратится телеграммой в Совет Лиги наций с просьбой привести в действие ст. ст. 16 и 17... В связи с этим Бенеш просит помощи в Лиге наций и просит от Советского правительства такого же срочного ответа о том, поможет ли СССР в качестве члена Лиги наций на основании упомянутых статей»⁵⁵.

Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив 20 сентября этот вопрос, сочло возможным дать на оба вопроса положительные ответы⁵⁶. В тот же день советскому полпреду в Праге были даны следующие указания:

«1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ.

---

⁵² Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 170—171.

⁵³ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 235—236; DDF. Sér. 2. Т. 11. P. 347—348.

⁵⁴ DBFP. Sér. 3. L., 1954. Vol. 7. P. 627.

⁵⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 499.

⁵⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 68.

2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос...»⁵⁷.

Советский полпред в Праге С. С. Александровский немедленно передал этот ответ Э. Бенешу, который «выразительно благодарил»⁵⁸. Содержание ответа было сообщено и правительству Франции⁵⁹. Таким образом, Советское правительство снова поддержало Чехословакию в этих трудных и опасных для нее условиях.

Чехословацкий посланник в СССР З. Фирлингер отметил в беседе с американским поверенным в делах в Москве А. Керком, что Советское правительство, излагая свою позицию, «было абсолютно принципиальным. Оно заявило, что выполнит свои договорные обязательства». З. Фирлингер выразил уверенность, что помощь Советского Союза «будет немедленной и действенной»⁶⁰. В то же время он сообщил в Прагу, что действия Франции в Москве характеризуют как «открытое предательство»⁶¹.

Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос о позиции советской делегации на очередной сессии ассамблеи Лиги наций, сочло необходимым, чтобы советский представитель еще раз четко и ясно разъяснил на ней позицию СССР в отношении помощи Чехословакии⁶². Это было необходимо, в частности, в связи с тем, что и политические деятели, и газеты западных держав пытались бросить тень на позицию Советского Союза, якобы отказывавшегося выполнять свои обязательства по советско-чехословацкому договору.

Выступая 21 сентября 1938 г. на ассамблее Лиги наций, М. М. Литвинов подчеркнул, что Лига наций «достаточно сильна, чтобы коллективными действиями предотвратить или прекратить агрессию». Против агрессора должны быть приняты меры, намеченные Уставом Лиги наций, причем решительно, последовательно и без колебаний, и тогда агрессор не будет введен в искушение и «мир будет сохранен мирными средствами». Советский нарком в своей речи разоблачал позорную политику попустительства агрессии, когда дело доходит до того, что едут к агрессору «за получением диктатов и ультимату-

⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 500.

⁵⁸ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 244.

⁵⁹ DDF. Sér. 2. Т. 11. P. 266.

⁶⁰ FRUS. 1938. Vol. 1. P. 633—634.

⁶¹ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 240.

⁶² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, кн. 1. С. 66.

мов, принося ему в жертву жизненные интересы того или иного государства».

М. М. Литвинов изложил заявления, которые Советское правительство передало 2 сентября правительству Франции и 20 сентября — правительству Чехословакии. Он подчеркнул, что это были заявления «лояльного участника международного соглашения и верного защитника Лиги наций. Не наша вина, если не было дано хода нашим предложениям, которые... могли дать желательные результаты как в интересах Чехословакии, так и всей Европы и всеобщего мира»⁶³.

Великобритания и Франция по-прежнему оставались глухи к советским предложениям. Абсурдность такого положения отчетливо раскрыта в мемуарах У. Черчилля. «Поистине поразительно, — писал он, — что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в этом кризисе... Советские предложения фактически игнорировались... К ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением... События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатились за это»⁶⁴.

Для оценки позиции французского правительства можно привести высказывания военного атташе Франции в Чехословакии генерала Э. Фоше из его письма на имя Э. Даладье от 22 сентября. Он писал, что в Чехословакии главным виновником считают Францию, так как она — союзная держава. По отношению к ней проявляется «*гнев и презрение*», ибо французы «*совершили акт предательства*»⁶⁵ (курсив мой. — В. С.).

Чехословацкое правительство, подчиняясь англо-французскому давлению, капитулировало, дав согласие удовлетворить берхтесгаденские требования германского канцлера. Э. Бенеш впоследствии признал, что и на нем лежит вина за гибель Чехословакии⁶⁶.

Выступая 23 сентября на заседании политической комиссии ассамблеи Лиги наций, М. М. Литвинов публично заявил, что, несмотря на принятие Чехословакией ульти-

⁶³ Известия. 1938. 22 сент.

⁶⁴ Churchill W. S. Op. cit. P. 239—240.

⁶⁵ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 211.

⁶⁶ Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха, 1933—1941. М., 1980. С. 139.

матума, включающего возможное денонсирование советско-чехословацкого пакта, Советское правительство все же и впредь готово в случае помощи Чехословакии со стороны Франции ввести в действие советско-чехословацкий пакт ⁶⁷.

Во время ассамблеи Лиги наций нарком иностранных дел СССР неоднократно подтверждал готовность Советского правительства оказать помощь Чехословакии также в беседах с иностранными дипломатами и политическими деятелями. Так, 22 сентября М. М. Литвинов имел в Женеве встречу с членом британского парламента лордом Бутби. Возвратившись сразу же в Лондон, Бутби сообщил о содержании этой беседы Галифаксу: М. М. Литвинов заявил, что он на протяжении последней недели несколько раз виделся с чехословацкими представителями и каждый раз заверял их, что в случае нападения со стороны Германии Советский Союз готов оказать Чехословакии, согласно договору, эффективную помощь. М. М. Литвинов считает желательным также созыв совещания заинтересованных держав и полагает, что совместное предупреждение Англии, Франции и Советского Союза германскому правительству все еще может возыметь действие. «По его мнению, — сказал Бутби, — твердое заявление, что Россия примет участие в случае войны против Германии, является единственным средством, которое может произвести впечатление» на Германию ⁶⁸.

23 сентября М. М. Литвинов повторил все это также в беседе с главой британской делегации на ассамблее Лиги наций лордом — хранителем печати де ла Уарром и заместителем министра иностранных дел Англии Р. Батлером ⁶⁹.

Освещая эти события, нельзя обойти молчанием тот факт, что в своих воспоминаниях, вышедших в 1971 г., Р. Батлер грубо фальсифицировал содержание этой беседы.

Вот что он телеграфировал в Форин оффис 23 сентября из Женевы: Литвинов заявил, что «если Франция вступит в войну, чтобы оказать помощь чехам, то русские также выступят». Советский нарком сказал, что «давно стремится начать переговоры между Великобританией, Францией и Россией» и предлагает созвать совещание этих трех дер-

---

⁶⁷ Известия. 1938. 24 сент.

⁶⁸ Public Record Office. Cab. 27/646. P. 79.

⁶⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 521.

жав и других государств, предпочтительно в Париже, чтобы показать немцам, что *«мы собираемся действовать»*⁷⁰ (курсив мой.— В. С.). В мемуарах же Р. Батлера позиция СССР представлена совершенно иначе. Коллективная безопасность накануне мюнхенского кризиса, отмечает Р. Батлер, безусловно, не могла быть создана без участия Англии, Франции и России; однако Франция и Россия проявляли-де «не большее стремление к действию, чем мы... У меня не оставалось сомнений, что русские сами вовсе не собираются действовать»⁷¹. Таким образом, Р. Батлер пишет прямо противоположное тому, что он сообщил из Женевы в 1938 г. Налицо явное стремление очернить СССР, чтобы тем самым менее неприглядной выглядела позиция Англии.

Обелить тогдашнюю политику Англии, однако, трудно. Р. Батлер не получил из Лондона даже ответа на свою телеграмму о далеко идущих предложениях Советского правительства. Более того, Н. Чемберлен, ознакомившись с приведенными высказываниями наркома в беседе с де ла Уарром и Батлером, пришел чуть ли не в ужас, увидев в них «огромную опасность», так как осуществление их могло, по его мнению, «усилить большевизм во всем мире»⁷².

Несмотря на то что в течение последующих дней британское правительство заседало почти непрерывно, обсуждая все осложнявшееся положение, Чемберлен и Галифакс даже не упомянули об изложенных важнейших заявлениях М. М. Литвинова, скрыв их от других членов кабинета. Молчал по этому поводу и де ла Уарр, участвовавший в этих заседаниях.

Хотя Советское правительство не могло знать о реакции Н. Чемберлена на предложения наркома, оно совершенно правильно оценивало тогдашнее положение и возможные перспективы. НКИД телеграфировал М. М. Литвинову в ответ на его сообщение о беседе с де ла Уарром и Р. Батлером, что сомнительно, чтобы Франция и Англия решили согласиться на созыв конференции с участием СССР, так как до тех пор они игнорировали его⁷³.

Что касается тогдашней позиции СССР, то многие политические деятели и историки признают безукоризнен-

⁷⁰ DBFP. Ser. 3. Vol. 2. P. 497—498.

⁷¹ The Memoirs of Lord Butler: The Art of Possible. L., 1971. P. 70.

⁷² Das Abkommen von München 1938. Tschechoslowakische diplomatische Dokumente. Pr., 1968. S. 295.

⁷³ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1908. Л. 108.

ность его политики в отношении оказания помощи Чехословакии. Например, видный деятель британской консервативной партии Л. Эмери отмечал, что «Россия во время всего этого кризиса занимала абсолютно ясную позицию». Советский Союз, писал он, «последовательно отстаивал идею коллективной безопасности»⁷⁴. Американский историк А. Фэрниа в своем исследовании «Политика умиротворения» также признает, что в отличие от Англии и Франции «Советский Союз действительно проявлял поразительную готовность оказать военную помощь Чехословакии»⁷⁵.

Высоко оценивал политику СССР Дж. Дэвис, незадолго до этого покинувший Москву, где, будучи в течение двух лет послом США, хорошо ознакомился с ней. Энергичная борьба советской дипломатии за мир в Лиге наций и твердая решимость СССР оказать помощь Чехословакии, писал он, свидетельствовали об «искренности его целей и степени их благородства»⁷⁶.

Твердую и решительную позицию Советское правительство занимало и в связи с тем, что вслед за германскими агрессорами и вкупе с ними выступала в то время также Польша.

Развернув непосредственную подготовку к нападению на Чехословакию, германское правительство проявляло все большую заинтересованность в том, чтобы не оказаться единственным агрессором, а иметь соучастников. 10 августа 1938 г. Г. Геринг снова начал переговоры с польским послом в Берлине Ю. Липским о германо-польском сотрудничестве, прежде всего против СССР и Чехословакии. Он заметил, что после решения чешского вопроса «станет актуальной» русская проблема. Г. Геринг вновь заявил, что «в случае советско-польского конфликта Германия не может оставаться нейтральной и не оказывать помощь Польше». Он отметил также, что Польша «может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине»⁷⁷.

Поддерживаемые германскими фашистами, польские правящие круги вели себя все более агрессивно в отношении как Чехословакии, так и Советского Союза. Усиливалась инспирируемая правительством и генштабом анти-

---

⁷⁴ Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 546.

⁷⁵ Furnia A. H. The Diplomacy of Appeasement. Wash., 1960. P. 356.

⁷⁶ Davies J. E. Op. cit. P. 278.

⁷⁷ Papers and Memoirs of Józef Lipski. N. Y., 1968. P. 377—378.

советская кампания в польской прессе. Следуя примеру германских и японских агрессоров, с середины июля польские власти в нарушение общепринятых международных норм и дипломатических традиций создали совершенно ненормальную обстановку вокруг советского полпреда.

Вызывающее поведение реакционных милитаристских правящих кругов Польши довело советско-польские отношения до крайне напряженного состояния. Журнал «Большевик» в статье «Куда идет Польша» констатировал, что она «суется вокруг оси Рим—Берлин, стараясь к ней примазаться». Польские правящие круги выдвигают лозунг создания «великодержавной Польши», мечтают о захвате новых земель, об овладении берегами Балтийского и Черного морей ⁷⁸.

Польское правительство продолжало усиленно заниматься созданием под руководством Польши антисоветского блока западных соседей СССР. В польской печати появились сообщения, что И. Риббентроп намерен посетить Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию, «чтобы установить там протекторат Польши под протекторатом Германии»⁷⁹. Для осуществления этих планов Прибалтийские страны посетили начальник польского генерального штаба В. Стахевич и министр иностранных дел Польши Ю. Бек. «Правда» писала по этому поводу, что Бек хлопочет о создании блока «нейтральных государств от Черного моря до Северного Ледовитого океана», блока, который можно было бы поставить на службу агрессивным планам Берлина и Варшавы⁸⁰. Создать этот блок польским правящим кругам, однако, не удалось.

Между тем положение Чехословакии продолжало ухудшаться. 19 сентября 1938 г. польский министр иностранных дел Ю. Бек направил Ю. Липскому директивы для переговоров с германским канцлером. Он подчеркивал, что исключительная серьезность положения позволяет «смело ставить проблемы». Польша проводит военные маневры вблизи советской границы, писал он, чтобы затруднить оказание Советским Союзом помощи Чехословакии, и она будет располагать «значительными военными силами» у чехословацкой границы ⁸¹.

⁷⁸ Большевик. 1938. № 8. С. 63—64, 66.

⁷⁹ Przegląd Powszechny. 1938. N 4.

⁸⁰ Правда. 1938. 19 июня.

⁸¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. 6. С. 361—362.

На следующий день Ю. Липский сделал фашистскому канцлеру соответствующее заявление, подчеркнув, что с целью осуществления своих требований Польша *не останется «перед применением силы»*⁸² (курсив мой. — В. С.).

Сообщая в тот же день в Париж о беседе с министром иностранных дел Польши полковником Ю. Беком, французский посол в Польше с тревогой писал, что польское правительство серьезно рассматривает возможность предпринять военные действия против Чехословакии⁸³. Правительство Польши даже и не хотело мирного решения вопроса.

21 сентября оно предъявило чехословацкому правительству ультимативное требование о передаче Польше некоторых районов Чехословакии⁸⁴. Польский военный атташе в Париже информировал французский генеральный штаб, что в случае вторжения германских войск в Судетскую область поляки оккупируют Словакию, которая будет затем поделена между Польшей и Венгрией⁸⁵.

Сообщив о непосредственной опасности нападения со стороны Польши, чехословацкое правительство обратилось 22 сентября за поддержкой к СССР⁸⁶. Откликаясь на это обращение, Советское правительство на следующий же день передало польскому правительству заявление, что в случае, если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, то СССР считал бы это актом агрессии и денонсировал бы договор о ненападении с Польшей⁸⁷. В. П. Потемкин сразу же поставил в известность об этом заявлении чехословацкого посланника в Москве З. Фирлингера⁸⁸.

Таким образом, Советский Союз снова решительно выступил в защиту Чехословакии. Французский посол Р. Кулондр признал в беседе с В. П. Потемкиным, что придает этой советской акции «крупнейшее международное значение. Положительный ее эффект должен коснуться не только Чехословакии, но и Франции»⁸⁹.

---

⁸² Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 177.

⁸³ DDF. Sér. 2. Т. 11. Р. 362—363.

⁸⁴ *Celovski B.* Das Münchener Abkommen, 1938. Stuttgart, 1958. S. 391.

⁸⁵ FRUS. 1938. Vol. 1. Р. 664.

⁸⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 515—516.

⁸⁷ Там же. С. 516.

⁸⁸ АВП СССР. Ф. 011. Оп. 2. Д. 207. Л. 46.

⁸⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 522.

Английский историк Дж. Уилер-Беннет писал впоследствии, что Советский Союз «использовал любую возможность, чтобы продемонстрировать готовность выполнить свои обязательства перед Францией и Чехословакией. Все снова и снова это подчеркивалось в Лондоне, Париже, Праге, Женеве, а также в Берлине — к полному замешательству английского и французского правительств. По всем имеющимся данным, позиция России на всем протяжении чешского кризиса была образцовой. Она пошла даже дальше буквы своих обязательств, пригрозив денонсировать свой договор о ненападении с Польшей, если последняя приняла бы участие в нападении на Чехословакию»⁹⁰.

Советский Союз занимал такую твердую и последовательную позицию, несмотря на то что положение было весьма опасным и для него самого, так как польское правительство вынашивало планы совместного похода германских и польских войск против СССР. Польский посол в Париже Ю. Лукасевич заявил У. Буллитгу 25 сентября, что «начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом» и что в случае оказания Советским Союзом помощи Чехословакии Польша готова к войне с СССР плечом к плечу с Германией. Польское правительство уверено в том, подчеркнул Ю. Лукасевич, что «в течение трех месяцев русские войска будут полностью разгромлены и Россия не будет более представлять собой даже подобия государства»⁹¹.

Благоприятную для агрессоров позицию заняла Румыния. Информировав итальянское правительство о позиции Румынии, румынский посланник в Риме А. Замфиреску 23 сентября заявил министру иностранных дел Италии Г. Чиано, что Румыния возражала, возражает и будет возражать против прохода советских войск через ее территорию с целью оказания помощи Чехословакии. Что касается обострения отношений между Польшей и СССР из-за Чехословакии, то румынский посланник сказал, что «Румыния будет на стороне Варшавы и что в любом случае союз с Польшей будет иметь приоритет перед обязательствами в отношении Праги»⁹². Это означало, что в случае вооруженного конфликта, который возник бы в результате германской и польской агрессии против Чехо-

---

⁹⁰ Foreign Affairs. 1946. Oct. P. 37.

⁹¹ FRUS. 1938. Vol. 1. P. 650—651.

⁹² Ciano's Diplomatic Papers. L., 1947. P. 236—237.

словакии и в котором участвовал бы СССР, Румыния, несмотря на союз с Чехословакией, будет на стороне агрессоров⁹³.

Угрожающую позицию продолжала занимать по отношению к СССР Япония. В конце июля — начале августа 1938 г., как уже было показано, Япония развязала крупный вооруженный конфликт в районе оз. Хасан. Сразу же после разгрома там японских войск в Токио было принято решение предпринять следующей весной хорошо подготовленное вторжение в восточные районы Монгольской Народной Республики⁹⁴.

Продолжались переговоры о союзе трех фашистских агрессоров — Германии, Италии и Японии. 3 сентября 1938 г. советский военный разведчик Р. Зорге сообщал из Токио, что в связи с напряженным положением в Европе И. Риббентроп по согласованию с Муссолини передал японскому военному атташе в Берлине предложение заключить трехсторонний политический и военный союз. Японский генеральный штаб и премьер-министр Коноэ выразили согласие на заключение союза, направленного против СССР⁹⁵. 14 сентября 1938 г. Р. Зорге писал, что возрастает решимость японцев «начать войну против СССР, когда СССР будет вовлечен в европейскую войну»⁹⁶. 26 сентября Г. Геринг сообщил британскому послу в Берлине Н. Гендерсону, что в случае германо-советского конфликта Япония обязалась напасть на СССР⁹⁷. В японской армии было широко распространено мнение, что Япония должна воспользоваться случаем, который может не повториться, чтобы «раз и навсегда урегулировать счеты» с СССР⁹⁸.

Советское полпредство в Японии доносило в то время, что японские газеты подняли злобный вой против СССР, целиком солидаризируясь с Гитлером в чехословацком

---

⁹³ Подробнее о позиции Румынии по этому вопросу см.: *Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932—1939. М., 1977. С. 263—270, 274—275; *Волков В. К.* Мюнхенский сговор и Балканские страны. М., 1978. С. 18, 27, 31—32, 37, 39.

⁹⁴ *Bergamini D.* Japan's Imperial Conspiracy. L., 1971. P. 696.

⁹⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, Сентябрь 1938 г.—август 1939 г.: Документы и материалы. М., 1971. С. 666—667.

⁹⁶ Там же. С. 650.

⁹⁷ DBFP. Ser. 3. Vol. 1. P. 562.

⁹⁸ FRUS, 1938. Vol. 3. P. 307—310.

вопросе⁹⁹. Союзом с Германией японские правящие круги рассчитывали поставить Советский Союз перед фактом войны одновременно на два фронта — с Германией и Японией. Война против СССР в союзе с Германией и при фактической поддержке со стороны западных держав сулила, по их мнению, быстрый и определенный успех¹⁰⁰.

И тем не менее Советский Союз был готов выполнить свои договорные обязательства в отношении Чехословакии, если она не капитулирует, а будет сражаться и Франция выступит ей на помощь. Для этого в СССР заблаговременно были приняты необходимые военные подготовительные меры. Еще 26 июня 1938 г. Главный военный совет Красной Армии принял постановление о преобразовании Белорусского и Киевского военных округов в Особые военные округа¹⁰¹, т. е. об их усилении.

21 сентября в условиях резко обострившегося кризиса были даны указания о немедленном приведении определенных воинских частей в боевую готовность. Одновременно были осуществлены и другие мероприятия по усилению войск западных приграничных военных округов. В общей сложности в боевую готовность были приведены более сорока дивизий¹⁰².

О принимаемых Советским правительством мерах сразу же был поставлен в известность французский военный атташе в СССР полковник О. Палас, который сообщил о них в Париж¹⁰³.

24 сентября начальник генерального штаба французской армии М. Гамелен передал советскому военно-воздушному атташе во Франции Н. Н. Васильченко информацию о том, что на границе Германии с Чехословакией сконцентрировано 30 (а по некоторым разведывательным данным — 38) немецких дивизий и военно-воздушные силы. В связи с этим М. Гамелен сообщил, что генеральный штаб Франции подтягивает войска к французской линии укреплений¹⁰⁴. На следующий же день Народный комиссариат обороны СССР поручил Н. Н. Васильченко передать начальнику генерального штаба французской армии

---

⁹⁹ АВП СССР. Ф. 059. Оп. 1. Д. 1979. Л. 41.

¹⁰⁰ См.: *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 204—205.

¹⁰¹ Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами, 1918—1939. М., 1968. С. 218—219.

¹⁰² История второй мировой войны. М., 1974. Т. 2. С. 105—106.

¹⁰³ DDF. Sér. 2. T. 11. P. 447.

¹⁰⁴ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 293—294

сведения об указанных предупредительных мерах, принятых советским командованием¹⁰⁵. Эти сведения были переданы французскому генштабу¹⁰⁶.

Для отправки в Чехословакию были подготовлены 246 бомбардировщиков и 302 истребителя¹⁰⁷. В Чехословакии для их приема были подготовлены аэродромы и запасы горючего¹⁰⁸.

В связи с дальнейшим обострением обстановки в последние дни в Киевском, Белорусском и других военных округах были приведены в боевую готовность еще 30 стрелковых дивизий и другие воинские части. В Вооруженные Силы СССР было дополнительно призвано в общей сложности до 330 тыс. человек¹⁰⁹.

Зная о готовности СССР оказать вместе с Францией помощь Чехословакии, французский посол в Москве Р. Кулондр телеграфировал 24 сентября в Париж о целесообразности принятия мер по координации действий двух стран в этом вопросе¹¹⁰.

Но в Париже считали иначе. В генеральном штабе французской армии был подготовлен документ «Рассуждения о возможных последствиях советско-французских военных контактов». Суть его сводилась к тому, что такие контакты принесут-де больше вреда, чем пользы. Первый вывод, сделанный в документе, заключался в том, что безопасность Франции основывается прежде всего на союзе с Англией. Второй вывод авторов документа гласил, что, учитывая постоянное усиление мощи Германии, может быть признано обоснованным — наряду с тесным соглашением с Англией — «установление более солидных связей с русской мощью, которая растет такими темпами, что с ней не могут равняться ни страны Малой Антанты, ни Польша». Но к этому выводу были сделаны такие оговорки, которые сводили его значение на нет. Так, в документе утверждалось, что усиление связей Франции с СССР может отрицательно сказаться на франко-английском сотрудничестве. Общий смысл документа сводился к тому, что устанавливать военное сотрудничество с СССР, мол, невозможно. Правда, высказывалось опасение, что отказ Франции от установления более тесного сотрудничества

¹⁰⁵ Там же. С. 293.

¹⁰⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 532.

¹⁰⁷ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 312—313.

¹⁰⁸ Крал В. Указ. соч. С. 162.

¹⁰⁹ История второй мировой войны. Т. 2. С. 107—108.

¹¹⁰ DDF. Sér. 2. Т. 11. P. 511.

с СССР может побудить его «вернуться к политике Рапалло»¹¹¹.

Все эти факты и события наглядно свидетельствовали о том, что к этому времени четко определилась позиция всех основных участников рассматриваемых событий. Фашистские агрессоры действовали с каждым днем все наглее. В союзе с ними выступали польские правящие круги. Позиция же Англии и Франции становилась все более капитулянтской. Они не только не оказывали никакой поддержки Чехословакии, но, напротив, помогали фашистскому рейху в аннексии Судетской области, с тем чтобы Гитлер мог осуществить ее, не вызвав войны в Европе, в которую были бы вовлечены и западные державы.

Только Советский Союз продолжал занимать твердую и последовательную позицию, решительно заявляя о своей готовности выполнить свои договорные обязательства в отношении Чехословакии и оказать ей эффективную помощь. Вместе с тем СССР проявлял и необходимую осмотрительность, чтобы не оказаться в одиночку в состоянии войны с блоком фашистских агрессоров, а то и со всем лагерем капитализма¹¹². Именно об этом мечтала британская реакция во главе с Н. Чемберленом. Задача же советской дипломатии заключалась в том, чтобы избежать такой войны. В Советском Союзе прекрасно понимали, что нереально ставить задачу пресечения агрессии Германии и Польши против Чехословакии силами одного только СССР. Советское правительство добивалось принятия *коллективных мер* с участием СССР, Франции, Англии, Чехословакии и других государств, которым угрожала агрессия.

22 сентября Н. Чемберлен прибыл в Бад-Годесберг для новой встречи с Гитлером. Британский премьер сообщил германскому канцлеру, что ему удалось добиться согласия на передачу Германии Судетской области не только от британского, но также от французского и чехословацкого правительств. В ответ германский канцлер в ультимативном порядке потребовал, чтобы передача Германии Судетской области была начата немедленно, а именно 26 сентября, и закончена к 1 октября. Вместе с тем

---

¹¹¹ Archives Daladier (Paris). 2 DA6. Dr1. Sdr. b.

¹¹² На заседании чехословацкого правительства констатировалось, что если Советский Союз в одиночку будет помогать Чехословакии, то вооруженный конфликт «превратится в войну СССР со всей Европой» (см.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 554).

Гитлер решительно настаивал теперь также на передаче некоторых районов Чехословакии Польше и Венгрии. В случае отклонения его требований германский канцлер снова грозил войной. Он говорил, что больше нет условий для существования чехословацкого государства¹¹³. Канцлер передал британскому премьеру меморандум со своими требованиями¹¹⁴. В таких условиях переговоры оказались на грани срыва. Но перед отъездом из Бад-Годесберга Н. Чемберлен все же обязался перед канцлером «приложить все усилия к тому, чтобы меморандум был принят»¹¹⁵.

Положение оказалось настолько острым, что в Лондоне вспомнили и о Советском Союзе. Для того чтобы побудить гитлеровцев согласиться на империалистическую сделку с Великобританией на приемлемых для Лондона условиях, было сочтено полезным намекнуть им на возможность сотрудничества Англии и Франции с СССР. Британские правящие круги знали, что в Берлине все меньше считались с мнением Англии. Но им была известна установка И. Риббентропа: «Не надо опасаться Англии, пока она не будет считать своим союзником Россию»¹¹⁶. Постоянный заместитель британского министра иностранных дел А. Кадоган, отнюдь не скрывая в беседе с чехословацким посланником в Лондоне своего классово-враждебного отношения к СССР, говорил: «Это, однако, не значит, что Россией нельзя оперировать в политических целях: наоборот, в интересах Чехословакии указать немцам на опасность русского вмешательства, так как, несмотря на все заверения, Германия боится России»¹¹⁷.

У. Черчилль рассказывает в своих воспоминаниях, что, посетив 26 сентября Н. Чемберлена и Э. Галифакса, он решительно потребовал опубликования заявления о единстве целей Англии, Франции и СССР в оказании противодействия германской агрессии¹¹⁸. Н. Чемберлен в конце концов согласился, хотя действительно сотрудни-

---

¹¹³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 201—210; DBFP. Ser. 3. Vol. 2. P. 463—473, 499—508.

¹¹⁴ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 288—291.

¹¹⁵ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 220.

¹¹⁶ *Nicolson H.* Op. cit. P. 267.

¹¹⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 85.

¹¹⁸ *Churchill W. S.* Op. cit. P. 309.

чать с СССР не собирался. Вечером появилось сообщение Форин оффис: «Если, несмотря на все усилия британского премьер-министра, Германия совершит нападение на Чехословакию, то в результате этого Франция обязана будет немедленно прийти ей на помощь, а Великобритания и Россия безусловно поддержат Францию»¹¹⁹. На следующий день это сообщение было опубликовано в британских и французских газетах.

Как сообщало 27 сентября из Москвы агентство Гавас, в СССР с удовлетворением было встречено опубликованное накануне вечером сообщение Форин оффис. В Москве считают, что наступило время для установления тесного военного сотрудничества между Советским Союзом, Англией и Францией¹²⁰.

Однако сообщение британского ведомства иностранных дел было лишь дипломатическим ходом и не отражало действительной политики Англии. Несколько дней спустя Н. Чемберлен признал, что это сообщение «не бралось им всерьез, а было лишь маневром для оказания давления на Гитлера»¹²¹. С. С. Александровский характеризовал его как «контрблеф Чемберлена»¹²². Западногерманский историк Б. Целовский констатировал в этой связи, что западные державы использовали Советский Союз «лишь как жупел против Гитлера, вовсе не думая серьезно о военном сотрудничестве»¹²³. Об этом свидетельствовал и тот факт, что ни до, ни после опубликования указанного сообщения британские предстатели к Советскому правительству в связи с ним даже не обращались.

Когда утром 27 сентября французское правительство собралось на очередное заседание, Ж. Бонне напомнил, что за последние месяцы мы дважды предупреждали чехов, что ни в коем случае не можем «вступить в войну и что поддержим их только дипломатическим путем». Ж. Бонне заявил, что «нужно любой ценой стремиться к соглашению»¹²⁴.

В Лондоне и Париже снова начал рассматриваться вопрос о созыве конференции западных держав вместе с фашистским рейхом для решения вопроса о «мирной пере-

---

¹¹⁹ DBFP. Ser. 3. Vol. 2. P. 550.

¹²⁰ *Celovsky B.* Op. cit. S. 443.

¹²¹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 553.

¹²² Там же.

¹²³ *Celovsky B.* Op. cit. 1938. S. 443.

¹²⁴ DDF. Sér. 2. T. 11. P. 605—606.

дате» Германии Судетской области, т. е. о расчленении Чехословакии.

За такую конференцию ратовал и американский посол в Париже У. Буллит. 24 сентября он выступил с инициативой созыва конференции, на которой встретились бы представители Англии, Франции, США, Германии, Италии и Польши. «Я считаю очень существенным,— писал он в госдепартамент,— чтобы в такой конференции участвовала Польша, и столь же существенным, чтобы в ней не участвовало Советское русское правительство»¹²⁵.

У. Буллит явно имел в виду конференцию двух группировок империалистических держав, где в условиях равного представительства (три с каждой стороны) шел бы торг о переделе мира соответственно изменившемуся соотношению сил между ними. Нежелание У. Буллита, чтобы в конференции принимал участие Советский Союз, не оставляло никаких сомнений в том, что он имел в виду достижение сделки между ними, в частности на антисоветской основе.

Американский историк А. Фэрниа, изложив содержание телефонного разговора Э. Даладьё с Н. Чемберленом поздно вечером 27 сентября, во время которого было решено предложить германскому канцлеру созвать конференцию без участия СССР, пишет: «Неудивительно, что Чемберлен не считал пужным участие Советов в предлагаемой международной конференции. Главной целью дипломатии Чемберлена в течение ряда лет было заключение западного пакта четырех держав, исключив Советский Союз»¹²⁶.

Западногерманский историк Г. Нидхарт, подробно изучивший документы британских архивов о политике правительства Н. Чемберлена по отношению к СССР, писал, что она характеризовалась «открытым игнорированием Советского Союза и стремлением к его изоляции»¹²⁷.

После консультации с правительствами Англии и Франции Ф. Рузвельт направил вечером 27 сентября 1938 г. Гитлеру послание, в котором высказался за не-

---

¹²⁵ FRUS. 1938. Vol. 1. P. 642. Германское посольство в Вашингтоне отмечало в тот же день, что в США наблюдается «понимание германских требований» к Чехословакии и «ясно выраженная антипатия по отношению к России» (ADAP. Ser. D. Bd. 2. S. 739).

¹²⁶ *Furnia A.* Op. cit. P. 356.

¹²⁷ *Niedhart G.* Grossbritannien und die Sowjetunion, 1934—1939. München, 1972. S. 403.

медленный созыв в одной из нейтральных стран «конференции всех непосредственно заинтересованных государств»¹²⁸.

Текст этого послания был направлен для информации правительствам Франции, Англии, Чехословакии, Италии, Польши и Венгрии, из чего можно предположить, что именно эти страны наряду с Германией рассматривались в послании как «непосредственно заинтересованные». Состав участников снова был «сбалансирован»: США, Франция, Англия и Чехословакия, с одной стороны, и Германия, Италия, Польша и Венгрия — с другой. Участие Советского Союза, как и предлагал У. Буллит, не предусматривалось.

В связи с интересом, проявленным США таким образом к положению в Европе, 28 сентября В. П. Потемкин передал американскому поверенному в делах в СССР Заявление Советского правительства, в котором констатировалось, что в Центральной Европе разворачиваются события, грозящие перерасти в новую мировую войну. В Заявлении напоминалось, что еще в марте, после насильственного захвата Германией Австрии, создавшего угрозу для мира в Европе, Советское правительство предложило в предупреждение дальнейших опасных международных осложнений безотлагательный созыв конференции, которая могла бы изыскать практические меры для противодействия агрессии и спасения мира коллективными усилиями. Правительство СССР заявляло, что и теперь оно «наиболее эффективное средство для предупреждения дальнейшей агрессии и для предотвращения новой мировой войны видит в немедленном созыве международной конференции» и готово принять активное участие в такой конференции. На следующий день Заявление было опубликовано в советской печати¹²⁹.

Подход Советского правительства к вопросу о созыве конференции коренным образом отличался от американского. Если американское правительство имело в виду конференцию двух империалистических группировок и сговор между ними за чужой счет, то советское предложение предусматривало созыв конференции с широким участием стран, заинтересованных в сохранении мира, с тем чтобы выработать коллективные меры борьбы про-

---

¹²⁸ FRUS. 1938. Vol. 1. P. 684—687.

¹²⁹ Известия. 1938. 29 сент.

тив агрессии. Однако советское предложение и на этот раз не было поддержано западными державами.

Н. Чемберлен выдвинул утром 28 сентября свое собственное предложение. Он сообщил в послании Гитлеру, что готов в третий раз прибыть в Германию, чтобы обсудить условия передачи Германии Судетской области. Британский премьер указал, что если канцлер пожелает, то в переговорах могли бы принять участие также представители Франции и Италии. При этом он высказывал уверенность, т. е. фактически заверял германского канцлера, что он таким путем сможет добиться осуществления своих требований и без войны¹³⁰. Это означало, что вместо международной конференции по вопросу о борьбе против агрессии предполагался сговор четырех империалистических держав за счет Чехословакии.

Получив телеграмму американского посла в Лондоне Дж. Кеннеди о предложении Н. Чемберлена, Ф. Рузвельт направил британскому премьеру днем 28 сентября следующее послание: «Молодец» («Good man»)¹³¹. Дж. Кеннеди со своей стороны заявил Э. Галифаксу, что он «искренне симпатизирует» всему, что делает Н. Чемберлен, и «горячо поддерживает» предпринимаемые им шаги¹³². Англия и США действовали, таким образом, в полном взаимопонимании.

Принципиальной, последовательной позиции борьбы против германской агрессии придерживался только Советский Союз. И это нашло широкое международное признание.

Весьма ярко охарактеризовал 29 сентября позицию СССР и Англии У. Черчилль в беседе с советским полпредом в Лондоне. «Сегодня Черчилль в разговоре со мной, — писал И. М. Майский, — с большим уважением отзывался о поведении СССР в нынешнем кризисе... СССР, по словам Черчилля, выполняет свой международный долг, в то время как Англия и Франция капитулируют перед агрессорами. В связи с этим сочувствие к СССР быстро возрастает...» Что же касается позиции британского правительства, то У. Черчилль подверг ее самой резкой критике, отмечая, что она ведет «к неизбежному развязыванию войны». Стремление Н. Чемберлена «игно-

---

¹³⁰ DBFP. Ser. 3. Vol. 2. P. 587.

¹³¹ FRUS. 1938. Vol. 1. P. 688.

¹³² DBFP. Ser. 3. Vol. 2. P. 635.

ривать и отталкивать» СССР, по словам У. Черчилля, было «не только нелепо, но и преступно», а англо-французский план расчленения Чехословакии — возмутителен¹³³.

29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция Англии, Франции, Германии и Италии¹³⁴, завершившаяся сделкой четырех держав об отторжении от Чехословакии Судетской области.

Н. Чемберлен и Э. Даладьё пошли в Мюнхене на стовор с агрессорами, на капитуляцию перед ними, позорно предав Чехословакию и оказав фашистским агрессорам помощь в ее расчленении¹³⁵.

30 сентября Чемберлен и Гитлер подписали в Мюнхене декларацию о ненападении и консультациях. Подписание этой декларации, однако, вовсе не означало, что фашистская Германия собиралась придерживаться ее. Риббентроп сразу же после окончания конференции заявил, что Н. Чемберлен «сегодня подписал смертный приговор Британской империи и предоставил нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение»¹³⁶.

Английская пропаганда преподносила мюнхенское соглашение как величайшее достижение, обеспечивающее сохранение мира. Но в политических и дипломатических кругах даже буржуазных стран прекрасно понимали, что мюнхенское соглашение было империалистической сделкой четырех держав за счет других стран, что оно было заключено, в частности, на антисоветской основе.

Так, польский посол в Лондоне Э. Рачиньский писал, касаясь мюнхенского стовора, что в Англии господствует мнение, что Н. Чемберлен «защитил английские ворота и перенес таким образом игру на восток Европы»¹³⁷. 4 октября 1938 г. французский посол в Москве Р. Кулопдр со своей стороны отмечал, что мюнхенское соглашение «особенно сильно угрожает Советскому Союзу. После нейтрализации Чехословакии Германии открыт путь на юго-во-

¹³³ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 543—544.

¹³⁴ Запись хода конференции см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 230—234.

¹³⁵ Президент США Ф. Рузвельт счел за честь примкнуть к участникам мюнхенского стовора. Он отправил Чемберлену поздравительную телеграмму. См.: *Mosley L. On Borrowed Time: How World War II Began.* N. Y., 1969. P. 68.

¹³⁶ *Dalton H. The Fateful Years: Memoirs, 1931—1945.* L., 1957. P. 195.

¹³⁷ СССР в борьбе за мир... С. 129.

сток»¹³⁸. Лорд Лотиан, назначенный вскоре британским послом в США, отмечал в беседе с латвийским посланником в Вашингтоне, что в связи с Мюнхеном политические круги Лондона полагали, что Гитлер после захвата Чехословакии «двинется на Украинну». «В Европе все ожидали этого», — подчеркивал он¹³⁹.

Эта аптисоветская подоплека мюнхенского стговора четырех держав не скрывается и некоторыми западными историками. Английский историк Дж. Уилер-Беннет отмечает, что среди правящих кругов Англии в период Мюнхена существовала тайная надежда, что если бы удалось повернуть направление германской агрессии на восток, то она «израсходовала бы свои силы в русских степях в борьбе, которая истощила бы обе воюющие стороны»¹⁴⁰. Об этом же свидетельствуют известный американский публицист и обозреватель У. Липпман и американский дипломат Ч. Болен, работавший в то время в посольстве США в Москве. Они писали, что мюнхенская политика Англии основывалась на надежде, что Германия и Россия окажутся в состоянии войны и «обескровят друг друга»¹⁴¹.

Характеризуя положение, создавшееся в результате мюнхенского соглашения, Д. Ллойд Джордж говорил 2 октября в беседе с И. М. Майским, что Лига наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях наступает эпоха «жесточайшего разгула грубой силы и политики бропированного кулака... Единственным светлым пятном на этом мрачном фоне остается только СССР», к которому отныне еще больше, чем раньше, будут обращаться взоры всех прогрессивных и демократических кругов человечества¹⁴².

3 октября министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта в беседе с советским полпредом С. С. Александровским выразил благодарность за поддержку, которую чехословацкий народ нашел в честной и последовательной позиции СССР, «готового выполнить свои обязательства и оказать помощь, не прячась от ответственности и последствий»¹⁴³.

¹³⁸ *Coulondre R. De Staline à Hitler. P., 1950. P. 165—166.*

¹³⁹ ЦГИА ЛатвССР. Ф. 1313г. Оп. 20. Д. 135. Л. 55.

¹⁴⁰ *Foreign Relations. 1946. Oct. P. 38.*

¹⁴¹ *Lippmann W. U. S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston, 1943. P. 116; Bohlen Ch. Witness to History, 1929—1969. N. Y., 1973. P. 59.*

¹⁴² Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 557.

¹⁴³ СССР в борьбе за мир... С. 31.

В работах ряда западных историков встречаются недостойные попытки как-то бросить тень в связи с Мюнхеном и на СССР, но они несостоятельны. Даже биограф лорда Галифакса Ф. Биркенхед признает, что в течение всего чехословацкого кризиса не было оснований сомневаться в том, что Советский Союз относится к своим предложениям об оказании помощи Чехословакии со всей серьезностью и что он выполнит свои обязательства. Поэтому было исключительно важно открыто иметь СССР в качестве союзника и «можно считать непростительной ошибкой, что не были приняты меры для достижения этого»¹⁴⁴.

В СССР отчетливо видели опасность, связанную с мюнхенской сделкой четырех империалистических держав. В советской прессе отмечалось, что за короткий срок Эфиопия, Испания, Китай, Австрия, Чехословакия стали жертвами «прожорливых фашистских людоедов». Наряду с осуждением действий агрессоров в печати критиковалась и проводившаяся в Лондоне и Париже политика попустительства агрессии, которая привела к мюнхенской сделке с расчленением Чехословакии. Капитуляция Англии и Франции перед агрессором, писали «Известия» 4 октября 1938 г., «по видимости отдалив войну, в действительности ее приближает».

В сопоставлении с политикой империалистических держав, которая вела к новой мировой войне, особенно наглядно выделялась та принципиальная и решительная борьба за сохранение мира, которую вело Советское правительство. Взоры всего прогрессивного человечества, всех народов обращены к Советской стране, международный авторитет которой еще больше возрос, писала «Правда». «Только политика Советского правительства есть политика последовательной борьбы за всеобщий мир, за независимость и свободу народов против фашистских агрессоров и захватчиков»¹⁴⁵.

Резко осуждали мюнхенский сговор прогрессивные силы всего мира. В опубликованном 9 октября воззвании представителей коммунистических партий Франции, Великобритании, Испании, Чехословакии, США, Германии, Италии, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Канады и Голландии указывалось, что «в Мюнхене совершено преступление против всеобщего мира». В то же время в

---

¹⁴⁴ *Birkenhead F. Halifax. L., 1965. P. 414—415.*

¹⁴⁵ Правда. 1938. 4 окт.

воззвании подчеркивалось, что народы «видят в лице Советского Союза, всегда соблюдающего свои обязательства, великую надежду цивилизации и оплот мира»¹⁴⁶.

Обстоятельная характеристика мюнхенского сговора четырех империалистических держав была дана 6 ноября 1938 г. в докладе Председателя СНК В. М. Молотова. Он констатировал, что мюнхенский сговор усилил опасность возникновения второй империалистической войны. Одновременно Председатель СНК подробно охарактеризовал позицию Советского Союза. Если Франция отказалась от своего договора с Чехословакией, сказал он, то СССР показал, что его отношение к международным договорам совсем другое. Он не дал себя запугать угрозами со стороны фашистских держав. Советский Союз «демонстрировал перед всеми странами свою верность заключенным договорам и международным обязательствам и свою готовность к борьбе против агрессии»¹⁴⁷.

Мюнхенское соглашение, продиктованное Чехословакии под угрозой применения силы и с помощью самого грубого давления, представляло собой проявление неприкрытого империалистического произвола. Поэтому оно было незаконным и Советское правительство никогда не признавало его.

* * *

Мюнхенское соглашение коренным образом меняло все положение в Центральной Европе. Захватив Австрию, а затем часть Чехословакии, Германия серьезно укрепила свои позиции. Была окончательно ликвидирована англо-французская гегемония в капиталистической Европе, основывавшаяся на Версальском договоре. В Мюнхене, по существу, была уничтожена система военных союзов, заключенных Францией с другими государствами Европы. Была похоронена Лига наций. Фактически перестал существовать советско-французский договор о взаимопомощи против агрессии как средство обеспечения мира и безопасности в Европе. Мюнхенский сговор четырех империалистических держав приближал начало второй мировой войны.

---

¹⁴⁶ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба народов против фашизма: Сб. документов. М., 1975. С. 487, 490.

¹⁴⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 695—698.

Глава VII

СССР В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ ПОСЛЕ МЮНХЕНА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР В ПОСЛЕМЮНХЕНСКИЙ ПЕРИОД

Реакционные правящие круги Англии и Франции рассчитывали, что в результате мюнхенского сговора агрессивные устремления Германии будут обращены на восток, в конечном счете против Советского Союза. Советский Союз действительно находился в весьма опасном положении. Совместными усилиями Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини СССР был поставлен в положение фактически полной, причем враждебной, международной изоляции. Советско-французский договор о взаимопомощи потерял всякий смысл и значение. Правительства Англии и Франции, подталкивая Германию на войну с Советским Союзом, открыто заявляли, что они не желают иметь с СССР ничего общего.

/ Советская дипломатия стремилась рассеять имевшиеся в Лондоне и Париже иллюзии относительно их сотрудничества с Берлином. Во время беседы с лордом Галифаксом 11 октября И. М. Майский отметил стремление Германии создать подвластную ей мощную «Срединную Европу», которая была бы серьезной угрозой как для дела мира, так и, в частности, для Великобритании. Британский министр возразил: «Так что же, вы хотели бы войной предотвратить германскую гегемонию в Центральной и Юго-Восточной Европе?» «Не войной, а хорошей политикой,— ответил полпред.— Почему Вы всегда пугаете людей войной? До войны можно и должно не допустить, если вовремя принять меры. Беда только в том, что Англия, а за ней Франция до сих пор не хотели принимать такие меры». Галифакс задал вопрос, что, по мнению полпреда, Германия стала бы делать после создания «Срединной Европы». Отвечая ему, полпред заявил: «Утвердивши свое господство в Центральной Европе и на Балканах, Германия скорее всего повернет на запад...

Если бы Гитлер захотел попытать счастья за счет СССР, ему не удалось бы отделаться блефом, ему пришлось бы драться серьезно, и притом без всяких шансов на успех. К чему ему это? Гораздо легче и выгоднее пойти на запад...»¹

Но в первое время после Мюнхена германские дипломаты и пропаганда создавали впечатление, что никаких планов, направленных против Англии и Франции, в Берлине не вынашивают. Напротив, думают об экспансии только на восток, а это не должно-де вызывать беспокойства в Лондоне и Париже. И в таких условиях британское и французское правительства продолжали придерживаться по отношению к СССР прежнего курса. Это была политика игнорирования СССР.

Форин оффис прекратил всякие контакты с советским полпредством в Лондоне. В ноябре Москву покинул британский посол лорд Чилстон, а возглавлявший затем посольство временный поверенный в делах каких-либо существенных проблем не поднимал. В Англии серьезно начал рассматриваться вопрос о разрыве с Советским Союзом торгового договора.

Французская дипломатия также свела отношения с СССР почти на нет. Сразу же после Мюнхена был отозван французский посол в Москве Р. Кулондр. Этот весьма опытный дипломат переводился на аналогичный пост в Берлин. Посетив 16 октября М. М. Литвинова с прощальным визитом, Р. Кулондр задал, в частности, вопрос, что можно было бы предпринять для улучшения положения. «Утерянных драгоценных позиций не вернуть и не компенсировать,— ответил нарком.— Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира. Одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера и последний получит господство над всей Европой, над колониями... либо же Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия дальнейшему гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком». В первом случае в Европе останется только три великие державы — Англия, Германия и Советский Союз (Францию нарком тут уже не называл). Затем Германия, вероятнее всего, пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее на-

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 572—573.

следпидей. «Менее вероятно пападение па пас,— закопчил нарком,— более для Гитлера рискованное»².

Получив от Р. Кулондра сообщение об этой беседе, Ж. Боше в разговоре с советским полпредом Я. З. Сурицем начал доказывать, что он не намерен де ослаблять советско-французские отношения³. Отвечая на телеграмму Я. З. Сурица об этих высказываниях Ж. Боше, М. М. Литвинов отметил их двуличие. «Не подлежит сомнению, — писал он, — что как Чемберлен, так и Даладьё — Боше ради соглашения с Германией и Италией пойдут па что угодно». В то же время М. М. Литвинов отмечал, что французам невыгодно полностью рвать отношения с СССР, ибо «они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином»⁴. В другой телеграмме Я. З. Сурицу нарком снова подчеркивал: «Мы не верим в серьезные намерения Боше сотрудничать с нами»⁵.

Перед отъездом в Берлин Р. Кулондр был принят президентом Франции А. Лебреном, который проявил предельно враждебное отношение к союзу Франции с СССР. Мюнхен имел в его глазах, писал Р. Кулондр о высказываниях А. Лебрена, по крайней мере то преимущество, что он «исключил СССР из общей цепи»⁶. Французский историк П. Ренувен признает, что в результате мюнхенского соглашения Советская Россия «имела основание чувствовать возросшее недоверие по отношению к политике Франции»⁷.

Как показали дальнейшие события, Советское правительство совершенно правильно оценивало послемюнхенские планы французского и британского правительств. Советское полпредство в Лондоне отмечало, что сразу же после Мюнхена в политических кругах Англии, а также в печати выражалась уверенность, что «теперь Гитлер пойдет па восток и что его ближайшим крупным объектом является Украина». Не подлежит сомнению, указывало полпредство, что целый ряд влиятельных деятелей (в том числе некоторые члены кабинета) «прямо напештывали

---

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.: Документы и материалы. М., 1971. С. 44—45.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 740.

⁴ Там же. С. 594.

⁵ Там же. С. 600.

⁶ *Coulondre R. De Stalin á Hitler*. P., 1950. P. 197.

⁷ *Renouvin P. Histoire des relations internationales*. P., 1958. Т. 2. P. 138—139.

Гитлеру эту восточную авантюру, обещая ему по крайней мере благожелательный нейтралитет...»⁸.

Для таких выводов было достаточно оснований. Английская газета «Ньюз кроникл» отмечала 25 октября, что «твердолобые» пытаются «побудить Россию и Германию вцепиться в горло друг другу». Английский буржуазный историк К. Миддлмас, подробно изучивший документы британского правительства за предвоенные годы, вынужден признать «наличие доказательств, оправдывающих советские утверждения, что Англия планировала толкнуть Германию на войну против России»⁹.

30 ноября ближайший советник британского премьера Г. Вильсон в беседе с советским полпредом высказывал мнение, что Англии в ближайшем будущем война не угрожает, ибо «следующий большой удар Гитлера будет против Украины». Сообщая в Москву об этой беседе, И. М. Майский писал, что в Лондоне поощряют германские планы «восточной экспансии»¹⁰. Даже главный дипломатический советник министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарт признал в беседе с советским полпредом 8 декабря, что в британских правительственных кругах «очень популярна концепция, согласно которой ближайший удар Гитлера будет на восток, в частности против Советской Украины»¹¹.

Э. Даладьё и Ж. Боше придерживались таких же взглядов. Советский полпред во Франции Я. З. Суриц сообщал в Москву 11 ноября, что среди французской правящей верхушки «особенно популярна версия о „Драгнах Остен“, версия о предоставлении Германии свободы действий и свободы рук на востоке. В конечном счете при этом, естественно, имеется в виду предоставление свободы действий против СССР»¹². Тогдашний французский посол в Варшаве Л. Ноэль признает в своих воспоминаниях, что парижские политические круги «гипотетизировали себя тогда украинским вопросом»¹³.

На первых порах французское правительство было все же не очень уверено в отношении дальнейшего развития событий. Когда 6 декабря 1938 г. в результате визи-

⁸ СССР в борьбе за мир... С. 208.

⁹ *Middlemas K. Diplomacy of Illusion. L., 1972. P. 432.*

¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 658.

¹¹ СССР в борьбе за мир... С. 117.

¹² Там же. С. 72.

¹³ *Noël L. L'agression allemande contre la Pologne. P., 1947. P. 260—261.*

та И. Риббентропа в Париж состоялось подписание франко-германской декларации о непападении, Э. Даладье и Ж. Бонне уверовали в успех своей политики. Возвратившись в Берлин, И. Риббентроп мог заявить, касаясь советско-французского договора о взаимопомощи, что подписанная в Париже декларация окончательно «отколола Францию от СССР и устраняет последние остатки опасности русско-французского сотрудничества»¹⁴. Ж. Бонне писал, информируя французских послов о своих переговорах с Риббентропом, что «германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на восток»¹⁵.

Наиболее ярые сторонники сотрудничества с Германией то и дело выступали во Франции с призывами аннулировать договор о взаимной помощи с СССР. За ликвидацию договора высказывался, в частности, Ж. Бонне¹⁶. Ставила под вопрос значение договора близкая к правительству газета «Тан»¹⁷. «Заморозив» договор о взаимопомощи с СССР, французское правительство официально вопрос о его аннулировании все же не ставило, ибо понимало, что тем самым будет подрывать свои собственные позиции, и так резко ослабленные мюнхенской сделкой. Предав своего чехословацкого союзника, Франция одновременно лишалась его поддержки.

Еще в 1934 г. стала на путь сотрудничества с Германией другая ее союзница — Польша. Даже некоторые французские министры в беседах с советским полпредом высказывали опасения, что если Франция лишится также и советского союзника, то это будет для нее «равносильно катастрофе»¹⁸.

В отличие от своих правительств широкие круги общественности Англии и Франции проявляли глубокую заинтересованность в сотрудничестве с Советским Союзом. В результате бесед с У. Моррисоном, Х. Долтопом, С. Кришсом и другими лейбористами И. М. Майский те-

---

¹⁴ Public Record Office (London). Cab. 27/627. P. 185.

¹⁵ Цит. по: *Reynaud P. La France a sauvé l' Europe*. P., 1947. Т. 1. P. 575.

¹⁶ *Noël L. La guerre de 39 a commencé 4 ans plus tôt*. P., 1979. P. 159. Ю. Лукасевич сообщал 17 декабря в Варшаву, что Франция тяготеет своими союзными договорами с СССР и Польшей. См.: *Papers and Memoirs of Juliusz Lukaszewicz*. N. Y., 1970. P. 164.

¹⁷ *Le Temps*. 1938. 27 dec.

¹⁸ *Документы внешней политики СССР*. Т. 21. С. 668.

леграфировал 12 октября в Москву: «Все элементы, враждебные Чемберлену, в особенности лейбористы, с большой тревогой спрашивают о дальнейшей линии нашей политики: „уходим“ ли мы из Европы? Собираемся ли перейти к политике изоляции? Почти все заверяют, что после Мюнхена мы имели бы полное моральное право повернуться к Западной Европе спиной и сказать: „Варитесь и погибайте в собственном соку“. Однако почти все умоляют „не уходить“, ибо наш „уход“ означал бы окончательное разложение демократических сил и полное торжество чемберленовской реакции. Между тем лейбористы падеются, что спустя некоторое время, когда широкие массы несколько придут в себя, а Гитлер выкинет еще парочку каких-нибудь номеров, в Англии удастся восстановить и даже значительно усилить фронт сторонников борьбы с агрессией. Присутствие СССР „в Европе“ в очень большой степени могло бы облегчить этот процесс»¹⁹.

Советское правительство со своей стороны вопроса об аннулировании советско-французского договора не ставило. Несмотря на тогдашний курс французского правительства, все же существовала возможность, что в связи со все более агрессивными действиями Германии в Париже со временем вынуждены будут занять более твердую позицию. И в таком случае было бы легче установить сотрудничество с Францией при наличии договора о взаимной помощи. Излагая позицию Советского правительства по этому вопросу, 4 ноября М. М. Литвинов телеграфировал Я. З. Сурицу: «Никаких шагов ни в отношении советско-чехословацкого, ни советско-французского пактов мы предпринимать не будем»²⁰.

Советский Союз по-прежнему проявлял заинтересованность в сотрудничестве против агрессии также с Соединенными Штатами Америки, что отмечают и американские историки²¹. Но реакционные круги США всецело поддерживали политику британских и французских мюнхенцев. Как утверждал в речи 26 октября 1938 г. бывший президент Соединенных Штатов Г. Гувер, западноевропейским странам не следует опасаться Германии, так как

¹⁹ СССР в борьбе за мир... С. 37.

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 619.

²¹ *Bennett E. M. Franklin D. Roosevelt and the Search for Security: American—Soviet Relations, 1933—1939.* Wilmington, 1986. P. 152, 155.

благоприятные возможности для диктаторских режимов открывала-де только экспансия на восток; не надо лишь мешать такой экспансии. Советское полпредство в США отмечало в этой связи 11 ноября 1938 г., что реакционная часть республиканцев по-прежнему мечтает о сближении с фашистскими странами и «тешит себя иллюзией и надеждой, что европейские агрессоры пойдут против нас»²².

В таких условиях предельно ограниченный характер носили и советско-американские отношения. После отъезда посла Дж. Дэвиса Соединенные Штаты Америки с лета 1938 г. были представлены в Москве лишь временным поверенным в делах и не торопились с назначением нового посла. В июне 1938 г. покинул США и советский посол А. А. Трояновский²³, так что СССР также имел в Вашингтоне лишь поверенного в делах (К. А. Уманского), который сообщал в Москву, что «никаких признаков того, что сколько-нибудь существенное оживление отношений с нами входит в расчеты Рузвельта, за последнее время не было»²⁴. Американский историк Т. Меддакс констатирует, что Рузвельт «пустил советско-американские отношения на самотек»²⁵.

В первое время после Мюнхена в Лондоне и Париже сохранялись надежды на вооруженный конфликт между Германией и СССР. Британская разведка получила сведения, что Гитлер дал германскому генеральному штабу указания начать подготовку к нападению на СССР²⁶. В Германии действительно началось изучение возможностей отторжения от СССР Украины. Планировалось создание вассальной «Великой Украины», которая состояла бы из населенных украинцами районов СССР и Польши, а также Закарпатской Украины, входившей в состав Чехословакии²⁷. Не считая пока себя в состоянии решить «украинский вопрос», т. е. одержать победу над СССР одними лишь собственными силами, гитлеровцы начали договариваться с Польшей.

Самое тесное сотрудничество между Германией и Польшей было установлено уже в связи с их совместными

²² СССР в борьбе за мир... С. 77.

²³ Крутицкая Е. И., Митрофанова Л. С. Полпред Александр Трояновский. М., 1975. С. 228.

²⁴ СССР в борьбе за мир... С. 79.

²⁵ Maddux Th. R. Years of Estrangement. Tallahassee, 1980. P. 98.

²⁶ Public Record Office. Cab. 27/627. P. 185.

²⁷ Das Abkommen von München, 1938. Tschechoslowakische diplomatische Dokumente. Pr., 1968. S. 334.

акциями по осуществлению расчленения Чехословакии. 27 сентября польский министр иностранных дел Ю. Бек дал послу в Берлине Ю. Липскому директиву договориться с Герингом, чтобы Польша заранее была информирована о начале Германией военной акции против Чехословакии. «Для вашей секретной информации сообщая, — писал Ю. Бек, — что мы располагаем вооруженными силами, готовыми к действию. В зависимости от развития событий мы можем принять необходимые действия вслед за началом гермапо-чехословацкого конфликта»²⁸. В конце сентября польский посол в Берлине Ю. Липский согласовал со статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцеккером конкретные действия обеих стран, в том числе и «военную демаркационную линию» германских и польских войск на территории Чехословакии²⁹.

В письме польским дипломатическим представителям за границей от 29 сентября Ю. Бек выражал резкое недовольство тем, что Польша не была приглашена на конференцию в Мюнхене. Он писал, что Польша будет добиваться осуществления своих целей «собственными средствами»³⁰. На следующий день чехословацкое правительство официально заявило полякам, что готово на исправление границ. Оно предложило оформить вопрос таким образом, чтобы получилось, что речь идет о «добровольном акте», и не создало впечатления, что Польша хочет «извлечь выгоду» из затруднительного положения Чехословакии³¹.

Однако 30 сентября вечером специальным самолетом Ю. Бек отправил польскому посланнику в Праге К. Папэ инструкцию, в которой воинственно провозглашал, что «лишь мужественное решение может определить принципиальный облик нашего государства». К. Папэ получил текст ноты, которую должен был вручить чехам до 23 час. 59 мин. При этом указывалось, что эта нота «является ультиматумом», срок которого истекает 1 октября в 12 час. дня. В инструкции подчеркивалось, что «польское правительство не остановится перед самым большим риском» и сделает «решительные выводы из отказа или

---

²⁸ Papers and Memoirs of Józef Lipski. N. Y., 1968. P. 423—424.

²⁹ СССР в борьбе за мир... С. 26; Archiwum Akt Nowych (Warszawa). Письмо Ю. Липского Ю. Беку от 28 сентября 1938 г.

³⁰ Archiwum Akt Nowych.

³¹ Ibid. Нота министра иностранных дел Чехословакии К. Крофты польскому посланнику в Праге К. Папэ от 30 сентября 1938 г.

отсутствия ответа»³². Это была прямая угроза прибегнуть к военной силе. К. Папэ в указанный срок вручил эту ноту³³.

1 октября в 12 час. 20 мин. министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта передал К. Папэ ноту, в которой сообщалось о принятии польского ультиматума³⁴. Но тем временем польские войска уже вступили на территорию Чехословакии. В Берлине были весьма довольны³⁵.

Но в большинстве других государств польские агрессоры заслужили самую дурную славу. Например, польский посол в Лондоне Э. Рачиньский сообщал в Варшаву, что в Англии действия Польши сочли «глумлением над трупом». Приходится считаться с тем, что в течение определенного времени Польша будет в Англии «непопулярной»³⁶.

Проводя агрессивную, империалистическую внешнюю политику, правящие круги Германии и Польши считали тем более естественным сотрудничество против СССР. Германские и польские агрессоры, по существу, заключили антисоветский военный союз на тот случай, если в результате оказания Советской страной помощи Чехословакии в защите от нападения со стороны Германии и Польши они окажутся в состоянии войны с СССР.

30 сентября польское правительство поставило перед гитлеровцами вопрос о том, может ли оно рассчитывать на доброжелательную позицию Германии, если в результате предстоящего вторжения польских войск в Чехословакию возникнет вооруженный конфликт между Польшей и СССР. На следующий же день Ю. Липский писал в Варшаву об ответе, полученном от И. Риббентропа: «В случае польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную. При этом он дал ясно понять, что правительство Германии оказало бы помощь»³⁷. Г. Ге-

---

³² Ibid.

³³ *Diariusz i teki Jana Szembeka, 1935—1945. L., 1972. T. 4. S. 444—446.*

³⁴ *Batowski H. Europa zmierza ku przepasci. Poznań, 1977. S. 435—436.*

³⁵ СССР в борьбе за мир... С. 28.

³⁶ *Archiwum Akt Nowych. Письма Э. Рачиньского Ю. Беку от 7 и 10 октября 1938 г.*

³⁷ СССР в борьбе за мир... С. 27.

ригг также заявил Ю. Липскому (1 октября), что «в случае осложнений с Россией Польша может рассчитывать на самую эффективную помощь со стороны Германии»³⁸.

После Мюнхена в Польше усиленно стали разрабатываться планы новых захватов украинских земель. Польское правительство решило скоординировать их с Румынией. 26 ноября польский посол в Румынии Р. Рачицкий сообщал в Варшаву, что он обсудил вопрос о будущем Украины с румынским министром иностранных дел П. Компенем. Министр сказал, что, по мнению румынского короля, желательно уменьшение размеров России и образование «украинского государства». Конечно, это имело бы и отрицательные моменты, «учитывая волнения в Восточной Малопольше, Северной Буковине и Буковине». Но Польша и Румыния, вместе взятые, составляют «могучий блок около 60 млн. человек», и «такая сила могла бы предпринять активные действия» против СССР. Польский посол ответил П. Компену, что «Польша всегда придавала большое значение проблеме дислокации России. Свою украинскую политику... она определяла, учитывая возможность, о которой говорил г-н Компен. Несомненно, далеко идущие преобразования на территории сегодняшних Советов возможны, и чем скорее Польша и Румыния согласуют свои точки зрения и тактику в этом вопросе, тем больше они смогут сделать для того, чтобы направить намечаемое развитие по линии своих твердых и жизненных интересов». Р. Рачицкий доказывал, что украинский вопрос является-де «ахиллесовой пятой Советов»³⁹.

Как уже указывалось, польские империалисты думали не только об отделении от СССР Украины, но и о его дальнейшем расчленении. В польском министерстве иностранных дел была составлена совершенно секретная записка «Польская политика на Кавказе». В ней указывалось, что «Кавказу, как одной из пограничных территорий России, густо заселенной людьми нерусской национальности, необходимо уделять внимание в общем плане проблемы польско-русских отношений». Касаясь целей и задач польской политики на Кавказе, в записке указывалось, что «Польша заинтересована в отторжении от России» Грузии, Азербайджана и ряда других терри-

---

³⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. 6. С. 366.

³⁹ Archiwum Akt Nowych.

торий на Кавказе. Политическая обстановка благоприятна для того, чтобы «начать на Кавказе вести активную польскую политику». Созданные на Кавказе государства в случае войны «могли бы осуществить превосходную военную диверсию, сдерживая часть русских сил на Северном Кавказе и Кубани»⁴⁰.

В таких условиях неудивительно, что гитлеровцы начали с польским правительством переговоры о совместных агрессивных, империалистических акциях против СССР.

24 октября 1938 г. в беседе с польским послом Ю. Липским Риббентроп выдвинул предложение об «общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией». Эти предложения предусматривали присоединение к Германии Данцига (с сохранением в нем экономических льгот для Польши); строительство Германией экстерриториальной автострады и железнодорожной линии через польское Поморье; продление польско-германской декларации о дружбе и ненападении на 10 или 25 лет; признание обеими сторонами существующей польско-германской границы; включение в польско-германское соглашение условия о консультациях; Риббентроп предложил, чтобы, укрепив таким образом польско-германскую «дружбу», обе страны предприняли совместные действия по колониальным вопросам, по вопросу о выселении евреев, а также проводили «общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта»⁴¹.

Достижение германо-польского сговора против СССР оказалось, однако, делом непростым. Гитлеровская Германия, поднимая вопрос о дальнейшем укреплении германо-польской «дружбы», мыслила ее как полное подчинение Польши германскому господству. Если аппекация Германией Судетской области была первым шагом к захвату гитлеровцами всей Чехословакии, то присоединение Данцига рассматривалось гитлеровцами как проверка готовности Польши к такому сотрудничеству с Германией, которое означало бы добровольшую капитуляцию.

---

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ СССР в борьбе за мир... С. 63; ADAP. Ser. D. Bd. 5. S. 87—89. Что касается вопроса о выселении евреев, который также обсуждался в то время в германо-польских переговорах, то, как отмечает польский историк М. Войцеховский, все круги «польской разновидности фашизма» были единого мнения. См.: *Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie, 1933—1938. S. 525.*

Комиссар Лиги наций в Данциге К. Буркхардт писал 20 декабря после посещения им Германии, что там широко говорят об Украине. «В известной степени с подобными планами связывают Польшу, конечно, при условии, что заплатит Варшава, что она подчинится, что она будет „разумной“, что она пойдет по пути чехов»⁴².

Польское правительство не могла не настораживать идея создания подвластного Германии «украинского государства», так как оно опасалось, что гитлеровцы захотят присоединить к нему и те украинские земли, которые входили в состав Польши (т. е. земли, отторгнутые Польшей у Советского государства в 1920 г.). Так, вице-директор Политического департамента МИД Польши Т. Кобыляньский подчеркнул 18 ноября в беседе с советником германского посольства в Польше Р. фон Шелия, что если немцы не будут выдвигать идею создания «Великой Украины», то «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину». В противном случае, указывал он, такое выступление может оказаться невозможным⁴³.

Постепенно стала проявляться, таким образом, оборотная сторона медали, выяснилась «цепь», которую Германия требовала с Польши за согласие допустить ее к участию в захвате чужих земель. Правящие круги Польши были готовы сотрудничать с Германией в империалистическом грабеже советских земель, но они не могли быть в восторге от перспективы превращения Польши в бесправного вассала гитлеровской Германии, от захвата пацистами польской территории.

В таких условиях польские правящие круги, в принципе придерживаясь курса на сотрудничество с Германией в агрессии против СССР, начали проявлять и некоторую осмотрительность. В Варшаве сочли невозможным принятие некоторых пунктов германского предложения от 24 октября (о присоединении Данцига к Германии, о строительстве экстерриториальной автострады и железнодорожной линии через территорию Польши), о чем 19 ноября было сообщено германскому правительству⁴⁴.

Усилившиеся в Польше опасения в отношении германской агрессии открывали некоторые возможности и для

⁴² Анатомия войны: Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М., 1971. С. 186.

⁴³ СССР в борьбе за мир... С. 82.

⁴⁴ ADAP. Ser. D. Bd. 5. S. 106—107.

советской дипломатии. Ведь объективно интересы СССР и Польши в деле защиты от агрессивных устремлений империалистической Германии совпадали. Между тем их отношения находились в результате сотрудничества Германии и Польши в агрессии против Чехословакии в весьма напряженном состоянии. Но советская дипломатия смотрела прежде всего не назад, а вперед.

8 октября 1938 г. В. П. Потемкин имел продолжительный разговор с польским послом в СССР В. Гжибовским. Сообщая об этой беседе в Варшаву, посол отмечал, что В. П. Потемкин выражал опасения в отношении агрессивных устремлений Германии и говорил о готовности СССР сотрудничать с другими странами, если они этого пожелают⁴⁵.

20 октября В. Гжибовский явился к В. П. Потемкину, как последний отмечал, «с разговором, не лишеным симптоматического значения»⁴⁶. В ходе беседы посол, ссылаясь на обострение международного положения, высказался за улучшение польско-советских отношений. Поскольку он говорил об этом от собственного имени, В. П. Потемкин выразил сомнение, соответствуют ли его слова позиции польского правительства. «Мне приходится напомнить послу,— сказал он,— двадцатилетнюю историю советско-польских отношений — нашу войну [19]19—[19]20 гг., трудности, встреченные нами при заключении с Польшей пакта о ненападении, отказ Польши от опубликования совместно с СССР Балтийской декларации в 1933 г., сближение Польши с гитлеровской Германией в 1934 г., активное противодействие польского правительства осуществлению Восточного регионального пакта, защиту Польшей позиций Италии, Германии и Японии в Лиге наций, агрессивное выступление ее против Литвы и Чехословакии. Все эти факты приводят к заключению, что Польша связала свою судьбу с агрессивными державами, угрожающими общему миру, и что она активно поддерживает их политику, направленную против СССР». В. П. Потемкин, излагая позицию Советского правительства, отметил, что оно «не отказывается от сотрудничества с любой страной, которая искренне этого желает». Он спросил, в каких конкретных формах, по мнению посла, могло бы проявиться улучшение советско-польс-

---

⁴⁵ Документы советско-польских отношений. Т. 6. С. 366.

⁴⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 598.

ких отношений. В. Гжибовский ответил, что следовало бы начать с урегулирования торговых отношений, обоюдно воздерживаться от излишне резких выступлений. Это подготовило бы благоприятную атмосферу для более серьезных акций⁴⁷.

Учитывая эти высказывания польского посла, 4 ноября М. М. Литвинов передал ему проект совместного коммюнике, который он предложил опубликовать от имени правительств СССР и Польши⁴⁸. После получения польского контрпроекта нарком констатировал в беседе с польским послом 25 ноября, что, если имеется в виду этим коммюнике создать впечатление об известном переломе во взаимоотношениях, то советский проект лучше. Но он выразил согласие и с польским проектом⁴⁹.

В телеграмме советскому полпредству в Польше нарком отмечал, что «польское правительство выхолостило наш проект и получился документ довольно бесцветный». «В беседах с дружественными дипломатами можете говорить, что беседы начаты по инициативе Польши и что цель их нам самим еще не совсем ясна. Это может быть маневром со стороны Польши с целью подразнить Гитлера и побудить его к уступкам в территориальном вопросе и в других областях или же началом действительного улучшения отношений. Поскольку мы к такому улучшению всегда стремились, мы не могли, конечно, отклонить польскую инициативу, сохраняя в то же время некоторое недоверчивое отношение к пей»⁵⁰.

27 ноября 1938 г. в советской печати было опубликовано Сообщение ТАСС о советско-польских отношениях. Это было по форме уже не совместное коммюнике, а одностороннее сообщение ТАСС, правда согласованное с польской стороной. В нем говорилось, что в результате бесед наркома иностранных дел СССР и польского посла в Москве было выяснено, что основой отношений между СССР и Польшей остаются и впредь все существующие договоры. Оба правительства отнесутся положительно к

---

⁴⁷ Там же. С. 598—600.

⁴⁸ Документы советско-польских отношений. Т. 6. С. 370.

⁴⁹ Там же. С. 370.

⁵⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 648—649. Польское правительство исключило из советского проекта коммюнике, в частности, пункт о взаимных консультациях двух стран по интересующим их международным вопросам. См.: Там же. С. 743.

расширению торговых связей. Они согласны с необходимостью положительного разрешения ряда текущих вопросов, а также ликвидации возникших за последнее время пограничных инцидентов⁵¹.

В ходе переговоров об этом коммюнике В. Гжибовский говорил о дополнении коммюнике комментариями в печати. В этой связи М. М. Литвинов выразил надежду, что в польских комментариях не будет попыток умалить значение коммюнике⁵². Его опасения оказались более чем обоснованными. Отдел печати министерства иностранных дел Польши собрал корреспондентов германских газет в Польше (только германских) и в «доверительном» порядке передал им комментарий к коммюнике, оговорив, что он может быть использован лишь без ссылки на источник. В этом комментарии говорилось: «Опубликованная только что польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений. Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне. Она и сегодня защищает эту точку зрения. Впрочем, польско-советская декларация является результатом советской инициативы»⁵³.

Этот комментарий наглядно продемонстрировал, что польское правительство о действительном улучшении отношений с СССР не думало. Оно хотело лишь в какой-то степени ослабить в них прежнюю напряженность, чтобы несколько упрочить свои позиции в империалистическом торге с Германией, в том числе и на антисоветской основе.

Весьма показательны, в частности, высказывания В. Гжибовского, прибывшего вскоре после опубликования этого сообщения в Варшаву, в разговоре 9 декабря с вице-министром иностранных дел Польши Я. Шембеком.

Посол говорил, что надо «создать видимость» нормальных отношений с СССР. Но он считал, что в принципе политика Польши по отношению к Советскому Союзу должна руководствоваться следующими установками: «Ослабление Советской России возрастает, и русская проблема назревает. Польша должна иметь влияние на судь-

---

⁵¹ Там же. С. 650—651.

⁵² Документы советско-польских отношений. Т. 6. С. 370—371.

⁵³ СССР в борьбе за мир... С. 97.

бу этой проблемы и при ее решении должна сохранить самостоятельность, не допуская Германию в Россию. В истории уже был момент, когда мы имели решающее слово в русских делах». В. Гжибовский привел слова, сказанные ему Пилсудским: «На Россию я пойду сам». Посол сказал, что «лично он в русской проблеме стоит за... границы 1772 г.». Я. Шембек отметил, что положение складывается несколько иначе. «Отношение Германии к нам основывается на том положении, — сказал он, — выдвинутом самыми высокопоставленными кругами третьей империи, что в будущем германо-русском конфликте Польша будет естественным союзником Германии»⁵⁴.

Польский историк М. Войцеховский констатировал, что правящие круги Польши были одержимы «антирусским комплексом» и вернулись в своих планах «к анахроническим мечтам восстановления державы Ягеллонов»⁵⁵.

Посол США в Варшаве Д. Биддл доносил 22 декабря в Вашингтон, что, по словам румынского посла Р. Францосовичи, «Польша будет готова сотрудничать с Германией против Советов, если ей будут даны заверения, что она получит изрядную компенсацию». Посол отмечал, что такой же будет и позиция Румынии. Единственная возможность для Польши и Румынии, сказал он, это «сотрудничество с Германией в осуществлении ее целей относительно Украины»⁵⁶.

Приняв некоторые меры для «укрепления тылов», польские правители продолжали придерживаться курса на сотрудничество с Германией, в том числе и в агрессии против СССР. Характерны высказывания польского дипломата Я. Каршо-Седлевского, занимавшегося проблемами советско-польских отношений. Через несколько лет, сказал Я. Каршо-Седловский 28 декабря 1938 г. в беседе с советником германского посольства в Варшаве Р. фон Шелия, Германия будет воевать с Советским Союзом, а «Польша поддержит... в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определено стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть

---

⁵⁴ Документы советско-польских отношений. Т. 6. С. 372—373.

⁵⁵ *Wojciechowski M.* Op. cit. S. 534.

⁵⁶ *Biddle A. F. D.* Poland and the Coming of the Second World War. Ohio State University (Columbus), 1976. P. 269.

обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения»⁵⁷.

Нацистские главари и впоследствии во время каждой встречи с Ю. Беком неизменно ставили вопрос об антисоветском сотрудничестве двух стран. Отвечая 6 января 1939 г. на вопрос Риббентропа, не отказалось ли польское правительство от устремлений Пилсудского в отношении Украины, Ю. Бек, подтверждая агрессивные планы Польши, подчеркнул, что поляки «уже были в Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня»⁵⁸.

26 января 1939 г., во время визита в Польшу по случаю 5-летия германо-польской декларации о дружбе и ненападении, Риббентроп снова предложил установить сотрудничество между Германией и Польшей против Советского Союза. «Г-н Бек не скрывал, — указано далее в записи этой беседы, — что Польша претепдует на Советскую Украину и на выход к Черпому морю». Выслушав такие заявления польского министра, Риббентроп поставил вопрос о присоединении Польши к антикоминтерновскому пакту, с тем чтобы она оказалась с Германией «в одной лодке»⁵⁹. После окончания этого визита германский посол в Варшаве Мольтке заявил 13 февраля, отвечая на вопрос о позиции Польши в случае столкновения между Германией и Россией: «Обстановка полностью ясна. Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено»⁶⁰.

Затянувшееся изучение польским правительством указанных выше германских предложений от 24 октября 1938 г., связанных с одповременными уступками Германии со стороны Польши, не могло привести, однако, к каким-либо результатам. Свободолюбивый польский народ не желал превращаться в гитлеровских рабов, и правящая клика Польши, если она не хотела подрывать свои

---

⁵⁷ СССР в борьбе за мир... С. 142. Я. Карпо-Седлевский подчеркнул, что он подчинит свою деятельность как нового польского посланника в Тегеране осуществлению этой великой восточной концепции, так как необходимо в конце концов убедить и побудить также персов и афганцев играть «активную роль в будущей войне против Советов» (Там же).

⁵⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 5. S. 134.

⁵⁹ СССР в борьбе за мир... С. 171.

⁶⁰ Там же. С. 199.

и так не слишком прочные позиции в стране, не могла не считаться с мнением народа.

Правящие круги Польши предпочитали, чтобы германские войска двинулись на Советский Союз не через Польшу, а через территорию других стран. Нарком иностранных дел СССР отмечал 19 февраля 1939 г., что Польша мечтает превратить Советскую Украину в свою собственную сферу влияния. «Она, однако, будет готова в случае надобности поступиться своими мечтаниями и не возражать против похода Гитлера через Румынию... Не возражала бы Польша также против похода Гитлера через Прибалтику и Финляндию, с тем чтобы она сама выступила против Украины, синхронизируя все это с политикой Японии»⁶¹.

ПРОВАЛ ПОПЫТОК АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ МЮНХЕНЦЕВ НАПРАВИТЬ ГЕРМАНСКУЮ АГРЕССИЮ ПРОТИВ СССР

Как ни старались правящие круги Англии и Франции превратить Мюнхен в отправной пункт всестороннего сотрудничества с Германией и Италией для создания «директората четырех», который господствовал бы над Европой, все их планы были заранее обречены на провал. Это было связано, в частности, с коренным изменением соотношения сил в Западной Европе, происшедшим в результате мюнхенской капитуляции Чемберлена и Даладье.

Если в первые месяцы после Мюнхена гитлеровцы действительно рассматривали вопрос о выступлении вместе с Польшей против Советского Союза, то это не мешало им одновременно обстоятельно разрабатывать и другой вариант, а именно перспективы войны против Польши, Франции и Англии. 16 ноября 1938 г. Гитлер обстоятельно обсудил с генералами В. Браухичем и В. Кейтелем планы войны в союзе с Италией против Франции и Англии ⁶².

---

⁶¹ Там же. С. 202.

⁶² *Irving D. The War Path: Hitler's Germany, 1933—1939. L., 1978. P. 169.*

К концу декабря 1938 г. дальнейшие агрессивные планы Германии фактически были окончательно определены. Было решено «ликвидировать» весной 1939 г. Чехословакию, а затем и Польшу, с тем чтобы, накопив необходимые силы и укрепив тылы, в следующем году обратиться против Франции и Англии. Германские планы разгрома Польши были изложены, в частности, Риббентропом 22 января 1939 г. на совещании с нацистским генералитетом⁶³.

В германской печати, правда, еще некоторое время продолжалось широкое обсуждение «украинского вопроса», но это было уже дезинформацией, предназначенной скрыть действительные планы гитлеровцев. Вполне возможно, говорил по этому вопросу М. М. Литвинов в беседе с французским поверенным в делах Ж. Пайяром, что это является пропагандистской диверсией, имеющей целью «усыпить и успокоить Англию и Францию и под этим прикрытием подготовить новый сюрприз для них»⁶⁴.

Впрочем, о германских планах в отношении Украины больше писали английские, французские и американские газеты, чем немецкие. М. М. Литвинов констатировал в письме Я. З. Сурицу от 31 декабря, касаясь этого вопроса, что сторонники Ж. Боше и Н. Чемберлена «раздувают кампанию, подсказывая Гитлеру диверсию в сторону востока»⁶⁵. Это отмечал и советский полпред в Англии. Из всего, что я слышал и наблюдал на протяжении минувших двух месяцев, писал И. М. Майский в НКВД 10 января 1939 г., с полной определенностью вытекает заключение, что чемберленовские круги сознательно раздувают «украинское направление» германской агрессии, «стремясь подсказать Гитлеру именно такой ход»⁶⁶.

Опасным продолжало оставаться и положение СССР. Правительства Англии и Франции, надеясь все же в конце концов толкнуть Германию на войну с Советским Союзом, открыто заявляли, что они не желают иметь с СССР ничего общего. В то же время в связи с резко антисоветскими высказываниями нацистов и решительным осуждением Советским Союзом агрессивных действий Германии советско-германские отношения были в крайне напряженном состоянии. Ввиду агрессивной политики Японии не

⁶³ Das Abkommen von München, 1938. S. 335—336.

⁶⁴ СССР в борьбе за мир... С. 134.

⁶⁵ Там же. С. 144.

⁶⁶ Там же. С. 157.

менее сложным было положение и на дальневосточных рубежах Советской страны. Англо-франко-американская реакция по-прежнему всячески подстрекала германских, японских и прочих агрессоров.

Коммунистическая партия и Советское правительство, правильно оценивая происходившее, продолжали последовательно придерживаться принципиального внешнеполитического курса, направленного на укрепление мира и борьбу против агрессии. Советская дипломатия, писал позднее американский историк А. Улам, обнаружила в послевоенное полугодие «великолепное хладнокровие и крепкие нервы»⁶⁷.

Подробная характеристика внешней политики СССР в сложившейся обстановке была дана в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии, с которым выступил И. В. Сталин. В докладе были подвергнуты критике как агрессоры, так и политика попустительства агрессии, проводимая западными державами. В политике невмешательства, говорилось в докладе, сквозит стремление не мешать агрессорам творить свое черное дело, «не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, „в интересах мира“, и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!».

В Отчетном докладе содержалось серьезное предупреждение о том, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом. В нем отмечалось, что необходимо «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками».

В докладе была дана краткая характеристика целей советской внешней политики:

«1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отноше-

⁶⁷ *Ulam A. Soviet Foreign Policy, 1917—73. N. Y., 1974. P. 259*

ний с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства.

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины»⁶⁸.

Расчеты реакционных кругов Англии, Франции и США направить агрессоров в сторону советских рубежей, как показали дальнейшие события, оказались несостоятельными. Агрессоры были достаточно хорошо осведомлены о силе и мощи Красной Армии. Германия не считала себя пока достаточно подготовленной в военном отношении, чтобы отважиться на войну с СССР. Япония глубоко увязла в войне в Китае. Она могла сколько-нибудь серьезно думать о нападении на СССР только в том случае, если бы на СССР одновременно папала Германия.

По сведениям одного из руководителей фашистского общества по изучению Восточной Европы, В. Маркерта, в ноябре—декабре 1938 г. гитлеровцы намеревались «ускорить столкновение с Москвой и в этих целях обеспечить в лице Польши союзника против Советского Союза». Риббентроп и Розенберг «выступали за войну против Советского Союза, используя постановку украинского вопроса. Решительный поворот в оценке политической обстановки и шансов в войне в Восточной Европе наступил, кажется, где-то около рождества». После длительного пребывания в Оберзальцберге Гитлер заявил, касаясь войны против СССР, что «решение восточных вопросов не носит срочного характера и нужно время для его основательной подготовки»⁶⁹.

Все большее изменение соотношения сил в Европе в пользу агрессивных держав и особенно все усиливавшийся поток сообщений о том, что Германия намерена направить свой очередной удар не против СССР, а против Польши, Франции и Англии, в конце концов начали вызывать беспокойство в западных державах. 19 января Форин

---

⁶⁸ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 10—21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939. С. 11—15.

⁶⁹ СССР в борьбе за мир... С. 161—162.

офис направил британскому правительству записку, в которой обобщалась информация о планах нацистов, полученная из секретных источников. Во введении к этой записке Галифакс указывал, что «до сих пор было общепринятым ожидать, что устремления Гитлера будут направлены на восток, и в особенности, что он планирует что-то в отношении Украины». Но в самое последнее время, однако, поступают сообщения о том, что Германия может нанести удар не по СССР, а по западным державам⁷⁰. Французский генеральный штаб также пришел к заключению, что более вероятно нападение Германии на западные державы, чем на СССР⁷¹.

К марту 1939 г. дальнейшие агрессивные планы Германии приобрели уже конкретную форму. Излагая их, П. Клейст, советник И. Риббентропа, говорил 13 марта, что принято решение об оккупации всей Чехословакии, в результате чего Германия будет держать в руках Венгрию, Румынию и Югославию, а также создаст военную угрозу Польше. Присоединение Мемеля позволит Германии «твердо стать на ноги также в Прибалтике». Если раньше имелось в виду привлечь Польшу к участию в войне против СССР, то теперь планы Германии изменились и она намерена разделить Польшу и подчинить ее германскому господству. Все это должно укрепить тылы Германии, после чего намечается «акция против Запада». В Берлине надеются «сломить Францию», сказал Клейст, и добиться тем самым господствующего положения Германии в Европе. В дальнейших германских планах «война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики»⁷².

Вскоре Германия приступила к активным действиям. 15 марта 1939 г. Чехословакия была ликвидирована германскими агрессорами как самостоятельное государство. Это не вызвало особой реакции ни в Англии, ни во Франции, ни в США.

Принципиальную позицию в связи с захватом гитлеровцами Чехословакии заняло только Советское пра-

---

⁷⁰ Public Record Office. Cab. 27/627. P. 176.

⁷¹ DBFP. Ser. 3. L., 1950. Vol. 3. P. 500.

⁷² СССР в борьбе за мир... С. 233—234. Такую информацию получили, в частности, британское и американское правительства. См.: *Bavendamm D. Roosevelts Weg zum Krieg: Amerikanische Politik, 1914—1939.* München, 1983. S. 493; *Thies J. Architect der Weltherrschaft. Die «Endziele» Hitlers.* Düsseldorf, 1976. S. 184.

вительство. Оно энергично реагировало на новый агрессивный акт нацистов против Чехословакии, заклеимило позором агрессоров. 18 марта 1939 г. Советское правительство направило правительству Германии ноту, в которой указывалось, что действия Германии «не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Советское правительство заявило, что оно не может признать включение Чехословакии в состав Германской империи⁷³. Информировав советские полпредства в Германии, Англии, Франции и Чехословакии об этой ноте, ИКЦИД подчеркивал, что нота эта — «резкая»⁷⁴.

В газете «Известия» 20 марта 1939 г. появилась по этому вопросу редакционная статья «Слово Советского правительства», в которой подчеркивалось, что значение ноты Советского правительства выходит за рамки простой характеристики отношения Советского Союза к насильственной ликвидации Чехословацкого государства. «Это — документ большого международно-политического значения, ибо Советское правительство — уже не в первый раз — оказалось тем единственным правительством, которое с полной прямоотой и ясностью вскрыло существо и подлинный смысл актов агрессии и тем самым оказало сильнейшую поддержку всем друзьям мира и всем странам, не заинтересованным по тем или иным причинам в нарушении мира».

Разумеется, в послемиюнхенский период, когда Англия и Франция, по существу, прекратили всякие контакты с СССР, Советское правительство было лишено возможности обращаться к ним с какими-либо конкретными предложениями, направленными на создание единого фронта стран, которым угрожала Германия. Но общие установки внешней политики Советского Союза оставались неизменными. М. М. Литвинов изложил их 20 ноября 1938 г., отвечая на вопрос французского поверенного в делах Ж. Пайяра о том, как он смотрит на дальнейшее развитие международного положения. Нарком иностранных дел СССР сказал, что миюнхенское соглашение — это международное несчастье. Политика правительств Англии и Франции будет теперь сводиться к одностороннему удовлетворению требований всех трех агрессоров — Германии, Италии и Японии. «Я полагаю, однако, — сказал М. М. Литвинов, — что они дойдут до

⁷³ Известия. 1939. 20 марта.

⁷⁴ СССР в борьбе за мир... С. 244.

такой точки, когда народы Англии и Франции должны будут их остановить. Тогда, вероятно, придется вернуться на старый путь коллективной безопасности, ибо других путей для организации мира нет». Англия и Франция выйдут, конечно, из этой полосы сильно ослабленными, но все же и тогда еще потенциальные силы мира будут превышать силы агрессии. «Должны сперва объединиться великие державы, — подчеркнул советский нарком, — и когда они на деле покажут свою способность вести твердую и последовательную политику, то вокруг них начнут группироваться другие страны»⁷⁵.

Этот вопрос снова встал 10 февраля 1939 г., во время беседы М. М. Литвинова с новым французским послом в Москве П. Наджиаром. Нарком напомнил, что СССР в свое время предлагал западным державам свое сотрудничество, в котором, как показали события, они были больше заинтересованы, чем Советский Союз. «Мы готовы и впредь к действительному сотрудничеству», — заявил он ⁷⁶.

* * *

Таким образом, в послемиюнхенский период английские и французские правящие круги тешили себя надеждой, что их политика потворствования германской агрессии на восток, политика изоляции Советского Союза дает желанные плоды. Но это были ложные мечты. Гитлеровцы были заинтересованы в отстранении СССР от участия в решении европейских проблем, но имели при этом в виду не только изоляцию СССР, но не в меньшей степени также и изоляцию Франции, а тем самым и Англии. Мюнхенская политика Чемберлена и Даладье потерпела полный крах. Германские фашисты, намечая свои дальнейшие захватнические планы, предпочитали пока иметь дело с более слабыми противниками. На схватку с СССР они еще не решались.

⁷⁵ Там же. С. 85—86.

⁷⁶ Там же. С. 197—198.

Глава VIII

СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ В ЦЕЛЯХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЙНЫ

СОВЕТСКАЯ ИНИЦИАТИВА О СОЗЫВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕЩАНИЯ

Весной 1939 г. некоторое затишье, наступившее в Европе в зимние месяцы, подошло к концу. Это оказалось затишьем перед бурей. Империалистическая фашистская Германия взяла курс на войну.

Опасность германской агрессии нависла над многими европейскими странами. Между тем в результате подрывных действий агрессоров и политики потворствования им со стороны мюнхенских умиротворителей силы тех стран Европы, которым угрожала агрессия, оказались разрозненными. Лига наций утратила всякое значение.

Выпавивавшиеся Германией, Японией и Италией агрессивные планы представляли собой для СССР огромную опасность. Неоднократные высказывания германских фашистов и японских милитаристов о том, что они считают уничтожение Советского государства своей важнейшей целью, были хорошо известны.

Коммунистическая партия и Советское правительство, учитывая усиление опасности войны, принимали дополнительные меры для укрепления обороноспособности страны. Выступая 13 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), нарком обороны К. Е. Ворошилов сообщил, что по сравнению с началом 1934 г. численный состав Красной Армии увеличился в 2 раза, количество танков — в 2,9 раза, самолетов — в 2,3 раза и т. д.¹

Растущая оборонная мощь Советского государства была важнейшим фактором, отбивавшим у агрессоров охоту помериться силами с ним. Они предпочитали до поры до времени иметь дело с более податливыми и слабыми противниками.

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 10—12 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939. С. 191—194.

Советское государство было готово внести максимальный вклад в борьбу против агрессии, за сохранение мира. Если бы Англия и Франция проявили действительное желание сотрудничать с СССР, то они встретили бы полную взаимность со стороны Советского правительства. Вооруженные силы держав, которым угрожала опасность со стороны Германии, по-прежнему превосходили силы агрессоров². Это означало, что, выступая единым фронтом, СССР, Англия и Франция были бы в состоянии сделать германскую агрессию невозможной.

Разумеется, Советское правительство не могло не понимать и не учитывать горького опыта прежних лет, особенно мюнхенского сговора. И все же оно весной и летом 1939 г. снова искренне пыталось договориться о сотрудничестве с Англией и Францией в целях обуздания германских агрессоров и предотвращения войны. Советское правительство надеялось, что все более агрессивная политика Германии, а также растущее давление народных масс, обеспокоенных угрозой войны, на правительства Англии и Франции могут в конце концов привести к изменению их позиции.

Подписывая мюнхенское соглашение, правящие круги Англии и Франции сделали все возможное, чтобы поставить СССР в положение международной изоляции, направить германскую агрессию против него. Но когда весной 1939 г. стало выясняться, что до поры до времени Германия предпочитает воевать не с СССР, а с более слабыми противниками, то оказалось, что, пытаясь изолировать Советский Союз, Англия и Франция поставили в положение еще более опасной изоляции самих себя. Инициаторы мюнхенской политики, сообщил 26 марта в Народный комиссариат иностранных дел советский полпред в Париже Я. З. Суриц, вынуждены признать, что Англия и Франция были «разыграны» в Мюнхене, что Германия вместо войны против СССР может повернуть на запад³.

Правительства Англии и Франции наконец пришли к заключению, что прежней политикой уступок и подачек добиться заключения с Германией всеобъемлющего империалистического сговора не удастся и в эту политику им необходимо внести коррективы. Зная о новых агрес-

---

² История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1974. Т. 2. С. 199, 375, 402, 407.

³ СССР в борьбе за мир... С. 275—277.

сивных планах Германии, по все же не отказываясь от своих прежних целей, британское и французское правительства решили принять меры к тому, чтобы укрепить свои ослабленные Мюнхеном международные позиции. Чтобы заставить германского канцлера изменить свои планы и согласиться на сделку с Англией и Францией, британское и французское правительства решили припугнуть его, в частности, возможностью англо-франко-советского сближения. В Москву прибыли их новые послы — французский П. Наджиар и английский У. Сидс.

«Пока секретные информационные службы сообщали, что следующая акция Гитлера будет направлена на восток, — писал английский историк С. Эстер, — в Лондоне и Париже считали, что лучше всего игнорировать СССР, с тем чтобы Гитлер обращался с ним по собственному усмотрению»⁴. Но как только сообщения секретных служб изменились и начали предсказывать, что Германия намерена предпринять наступление на запад, «настроения в Форин оффис начали меняться в пользу улучшения отношений с русскими»⁵. О действительном сближении с СССР, сотрудничестве с ним в борьбе против агрессии ни П. Чемберлен, ни Э. Даладье все же не помышляли. Речь шла лишь об их очередном дипломатическом маневре, при помощи которого они намеревались отвести от себя опасный тайфун, зарождавшийся в центре Европы, и повернуть его на восток.

После ввода германских войск в Чехословакию в Лондоне стало известно, что Германия усиленно добивается экономического и политического подчинения себе Румынии. Британское правительство начало проявлять беспокойство. 18 марта этот вопрос в срочном порядке обсуждался на его заседании. Были высказаны опасения, что эти действия Германии могут привести к установлению ее господства в Европе и к выходу нацистских войск в район Средиземноморья, в результате чего Великобритания может превратиться во второразрядную державу. Министр координации обороны лорд Четфилд признал, что сама Великобритания не в состоянии предотвратить установление над Румынией германского господства. Но если бы Польша и СССР согласились поддержать Румынию, то положение оказалось бы гораздо лучше. Было

---

⁴ Aster S. 1939: The Making of the Second World War. L., 1973. P. 153.

⁵ Ibid. S. 154.

решено запросить СССР, Польшу, Югославию, Турцию, Грецию и Румынию об их позиции, а также согласовать возможные меры с Францией⁶.

Министр иностранных дел Англии лорд Галифакс сразу же информировал об этом решении британских представителей в указанных странах, поручив им выяснить взгляды соответствующих правительств по этому вопросу⁷. 18 марта британский посол в Москве У. Сидс обратился к М. М. Литвинову с вопросом о том, какую позицию займет Советский Союз в случае германской агрессии против Румынии⁸.

Советское правительство воспользовалось полученным запросом, чтобы в очередной раз со всей серьезностью поставить вопрос о коллективных мерах борьбы против агрессии. Уже через несколько часов нарком передал У. Сидсу предложение Советского правительства о немедленном созыве международного совещания с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции⁹. Созыв такого совещания и принятие на нем решения о совместных мерах по защите мира и безопасности в Европе все еще могло бы остановить фашистских агрессоров.

Чемберлен и Галифакс, однако, отклонили советское предложение как не соответствующее общему курсу их политики, не считая нужным поставить его даже на рассмотрение правительства. 19 марта лорд Галифакс заявил советскому полпреду в Лондоне И. М. Майскому, что созыв предложенной Советским правительством конференции был бы «преждевременным»¹⁰.

Советское предложение было передано также французскому правительству¹¹, но от него не было получено вообще никакого ответа.

Поскольку совершенно не реагировать на агрессивные действия Германии было все же невозможно, 21 марта британское правительство выступило с предложением, чтобы СССР, Англия, Франция и Польша опубликовали декларацию о том, что в случае каких-либо дейст-

⁶ Public Record Office (London). Cab. 23/98. P. 48—62.

⁷ DBFP. Ser. 3. L., 1951. Vol. 4. P. 360—361.

⁸ СССР в борьбе за мир... С. 246.

⁹ Там же. С. 246—247.

¹⁰ Там же. С. 247.

¹¹ DDF. Sér. 2. T. 15. P. 120. Отрицательную позицию в отношении советского предложения занял, в частности, глава французского правительства Э. Даладье. См.: *Bartel H. Frankreich und die Sowjetunion, 1938—1940.* Stuttgart, 1986. S. 138.

вий, представляющих угрозу политической независимости любого европейского государства, они «обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления таким действиям»¹².

Опубликование такого рода декларации не могло явиться сколько-нибудь серьезным средством противодействия агрессии. Но поскольку она все же могла оказаться хотя бы некоторым шагом вперед в деле создания фронта защиты мира, Советское правительство на следующий же день дало свое согласие на ее опубликование. Вместе с тем оно предложило придать этой декларации более широкий характер, т. е. пригласить Балканские, Прибалтийские и Скандинавские страны присоединиться к декларации. Кроме того, с целью придания декларации более обязательного для ее участников характера Советский Союз высказался за то, чтобы она была подписана премьер-министрами и министрами иностранных дел соответствующих государств¹³.

Хотя особая угроза нависла именно над Польшей, польские правящие круги, все еще надеясь сговориться с нацистами на антисоветской основе, не захотели принять участие в декларации и сорвали ее опубликование. Постоянный заместитель министра иностранных дел Англии А. Кадоган заявил советскому полпреду в Лондоне, что «поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР»¹⁴.

В условиях, когда капиталистические страны Европы думали фактически о том, как хотя бы временно отвести немецко-фашистскую агрессию от себя, повернув ее в сторону других государств, особенно наглядно выступает принципиальный и последовательный характер миролюбивой внешней политики СССР, готовность Советского

---

¹² СССР в борьбе за мир... С. 265. Во время беседы с Галифаксом 21 марта Ж. Бонне подчеркнул, что совершенно необходимо привлечь к сотрудничеству Польшу, так как «помощь со стороны России будет эффективной только в случае участия Польши» (см.: *Bavendamm D. Roosevelts Weg zum Krieg*. München, 1983. S. 527).

¹³ СССР в борьбе за мир... С. 265.

¹⁴ Там же. С. 284.

Союза сделать все возможное для сохранения всеобщего мира.

Огромное значение в этой связи имеет заявление, сделанное по поручению Советского правительства 23 марта 1939 г. М. М. Литвиновым прибывшему в Москву министру внешней торговли Англии Р. Хадсону. Мы еще пять лет тому назад, сказал нарком, осознали опасность для дела мира со стороны германской агрессии. С тех пор Советский Союз не переставал делать разные предложения по укреплению мира. Однако все предложения СССР игнорировались Англией и Францией. Их политика завершилась мюнхенской капитуляцией, которая породила нынешнее положение. Советский Союз больше, чем какая-либо другая страна, заявил нарком, может сам позаботиться о защите своих границ, но он и теперь не отказывается от сотрудничества с другими странами. Исходя из факта существования агрессивного блока, подчеркнул М. М. Литвинов, не следует отрицать необходимость совещаний, конференций и соглашений антиагрессивных государств. В частности, заявил он, мы всегда готовы были и теперь готовы к сотрудничеству с Великобританией¹⁵.

Однако политика британского и французского правительств, по существу, оставалась без изменений. Полпред в Лондоне И. М. Майский отмечал в телеграмме в НКВД от 24 марта, что П. Чемберлен «все еще не потерял надежды толкнуть Гитлера на восток, против СССР»¹⁶. На следующий день об этом прямо писал английский журнал «Нью стейтсмен энд нэйшн»: «Если бы удалось убедить Германию направить свою экспансию на восток, а не на запад, то мы были бы гарантированы и от большевизма, и от войны»¹⁷.

Полпред в Париже Я. З. Суриц со своей стороны писал 26 марта, что события 15 марта нанесли удар по иллюзиям «умиротворителей» и по щепкам разнесли все здание, построенное в Мюнхене. Однако планы французских мюнхенцев не изменились. «Мы ставим главное ударение, — писал полпред, — на предупреждении и торможении войн, на мерах превентивного порядка, а мюнхенцы отвергают самую возможность создать на такой

¹⁵ Там же. С. 271—272.

¹⁶ Там же. С. 273.

¹⁷ Цит. по: *Волков Ф. Д.* Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 397.

базе какой-либо фронт, особенно при нашем в нем участии... Излишне, я полагаю, напоминать, что лучшим исходом для мюнхенцев было бы втравить нас в войну с Германией»¹⁸.

Н. Чемберлен прямо заявил на заседании британского правительства, что Англии не следует становиться на путь сотрудничества с Советским Союзом¹⁹.

Еще 22 марта Германия захватила литовский портовый город Клайпеду. Статус Клайпеды был гарантирован Англией и Францией, но они и пальцем не пошевелили для того, чтобы оказать Литве помощь. 23 марта нацисты нанесли новый удар: Германия добилась подписания с Румынией кабального для последней экономического соглашения²⁰.

Учитывая агрессивные действия фашистского рейха, Советское правительство наряду с обращением к Англии и Франции сочло необходимым в целях борьбы против агрессии установить контакты со своими западными соседями, находившимися под угрозой германского нападения.

28 марта 1939 г. Советское правительство передало правительствам Латвии и Эстонии заявления о том, что оно придает огромное значение предотвращению установления агрессорами своего господства над Балтийскими государствами, ибо это противоречило бы как интересам народов этих стран, так и жизненным интересам Советского государства. Советское правительство заявляло, что оно не может оставаться безучастным зрителем установления господства Германии в Прибалтике и в случае необходимости готово доказать это на деле²¹.

Еще в ходе переговоров о заключении Восточного пакта в 1933—1935 гг. Советское правительство неоднократно указывало на то значение, которое имело для СССР предотвращение захвата Германией Прибалтийских государств, занимавших важнейшие стратегические позиции у северо-западных рубежей Советского Союза. В условиях, когда гитлеровцы уже приступили к осуществлению своих захватнических планов, вопрос о предотвращении захвата Германией Прибалтики, естествен-

¹⁸ СССР в борьбе за мир... С. 275—276, 279.

¹⁹ Guardian. 1970. Jan. 1.

²⁰ Подробнее см.: Шевяков А. А. Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии, 1936—1941 гг. Кишинев, 1963. С. 61—62.

²¹ СССР в борьбе за мир... С. 282—283.

но, приобретал для Советского Союза особо важное значение. Это и понятно, если учесть близость Прибалтики к важнейшим жизненным центрам СССР, особенно Ленинграду. Поэтому вполне естественно, что Советское правительство внесло предложение о присоединении Прибалтийских государств к предполагавшейся декларации Англии, Франции, СССР и Польши, сделало правительствам Латвии и Эстонии указательные заявления, а также в ходе последующих переговоров с Англией и Францией неизменно проявляло глубокую озабоченность обеспечением безопасности Прибалтийских государств.

Советское правительство было серьезно заинтересовано также в сохранении независимости Польши и Румынии, тем более что захват их Германией дал бы гитлеровским войскам возможность выйти к западным границам СССР.

Разумеется, в Советском Союзе не забыли об участии Польши в вооруженной интервенции и захвате ею в 1920 г. западных районов Украины и Белоруссии. Тем более свежо было в памяти сотрудничество польских империалистов с германскими фашистами в агрессии против Литвы и Чехословакии в 1938 г. То и дело появлялись сведения о совместных агрессивных планах Германии, Японии и Польши против СССР. Тем не менее в условиях, когда стали очевидны захватнические планы фашистского рейха по отношению к Польше, Советский Союз был готов к сотрудничеству с Англией и Францией ради обеспечения независимости и безопасности польского государства. Отвечая 29 марта на вопрос французского поверенного в делах Ж. Пайяра, готов ли СССР к сотрудничеству с Польшей, М. М. Литвинов напомнил, что Советское правительство неоднократно предлагало такое сотрудничество, и заявил, что оно по-прежнему считает его «очень важным»²².

То же самое можно сказать и о позиции Советского Союза по отношению к Румынии. В конце 1917 — начале 1918 г. войска королевской Румынии, проводившей агрессивный внешнеполитический курс, опираясь сначала на державы Антанты, а затем на кайзеровскую Германию, захватили Бессарабию. Советское правительство никогда не признавало этого захвата, т. е. продолжало считать Бессарабию составной частью СССР, лишь временно оккупированной Румынией. Капитулянтская позиция румынских правящих кругов по отношению к Германии

²² Там же. С. 284.

Вызывала, однако, опасность, что она может использовать территорию Румынии для агрессии против СССР. 29 марта 1939 г. М. М. Лыткин заявил румынскому посланнику в Москве Н. Диану, что СССР не мог бы «относиться равнодушно к получению агрессивной страной господства в Румынии или к возможности получения опорных пунктов вблизи нашей границы или в черноморских портах»²³. Однако ответа на это обращение получено не было. Но 2 апреля французский посол в Румынии А. Тьерри сообщал в Париж, что, как его информировало румынское правительство, оно не намерено вести переговоры с СССР²⁴.

Из сказанного видно, что Советский Союз придавал огромное значение предотвращению захвата фашистской Германией Прибалтийских государств, Польши и Румынии.

Германский посол в Москве фон Шуленбург писал в этой связи, что Советский Союз заинтересован в сохранении на востоке Европы статус-кво, т. е. в сохранении Польши и Балтийских государств в теперешнем виде как буферов, изолирующих его от Германии²⁵. Французский поверенный в делах в Москве Ж. Пайяр также констатировал 28 марта, что Советский Союз не стремится к территориальным изменениям, не хочет географического сближения с Германией, а проявляет заинтересованность в том, чтобы способствовать обороне государств, которые играют роль буфера между Германией и СССР²⁶.

Во второй половине марта фашистская Германия развернула антипольскую кампанию. В газетах начали появляться сообщения о возможности захвата Германией в ближайшие дни Данцига, о передвижении немецких войск к польской границе. Это вызвало серьезное беспокойство в Англии и Франции, которые не могли не учитывать, что захват Германией Польши приведет к дальнейшему ухудшению их собственного положения, ослаблению их позиций.

Поскольку Польша отказывалась сотрудничать с СССР, перед британским и французским правительствами встал вопрос о том, кого считать более важным для них союзником в Восточной Европе — Польшу или СССР.

---

²³ Там же. С. 283—284.

²⁴ DDF. Sér. 2. T. 15. P. 351—352.

²⁵ Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). Film 15555.

²⁶ DDF. Sér. 2. T. 15. P. 257.

Чемберлен и Галифакс решили, что Польша и Румыния имеют-де для Англии в качестве союзников большее значение. Английский историк С. Эстер констатировал, что, таким образом, Советский Союз «после кратковременного появления на дипломатической арене вновь был поставлен в прежнее положение изоляции»²⁷.

Еще в начале марта 1939 г. британское правительство пригласило Ю. Бека посетить Лондон. 18 марта оно получило от генерального секретаря министерства иностранных дел Франции А. Леже «абсолютно достоверную» информацию, что Ю. Бек предложит в Лондоне союз, но исходит из того, что это предложение будет признано неприемлемым (в течение всего периода 20-х и 30-х годов британское правительство категорически отказывалось принимать на себя какие-либо обязательства о помощи странам Восточной Европы). Тогда Ю. Бек вернется в Польшу, сообщит о своем предложении и его отклонении, после чего заявит, что «у Польши были две альтернативы — склониться к Великобритании или Германии, а теперь ясно, что она должна объединиться с Германией». Ю. Бек готов найти выход из создавшегося положения «даже путем превращения в вассала (может быть, главного вассала) нового Наполеона»²⁸.

В таких условиях в Лондоне возникли опасения, что Польша может оказаться во враждебном Англии лагере²⁹. Было признано, что необходимо добиваться отрыва Польши от Германии и привлечения ее на сторону Англии и Франции³⁰.

27 марта Н. Чемберлен на заседании внешнеполитического комитета британского правительства предложил установить сотрудничество с Польшей. Британский премьер отметил при этом, что его план «оставляет Советскую Россию в стороне». Даже министр внутренних дел С. Хор, оговорившись, что никто не может обвинить его в симпатиях к Советскому Союзу, подчеркнул что необходимо привлечь к общему фронту по возможности больше стран, в том числе и СССР. «Весь опыт свидетельствует о том, — говорил он, — что Россия непобедима».

²⁷ *Aster S.* Op. cit. P. 89.

²⁸ DBFP. Ser. 3. Vol. 4. P. 373.

²⁹ *Newman S.* March 1939: The British Guarantee to Poland. Oxford, 1976. P. 373. В 1940 г. (после разгрома Германии Польшу) Ю. Бек обратился к нацистам с предложением стать их главным наместником в Польше, но это предложение не было принято.

³⁰ *Ibid.* P. 146—148.

Галифакс решительно поддержал Чемберлена. «Если нам приходится делать выбор между Польшей и Россией,— заявил он,— то, очевидно, следует отдать предпочтение Польше». При этом он сослался на то, что министр иностранных дел Франции Ж. Бонне также «не испытывает любви к Советской России». Галифакс доказывал, что Польша располагает 50 дивизиями, которые могут внести «полезный вклад», возможности же советских войск, мол, «ничтожны»³¹.

В Лондоне решили добиваться установления тесного сотрудничества Англии и Франции с Польшей и Румынией (без участия СССР).

Французское правительство присоединилось к тому, что было решено в Лондоне. 29 марта Ж. Бонне направил инструкции французским послам в Польше и Румынии с указаниями действовать совместно с британскими послами в этих странах. В инструкциях говорилось, что правительства Англии и Франции сообщат Советскому правительству, что они будут вести переговоры в первую очередь с Польшей и Румынией. Перед Советским же правительством будет поставлен вопрос лишь о том, как оно представляет свое участие в оказании сопротивления германской агрессии против Польши и Румынии. При этом высказывалось мнение, что благожелательный нейтралитет со стороны СССР позволил бы ему поставлять этим странам военную технику³².

30 марта по указанию Э. Даладье французский военный атташе в Варшаве генерал Ф. Мюсс говорил с фактическим главой польских властей Э. Рыдз-Смиглы, который заявил о нежелании Польши сотрудничать с СССР. Ф. Мюсс со своей стороны подчеркнул, что речь идет только о поставках Советским Союзом сырья и техники в тех размерах, какие пожелает Польша³³. Таким образом, Лондон и Париж отводили Советскому Союзу третьестепенную роль поставщика Польше сырья и военных материалов. Однако польские правящие круги не хотели разговаривать даже о такой помощи со стороны СССР.

30 марта во время обсуждения создавшегося положения на заседании британского правительства Галифакс

---

³¹ Public Record Office. Cab. 27/624. P. 199—203, 206, 208, 211, 219.

³² DDF. Sér. 2. T. 15. P. 262—263.

³³ Ibid. P. 324—329.

предложил опубликовать заявление о том, что в случае нападения Германии на Польшу Англия придет последней на помощь. Н. Чемберлен поддержал его. Фактически признавая ошибочность своей политики осенью 1938 г., он отметил, что вместо того, чтобы чехословацкая армия была на стороне Англии, теперь ресурсы Чехословакии используются Германией³⁴. Если вместо того, чтобы быть союзницей Англии, Польша также прибавит свои ресурсы к германским, то это будет иметь очень серьезные последствия. Министр координации обороны лорд Четфилд признал, что в случае германского нападения Польша продержится не более двух-трех месяцев. Но, отметил он, и Германия понесет потери. На заседании указывалось, что в случае, если Англия вовремя не займет твердой позиции в связи с угрозой Польше, ее авторитет во всем мире будет серьезно подорван³⁵.

Таким образом, британские правящие круги думали лишь о том, чтобы пользоваться польским «пушечным мясом» ради «экономии» жизнью английских солдат. На начавшихся в те дни англо-французских штабных переговорах было решено, что на первом этапе войны Великобритания и Франция применят только экономические меры, т. е. блокаду³⁶. При этом они даже не ставили вопроса о том, чтобы действительно помочь Польше и спасти ее от разгрома в случае войны. А ведь захват Германией Польши можно было предотвратить!

31 марта 1939 г. британское правительство опубликовало официальное заявление о готовности оказать помощь Польше в случае агрессии против нее. В результате визита в Лондон Ю. Бека 6 апреля было опубликовано англо-польское коммюнике, в котором указывалось, что между Англией и Польшей достигнута договоренность о взаимной помощи «в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон»³⁷. В ходе состояв-

³⁴ По сведениям французского военного атташе в Чехословакии, германские войска захватили такое количество военных материалов, что его было достаточно для оснащения 30—35 дивизий, в том числе 600 танков, 750 самолетов, 2200 орудий, 1800 противотанковых орудий, 1,5 млн винтовок и др. (Ibid. P. 131—133).

³⁵ Public Record Office. Cab. 23/98. P. 157, 161—163, 165.

³⁶ Parkinson R. Peace for our Time: Munich to Dunkirk — the Inside Story. L., 1971. P. 130.

³⁷ СССР в борьбе за мир... С. 290, 308—309. Ж. Бонне впоследствии писал, касаясь вопроса о гарантиях Польше на случай «косвенной агрессии», что эти гарантии вполне понятны, если принять во внимание, что в марте 1939 г. чехословацкий президент

пихся переговоров Ю. Бек отклонил британское предложение, чтобы польское правительство договорилось с Советским Союзом об оказании им материальной помощи Польше в случае войны. Польский министр не скрывал при этом своего крайне враждебного отношения к СССР. Он заявил, что «не желает иметь с Россией ничего общего»³⁸.

Однако британские гарантии не были достаточно сильным рычагом для оказания давления на Германию. Об этом свидетельствовал тот факт, что 3 апреля Гитлер издал директиву о подготовке германских войск к нападению на Польшу 1 сентября 1939 г. 11 апреля он подписал план военного разгрома Польши — «план Вайс».

Вскоре произошло резкое обострение обстановки в Юго-Восточной Европе. 7 апреля войска фашистской Италии вторглись в Албанию. В Лондоне оказались перед возможностью серьезного ослабления позиций британского империализма в восточной части Средиземного моря, особенно влияния в Греции и Турции.

В Лондоне начал рассматриваться вопрос о предоставлении Греции и Турции таких же гарантий, как Польше³⁹. Французское правительство сочло необходимым предоставить гарантии также Румынии⁴⁰. После некоторых колебаний британское правительство согласилось распространить гарантии и на нее. Вместе с тем в Лондоне и Париже стали проявлять заинтересованность в том, чтобы гарантии Румынии дал и Советский Союз. Поднимался более активно и вопрос о возможной помощи СССР Польше. Французская газета «Ордр» отмечала, что — приятно это или нет тому или иному политику — для Франции и Англии «невозможно предупредить германскую гегемонию в Европе, спасти независимость Польши и Румынии без помощи России»⁴¹.

10 апреля министр иностранных дел Франции Ж. Болле поднял в беседе с советским полпредом вопрос о том, какую помощь в случае возникновения в ближайшем будущем общего конфликта СССР мог бы оказать Польше

Э. Гаха «был вынужден выбирать между двумя поставленными ему Гитлером условиями: либо разрушение чешских городов германской авиацией, либо согласие на германский протекторат» (см.: *Bonnet G. Fin d'une Europe. Geneve, 1948. P. 217*).

³⁸ Public Record Office. Cab. 23/98. P. 208—209.

³⁹ СССР в борьбе за мир... С. 313.

⁴⁰ DBFP. Ser. 3. L., 1952. Vol. 5. P. 95, 105.

⁴¹ L'Ordre, 1939. 7 avr.

и Румынии. Советский Союз не имеет общей границы с Германией, говорил он, и поэтому для придания договору между СССР и Францией серьезного значения необходимо установление советско-польского и советско-румынского сотрудничества⁴². Французскому поверенному в делах в Москве Ж. Пайяру также были даны указания обсудить эти вопросы с руководством Народного комиссариата иностранных дел СССР⁴³.

Касаясь этих обращений, Я. З. Суриц писал в НКВД, что во Франции многие уверены, что «войны не избежать». Поэтому считают, что «нельзя уже больше пренебрегать помощью, откуда бы она ни пришла. Нельзя уже больше и игнорировать Советский Союз». Полпред отнесся к указанным обращениям с французской стороны, однако, со скептицизмом и осторожностью. Он констатировал, что, по существу, речь идет о том, чтобы СССР принял на себя «тяжелейшие обязательства, и без всякой взаимности и гарантии. У нас нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл». «Мне поэтому кажется, — писал полпред, — что мы должны дать согласие на переговоры, но не идти ни на какие обязательства без встречных гарантий»⁴⁴.

Действительно, было над чем задуматься. Для того чтобы остановить агрессоров, предотвратить возникновение новой мировой войны, необходимо было установить эффективное сотрудничество между СССР, Англией и Францией. Советское правительство последовательно выступало за такое сотрудничество и было готово на переговоры о нем с британским и французским правительствами. Однако, как и ранее, Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли осмотрительность, чтобы СССР не оказался втянутым в войну с Германией фактически в одиночку, в условиях международной изоляции.

Именно к этому могли привести французские предложения, чтобы СССР взял на себя обязательства об оказании помощи Польше и Румынии, не имея договора о взаимной помощи с Англией и Францией. Ведь если бы в случае нападения фашистского рейха на Польшу СССР пришел ей на помощь, то вскоре война переросла бы в вооруженный конфликт прежде всего между Германией и Со-

---

⁴² DDF. Sér. 2. T. 15. P. 524—526.

⁴³ Ibid. P. 529.

⁴⁴ СССР в борьбе за мир... С. 319—320.

ветским Союзом. Не было секретом, что французские войска намеревались отсиживаться за «липней Мажипо», а британское правительство не собиралось отправлять на континент в случае войны сколько-нибудь крупные войска. Из этого следовало, что СССР не мог брать на себя односторонних обязательств об оказании помощи Польше и Румынии. Если же был бы заключен эффективный договор о взаимопомощи с Англией и Францией, то Советский Союз не только мог бы дать согласие на оказание вместе с ними помощи Польше и Румынии, но был бы глубоко заинтересован в предоставлении этим странам, как и некоторым другим государствам, гарантий трех держав. Тем более что это могло предотвратить и опасность присоединения Польши и Румынии к Германии в войне против СССР.

11 апреля министр иностранных дел Англии лорд Галифакс информировал советского полпреда о намерении британского правительства предоставить гарантии Греции, а, возможно, также Турции и Румынии. В ходе беседы он, как и накануне Ж. Боппе, поставил, в частности, вопрос о том, «в какой форме СССР мог бы оказать помощь Румынии в случае нападения на нее Германии»⁴⁵. И. М. Майский передал этот вопрос в Москву.

Приятие каких-либо совместных с СССР обязательств правительство Н. Чемберлена по-прежнему считало нежелательным. Все еще надеясь на германо-советский конфликт, оно хотело иметь в случае такого конфликта полную свободу действий. Чемберлен рассчитывал, что нападение немецких войск на Польшу или Румынию может перерасти в войну между Германией и СССР. Он начал добиваться принятия Советским правительством односторонних обязательств об оказании помощи странам Восточной Европы, чтобы в случае нападения на них Германии СССР оказался в состоянии войны с ней.

Обстоятельный анализ создавшегося положения был дан в письме М. М. Литвинова советскому полпреду в Париже от 11 апреля 1939 г. Нам представляется, писал нарком, что англичане и французы время от времени разговаривают с нами о политическом положении главным образом ради того, чтобы иметь возможность отвечать оппозиции, что они поддерживают контакты с СССР. Ж. Боппе так же мало склонен помогать Польше, Румынии или кому бы то ни было на востоке Европы, как в свое

---

⁴⁵ Там же. С. 324.

время Чехословакии. Из всех разговоров выясняется лишь то, что Англия и Франция, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, желают получить от нас какие-то обязывающие нас обещания. «Но почему мы должны принимать на себя такие односторонние обязательства?»⁴⁶.

Другое дело — взаимные обязательства СССР, Англии и Франции. В тот же день В. П. Потемкин заявил французскому поверенному в делах Ж. Пайяру, что если правительства Франции и Англии выступят с конкретными предложениями, то Советское правительство отпесется к ним с самым серьезным вниманием⁴⁷. Два дня спустя М. М. Литвинов направил полпреду в Лондоне указания, чтобы он, сославшись на высказывания Галифакса о серьезной заинтересованности Англии в оказании помощи Греции и Румынии, заявил, что и СССР не относится безучастно к судьбе Румынии и хотел бы знать, как английское правительство мыслит себе формы помощи ей со стороны Англии и других заинтересованных держав. Полпред должен был заявить, что Советский Союз готов «принять участие в такой помощи»⁴⁸. Галифакс признал, что такое заявление имеет «большое значение»⁴⁹.

13 апреля 1939 г. британское и французское правительства выступили с согласованным заявлением о том, что в случае угрозы независимости Греции или Румынии они немедленно окажут им всю поддержку, которая в их силах. Одновременно глава французского правительства заявил, что правительства Франции и Польши подтвердили существующий франко-польский союз. «Франция и Польша, — заявил он, — дают друг другу немедленную и прямую гарантию против всякой прямой и косвенной угрозы, которая затронет их жизненные интересы»⁵⁰.

Значение англо-французских гарантий было для Польши, Румынии и других стран все же весьма относительным. Еще 30 марта на это указал Н. Чемберлену бывший премьер-министр Англии Д. Ллойд Джордж. Он заявил, что действительный отпор Германии на Востоке может быть организован только при участии СССР; односторон-

⁴⁶ Там же. С. 321.

⁴⁷ DDF. Sér. 2. Т. 15. Р. 549—550.

⁴⁸ СССР в борьбе за мир... С. 331.

⁴⁹ DBFP. Ser. 3. Vol. 5. P. 202.

⁵⁰ Ibid. P. 197; DDF. Sér. 2. Т. 15. Р. 595—597. Вскоре аналогичные гарантии Великобритания и Франция дали также Турции.

писе английские гарантии Польше являются «безответственной азартной игрой»⁵¹. Советское полпредство в Англии со своей стороны писало по этому вопросу: «Что реальное может сделать, на самом деле, Англия (или даже Англия и Франция, вместе взятые) для Польши и Румынии в случае нападения на них Германии? Очень мало. Пока британская блокада против Германии станет для последней серьезной угрозой, Польша и Румыния перестанут существовать»⁵².

Контакты, установленные в марте—апреле 1939 г. между Советским правительством, с одной стороны, и правительствами Англии и Франции — с другой, по вопросам обеспечения сохранения мира в Европе, снова показывали искреннее стремление Советского Союза к совместному отпору трех держав фашистской агрессии. Однако правящие круги Англии и Франции, по существу, продолжали свою мюнхенскую политику, проявляя нежелание к сотрудничеству с СССР.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АНГЛИИ И ФРАНЦИИ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА О ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ

Для предотвращения германской агрессии Советское правительство считало необходимым объединение сил СССР, Франции и Англии. Оно рассчитывало, что в таком случае на их стороне окажется и немало других стран. Общими усилиями агрессора еще можно было остановить.

17 апреля 1939 г. Советское правительство обратилось к Англии с конкретными, далеко идущими предложениями, в которых предусматривалось:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств».

⁵¹ СССР в борьбе за мир... С. 291.

⁵² Междунар. жизнь. 1969. № 7. С. 92.

В соответствии с советскими предложениями три державы должны были в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждой из них жертве агрессии, т. е. заключить военную конвенцию. В случае возникновения вооруженного конфликта запрещалось заключение с агрессором сепаратного мира⁵³.

Вручая британскому послу У. Сидсу эти предложения, М. М. Литвинов особо подчеркнул значение одновременного подписания обоих соглашений, т. е. политического и военного. Он заметил, что, как показывает опыт, пакты о взаимной помощи, не подкрепленные соответствующими военными обязательствами, «дают часто отказы. Отсутствие таких уточнений в пактах между СССР, Францией и Чехословакией, несомненно, сыграло отрицательную роль в судьбе Чехословакии»⁵⁴.

Предложения Советского правительства представляли собой четкую программу создания в Европе эффективного фронта защиты мира, основанного на тесном сотрудничестве СССР, Англии и Франции. Это были те предложения, осуществления которых Советское правительство добивалось в течение последующих англо-франко-советских переговоров. Их осуществление могло бы поставить надежную преграду на пути агрессоров.

Новое предложение Советского правительства существенно отличалось от ряда инициатив о мерах по защите мира, которые вносились им начиная с 1933 г. Раньше Советское правительство выступало за создание в Европе надежной системы коллективной безопасности, в которой участвовал бы целый ряд государств, в частности за укрепление Лиги наций как органа коллективной безопасности и заключение дополнительно региональных пактов о взаимной помощи. Но к весне 1939 г. стало совершенно очевидным, что никаких надежд на создание в Европе системы коллективной безопасности уже не осталось.

Теперь Советское правительство ставило вопрос иначе: необходимо заключить договор о взаимной помощи (оборонительный союз) трех держав — СССР, Англия и Франция, в том числе и военной конвенции. Правительство Советского Союза исходило из того, что в усло-

---

⁵³ СССР в борьбе за мир... С. 336—337. Французскому правительству эти предложения были переданы 18 апреля.

⁵⁴ Там же. С. 336.

виях, когда блок фашистских агрессоров вел дело к новой мировой войне, требовались самые решительные и эффективные меры.

В связи с советскими предложениями британское посольство в Москве констатировало, что «Советский Союз занял позицию исключительно широкого сотрудничества с Францией и Англией»⁵⁵.

К сожалению, советские предложения не встретили поддержки британского и французского правительств. Постоянный заместитель министра иностранных дел Англии А. Кадоган сразу же подготовил записку для внешнеполитического комитета правительства, в которой утверждал, что с практической точки зрения все говорит против принятия советских предложений. Однако он отмечал, что оппозиция постарается использовать отклонение их в борьбе против правительства. Кроме того, существует опасность того, что Советский Союз может заключить с Германией какое-то соглашение о невмешательстве, если Англия отвергнет советские предложения⁵⁶.

19 апреля советские предложения были рассмотрены на заседании внешнеполитического комитета британского правительства. Участники заседания занялись прежде всего словопрениями относительно военной мощи СССР, «убеждая» друг друга в том, что вряд ли Советский Союз может представить особую ценность как военная сила. В результате обсуждение свелось к тому, что в случае войны Англия заинтересована только в поставке Советским Союзом военных материалов Польше и Румынии. Как констатировал в конце заседания министр координации обороны лорд Четфилд, общее мнение членов комитета сводилось к тому, что «политические соображения против военного союза Англии, Франции и СССР перевешивают любые военные преимущества». В протоколе заседания указано, что члены комитета «не расположены принимать советские предложения». Было также решено предупредить французское правительство, чтобы оно не давало ответа на советские предложения, не согласовав его с Лондоном. Опубликование советских предложений было признано нежелательным⁵⁷.

---

⁵⁵ FRUS. 1939. Wash., 1956. Vol. 1. P. 240.

⁵⁶ Public Record Office. Cab. 27/624. P. 309, 312.

⁵⁷ Ibid. P. 298—299, 302.

На следующий день Галифакс заявил польскому послу в Лондоне Э. Рачиньскому, что «советское предложение, хотя оно и серьезно, идет далее того, на что готово пойти британское правительство»⁵⁸. Об отрицательном отношении Лондона к советскому предложению он информировал также французского посла Ш. Корбена⁵⁹.

По заданию британского правительства 24 апреля начальники штабов трех видов вооруженных сил Англии подготовили доклад «Военное значение России». В своей классовой ненависти к СССР военная верхушка Англии дала в нем заведомо искаженную картину возможностей СССР. В докладе было сказано, что в начале войны Советский Союз может мобилизовать и выставить на своем западном фронте 130 дивизий, но экономика страны будет в состоянии обеспечить поставки военных материалов лишь в таком количестве, что СССР сможет постоянно держать на фронте только 30 дивизий. Высказывая сомнения относительно наступательной способности советских войск и состояния советских железных дорог, начальники штабов делали заключение, что возможность оказания Россией сколько-нибудь существенной военной помощи Польше «стоит вне вопроса». В докладе утверждалось, что СССР фактически будет не в состоянии поставлять Польшу, Румынию и Турцию также и военные материалы⁶⁰.

Касаясь этого заключения, необходимо сразу же отметить, что в нем в такой степени искажалось действительное положение, что сами начальники штабов, как это будет показано дальше, вскоре же вынуждены были коренным образом изменить свои оценки. Особенно одиозным это заключение выглядит в свете той мощи, которую СССР проявил в годы Великой Отечественной войны. Явную недооценку военными кругами Англии военного потенциала СССР признают даже британские историки⁶¹.

При рассмотрении 26 апреля 1939 г. советского предложения на заседании британского правительства лорд Галифакс высказался против «всеобъемлющего» соглашения с СССР. Его главный аргумент заключался в том, что подписание Англией и Францией союза с СССР отрица-

---

⁵⁸ СССР в борьбе за мир... С. 341.

⁵⁹ DDF. Sér. 2. T. 15. P. 721.

⁶⁰ Public Record Office. Cab. 27/627. P. 273, 275—277, 280—282.

⁶¹ General Staffs and Diplomacy before the Second World War/Ed. by A. Preston. L., 1978. P. 126.

тельно отразилось бы на англо-германских отношениях, т. е. сделало бы невозможным достижение соглашения с Германией. Советские предложения были признаны на этом заседании неприемлемыми⁶².

Британская дипломатия потратила немало сил с целью поставить СССР в положение международной изоляции, с тем чтобы сделать для агрессоров более привлекательной идею нападения на него. Н. Чемберлен продолжал строить свою политику в расчете на советско-германский конфликт. Если же Англия заключила бы соглашение с СССР, то это, напротив, в какой-то степени удерживало бы Германию от агрессии против него. Поэтому заключенные соглашения о сотрудничестве с СССР находилось в противоречии со всем курсом политики правительства Н. Чемберлена.

Хотя самые широкие круги французского народа были глубоко обеспокоены развитием событий, французское правительство также не проявило стремления к действительному сотрудничеству с СССР. 24 апреля министерство иностранных дел Франции передало британскому посольству в Париже памятную записку, в которой выражалось согласие с мнением британского правительства, что советские предложения о заключении между тремя державами договора о взаимопомощи «не отвечают требованиям нынешней ситуации»⁶³.

25 апреля французское правительство выступило с ответным предложением относительно англо-франко-советского сотрудничества. В нем предусматривалось, что в случае, если бы Англия и Франция оказались в состоянии войны с Германией вследствие мер, которые они приняли бы с целью предупредить насильственное изменение положения в Европе, то СССР должен был оказать им немедленную помощь и поддержку⁶⁴. Если же СССР оказался бы в состоянии войны с Германией в аналогичных условиях, то Советскому Союзу никакой помощи не предусматривалось. М. М. Литвинов с полным основанием охарактеризовал это предложение как «издевательское»⁶⁵.

---

⁶² Public Record Office, Cab. 23/99. P. 58—61.

⁶³ DDF. Sér. 2. T. 15. P. 789—790. Как свидетельствует заключение генерального штаба французской армии от 10 апреля 1939 г., в Париже, как и в Лондоне, недооценивали военный потенциал СССР и переоценивали возможности польских войск. См.: *Vartel H.* Op. cit. S. 157.

⁶⁴ СССР в борьбе за мир... С. 348—349.

⁶⁵ Там же. С. 350.

Французские военные органы, как и британские, также изучали расстановку сил в Европе. 1 мая 1939 г. Второе бюро (разведывательное) генерального штаба французской армии подготовило документ «Внешняя политика СССР». В нем констатировалось, что советская помощь в различных областях весьма полезна: поставки военных материалов Польше и Румынии, действия советского флота на Балтийском море, сотрудничество с советскими военно-воздушными силами. В то же время в документе критиковалась политика британского правительства, которое, препятствуя установлению сотрудничества с СССР против агрессии, толкает его к нейтралитету, в результате чего Кремль может оказаться в будущем конфликте в положении арбитра⁶⁶. Таким образом, французские военные органы также явно недооценивали потенциальные возможности СССР, но все же проявляли заинтересованность в том, чтобы в случае вооруженного конфликта в Европе Советский Союз был на стороне Франции.

В конце апреля — начале мая вопрос о сотрудничестве в борьбе против агрессии встал также в переговорах между Советским и турецким правительствами. В случае заключения советско-англо-французского договора о взаимопомощи Советское правительство готово было распространить гарантии трех держав и на Турцию. Вручая Сидеу советские предложения от 17 апреля, М. М. Литвинов специально подчеркнул, что СССР считает «крайне желательным соглашение с Турцией»⁶⁷. Советский Союз, естественно, был серьезно заинтересован в сохранении и укреплении мира в районе Черного моря.

28 апреля Анкару посетил заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин. В ходе переговоров представители турецкого правительства высказывали опасения по поводу возможной агрессии Германии в направлении Черноморских проливов. Правительство Турции проявило заинтересованность в заключении англо-турецкого и советско-турецкого договоров о взаимной помощи против агрессии⁶⁸. Оно считало невозможным создание восточного фронта против агрессоров без участия Советского Союза⁶⁹. Как турецкие представители сообщили В. П. Потемкину, они заявили в переговорах с англича-

---

⁶⁶ *Bartel II*. Op. cit. S. 188.

⁶⁷ СССР в борьбе за мир... С. 336.

⁶⁸ Там же. С. 375.

⁶⁹ Там же. С. 359.

нами, что «необходимо специальное соглашение Турции с СССР, определяющее условия и способы их взаимопомощи в проливах и Черном море»⁷⁰. Министерство иностранных дел Турции полагало, что это соглашение могло бы распространяться и на Балканы⁷¹. Турецкое правительство заявило о своем намерении «со всей серьезностью и искренностью» заняться проектом этого Черноморского пакта⁷².

Поскольку британское и французское правительства не соглашались на заключение с СССР договора о взаимопомощи, то оказалось, однако, невозможным подписание и советско-турецкого договора.

Возвращаясь из Анкары, В. П. Потемкин посетил Болгарию и Румынию, но ни в одной из этих стран желания вести переговоры по вопросу о Черноморском пакте он не встретил.

Международная обстановка продолжала тем временем быстро ухудшаться. 28 апреля Гитлер заявил в своей речи о расторжении польско-германской декларации о ненападении и дружбе 1934 г., а также англо-германского морского соглашения 1935 г.

Согласно сведениям, которыми располагал сотрудник «бюро Риббентропа» П. Клейст, Гитлер в конце апреля следующим образом изложил своему министру иностранных дел намеченные им планы. Очередная задача Германии — «военное закрепление на востоке». Прежде всего фашистский канцлер решил «силой поставить Польшу на колени». Подготовка к нападению на нее должна была завершиться к июлю — августу. Сопротивление польской армии предусматривалось в основном сломать за 8—14 дней. Германский канцлер считал, что конфликт с Польшей можно локализовать, так как «Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу». Он был уверен, что Англия ограничится военно-морской демонстрацией, Франция же «побряцает оружием за своей линией Мажино, на этом дело и кончится». Планы германского канцлера предусматривали, что за разгромом Польши «последует „западный этап“, который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путем... После этого станет возможным

---

⁷⁰ Там же. С. 360.

⁷¹ Там же. С. 361.

⁷² Там же. С. 374.

великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществлением разгром Советов»⁷³.

Все более агрессивная политика Германии вызывала в Англии серьезную тревогу. И. М. Майский сообщал в те дни в Москву, что среди населения Англии настроение резко антигерманское и необходимость сопротивления агрессии становится всеобщим убеждением. «Отсюда громадная популярность в массах идеи союза с СССР. На политических митингах и собраниях во всех концах страны каждое упоминание о таком союзе вызывает настоящую овацию». Недавно произведенный опрос общественного мнения, писал он, довольно хорошо отражающий настроения страны, показал, что более 80 процентов опрошенных высказались за немедленный союз с СССР⁷⁴.

И тем не менее британское правительство продолжало придерживаться политики попустительства агрессорам. Оно считало, что для оказания известного давления на Берлин, с тем чтобы он согласился на англо-германское соглашение, достаточно того факта, что между Англией, Францией и СССР ведутся какие-то переговоры.

3 мая на заседании британского правительства рассматривался вопрос об ответе на советское предложение от 17 апреля. Выражая надежду, что все же удастся договориться с Германией, предоставив ей свободу рук на востоке, Галифакс и другие члены правительства высказывали мнение, что менять британскую политику не следует. Были выражены лишь опасения, как бы в результате позиции, занимаемой Англией, Советское правительство не оказалось вынуждено пойти на нормализацию отношений с Германией. Это было признано, правда, маловероятным, но все же в целях предотвращения такого развития событий было сочтено целесообразным «в течение какого-то времени продолжать поддерживать переговоры» с СССР⁷⁵.

В тот же день, 3 мая, посетив М. М. Литвинова, британский посол У. Сидс сообщил, что британское правительство изучает советское предложение и ответ задерживается лишь ввиду занятости правительства другими делами⁷⁶. Таким образом, по указанию из Лондона британский посол заведомо пытался ввести Советское прави-

---

⁷³ Там же. С. 362—364.

⁷⁴ Там же. С. 367.

⁷⁵ Public Record Office. Cab. 23/99, P. 128—130.

⁷⁶ СССР в борьбе за мпр... С. 366.

тельство в заблуждение, причем его объяснение было фактически бестактным.

В конфиденциальных беседах даже сами западные дипломаты признавали неблагоприятность позиции Англии по отношению к СССР. Так, американский посол в Париже У. Буллит отмечал, что политика британского правительства в отношении СССР была «чуть ли не оскорбительной»⁷⁷. Французский поверенный в делах в СССР Ж. Пайяр также констатировал, что англичане своей позицией «добавляли, с советской точки зрения, к обиде еще и оскорбление»⁷⁸.

Во все усложнявшейся международной обстановке 3 мая обязанности наркома иностранных дел СССР были возложены по совместительству на Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова, в руках которого были сосредоточены в дальнейшем также и переговоры с британским и французским правительствами.

8 мая У. Сиде нанес визит В. М. Молотову, но никакого ответа на советские предложения от 17 апреля и на этот раз не дал. Вместо этого он передал очередное предложение британского правительства, снова сводившееся к тому, чтобы Советское правительство взяло одностороннее обязательство оказать помощь Англии и Франции, если они, выполняя взятые на себя обязательства в отношении некоторых восточноевропейских стран, окажутся вовлеченными в войну⁷⁹. Французское правительство поддержало британскую инициативу.

Такое британское предложение, разумеется, было неприемлемо для Советского Союза. Сразу же после получения его В. М. Молотов телеграфировал полпредам в Лондоне и Париже, что англичане и французы снова требуют от СССР «односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь. Это очень похоже на известную вам издевательскую формулу Бонне—Леже»⁸⁰ (имелось в виду французское предложение от 25 апреля).

Советское правительство придерживалось позиции, что переговоры должны вестись не только о том, какую помощь СССР окажет в случае войны Англии и Франции, но одновременно и о том, какую помощь эти две страны

---

⁷⁷ FRUS. 1939. Vol. 1. P. 248.

⁷⁸ Ibid. P. 250.

⁷⁹ СССР в борьбе за мир... С. 383.

⁸⁰ Там же. С. 383—384.

скажут в случае войны Советскому Союзу. Но как только заходил разговор о помощи Англии и Франции Советскому Союзу, их представители становились глухонемыми. Это означало, что отсутствовала элементарная основа, необходимая для переговоров.

Советский Союз, как и раньше, был готов на самое тесное сотрудничество и с Польшей, выражая согласие оказать ей помощь против агрессии. Особенно следует отметить в этой связи посещение В. П. Потемкиным Варшавы (по дороге из Турции). Он телеграфировал в Москву о своей беседе с Ю. Беком 10 мая: «Путем подробного анализа соотношения сил в Европе и возможностей эффективной франко-английской помощи Польше привел Бека к прямому признанию, что без поддержки СССР полякам себя не отстоять... Со своей стороны я подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала»⁸¹. Однако на следующий же день польский посол в Москве В. Гжибовский явился к В. М. Молотову и заявил, что, во-первых, «инициатива Франции в переговорах о гарантировании Польши не соответствует точке зрения польского правительства» и «Франции таких переговоров оно не поручало». Во-вторых, «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР»⁸².

Две недели спустя, 25 мая 1939 г., советский полпред в Польше Н. И. Шаронов снова сказал в беседе с Ю. Беком: «Мы, конечно, готовы были бы помочь, но чтобы помочь завтра, надо быть готовым сегодня, т. е. заранее знать о необходимости помогать»⁸³. Но польский министр оставил это заявление без ответа.

14 мая Председатель СНК и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил британскому послу У. Сидсу, что Советское правительство внимательно рассмотрело английские предложения от 8 мая, но пришло к заключению, что они не могут послужить основой для организации фронта сопротивления против дальнейшего развертывания агрессии. В памятной записке, переданной наркомом У. Сидсу, подчеркивалось, что для создания действительного барьера против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы по крайней мере три условия:

---

⁸¹ Там же. С. 389.

⁸² Там же. С. 393.

⁸³ Документы советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7. С. 112.

«1. Заключение между Англией, Францией и СССР эф-
фективного пакта взаимопомощи против агрессии.

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию.

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам, без чего (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией»⁸⁴.

Как отпелось британское правительство к этому повторному советскому предложению, явствует из письма лорда Галифакса, отправленного им два дня спустя английскому послу в Токио Р. Крейги: «Советское правительство по-прежнему предлагает соглашение, которое идет дальше того, на что мы считаем возможным согласиться»⁸⁵.

16 мая вопрос об отношениях с СССР снова был поставлен на обсуждение внешнеполитического комитета британского правительства. Начальники штабов представили к этому заседанию новый меморандум, в котором в связи с дальнейшим обострением обстановки уже высказывали иные взгляды. Военные теперь писали, что соглашение о взаимной помощи между Англией, Францией и Советским Союзом может иметь «определенное положительное значение. Оно будет представлять собой солидный фронт внушительной силы против агрессии». Напротив, в случае если такое соглашение не будет заключено, то это окажется «дипломатическим поражением, которое повлечет за собой серьезные военные последствия», а также будет толкать СССР к компромиссу с Германией. Если, говорилось в меморандуме, отвергая союз с Россией, Англия толкнула бы ее на соглашение с Германией, «то мы совершили бы огромную ошибку жизненной важности». «Более того, если бы Россия осталась нейтральной, то к концу военных действий она оказалась бы в доминирующем положении».

Начальники штабов указывали, что, после того как Англия уже взяла обязательства перед Польшей и Румынией, распространение их на СССР не представляло бы

---

⁸⁴ СССР в борьбе за мир... С. 395.

⁸⁵ DBFP. Ser. 3. L., 1955. Vol. 9. P. 77.

собой большого расширения британских обязательств. Но за это СССР был бы обязан прийти на помощь Англии в случае вовлечения ее в войну с Германией. Это означает, что соглашение с СССР имеет для Англии больше плюсов, чем минусов⁸⁶.

Таким образом, в связи с явным усилением угрозы германской агрессии, в частности с провозглашенным 7 мая Германией и Италией намерением заключить военный союз, британские начальники штабов взялись за ум.

Это заседание внешнеполитического комитета показало, однако, что британское правительство все же не намеревалось менять свой курс. Министр координации обороны лорд Четфилд, ссылаясь на мнение начальников штабов, выступал на нем за заключение с СССР соглашения о взаимной помощи. Он указывал, что это обеспечит Англии помощь Советского Союза в случае нападения на нее Германии. Его поддерживал министр торговли О. Стэнли. В случае заключения договора о взаимопомощи, сказал он, «Россия должна будет делать для нас гораздо больше, чем нам пришлось бы делать для России». Однако Н. Чемберлен по-прежнему решительно выступал против каких-либо обязательств в отношении СССР. Его поддержал Галифакс, заявивший, что политические аргументы против пакта с СССР более существенны, чем военные соображения за пакт⁸⁷.

Германское правительство было подробно информировано о том, что и как решалось британским правительством. После каждого заседания германское посольство в Лондоне сразу же оказывалось в состоянии информировать Берлин о происшедшем. Так, 17 мая Г. Дирксен телеграфировал, что он получил «из надежного источника» сведения о том, что англичане «и сегодня все еще хотели бы избежать союза с Советской Россией»⁸⁸. Два дня спустя в таком же духе информировал Варшаву польский посол в Лондоне Э. Рачиньский. «Галифакс и премьер Чемберлен, — писал он, — первый скорее по идеологическим соображениям, второй же — чтобы полностью не закрыть себе пути к политике „умиротворения“, сознательно и с умыслом затягивают переговоры с Москвой, к которой они по-прежнему относятся холодно»⁸⁹.

⁸⁶ Public Record Office. 27/625. P. 52—55.

⁸⁷ Ibid. P. 28, 30, 32, 33, 42.

⁸⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 434—435.

⁸⁹ Документы и материалы капиту второй мировой войны. М., 1981. Т. 2. С. 92.

На заседании внешнеполитического комитета британского правительства 19 мая Галифакс продолжал высказываться против принятия советских предложений. Вкупе с ним выступал Чемберлен, обосновывая это тем, что договор с СССР будет затруднять достижение англо-германского соглашения. Излагая фактическое положение дела, Галифакс вынужден был сделать на этом заседании комитета одно очень характерное признание. По полученным сведениям, сказал он, Советское правительство считает необходимым заключение тройственного договора о взаимопомощи, в частности, потому, что опасается совместного нападения на него Германии и Польши (хотя открыто о такой возможности и не говорит). Согласно британским предложениям, действительно, сказал он, Англия должна вмешаться, если германская агрессия на восток начнется с нападения Германии на Польшу или Румынию, а они будут оказывать вооруженное сопротивление. Если же Германия напала бы на СССР при активном участии Польши или Румынии или же при их молчаливом согласии, то на Англию никакие обязательства не возлагаются. СССР желает, сказал Галифакс, чтобы британские обязательства распространялись и на такой случай, но Англия до сих пор не соглашалась на это⁹⁰.

В разговоре со своим помощником О. Харви лорд Галифакс отмечал 20 мая, что Н. Чемберлен «ни за что не желает соглашаться на полный тройственный союз». Начальник центральноевропейского департамента Форин оффис У. Стрэнг в свою очередь заметил, что премьер-министр и особенно его ближайший советник Г. Вильсон руководствуются тем, что в результате заключения договора с СССР «будет невозможно продолжение политики умиротворения», т. е. достижение соглашения с Германией. Все в резиденции правительства на Даунинг-стрит, 10, сказал он, «настроены антисоветски»⁹¹. Это подтверждают и дневники А. Кадогана. Он записал 20 мая: «Премьер-министр заявил, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»⁹².

---

⁹⁰ Public Record Office. Cab. 27/625. P. 56—72.

⁹¹ The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. L., 1970. P. 290.

⁹² The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—1945. L., 1971. P. 182.

Таким образом, Коммунистическая партия и Советское правительство последовательно добивались весной 1939 г. заключения с Великобританией и Францией договора о взаимной помощи, что могло бы предотвратить новую мировую войну. Правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье, убедившись в том, что они были грубо обмануты Гитлером в Мюнхене и что до нападения на Советский Союз он планирует сначала разгромить Францию и Англию, несколько изменили весной 1939 г. свою дипломатическую тактику и сочли необходимым установить некоторые контакты с Советским Союзом.

Но существо политики правительств Н. Чемберлена и Э. Даладье не изменилось. Они продолжали делать ставку на достижение империалистической сделки с фашистской Германией, надеясь откупиться за счет других стран и толкнуть германскую агрессию на восток, против СССР.

Глава IX

СОВЕТСКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В МОСКВЕ ЛЕТОМ 1939 г.

ПЕРЕГОВОРЫ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ТРЕХ ДЕРЖАВ О ВЗАИМОПОМОЩИ

Международная обстановка продолжала быстро ухудшаться. Фашистская Германия начала мобилизационные мероприятия с целью подготовки к нападению на Польшу. Шли переговоры между Германией и Италией, завершившиеся 22 мая 1939 г. подписанием военного союза («стальной пакт»)¹.

На следующий день Гитлер созвал совещание руководящего состава вермахта, где поставил задачу завершения подготовки к войне. Он заявил, что «достичь новых успехов без кровопролития уже нельзя». Из высказываний германского канцлера было видно, что он готовился к войне с Францией и Англией, но для обеспечения тыла считал необходимым сначала разгромить их союзницу Польшу².

Коммунистическая партия и Советское правительство отчетливо видели стремительно нараставшую опасность войны. Советская дипломатия прилагала настойчивые усилия, чтобы убедить правительства Великобритании и Франции в том, что единственная возможность предотвратить развязывание Германией войны — это самое тесное сотрудничество трех держав, заключение между ними договора о взаимной помощи и военного соглашения.

Во Франции все громче раздавались голоса за заключение союза трех держав — Франции, Англии и СССР. Известный французский буржуазный журналист А. Кериллис резко критиковал главу правительства Э. Даладье и его сторонников как открытых врагов союза с СССР,

¹ *Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров: Германо-итало-японский фашистский блок: История его возникновения и краха. М., 1967. С. 12—13.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.: Документы и материалы. М., 1971. С. 412—413.

считавших верхом дипломатического искусства подталкивание Германии к захвату Украины. Он говорил, что отказ от заключения англо-франко-русского союза — это крушение антигерманской плотины на Востоке Европы, к тому же влекущее за собой соглашение между Германией и СССР. А. Кериллис констатировал, что союз с СССР является «абсолютной необходимостью момента». Более того, надо поставить русского союзника в наилучшие дипломатические и стратегические условия, чтобы не дать Германии возможности утвердиться в Риге, Таллине, Хельсинки и на Аландских островах³.

В условиях быстрого роста опасности нападения фашистской Германии французскому правительству становилось все труднее проводить явно обанкротившуюся мюнхенскую политику, отклонять советские предложения.

В развитии событий в Европе по-прежнему многое зависело от позиции Великобритании. обстоятельный разговор о все обострявшемся положении состоялся 21 мая в Женеве между советским полпредом в Великобритании И. М. Майским и британским министром иностранных дел лордом Галифаксом, прибывшими туда на очередную сессию Совета Лиги наций. Советский полпред подчеркнул, что целью СССР является «предупреждение агрессии и войны и что это возможно лишь при концентрации на стороне мира столь могущественных сил, которые исключали бы всякую надежду для агрессора на возможность победы». Были подробно разъяснены также причины неприемлемости для СССР английских предложений. Касаясь высказываний Галифакса в ходе этой беседы, полпред сообщал в Москву, что было совершенно очевидно, что британское правительство «избегает тройственного пакта, просто не желая сжигать мостов к Гитлеру и Муссолини»⁴.

Между тем 19 мая в палате общин развернулись бурные прения по вопросу о внешнеполитическом курсе страны. Политика правительства П. Чемберлена подверглась резкой критике со стороны Д. Ллойд Джорджа, У. Черчилля, К. Эттли, А. Сиклера и других депутатов, выступавших за скорейшее заключение англо-франко-советского соглашения. Высказываясь за принятие Великобританией советских предложений, У. Черчилль подчеркивал, что без Советского Союза невозможен действенный

³ L' Epoque. 1939. 1 juin.

⁴ СССР в борьбе за мир... С. 409.

восточный фронт, а без него нельзя защитить интересы Англии на Западе. Если правительство Чемберлена, предостерегал он, «отклонит и отбросит необходимую нам помощь России», то оно вовлечет Великобританию «наихудшим путем в наихудшую из всех войн»⁵. Правительство Чемберлена уже не могло открыто игнорировать такие резко критические выступления, не опасаясь полного подрыва своих позиций в стране.

Британские и французские правящие круги были немало встревожены также появившимися 21 мая в печати сведениями из германских источников, что в Москву направляется немецкая торговая делегация (германское правительство действительно поставило 20 мая вопрос о поездке в Москву торговой делегации, но Советское правительство, как будет показано ниже, не приняло этого предложения).

Правительства Н. Чемберлена и Э. Даладьё против своей воли были вынуждены дать наконец согласие начать переговоры по вопросу об англо-франко-советском сотрудничестве. Но это было согласие лишь на словах. Биограф Н. Чемберлена М. Маклеод откровенно признает, что «Чемберлен не желал начинать переговоры с Советами» и что он сделал это только под сильным давлением общественного мнения и Франции⁶.

22 мая в Форин оффис был составлен меморандум, авторы которого подробно рассматривали минусы и плюсы, с их точки зрения, заключения англо-франко-советского договора. Касаясь отрицательных последствий заключения договора, авторы меморандума выражали беспокойство, что в Германии могут подумать, что Англия «отказалась от всякой надежды добиться урегулирования с Германией». Другим отрицательным моментом договора было сочтено то, что Англия вопреки своему желанию может оказаться вынужденной поддержать в случае войны Советский Союз против Германии. Тем не менее Форин оффис считал желательным заключение «какого-то соглашения с СССР», чтобы в случае войны на Западе а) Германии пришлось бы воевать на два фронта и б) Советский Союз тоже был бы вовлечен в войну и не оставался вне ее, в то время как Англия и Германия будут лежать в руинах⁷.

---

⁵ Churchill W. S. The Second World War. L., 1949. Vol. 1. P. 376.

⁶ Macleod I. Neville Chamberlain. L., 1961. P. 273.

⁷ DBFP. Ser. 3. Vol. 5. P. 640—646.

На заседании британского правительства 24 мая Галифакс признал, что срыв переговоров Англии и Франции с СССР может побудить Гитлера начать войну, и поэтому высказался за принятие советского предложения о заключении англо-франко-советского соглашения. Однако тут же было решено сделать целый ряд оговорок, которые фактически сводили значение договора на нет. Чемберлен, подчеркнув, что он с предубеждением относится ко всему, что имело бы характер союза с СССР, предложил связать договор со статьей 16 Устава Лиги наций. Эта статья, сказал он, возможно, впоследствии будет изменена, так что ссылкой на нее договору будет придан временный характер⁸.

Один из деятелей консервативной партии — Г. Ченнон записал в этот день в своем дневнике, что правительство проявило хитрость, связав договор с Лигой наций, в результате чего новое обязательство в действительности было «совершенно пустым». Предусматриваемое соглашение «такое легковесное, такое нереальное и такое неприменимое, что оно может только побудить нацистов посмеяться над нами»⁹.

26 мая В. М. Молотов телеграфировал Я. З. Сурицу, что, как стало известно, англичане и французы хотят связать принятие советского требования о взаимопомощи трех держав с Уставом Лиги наций и с процедурой Лиги наций. «Мы это понимаем так, — говорилось в телеграмме, — что они хотят превратить в бумажку первый пункт нашего предложения», т. е. пункт относительно обязательств трех держав о взаимной помощи. «Это значит, что в случае агрессии взаимная помощь будет оказана не немедленно, как мы это предлагаем, а лишь после обсуждения в Лиге наций, причем никому не могут быть известны результаты такого обсуждения»¹⁰.

На следующий день, 27 мая, британский посол У. Сидс и французский поверенный в делах Ж. Пайяр передали Председателю СНК и наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову подготовленный английским и французским правительствами проект соглашения трех держав, в котором говорилось и о взаимной помощи трех держав

---

⁸ Public Record Office (London). Cab. 23/99. P. 273—275, 278, 284.

⁹ The Diaries of Sir Henry Channon. L., 1967. P. 201.

¹⁰ СССР в борьбе за мир... С. 416. В англо-польском соглашении о взаимопомощи от 6 апреля 1939 г. Лига наций даже не упоминалась.

в случае агрессии против них и об их гарантиях некоторым другим странам¹¹. Но соответствующие положения были сформулированы таким образом, что на самом деле Англия и Франция твердых обязательств об оказании помощи Советскому Союзу на себя все же не брали.

В связи с этим В. М. Молотов, ознакомившись с англо-французским проектом, сразу же заявил, что он вынес о нем «отрицательное заключение». Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, сказал он, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. При этом он подчеркнул, что Советское правительство «заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе...».

Переходя к конкретным пунктам этого проекта, нарком констатировал, что механизм оказания тремя государствами взаимной помощи подчинен в нем сложной и длительной процедуре Лиги наций, которая плохо совместима с требованием эффективности этой взаимопомощи. Кроме того, в англо-французском проекте предусмотрено, что в случае агрессии три державы «не действуют, а только прибегают к взаимной консультации». В. М. Молотов заявил, что «позиция Советского правительства прямо противоположна. СССР хочет соглашения об эффективной обороне против агрессора. Одни разговоры об этом его не интересуют и не удовлетворяют»¹².

Англо-французские предложения имели и другие недостатки. Совершенно неудовлетворительным был пункт о помощи трех держав странам Восточной Европы, в том числе Прибалтийским государствам. И наконец, были оставлены без внимания советские предложения о заключении военного соглашения трех держав и об отказе от заключения сепаратного мира.

Выступая 31 мая на заседании Верховного Совета, В. М. Молотов отметил, что в связи с серьезным ухудшением международной обстановки наблюдаются признаки

¹¹ СССР в борьбе за мир... С. 421—422.

¹² Там же. С. 417—419.

того, что в Англии и Франции все больше людей сознают провал политики невмешательства и необходимость более серьезных поисков мер и путей для создания единого фронта против агрессии. «Понятно, — сказал В. М. Молотов, — что это стремление заслуживает внимания». В политике западных держав, отметил он, также наметились некоторые изменения в сторону противодействия агрессии. Однако «насколько серьезны эти изменения, мы еще посмотрим. Пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему развертыванию агрессии». Не получится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить препятствием к развязыванию агрессии в других районах? «Поэтому, — сказал В. М. Молотов, — мы должны быть бдительными».

В докладе указывалось, что цели, за которые борется Советское правительство, заключаются в том, чтобы «остановить дальнейшее развитие агрессии и для этого создать надежный и эффективный оборонительный фронт». Снова было подчеркнуто, что для создания такого фронта необходимо: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государством в случае нападения агрессоров. В докладе подчеркивалось, что такая позиция отвечает интересам безопасности всех миролюбивых государств ¹³.

2 июня Советское правительство передало правительствам Англии и Франции свой проект договора о взаимной помощи. В нем предусматривалась немедленная и всесторонняя взаимопомощь трех держав в случае нападения на одну из них, а также оказание помощи Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польше и Прибалтийским странам. Договор о взаимопомощи должен был вступить в силу одновременно с военной конвенцией ¹⁴. Проект дого-

¹³ Правда. 1939. 1 июня.

¹⁴ СССР в борьбе за мир... С. 432—433. В переговорах с английскими и французскими представителями с советской стороны, между прочим, указывалось, что расстановка сил в Европе оказывает самое отрицательное влияние на малые страны. Они имеют перед

вора отвечал интересам народов всех стран Европы, которыми угрожала германская агрессия.

Глава французского правительства Э. Даладьё не мог не признать логичность советского проекта договора (беседа с советским полпредом 3 июня). Вместе с тем он предложил, чтобы гарантии трех держав другим государствам распространялись на случаи как прямой, так и косвенной агрессии¹⁵ (как это раньше было предусмотрено в англо-французских гарантиях Польше и Румынии). Французское правительство, по-видимому, понимало, что захват Германией, например, Бельгии представлял для Франции огромную опасность независимо от того, произойдет ли это путем прямого вооруженного нападения или же путем косвенной агрессии, т. е. другими средствами. А факты свидетельствовали о том, что в отношении некоторых стран, в том числе Прибалтийских, Германия встала на путь именно косвенной агрессии.

В Англии советский проект рассматривался 5 и 9 июня на заседаниях внешнеполитического комитета правительства. Смысл дебатов сводился к тому, что Англии следует уклоняться от конкретных обязательств, в том числе от оказания помощи Прибалтийским государствам и от включения в договор пункта, запрещающего подписание сепаратного мира или перемирия¹⁶.

В это время основной спорной проблемой в переговорах был вопрос о помощи трех держав другим, более слабым странам, в том числе Прибалтийским. Британское правительство, не намереваясь препятствовать германской агрессии в Прибалтике, не хотело распространения своих гарантий на Прибалтийские государства. В Париже считали возможным принять советские предложения о гарантиях Прибалтийским странам¹⁷.

Для безопасности Советского Союза предотвращение захвата Германией Прибалтики имело важнейшее значение. 10 июня советскому полпреду в Лондоне были даны указания заявить Галифаксу, что без удовлетворительно-

---

собой блок агрессоров, но не видят организованного сопротивления. Положение было бы иным, если бы существовал договор о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией. Теперь же малые страны колеблются, не решаясь оказывать сопротивление блоку агрессоров. См.: DBFP. Ser. 3. Vol. 5. P. 630.

¹⁵ СССР в борьбе за мир... С. 433—434.

¹⁶ Public Record Office. Cab. 27/625. P. 101.

¹⁷ *Bartel H. Frankreich und die Sowjetunion, 1938—1940. Stuttgart, 1986. S. 205—206.*

го решения вопроса о гарантиях трех держав Прибалтийским государствам довести переговоры до конца невозможно¹⁸.

Как сообщал в Москву И. М. Майский, Галифакс в беседе с ним по этому вопросу вынужден был признать «правомерность нашего желания иметь гарантии трех держав против прямой или косвенной агрессии в отношении Латвии, Эстонии и Финляндии»¹⁹. Это не означало, однако, что британское правительство было готово пойти в этом вопросе навстречу Советскому Союзу. Напротив, оно исходило из того, что германская агрессия в Прибалтике и отпор ей со стороны СССР — это один из вполне устраивавших его вариантов развязывания вооруженного конфликта между Советским Союзом и Германией. У. Сидс отмечал в телеграмме лорду Галифаксу, что английские предложения не предусматривают безусловной гарантии Прибалтийским странам и что в соответствующем пункте этих предложений имеется «лазейка», которая дает Великобритании и Франции возможность уклониться от выполнения обязательств по оказанию помощи Советскому Союзу²⁰. Раскрывая суть этой «лазейки», заместитель начальника политического и торгового отдела МИД Франции Ш. Роше говорил, что если Латвия и Эстония, подвергшись нападению со стороны Германии, сами не будут защищаться или же не обратятся к СССР с просьбой о помощи, то обязательства договора в силу не вступят²¹.

«Правда» опубликовала 13 июня в этой связи подробную статью «Вопрос о защите трех Балтийских стран от агрессии». В статье с удовлетворением отмечалось, что многие газеты западных стран признают, что вопрос о сохранении нейтралитета трех Балтийских стран представляет жизненный интерес с точки зрения безопасности Советского Союза. В статье раскрывалась несостоятельность утверждений некоторых иностранных газет, что Балтийские страны сами могут с успехом отстоять свою независимость против агрессии. Поэтом, подчеркивала «Правда», не может быть сомнений, что народы трех Балтийских стран «кровно заинтересованы в гарантии их независимости» со стороны трех держав.

---

¹⁸ СССР в борьбе за мир... С. 443.

¹⁹ Цит. по: *Международ. жизнь*. 1969. № 8. С. 98.

²⁰ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. L., 1953. P. 162.

²¹ FRUS. 1939. Vol. 1. P. 265.

В середине июня 1939 г. вместо пересылки и передачи друг другу предложений и ответов на них, как это делалось ранее, начались непосредственные переговоры представителей трех держав в Москве.

Советское правительство сообщило англичанам, что приветствовало бы приезд в Москву министра иностранных дел Англии. Однако лорд Галифакс, сославшись на сложность международной ситуации, ответил, что ему трудно отлучиться из Лондона²².

Когда Англия пыталась договориться с гитлеровцами, в Германию трижды (в сентябре 1938 г.) вылетал глава британского правительства Н. Чемберлен. Он посетил также Италию. Поскольку с советской стороны переговоры вел Председатель Совета Народных Комиссаров и нарком иностранных дел В. М. Молотов, было бы логично, если бы в Москву прибыл Н. Чемберлен или хотя бы лорд Галифакс. Однако Н. Чемберлен заявил на заседании правительства, что поездка в Москву британского министра «была бы унижительна»²³.

Каким было отношение британского правительства к переговорам с СССР, видно из того, что в Москву был направлен всего-навсего руководитель одного из департаментов Форин оффис У. Стрэнг (до назначения на этот пост он был советником британского посольства в СССР). У. Стрэнг был известен тем, что активно поддерживал мюнхенскую политику Чемберлена, его курс на соглашение с фашистской Германией. Осенью 1938 г. Стрэнг сопровождал Чемберлена во время его поездок на переговоры с нацистским канцлером. У. Черчилль признает в своих воспоминаниях, что посылка в Москву «столь второстепенного лица была фактически оскорбительной»²⁴. Д. Ллойд Джордж также заявил в одной из своих речей, что отказ Чемберлена и Галифакса поехать в Москву означает, что они «не желают союза с Россией»²⁵.

Задача У. Стрэнга заключалась, впрочем, лишь в том, чтобы передать британскому послу в Москве новые инструкции и помогать ему в проведении их в жизнь. Никакого положительного влияния на ход переговоров приезд его в Москву не оказал. Великобританию и Францию представляли в переговорах их послы в Москве У. Сидс

²² Цит. по: *Междунар. жизнь*. 1969. № 8. С. 98.

²³ *Daily Telegraph*. 1970. Jan. 1.

²⁴ *Churchill W. S. Op. cit.* Vol. 1. P. 389.

²⁵ *Coates W. P. and Z. A History of Anglo-Soviet Relations. L., 1945. P. 614.*

и П. Наджиар, которые не имели полномочий принимать какие-либо решения, а каждое свое слово обязаны были согласовывать со своими правительствами.

Начавшиеся в Москве переговоры двигались вперед крайне медленно, хотя Советское правительство со своей стороны делало все возможное для их скорейшего успешного завершения. Даже Чемберлен признал (19 июня), что «русские преисполнены стремления достигнуть соглашения»²⁶.

Глава Советского правительства В. М. Молотов, не жалея времени ради успешного завершения переговоров, имел многочисленные продолжительные встречи с представителями Англии и Франции. Уже один этот факт красноречиво свидетельствовал о глубокой заинтересованности Советского Союза в скорейшем заключении эффективного соглашения с Англией и Францией.

Британское же правительство продолжало саботировать переговоры. Военный атташе Англии в Москве полковник Р. Файэрбрейс сказал 16 июня в беседе с латвийским посланником Ф. Кочиньшем, что «главная цель Англии — связать Советский Союз», чтобы он не мог остаться в стороне. Он выразил неверие в заключение договора и подчеркнул, что сам он «против заключения пакта между Англией, Францией и Советским Союзом»²⁷.

15 июня в Кремле состоялось первое заседание с участием В. М. Молотова, В. П. Потемкина, У. Сидса, П. Наджиара и У. Стрэнга. У. Сидс передал новые проекты двух статей договора СССР, Великобритании и Франции. Он сообщил также, что британское правительство полностью понимает, что военная оккупация Германией одного из северо-западных соседей СССР, «сопротивление которого могло бы быть быстро преодолено или который мог бы даже согласиться на оккупацию, могла бы рассматриваться Советским Союзом как угроза его безопасности». Но вместо оказания помощи в случае германской агрессии в Прибалтике британское правительство соглашалось лишь на консультации представителей трех держав относительно того, оказывать жертве агрессии помощь или нет²⁸. Учитывая позицию Англии и Франции, можно было не сомневаться, что во время этих консультаций они займут отрицательную позицию.

²⁶ Public Record Office. Cab. 27/625. P. 186.

²⁷ Историко-дипломатический архив. Ф. 38д. Оп. 22. Д. 228. Л. 73.

²⁸ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 34—39, 79.

Британское правительство по-прежнему не соглашалось на одновременное подписание политического и военных соглашений и на включение в них условия о том, что их участники не должны заключать с Германией сепаратного мира. В Лондоне явно хотели иметь в случае советско-германского конфликта полную свободу действий.

Выслушав информацию У. Сидса об английских предложениях, В. М. Молотов заявил, что он «разочарован»²⁹.

Когда на следующий день Председатель СНК имел новую встречу с английским и французским представителями, он указал на принципиальные недостатки этих предложений. В памятной записке, переданной англичанам и французам, отмечалось, что, согласно британским предложениям, Советский Союз должен оказать немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции, но английское и французское правительства не берут на себя обязательств по оказанию помощи в случае, если СССР будет вовлечен в войну с агрессором в связи с нападением последнего на граничащие с СССР Латвию, Эстонию и Финляндию. Советское правительство не может согласиться с этим³⁰.

Информируя советских полпредов в Лондоне и Париже о состоявшихся переговорах, В. М. Молотов писал, что англичане и французы своими предложениями по вопросу о гарантиях другим странам «ставят СССР в унизительное, неравное положение, с чем мы ни в коем случае не можем мириться... Нам кажется, что англичане и французы... не хотят серьезного договора, отвечающего принципу взаимности и равенства обязательств»³¹.

На заседании 21 июня английский и французский представители сообщили, что к тем странам, о гарантировании которых говорилось ранее, они добавляют также Голландию и Швейцарию³². Это существенно расширяло обязательства, ложившиеся на СССР. Что же касается оказания помощи Прибалтийским государствам, то оно по-прежнему было обставлено оговорками.

Глава Советского правительства заявил на этом заседании, что обязательства, которые Англия и Франция

---

²⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937—1939. М., 1981. Т. 2. Январь—август 1939 г. С. 365.

³⁰ СССР в борьбе за мир... С. 452.

³¹ Там же. С. 453.

³² Там же. С. 691.

просят СССР взять по отношению к пяти государствам, получившим их гарантии, весьма тяжелы и что по расчетам советского Генерального штаба для выполнения этих обязательств Советскому Союзу потребуется выставить 100 дивизий. Поэтому необходимо, чтобы были точно сформулированы те выгоды, которые взамен получит СССР, а в англо-французском проекте они остаются неопределенными³³.

Учитывая совершенно неудовлетворительный ход англо-франко-советских переговоров, член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов выступил 29 июня в «Правде» со статьей, в которой констатировалось, что английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР, что они затягивают переговоры и нагромождают в них искусственные трудности. Мне кажется, подчеркивал А. А. Жданов, что англичане и французы хотят «лишь разговоров о договоре, для того чтобы... облегчить себе путь к сделке с агрессорами». Это была резкая, но, как показывают факты, справедливая критика в адрес британского и французского правительств, вполне обоснованная характеристика их позиции.

На заседании 1 июля 1939 г. британский и французский послы наконец дали согласие распространить гарантии трех держав и на Прибалтийские страны. Предусматривалось предоставление гарантий 11 странам: Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше, Румынии, Турции, Греции, Бельгии, Люксембургу, Нидерландам и Швейцарии³⁴. В то же время если англо-французские гарантии Польше и Румынии распространялись на случай как прямой, так и косвенной агрессии, то помощь Прибалтийским странам предполагалась только при прямом вооруженном нападении. В случае косвенной агрессии Англии и Франция по-прежнему были согласны только на консультацию, т. е. оставляли за собой возможность уклониться от оказания помощи.

---

³³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 369. Заявление, что Советский Союз может выставить на фронт 100 дивизий, привлекло в Париже большое внимание. См.: *Vartel H.* Op. cit. S. 211. В эти же дни в Париже было получено донесение французского военного атташе в Москве О. Паласа, что СССР в состоянии внести «крупный вклад» в борьбу против агрессии в Европе. Он писал, что Советский Союз располагает армией в 2 млн хорошо подготовленных и вооруженных солдат. Кроме того, имеется резерв — еще 60 дивизий. См.: DDF. Sér. 2. T. 16. P. 794—797.

³⁴ СССР в борьбе за мир... С. 476, 478.

Между тем Германия в то время действовала в Прибалтике именно методами косвенной агрессии, и с немалыми результатами. Она усиленно проводила в Прибалтике экономическую экспансию и эффективно использовала завоеванные экономические позиции для достижения своих политических целей. Прямыми агентами гитлеровцев были многие проживавшие в Прибалтийских странах немцы, занимавшие там весьма влиятельное положение. Были установлены тесные связи между гитлеровцами и многими высокопоставленными деятелями Прибалтийских государств. Дело дошло до того, что разведки Финляндии и Эстонии помогали германской военной разведке в засылке в СССР своей агентуры³⁵. Летом 1939 г. состоялись даже тайные визиты в Эстонию и Финляндию начальника штаба германской армии генерала Ф. Гальдера и главы германской военной разведки адмирала В. Канариса.

Вполне естественно, что в таких условиях Советское правительство было заинтересовано сделать невозможной не только прямую, но и косвенную агрессию Германии в Прибалтике.

Британские представители начали теперь бесконечную дискуссию вокруг определения косвенной агрессии. Признавая обоснованность советских требований, чтобы определение косвенной агрессии охватывало такие случаи, как капитуляция в марте 1939 г. тогдашних чехословацких руководителей под угрозой вторжения германских войск в Чехословакию и уничтожения Праги фашистскими военно-воздушными силами, британское правительство, однако, безосновательно отвергало все предлагавшиеся Советским правительством конкретные формулировки.

3 июля В. М. Молотов сообщил британскому и французскому послам, что Советское правительство согласно распространить гарантии трех держав также на Швейцарию и Голландию, «но при условии, что Польша и Турция заключат пакты о взаимопомощи с СССР, аналогичные пактам о взаимопомощи Англии и Франции с Польшей и Турцией». Без обязательств Польши и Турции об оказании помощи Союзу ССР Советское правительство не может брать на себя дополнительных обязательств³⁶.

---

³⁵ Неделя. 1968. 15 дек.

³⁶ СССР в борьбе за мир... С. 480—481.

На заседаниях представителей трех держав 8 и 9 июля В. М. Молотов обстоятельно изложил позицию Советского правительства по вопросу об одновременном подписании и введении в силу политического и военного соглашений. Советская сторона предложила после согласования статей политического договора парафировать их, а затем немедленно начать переговоры между генеральными штабами. По завершении военных переговоров предлагалось одновременно подписать и ввести в силу политическое и военное соглашения, которые должны составлять единое целое³⁷. В создавшихся условиях британский и французский послы решили, что они не могут продолжать переговоры без дальнейших инструкций, о чем они информировали свои правительства³⁸.

Наглядным свидетельством отсутствия у британского правительства желания заключить с СССР эффективное соглашение против агрессии являются протоколы состоявшихся в те дни заседаний его внешнеполитического комитета.

Если Советское правительство стремилось к скорейшему подписанию конкретного и эффективного соглашения, то лорд Галифакс внес на заседании внешнеполитического комитета 4 июля 1939 г. предложения совершенно иного характера. Он представил на рассмотрение две альтернативы, которые исходили из совершенно иных соображений:

- 1) срыв переговоров или
- 2) заключение ограниченного пакта.

Галифакс высказался за то, чтобы переговоры не срывать, но не считал нужным заключать с СССР действительно эффективный пакт. Обосновывая свою позицию, он сказал: «Наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией»³⁹.

Западногерманский исследователь Г. Нидхарт на основе изучения британских источников также констатирует, что к началу июля 1939 г. цель переговоров с британской стороны «все больше сводилась лишь к тому, чтобы воспрепятствовать заключению германо-советского соглашения»⁴⁰.

³⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 374.

³⁸ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 310—312.

³⁹ Public Record Office. Cab. 27/625. P. 236—237.

⁴⁰ *Niedhart G. Grossbritannien und die Sowjetunion.* S. 316.

Изложенные Галифаксом альтернативы раскрывают всю глубину пропасти, которая лежала между позициями СССР и Великобритании. В отличие от Советского правительства, которое выступало за подписание всеобъемлющего и эффективного соглашения, британский министр иностранных дел не считал возможным идти дальше «ограниченного пакта», а точнее, как уже говорилось, «пустой бумажки».

Что же касается заявления Галифакса о том, что именно составляло в то время «главную цель» британского правительства в переговорах с СССР, то оно нуждается в некотором пояснении. Приходится вспомнить о событиях 20-х годов. Британская и французская дипломатия делала в те годы все возможное для создания единого блока капиталистических стран в целях борьбы, в том числе и вооруженной, против первого в мире социалистического государства. Все эти усилия оказывались бесплодными в значительной степени в результате того, что Советскому правительству удалось заключить в 1922 г. с Германией договор (в Рапалло), который сделал невозможным создание этого блока и на основе которого вплоть до 1932 г. между СССР и Германией осуществлялось широкое и взаимовыгодное экономическое, а по некоторым вопросам и политическое сотрудничество. Британские и французские дипломаты хорошо помнили это сотрудничество, делавшее невозможным осуществление их антисоветских замыслов.

Правда, после прихода фашистов к власти в Германии расстановка сил в Европе существенно изменилась. Но не во всем. Вражда реакционных правящих кругов Англии и Франции к первому в мире социалистическому государству отнюдь не ослабла. Но если в 20-е годы они стремились привлечь Германию к возглавлявшемуся ими самими антисоветскому блоку, то теперь они отводили Германии роль главной ударной силы в борьбе лагеря империализма против Советского Союза.

Однако британских и французских государственных деятелей немало смущало одно обстоятельство. К июлю 1939 г. они располагали более чем достаточной информацией о том, что после разгрома Польши Германия намерена двинуть свои войска не против СССР, а против Франции.

В Лондоне не могли не сделать определенных выводов также из того, что, несмотря на все попытки британского правительства прийти к соглашению с Германией, гитлеровцы уклонялись от этого. В то же время англичане

получали все больше сведений о том, что Берлин, стремясь затруднить заключение англо-франко-советского союза, проявляет заинтересованность в примирении с СССР. Хорошо осведомленная французская журналистка Ж. Табуи отмечала, что в Лондоне весьма обеспокоены широко распространенными слухами, что Германия делает Кремлю предложения о гарантировании ненападения на СССР и Балтийские страны, а также об экономическом сотрудничестве⁴¹. В печати появились сведения о том, что Германия готова предоставить Советскому Союзу кредит⁴².

Поэтому британское и французское правительства уже не сомневалось в том, что, саботируя заключение договора с СССР, идут на огромный риск. Они понимали, что если Советское правительство окончательно убедится, что все его попытки договориться с Англией и Францией бесполезны, то у него не останется иного разумного выхода, кроме как откликнуться на зондажи со стороны Германии и согласиться на определенную нормализацию отношений с ней, как это было сделано в 1922 г. заключением Рапалльского договора.

Н. Чемберлен был, однако, в такой степени одержим стремлением договориться с фашистской Германией, что был готов на любой риск. Вместе с тем каждый раз, когда в британском правительстве формулировался очередной отрицательный ответ на советские предложения, неизменно вставал вопрос: не окажется ли этот ответ той каплей, которая переполнит чашу терпения советских руководителей, не приведет ли он к возрождению Рапалльского договора? Поэтому британское правительство, не желая заключать с СССР эффективного соглашения, все же считало необходимым продолжать «поддерживать переговоры» с Советским правительством, чтобы тем самым предотвратить возможную нормализацию советско-германских отношений.

На одном из заседаний британского кабинета Галифакс отмечал, что «отклонение предложения России может бросить ее в германские объятия». Военный министр Л. Хор-Белиша, разделяя его опасения, сказал: «Хотя это в настоящее время кажется невероятным, элементарная логика подсказывает, что не исключена договоренность между Германией и Россией». Министр колоний М. Мак-

---

⁴¹ L'Oeuvre. 1939. 22 juin.

⁴² L'Ordre. 1939. 24 juin.

дональд добавил к этому, что в случае войны создалось бы серьезное положение, если бы Россия оставалась нейтральной и поставляла Германии продовольствие и сырье⁴³.

Таким образом, по-прежнему делая ставку на англо-германский сговор в расчете на войну между Германией и СССР, британское правительство в то время считало все же необходимым продолжать англо-франко-советские переговоры, прежде всего чтобы не допустить нормализации советско-германских отношений⁴⁴.

Снова вопрос о московских переговорах рассматривался на заседании внешнеполитического комитета британского правительства 10 июля, после того как английский посол в СССР У. Сидс запросил новые инструкции, ибо переговоры в Москве топтались на одном месте. Галифакс высказался за то, чтобы согласиться на одновременное подписание политического и военного соглашений и начать переговоры о военном соглашении, выторговав за это согласие Советского правительства отказаться от своего определения косвенной агрессии. Из дальнейших высказываний Галифакса, однако, видно, что это был его очередной дипломатический маневр: он хотел таким путем «откупиться» от одного советского предложения, а затем свести на нет и второе.

Так, Галифакс, ссылаясь на мнение французского правительства, заметил, что «военные переговоры затянутся на очень длительный период» и их провал может привести к провалу англо-франко-советских переговоров вообще. Кроме того, военное соглашение могло бы и не быть очень существенным по своему содержанию. Таким образом, формально соглашаясь на переговоры о военном соглашении, Галифакс тут же заявлял о своем намерении затягивать их, а также выхолостить содержание военного соглашения, если его все же придется подписать.

Чемберлен, разумеется заранее обговорив этот вопрос с Галифаксом, выступил в поддержку предложенного им хода. Не будучи в состоянии утаить своих чувств, он, правда, признал, что ему «очень не нравится» предложение начать военные переговоры. Вместе с тем он заявил, что «не придает им очень большого значения». В этой свя-

---

⁴³ Public Record Office. Cab. 23/99. P. 129—130. ³

⁴⁴ Это отмечают и английские историки: *Haslam J. 'The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe. L., 1984. P. 223.*

зи министр координации обороны лорд Четфилд счел необходимым отметить, что Советское правительство, напротив, придает военным переговорам первостепенное значение и что оно желает иметь подробное соглашение с конкретными обязательствами его участников. Галифакс, завершая обсуждение, однако, повторил: «Его мнение таково, что, несмотря на начало военных переговоров, большого прогресса не будет. Переговоры будут едва двигаться с места... Таким образом, мы выиграли бы время и нашли бы лучший выход из создавшегося сложного положения».

Комитет одобрил намеченный Галифаксом очередной дипломатический ход коварного Альбиона. После согласования его с французским правительством Галифакс должен был дать Сидсу соответствующие указания ⁴⁵.

Высказывания британских политиков на этом заседании комитета не оставляют сомнений в том, что, соглашаясь начать с Советским Союзом военные переговоры, британское правительство по-прежнему имело в виду лишь «переговоры ради переговоров», все еще надеясь прийти к соглашению с гитлеровцами.

Что касается французского правительства, то 11 июля оно заявило англичанам, что считает советское предложение об одновременном вступлении в силу политического и военного соглашений неприемлемым. Поясняя свою позицию, оно отмечало, что во время военных переговоров возникнут серьезные трудности, так как необходимо будет получить согласие Польши и Румынии на проход советских войск через их территорию ⁴⁶.

Осуществление разработанного англичанами хода пришлось отложить. На следующий день Галифакс направил послу Сидсу телеграмму о том, что он должен «отклонить оба главных предложения» Советского правительства ⁴⁷, т. е. как предложение об одновременном подписании политического и военного соглашений, так и советский проект определения косвенной агрессии.

Хотя переговоры пока еще продолжались, британское правительство самым обстоятельным образом изучало вопрос, не следует ли с ним кончать. Большое внимание уделялось, в частности, поискам подходящего предлога для их срыва.

---

⁴⁵ Public Record Office. Cab. 27/625. P. 254—270.

⁴⁶ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 328.

⁴⁷ Ibid. P. 335.

Еще 8 июня Н. Чемберлен признал в беседе с американским послом Дж. Кеннеди, что не исключена возможность, что он «положит конец» переговорам с СССР⁴⁸. Даже в беседе с японским послом М. Сигемицу в конце июня британский премьер не скрывал «сокровенного желания разорвать переговоры» с СССР⁴⁹. В начале июля Н. Чемберлен подчеркивал в беседе с министром авиации Кингсли Вудом: «Я все еще не потерял надежды, что мне удастся избежать подписания этого несчастного пакта»⁵⁰.

Начиная с 4 июля вопрос о срыве переговоров с СССР неоднократно рассматривался и на заседаниях внешнеполитического комитета британского правительства. На заседании 10 июля Галифакс подчеркнул, что в случае, если Советское правительство не согласится с позицией Англии по главным вопросам, то «придется признать, что переговоры сорвались»⁵¹. Ж. Бонне отмечал в те дни в беседе с польским послом Ю. Лукаевичем, что англичане хотят прекратить переговоры с СССР⁵². 12 июля британский министр иностранных дел телеграфировал У. Сидсу, что он может дать понять советской стороне, что если она будет настаивать на своих требованиях, то британскому правительству, «возможно, придется пересмотреть свою позицию в целом»⁵³.

Вопрос о срыве московских переговоров снова обсуждался на заседании британского правительства, а затем и его внешнеполитического комитета 19 июля. Галифакс цинично заявил, что если бы московские переговоры сорвались, то «это его не очень обеспокоило бы»⁵⁴. Даже английский буржуазный историк М. Каулинг отмечает, что к этому времени Н. Чемберлен стал проявлять «все большую заинтересованность в срыве англо-русских переговоров»⁵⁵.

Советское правительство не было в неведении о такой позиции британского правительства. Так, во время встречи с советским полпредом 14 июля Д. Ллойд Джордж

⁴⁸ FRUS. 1939. Vol. 1. P. 272.

⁴⁹ I documenti diplomatici italiani. Ser. 8. Vol. 12. P. 311—314.

⁵⁰ Майский И. М. Воспоминания советского посла: В 2 кн. М., 1964. Кн. 2. Мир или война. С. 493.

⁵¹ Public Record Office. Cab. 27/625. P. 258.

⁵² Papers and Memoirs of Juliusz Lukasiwicz: Diplomat in Paris, 1936—1939. N. Y., 1970. P. 247.

⁵³ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 335.

⁵⁴ Public Record Office. Cab. 23/100. P. 186.

⁵⁵ Cowling M. The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933—1940. L., 1975.

резко критиковал позицию Н. Чемберлена. В телеграмме в НКВД об этой беседе И. М. Майский писал, что Ллойд Джордж выражал большое беспокойство относительно хода и перспектив англо-советских переговоров. По его словам, чемберленовская клика, которая до сих пор не может примириться с идеей пакта с СССР против Германии, пытается сейчас как-то примирить Германию и Польшу. Если это удастся, то потребность в срочном заключении пакта с СССР ослабнет и Чемберлен получит возможность еще раз попытаться договориться с агрессорами или в крайнем случае надолго затянуть подписание договора с Советским правительством⁵⁶. Позиция британского правительства обрекала переговоры в Москве на безрезультатность.

Мало чем отличалась и позиция французского правительства. Французский буржуазный журналист Пертинакс писал, что эффективную коалицию, прочный восточный фронт можно создавать только с участием СССР, но «люди типа Лавала, Фландена и Бонне туго на понимание взаимозависимости судьбы Западной и Восточной Европы перед пангерманизмом»⁵⁷.

Советское правительство все более убеждалось в том, что у британских и идущих за ними французских руководящих деятелей нет действительного стремления к успешному завершению переговоров.

17 июля, на очередном заседании с английским и французским послами, глава Советского правительства снова заявил о необходимости одновременного вступления в силу политического и военного соглашений, подчеркнув бесполезность политического соглашения, если не будет соглашения военного. Советское правительство хочет, сказал он, чтобы военные обязательства и вклад каждой стороны были четко установлены. По этому поводу не должно быть недоразумений. Если английское и французское правительства не согласятся с тем, чтобы политическая и военная части соглашения трех стран составляли органическое и единое целое, то не будет смысла продолжать переговоры. Председатель СНК просил послов информировать об этом свои правительства и предложил, чтобы дальнейшее обсуждение спорных проблем было отложено до тех пор, пока не будет достигнута договоренность по этому вопросу. В. М. Молотов прямо поставил

---

⁵⁶ СССР в борьбе за мир... С. 491—492.

⁵⁷ L' Ordre. 1939. 20 juill.

вопрос: согласны ли английское и французское правительства начать военные переговоры?⁵⁸

Телеграфируя в тот же день, 17 июля, советским полпредам в Лондоне и Париже о ходе переговоров, В. М. Молотов дал резкую оценку позиции британского и французского правительств. Касаясь вопроса об определении понятия «косвенная агрессия», он констатировал, что англо-французские участники переговоров «прибегают к всевозможным жульничествам и недостойным уверткам». В телеграмме подчеркивалось, что советская сторона настаивает на том, что «военная часть есть неотъемлемая составная часть военно-политического договора», и отклоняет англо-французское предложение о том, чтобы сначала договориться о политической части договора и только после этого перейти к подготовке военного соглашения. «Это мошенническое англо-французское предложение,— говорилось в телеграмме,— разрывает единый договор на два договора и противоречит нашему основному предложению об одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть, которая является самой важной и самой политической частью договора. Вам понятно, что без совершенно конкретного военного соглашения, как составной частью всего договора, договор превратился бы в пустую декларацию, на которую мы не пойдем». «Только жулики и мошенники, какими проявляют себя все это время господа переговорщики с англо-французской стороны, могут, прикидываясь, делать вид, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашений является в переговорах чем-то новым... Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя»⁵⁹.

Подробно анализируя в письме в Форин оффис от 20 июля состояние дел в переговорах, У. Стрэнг со своей стороны отмечал, что недоверие Советского правительства и подозрения относительно планов англичан не исчезают. Тот факт, констатировал он, что «мы создавали одно затруднение за другим» по вопросам, которые Советскому правительству казались несущественными, создавал у него впечатление, что британское правительство не имеет серьезных намерений заключить соглашение». «Что для

---

⁵⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 375—376.

⁵⁹ СССР в борьбе за мир... С. 495—496.

нас лучше, — писал Стрэнг, — продолжение этого неопределенного положения или окончательный срыв переговоров теперь же, является вопросом большой политики, но лично мне кажется, что первое лучше. Срыв переговоров вызовет отрицательную реакцию. Он побудит немцев к действию. Он может вынудить Советский Союз стать на путь изоляции или компромиссов с Германией»⁶⁰.

К этому времени стало проявлять беспокойство и французское правительство. 19 июля французскому послу в Лондоне Ш. Корбену было дано указание подчеркнуть в беседе с Галифаксом, что колебания британского правительства могут привести к срыву московских переговоров. Поэтому необходимо «взвесить меру ответственности», которую возьмут за их срыв Англия и Франция. «Вся наша система безопасности в Европе будет подорвана, эффективность помощи, обещанной нами Польше и Румынии, будет скомпрометирована». Исход переговоров решит, будет в ближайшие недели война или нет»⁶¹.

В таких условиях правительство Чемберлена решило продолжать московские переговоры, но по-прежнему на подписание договора с СССР все же не соглашалось.

Не мог не повлиять на британское и французское правительства, в частности, тот факт, что в эти дни между СССР и Германией начались торговые переговоры.

На очередном заседании участников переговоров в Москве 23 июля У. Сидс и П. Наджиар заявили, что их правительства выражают согласие на одновременное вступление в силу политического и военного соглашений. Но британский посол не преминул подчеркнуть, что остается неурегулированным вопрос об определении косвенной агрессии.

Излагая позицию Советского правительства, В. М. Молотов выразил уверенность, что три страны смогут выработать определение косвенной агрессии, которое их удовлетворит. Он высказал мнение, что этот вопрос не создаст непреодолимых трудностей. Важно установить формы и объем военных обязательств договаривающихся сторон. Председатель СНК предложил начать без дальнейших задержек военные переговоры.

Однако У. Сидс ответил, что британское правительство хочет до начала военных переговоров договориться по нерешенным пунктам политического соглашения. П. Над-

⁶⁰ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 423—426.

⁶¹ Archives Daladier (Paris). 2 DA 6. Dr. 5.

жиар также подчеркнул, что до тех пор, пока не урегулированы все положения политического договора, «изучение военных проблем не представляется возможным». Это был курс на дальнейшую затяжку переговоров.

В. М. Молотов в заключение повторил предложение немедленно начать военные переговоры и выразил надежду, что английское и французское правительства не будут иметь возражений против того, чтобы они происходили в Москве. Он заявил о готовности одновременно продолжать переговоры по не согласованным пока статьям политического соглашения⁶².

В создавшихся условиях британское правительство решило дать согласие начать военные переговоры. Касаясь сути и целей этих переговоров, Галифакс отмечал, что до тех пор, пока ведутся военные переговоры, будет предотвращено сближение между Германией и СССР⁶³.

На следующем заседании в Москве, состоявшемся 27 июля, английский и французский послы сообщили, что их правительства согласны немедленно начать в Москве военные переговоры трех держав. Но в Лондоне ожидают, добавил У. Сидс, одновременного продолжения переговоров по не урегулированным еще положениям политического соглашения. В. М. Молотов ответил, что он убежден в возможности выработать удовлетворительную формулу определения косвенной агрессии, с тем чтобы она охватывала случай с Чехословакией в марте 1939 г. «Важно возможно скорее заключить договор», — заявил он⁶⁴.

Совершенно иной была позиция Н. Чемберлена, что видно из записи, сделанной им в те дни в своем дневнике: «Англо-советские переговоры обречены на провал, но прерывать их не следует; напротив, надо создавать видимость успеха, чтобы оказывать давление на Германию»⁶⁵. Таким образом, британская и французская дипломатия по-прежнему вела с СССР лишь «переговоры ради переговоров».

В соответствии с такой установкой Форин оффис дал У. Сидсу 28 июля указание занять в политических пере-

⁶² Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 384—385; DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 456—460.

⁶³ Public Record Office. Cab. 27/625.

⁶⁴ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 389.

⁶⁵ Цит. по: *Feiling K. The Life of Neville Chamberlain*. L., 1946. P. 409—410.

говорах более жесткую позицию⁶⁶, т. е. задерживать урегулирование вопроса об определении косвенной агрессии. Из телеграммы У. Сидсу видно, что британское правительство понимало, что предстоящие недели являются критическими. Тем не менее оно не стремилось к успешному завершению переговоров с СССР подписанием политического и военного соглашений, по-прежнему считая достаточным то, что переговоры будут продолжаться. Наиболее подходящим предлогом в случае, если будет решено сорвать московские переговоры, была признана неурегулированность вопроса об определении косвенной агрессии.

2 августа состоялось последнее заседание политических представителей СССР, Англии и Франции на московских переговорах о заключении соглашения трех держав о взаимной помощи. Текст соглашения был в основном согласован. Но все же не до конца. Формулировка пункта о косвенной агрессии окончательно согласована не была.

Советское правительство сосредоточило теперь свое внимание на переговорах военных представителей. Судьбу соглашения трех держав о взаимной помощи против агрессии должны были решить именно военные переговоры.

Однако как раз в это время резко усилились попытки реакционных правящих кругов Англии все же прийти к империалистической сделке с германскими фашистами, прежде всего на антисоветской основе, что вообще ставило под вопрос смысл переговоров между СССР, Англией и Францией.

В советской исторической литературе довольно широко освещены англо-германские переговоры в Лондоне 18—21 июля 1939 г., в которых с английской стороны участвовал ближайший советник премьера Г. Вильсон и министр внешней торговли Р. Хадсон, а с немецкой — Х. Вольфат. Немало написано и о переговорах ряда других представителей двух стран. Эти переговоры свидетельствовали о том, что реакционные правящие круги Великобритании были готовы на существенные уступки германским фашистам, прежде всего за чужой счет, чтобы в результате англо-германского империалистического сговора направить немецко-фашистскую агрессию против СССР. Но все эти усилия британской дипломатии ока-

---

⁶⁶ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 525.

зались безрезультатными, так как в Берлине думали не о сделке с Британской империей, а о сокрушении ее.

Многие документы британского правительства за 1939 г. рассекречены, однако наиболее важные материалы по вопросу о его тогдашней политике по отношению к Германии сохранены на положении секретных до 2000 г.⁶⁷ Очевидно, они уж очень компрометируют политику Великобритании.

Разумеется, в Советском Союзе не могли не обратить внимание на очередной мощный прилив мюнхенских настроений в британских правящих кругах. Советский полпред в Лондоне И. М. Майский сообщал в Москву, что Н. Чемберлен делает отчаянную попытку ускользнуть от выполнения взятых на себя весной обязательств о гарантиях Польше и одновременно оживить свою прежнюю политику «умиротворения». Полпред отмечал, что английское правительство усиленно стремится договориться с Гитлером в надежде на то, что он «оставит в покое Запад и повернется лицом к Востоку»⁶⁸.

Такая же информация поступила и из полпредства СССР во Франции. Ссылаясь на слова министра колоний Ж. Манделя, Я. З. Суриц писал, что в Париже, как и в Лондоне, «далеко еще не оставлены надежды договориться с Берлином и что на соглашение с СССР смотрят не как на средство „сломать Германию“, а как на средство добиться лишь лучших позиций при будущих переговорах с Германией»⁶⁹.

Правящие круги США, как и правительства Англии и Франции, наилучший выход из кризиса в Европе видели в германо-советском конфликте, а на Дальнем Востоке — в войне между Японией и СССР. Очень характерны в этом отношении беседы, которые состоялись между государственным секретарем США К. Хэллом и японским послом в США К. Хориноути. К. Хэлл исходил из того, что правящие круги США и Японии фактически являются союзниками в борьбе против большевизма. Например, во время встречи с К. Хориноути 20 июля К. Хэлл заявил, что США, «как и многие другие страны, ведут борьбу против большевизма»⁷⁰.

---

⁶⁷ Чикваидзе А. Д. Английский кабинет накануне второй мировой войны. Тбилиси. 1976. С. 225.

⁶⁸ СССР в борьбе за мир... С. 504.

⁶⁹ Там же. С. 526.

⁷⁰ FRUS. Japan. 1931—1941. Wash., 1943. Vol. 1. P. 667.

Какое именно развитие событий в Европе больше всего устраивало бы США, явствовало из высказываний американских дипломатических представителей в столицах европейских стран. Американский посол в Лондоне Дж. Кеннеди считал, что следует бросить поляков на произвол судьбы, с тем чтобы они оказались вынуждены пойти на соглашение с гитлеровцами, что «даст нацистам возможность осуществлять свои цели на Востоке». В результате этого разразился бы вооруженный конфликт между СССР и Германией, что «принесло бы большую выгоду всему западному миру»⁷¹. Посол США в Берлине Х. Вильсон также считал лучшим выходом, если бы Германия решилась напасть на Россию с молчаливого согласия западных держав «и даже с их одобрения»⁷².

Американский историк П. Томпкинс констатировала, что в США среди проповедников политики нейтралитета и изоляционизма было много таких, которые «не хотели мириться с существованием Советского государства и которые в своей открытой надежде, что державы оси можно будет направить на восток... были готовы терпеть и даже поддерживать Гитлера и Муссолини»⁷³.

Что касается позиции США в связи с англо-франко-советскими переговорами, то, пользуясь немалым влиянием в Англии и Франции, американская дипломатия при желании могла оказать на британское и французское правительства благотворное воздействие. Однако американские послы в Лондоне и Париже фактически поддерживали англо-французскую политику саботирования московских переговоров. 6 июня 1939 г. советское полпредство в США сообщало в Москву, что нет никаких признаков того, чтобы Ф. Рузвельт захотел использовать имеющиеся у него моральные и материальные рычаги воздействия на англичан и французов, для того чтобы повлиять на их внешнеполитическую линию⁷⁴.

Советское правительство проявляло глубокую заинтересованность в участии США в борьбе против германской агрессии. Оно оказалось вынуждено, однако, констатировать, что на это не было ни малейших надежд.

---

⁷¹ *Langer W. L., Gleason S. E. The Challenge to Isolation. N. Y., 1952. P. 76.*

⁷² *Wilson H. R., jr. A Career Diplomat. N. Y., 1960. P. 111.*

⁷³ *Tompkins P. American-Russian Relations in the Far East. N. Y., 1949. P. 269.*

⁷⁴ АВП СССР. Ф. 011. Оп. 4. Д. 18. Л. 27.

Что касается вопроса о Польше, то в политике Англии и Франции произошел серьезный сдвиг по сравнению с весной 1939 г., когда они дали ей свои гарантии. Теперь они строили все свои расчеты фактически только на сделке с германскими фашистами, лелея надежду, что после разгрома Польши германские войска продолжат продвижение на восток, против СССР. Так, американский поверенный в делах в Париже писал 24 июня, что «готовится второй Мюнхен, на этот раз за счет Польши». Во влиятельных кругах Франции считают, писал он, что она «должна уступить Германии Центральную и Восточную Европу в расчете, что в конце концов Германия окажется в состоянии войны с Советским Союзом»⁷⁵.

К предательству Польши подключился и папа римский Пий XII. Он предложил созвать новую конференцию — наподобие мюнхенской — для «урегулирования» германопольского конфликта. Участие СССР в этой конференции папа римский считал нежелательным⁷⁶.

Как бы гитлеровцы не скрывали свои военные тайны, знали о подготовке вермахта к нападению на Польшу и в Варшаве⁷⁷. 29 июля 1939 г. разведывательный отдел польского генштаба докладывал, что около 20 августа начнется продвижение германских танковых и моторизованных частей к польской границе, а к концу августа возможно начало военных действий⁷⁸. Если бы польские правящие круги руководствовались в своей политике действительными национальными интересами Польши, то они должны были сделать максимум возможного для создания в Европе мощного фронта стран, заинтересованных в отпоре германским агрессорам. И нет сомнений в том, что Польша могла сыграть в этом немаловажную роль.

Однако польские буржуазно-помещичьи правящие круги руководствовались в своей политике не жизненными интересами польского народа, не защитой его от германской агрессии, а другими соображениями. Французский историк М. Мурен с полным основанием писал,

---

⁷⁵ FRUS. 1939. Vol. 1. P. 193—194.

⁷⁶ *Stehle H.* Die Ostpolitik des Vatikans: Geheimdiplomatie der Päpste von 1917 bis heute. Bergisch Gladbach, 1983. S. 228, 230; *Matsseev B. A.* Провал мюнхенской политики, 1938—1939 М., 1955. С. 209—210.

⁷⁷ Papers and Memoirs of Józef Lipski. P. 553.

⁷⁸ *Kozaczuk W.* Bitwa o tajemnice: Sluzby wywiadowcze Polski i Rzeszy Niemieckiej, 1922—1939. W-wa, 1967. S. 287.

что «странная политика полковника Ю. Бека была новым выражением национальной оргии, великодержавного комплекса». Ю. Бек считал, что дело идет к германо-русскому столкновению, и питал иллюзии, что Польша не пострадает от него. Из-за своей русофобии и вражды к коммунизму, писал М. Мурен, он не желал сотрудничества с Советским Союзом и предпочитал гитлеровский режим⁷⁹.

Польские правящие круги лелеяли надежду, что германская агрессия все же минует Польшу и обратится против СССР. Этим объяснялось продолжение Польшей даже в условиях 1939 г. своей крайне недружелюбной в отношении СССР политики. Польское правительство решительно отказывалось принять помощь Советского Союза даже в случае нападения со стороны Германии.

Ю. Бек неоднократно давал понять гитлеровцам, что желает скорейшего урегулирования германо-польских отношений, причем Польша готова на серьезные уступки. Заместитель министра иностранных дел Польши М. Арцишевский заявил в мае германскому послу в Варшаве Г. Мольтке, что Ю. Бек «был бы готов договориться с Германией, если бы удалось найти какую-либо форму, которая не выглядела бы как капитуляция». Ю. Бек придает этому большое значение, продолжал М. Арцишевский, о чем свидетельствует «та сдержанность, которую Польша проявляет в отношении переговоров о пакте между Западом и Советским Союзом»⁸⁰.

Таким образом, Коммунистическая партия и Советское правительство предпринимали летом 1939 г. огромные усилия, чтобы в условиях, когда империалистическая фашистская Германия стала на путь развязывания войны, все же в конце концов добиться создания общего фронта СССР, Англии и Франции, а также некоторых других стран, который был бы в состоянии обуздать агрессоров.

Принципиальная позиция Коммунистической партии и Советского правительства была очередной раз изложена 31 июля 1939 г. в передовой статье «Правды», посвященной 25-летию начала первой мировой войны. «Спокойно следит Советская страна, — указывалось в газете, — за преступной игрой фашистских поджигателей

---

⁷⁹ Mourin M. Les relations franco-sovietiques, 1917—1967. P., 1967. P. 236.

⁸⁰ СССР в борьбе за мир... С. 414.

войны». Это спокойствие не имеет ничего общего с трусостью буржуазных «изоляционистов», пытающихся скрыться в кусты от опасности войны. Советский народ знает, что натиск фашистских агрессоров может быть остановлен дееспособным фронтом государств, заинтересованных в сохранении мира, и «готов принять участие в организации подлинного фронта мира. Только решительная и непоколебимая сила может остановить зарвавшихся агрессоров».

Исключительно важное значение имело советское предложение о заключении советско-англо-французского договора о взаимной помощи против агрессии и военного соглашения трех держав. В случае претворения в жизнь этого предложения войну можно было предотвратить. Хотя Англия и Франция согласились на переговоры с СССР, они все же не ставили своей целью, как свидетельствуют приведенные факты, заключение эффективного соглашения трех держав. Англо-французские мюнхенцы все еще рассчитывали договориться с фашистским рейхом и спровоцировать войну между ним и СССР. Поэтому они не проявляли желания к сотрудничеству с Советским Союзом.

ПЕРЕГОВОРЫ ВОЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СССР, АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

К началу августа 1939 г. уже не оставалось сомнений в том, что дело стремительно идет к войне. В Германии проводилась мобилизация и завершалась подготовка к назначенному на 26 августа нападению на Польшу.

Советское правительство имело немало сведений о германских военных планах и приготовлениях. О них 2, 7, 9 августа сообщало в Москву советское полпредство в Берлине, а также дипломатические представительства СССР в других странах⁸¹. От сотрудников германского посольства в Польше 7 августа были получены сведения о том, что «развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши»⁸². 12—13 августа советский военно-воздушный атташе в Лондоне И. И. Черный передал в Москву аналогичные сведения.

⁸¹ Там же. С. 525, 526 — 527, 538 и др.

⁸² Там же. С. 537.

Он сообщил, что против Польши будет брошено до 50 германских дивизий⁸³.

После переговоров Гитлера и Риббентропа с министром иностранных дел Италии Чиано, состоявшихся 11—13 августа, итальянский поверенный в делах в Германии признал в разговоре с поверенным в делах СССР в Германии Г. А. Астаховым, что на них обсуждался не только вопрос о Польше, но в целом «проблема передела мира», в связи с чем «положение столь напряженно, что возможность мировой войны отнюдь не исключена. Все это должно решиться в течение максимум трех недель»⁸⁴.

Хотя британское и французское правительства наконец приняли 25 июля советское предложение начать в Москве переговоры военных представителей СССР, Англии и Франции, это вовсе не означало изменения их политического курса.

Не мог не настораживать уже тот факт, что английским и французским военным представителям понадобилось на дорогу целых 17 дней. Они прибыли в Москву только 11 августа. До назначенной гитлеровцами даты нападения на Польшу оставалось всего 15 дней! Французский историк Ж.-Б. Дюрозель отмечает, что он «располагает документом, свидетельствующим, что эта задержка была умышленной»⁸⁵.

О несерьезном отношении Англии и Франции к военным переговорам с Советским Союзом свидетельствовал и состав их военных миссий для участия в переговорах. В Москву были направлены военные представители, не имевшие никакого опыта планирования и разработки операций крупных масштабов. Британская военная миссия возглавлялась главным адъютантом короля по морским делам адмиралом П. Драксом. Даже У. Стрэнг признает в своих воспоминаниях, что, поскольку британское правительство не хотело заключения военного соглашения с СССР, в Москву была послана военная делегация «недостаточно высокого уровня» с инструкциями «ограниченного характера»⁸⁶.

Французская военная миссия, возглавлявшаяся членом верховного военного совета Франции генералом Ж. Думенком, производила не лучшее впечатление. Со-

⁸³ Там же. С. 540, 562.

⁸⁴ Там же. С. 606.

⁸⁵ *Duroselle J.-B. La décadence, 1932—1939. P., 1979. P. 428.*

⁸⁶ *Strang. Home and Abroad. L., 1957. P. 193—194.*

ветский полпред во Франции Я. З. Суриц, сообщая в Москву о составе миссии, отмечал, что он свидетельствует о том, что французское правительство поставило перед ней «скромную программу»⁸⁷. Правильность этой оценки подтверждают ставшие теперь достоянием гласности сведения о директивах, которые были даны британской и французской военным делегациям.

Вопрос об общем содержании директив П. Драксу был рассмотрен на заседании британского правительства 26 июля. В протоколе этого заседания нет ни единого слова о том, что Великобритания заинтересована в успешном завершении переговоров и подписании эффективной военной конвенции. Главная суть всех высказываний на этом заседании сводилась к тому, что переговоры следует вести как можно медленнее и в конце концов надо завести их в тупик⁸⁸.

В соответствии с духом обсуждения вопроса на заседании правительства для английской военной миссии были подготовлены подробные инструкции. В них констатировалось, что русские серьезно желают заключения как политического, так и военного соглашения. Однако британское правительство «не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство», которое могло бы связать ему руки. Миссии предписывалось «вести переговоры весьма медленно» и стремиться, чтобы дело свелось к тому, что будет выработано «что-нибудь вроде декларации политического характера», ограничивающейся, «сколь возможно, более общими формулировками»⁸⁹.

Инструктируя П. Дракса, лорд Галифакс 2 августа ставил перед ним задачу «тянуть с переговорами возможно дольше»⁹⁰. Через день о своем отрицательном отношении к сотрудничеству с СССР заявил П. Драксу также Н. Чемберлен⁹¹. Излагая все эти указания, П. Дракс в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Нэйвел ревью», фактически не скрывает, что никто перед ним задачу выработки военной конвенции не ставил; его посылали в Москву с миссией, которая должна была закончиться

---

⁸⁷ СССР в борьбе за мир... С. 697.

⁸⁸ Public Record Office. Cab. 23/100. P. 224—225.

⁸⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 168—169.

⁹⁰ *Drax R. P. Mission to Moscow, August, 1939 // Naval Review. 1952. N 3. P. 252.*

⁹¹ *Ibid. P. 253.*

безрезультатно. Но ему было вменено в обязанность сделать все возможное, чтобы эта бесплодность переговоров выявилась не сразу.

Действительная задача британской военной миссии заключалась в том, чтобы поддерживать видимость переговоров примерно до конца сентября, после чего в связи с наступлением осенней распутицы нападение Германии на Польшу, как считали британские военные органы, станет, по существу, невозможным. Тогда британские правящие круги прекратили бы переговоры, надеясь, что раньше следующей весны войны не будет, а тем временем они смогут договориться с Германией. Форин оффис известил 8 августа американское посольство в Лондоне, что британской военной миссии «дано указание предпринять все усилия, чтобы тянуть с переговорами до 1 октября»⁹².

Французская военная миссия имела инструкции, которые были подписаны 27 июля начальником генерального штаба французской армии генералом М. Гамеленом. В инструкциях шла речь лишь об обеспечении линий коммуникаций «между европейским Западом и Мурманском»; о действиях русских в Балтийском море против немецких морских коммуникаций; об участии советской авиации в действиях в Эгейском море; о поставках Советским Союзом Польше, Румынии и Турции сырья, продовольствия, вооружения, снаряжения и оборудования⁹³.

Разумеется, такой директивы для успешного ведения переговоров было совершенно недостаточно. Задача заключения военной конвенции в них даже не ставилась. Это могло означать лишь одно: французский генеральный штаб согласованных с СССР действий против Германии не намечал. Французские правящие круги питали надежды, что война разразится на востоке Европы и активного участия Франции в войне не предусматривали.

Британский генерал Х. Исмей, ознакомившись с инструкциями французской делегации, писал: «Документ поражает меня тем, что он сформулирован в столь общих выражениях, что почти бесполезен, чтобы служить в качестве инструкции: в нем говорится лишь о том, чего бы хотели французы от русских, и ничего не говорится о том, что собираются делать французы». Когда в беседе с генеральным секретарем верховного совета национальной обо-

---

⁹² FRUS. 1939. Vol. 1. P. 294.

⁹³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 157—158.

роны Франции генералом Л. Жамэ и Ж. Думенком Х. Исмей спросил, что французы намерены сообщать о вкладе Франции и Англии в войну, Л. Жамэ «улыбнулся и пожал плечами», а Ж. Думенк сказал: «Весьма немного. Я просто буду слушать»⁹⁴.

У. Сидс, ознакомившись с директивами П. Драксу, не мог не прийти к выводу, что они означали создание в переговорах безнадёжного тупика, причем это сразу же станет очевидным и Советскому правительству. Нет сомнений в том, писал он в Лондон 13 августа, что в таких условиях военные переговоры не будут иметь положительных результатов, а еще раз возбудят у русских «опасения, что мы не действуем всерьез и не хотим заключения конкретного и определенного соглашения»⁹⁵. Французский посол в Москве П. Наджиар оценивал эти директивы аналогичным образом. «Эти инструкции очень опасны,— телеграфировал он в Париж,— так как могут привести к срыву переговоров»⁹⁶.

Особенно следует отметить, что, как видно из директив британской и французской военным миссиям, в Лондоне и Париже понимали, что центральной проблемой в военных переговорах будет вопрос о проходе советских войск через территорию Польши, с тем чтобы они могли войти в соприкосновение с германскими войсками. Вопрос этот не был новым. Советское правительство, как выше было показано, ставило эту проблему еще в 1937 г. Она вставала и в 1938 г. в связи с возможным оказанием Советским Союзом помощи Чехословакии. Об этой проблеме У. Стрэнг напоминал Галифаксу, когда британское правительство разрабатывало директивы своей делегации на военных переговорах. «По-видимому, военные переговоры не будут завершены до тех пор,— писал У. Стрэнг,— пока не удастся достигнуть договоренности между Советским Союзом и Польшей о том, что Советскому Союзу разрешат проход по крайней мере через часть польской территории в случае войны, в которой Польша должна участвовать на нашей стороне»⁹⁷.

И тем не менее меры по разрешению этого вопроса не были намечены ни британским, ни французским правительствами. Более того, этот вопрос заведомо намечалось

⁹⁴ Public Record Office. Prem. 1/311.

⁹⁵ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 682, 683.

⁹⁶ Archives Daladier. 2 DA6. Dr. 6. Sdr. a.

⁹⁷ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 425.

использовать для затягивания, а затем и срыва переговоров. Это лишний раз показывает, что в Лондоне и Париже не стремились к успешному завершению переговоров.

Если бы в Лондоне и Париже действительно намеревались заключить с СССР военное соглашение, то британские и французские высшие военные органы обязательно заранее выработали бы и его проект. Ведь невозможно же было перепоручать столь важное дело недостаточно квалифицированным в подобных вопросах членам посланных в Москву военных миссий. Но если проект договора о взаимопомощи (правда, неудовлетворительный) британским и французским правительствами был подготовлен, то составлять проект военной конвенции они и не собирались.

Советский Союз относился к военным переговорам трех держав совершенно иначе. «Советский народ знает, — писала в те дни „Правда“, — что натиск фашистских агрессоров может быть остановлен дееспособным фронтом миролюбивых государств, и готов принять участие в организации подлинного фронта мира. Только решительная и непоколебимая сила может остановить зарвавшихся агрессоров»⁹⁸.

Советское правительство, разумеется, не могло знать содержания директив британской и французской военным миссиям. Но оснований сомневаться в серьезности намерений британского и французского правительств у советских руководителей было много.

Советское правительство придавало военным переговорам трех держав важнейшее политическое значение и добивалось принятия конкретных и эффективных решений. Оно уполномочило на ведение военных переговоров делегацию в составе народного комиссара обороны маршала К. Е. Ворошилова, начальника генерального штаба РККА Б. М. Шапошникова, народного комиссара Военно-морского флота Н. Г. Кузнецова, начальника Военно-воздушных сил РККА А. Д. Локтионова и заместителя начальника Генерального штаба РККА И. В. Смородинова⁹⁹.

Французский военный атташе в СССР О. Палас, сообщая о составе советской военной делегации, писал французскому военному министру 7 августа 1939 г., что он показывает «всю ту важность, какую Советское правительство придает этим переговорам»¹⁰⁰.

---

⁹⁸ Правда. 1939. 31 июля.

⁹⁹ СССР в борьбе за мир... С. 535—536.

¹⁰⁰ Там же. С. 696.

Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР подготовил к переговорам подробный план военного сотрудничества трех держав, который был затем изложен в ходе переговоров. Советское правительство было глубоко заинтересовано в том, чтобы быстрее завершить переговоры и предотвратить таким образом развязывание Германией войны.

Вместе с тем советская сторона не могла не насторожиться по поводу действительных намерений британского и французского правительств. Поэтому перед советской военной делегацией стояла, в частности, задача в ходе переговоров выяснить действительные намерения британского и французского правительств.

Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве начались в субботу 12 августа 1939 г. Глава советской делегации К. Е. Ворошилов прежде всего предложил огласить полномочия участников.

Полномочия советских представителей были полными и исчерпывающими. Советская делегация была уполномочена «вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе»¹⁰¹. Глава французской делегации генерал Думенк имел полномочия на ведение переговоров, но не на подписание соглашения¹⁰². Хотя еще 2 августа В. М. Молотов в беседе с английским и французским послами специально подчеркнул, что военные миссии Англии и Франции должны иметь надлежащие полномочия¹⁰³, П. Дракс все же прибыл в Москву без них.

Такое ненормальное положение, разумеется, не могло не обратить на себя внимание Советского правительства.

Когда начались переговоры по существу, глава советской военной миссии попросил англичан и французозов изложить их предложения относительно тех мероприятий, которые должны были обеспечить, по их мнению, совместную организацию обороны договаривающихся стран, т. е. Англии, Франции и Советского Союза. «Есть ли у миссий Англии и Франции,— поставил К. Е. Ворошилов вопрос,— соответствующие военные планы?»¹⁰⁴ Вы-

¹⁰¹ Там же. С. 535—536.

¹⁰² Там же. С. 546.

¹⁰³ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 570.

¹⁰⁴ СССР в борьбе за мир... С. 546.

яснилось, что английская и французская военные миссии прибыли в Москву без конкретных планов военного сотрудничества трех держав в случае агрессии.

Излагая позицию Советского правительства, К. Е. Ворошилов подчеркнул на заседании, что три державы должны выработать общий военный план на случай агрессии. «Этот план нужно обсудить в подробностях, — сказал он, — договориться, подписать военную конвенцию, разъехаться по домам и ждать событий в спокойном сознании своей силы»¹⁰⁵.

П. Дракс в своем выступлении информировал, что, по его сведениям, Германия отобилизовала уже 2 млн человек и ее выступление намечено на ближайшие дни ¹⁰⁶. И тем не менее он не проявлял желания придать переговорам действительно серьезный характер. Ж. Думенк занимал такую же позицию.

Отсутствие у британской и французской военных миссий заранее разработанных военных планов, естественно, также не могло не насторожить советскую делегацию.

В целом первый день переговоров вряд ли мог быть признан удовлетворительным. Скорее наоборот. Уже первые высказывания английских и французских представителей свидетельствовали о том, что стремления к достижению в минимальные сроки эффективного соглашения у них не наблюдалось.

Неудивительно, что позиция советской военной делегации оставила у П. Дракса совсем иное впечатление. Он впоследствии писал: «Первые же 24 часа моего пребывания в Москве свидетельствовали, что Советы стремились к достижению соглашения с нами»¹⁰⁷.

На заседании 13 августа глава советский делегации подчеркнул, что нет необходимости рассматривать в переговорах общие принципы и цели, что предложил накануне П. Дракс. Они и так известны, а обсуждение их отвлекло бы от главных вопросов. Необходимо установить основы плана военного сотрудничества: количество войск трех держав, их материальные ресурсы и реальное направление действий их вооруженных сил. К. Е. Ворошилов подчеркнул, что он хотел бы услышать не только планы обороны на западном фронте, но и предположения о том, как

---

¹⁰⁵ Там же. С. 547—548.

¹⁰⁶ Там же. С. 547.

¹⁰⁷ Naval Review. 1952. N 3. P. 254.

должна быть организована защита против агрессии на востоке ¹⁰⁸.

На этом заседании было заслушано сообщение главы французской делегации генерала Ж. Думенка, но сказанное им не имело ничего общего с действительными планами и намерениями Англии и Франции. Британское и французское правительства имели договоренность о том, что в случае войны они будут придерживаться оборонительной тактики, возлагая главные надежды на блокаду Германии. Ж. Думенк же утверждал, что французская армия, состоящая из 110 дивизий, задержав на своей линии укреплений наступление неприятеля, «сосредоточит свои войска на выгодных местах для действия танков и артиллерии и перейдет в контратаку». Если же главные силы германских войск будут направлены на восток, то Франция «будет всеми своими силами наступать против немцев»¹⁰⁹. Это выступление было заведомой попыткой ввести в заблуждение Советское правительство.

Член английской миссии генерал Т. Хейвуд сообщил, что Великобритания в то время располагала всего 5 пехотными и 1 механизированной дивизиями ¹¹⁰. Это означало, что в случае войны англичане фактически намеревались остаться в стороне.

В конце заседания К. Е. Ворошилов напомнил, что он хотел бы получить ответ на поставленный им вопрос, как военные миссии и генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против Германии, если она нападет на Францию, Англию, Польшу, Румынию или Турцию. Он пояснил, что этот вопрос связан с тем, что участие советских войск в войне ввиду географического положения СССР возможно только на территории соседних с ним государств, прежде всего Польши и Румынии ¹¹¹.

Британский посол в Москве У. Сидс в телеграмме в Лондон подчеркнул в этой связи, что советская делегация поставила «основную проблему», от решения которой будет зависеть успех или провал переговоров ¹¹².

Оценивая итоги второго дня переговоров, П. Драк пришел к заключению, что К. Е. Ворошилов «не хотел

---

¹⁰⁸ СССР в борьбе за мир... С. 550.

¹⁰⁹ Там же. С. 551—554.

¹¹⁰ Там же. С. 557.

¹¹¹ Там же. С. 560—561.

¹¹² DBFP. Ser. 3. Vol. 7. P. 1.

терять времени» и желал как можно скорее «заключить соглашение с Францией и Британией»¹¹³.

На заседании 14 августа К. Е. Ворошилов прежде всего поставил два вопроса: «Предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?..

Имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию?»¹¹⁴

К. Е. Ворошилов подчеркнул, что это является «кардинальным вопросом» переговоров. Он при этом уточнил, что имеется в виду проход советских войск через ограниченные районы Польши, а именно Виленский коридор на севере и Галицию на юге. Советская военная миссия заявила, что «без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех»¹¹⁵.

Глава советской военной миссии рассказал и показал на карте, как СССР своими вооруженными силами может принять участие в совместной борьбе против агрессора¹¹⁶. Выслушав это, Ж. Думенк воскликнул: «Это будет окончательная победа»¹¹⁷.

Уклоняясь от прямого ответа на поставленные К. Е. Ворошиловым вопросы, Ж. Думенк отметил, что Польша, Румыния и Турция сами должны защищать свою территорию, а три державы должны быть готовы прийти им на помощь, «когда они об этом попросят»¹¹⁸. В этой связи глава советской делегации отметил, что Польша и Румыния могут своевременно и не попросить помощи, а капитулировать. Однако не в интересах Великобритании, Франции и Советского Союза, «чтобы дополнительные вооруженные силы Польши и Румынии были бы уничтожены». Поэтому необходимо заранее договориться о формах участия советских войск в защите этих стран от агрессии¹¹⁹.

---

¹¹³ Naval Review. 1952. N 3. P. 259.

¹¹⁴ СССР в борьбе за мир... С. 566.

¹¹⁵ Там же. С. 567, 568, 572.

¹¹⁶ Там же. С. 568.

¹¹⁷ Там же; DDF. Sér. 2. P., 1985. T. 18. P. 561.

¹¹⁸ СССР в борьбе за мир... С. 563.

¹¹⁹ Там же. С. 569.

Таким образом, советской делегацией был отчетливо поставлен важнейший вопрос, без решения которого активное участие СССР в борьбе против общего врага было невозможно. Хотя в Англии и Франции это прекрасно понимали, мер для урегулирования этого вопроса они не принимали и дать на него положительный ответ не могли. Ненормальность положения особенно наглядно проявилась в связи с высказываниями Ж. Думенка, что Польше и Румынии после вступления в войну «понадобится помощь в снабжении» и «СССР может сделать многое в этом направлении». Он отметил также, что речь может идти и о действиях советских военно-воздушных сил против Германии¹²⁰. Не могло быть никаких сомнений, что одни такие меры не могли спасти Польшу и Румынию от разгрома фашистским рейхом. А после их разгрома СССР оказался бы в Восточной Европе в состоянии войны с Германией один на один.

Что же касается возможного военного сотрудничества в таком случае СССР с Францией, то Ж. Думенк заявил, что после капитуляции Польши Франция «будет держать на своем фронте силы, которые она сочтет необходимыми»¹²¹. Это означало, что, в то время как СССР будет сражаться с основными силами германских войск, французы будут отсиживаться за «линией Мажино». Именно к этому и стремились правящие круги Англии и Франции. «Не было сомнений,— говорил в этой связи Ж. Бонне,— что Германия и Россия, приобретя общую границу... в конечном счете придут в столкновение»¹²². А задача советской дипломатии заключалась в том, чтобы предотвратить такое развитие событий.

Таким образом, по существу, не было основы для соглашения между тремя державами. «Я думаю,— заметил П. Дракс после этого заседания,— *наша миссия закончилась*» (курсив мой.— В. С.)¹²³. Французская военная делегация констатировала, что состоявшееся в тот день заседание, «носившее весьма драматический характер, знаменовало конец настоящих переговоров»¹²⁴.

¹²⁰ Там же. С. 565—566.

¹²¹ Там же. С. 564.

¹²² *Остоя-Овсяный И. Д.* На пороге войны // Новая и новейшая история. 1971. № 2. С. 38—39.

¹²³ *Мосли Л.* Утраченное время: Как начиналась вторая мировая война. М., 1972. С. 292.

¹²⁴ Цит. по: История внешней политики СССР. М., 1986. Т. 1. С. 371.

Разумеется, Советское правительство не могло не сделать аналогичные выводы. Поэтому с полным основанием можно считать, что после заседания 14 августа оно должно было прийти к заключению о том, что никаких надежд на достижение договоренности не остается.

Английский журналист и историк Р. Паркинсон, обстоятельно изучивший британские документы по этому вопросу, пришел к заключению, что военные переговоры в Москве «зашли в тупик, едва начавшись»¹²⁵.

В начале заседания 15 августа П. Дракс сообщил, что английская и французская миссии передали советское заявление своим правительствам и теперь ожидают ответа.

На этом заседании начальник Генерального штаба Красной Армии Б. М. Шапошников изложил подробно разработанный советской стороной план военного сотрудничества трех держав. Он сообщил, что СССР готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. орудий, 9—10 тыс. танков и 5—5,5 тыс. боевых самолетов.

В докладе Б. М. Шапошникова были рассмотрены три варианта совместных действий вооруженных сил СССР, Англии и Франции в случае агрессивных действий со стороны Германии.

Вариант 1. В случае нападения агрессоров на Англию и Францию Советский Союз готов выставить вооруженные силы в размере 70% от тех сил, которые Англия и Франция выставят против главного агрессора — Германии. Так, если бы Франция и Англия выделили 90 пехотных дивизий, то СССР выставил бы 63 пехотные и 6 кавалерийских дивизий общей численностью около 2 млн человек с соответствующим количеством артиллерии, танков и самолетов. Советский план предусматривал обязательное участие в таком случае в войне всеми своими силами Польши (согласно ее договорам с Англией и Францией), причем Польша должна была бы сосредоточить для главного удара на своих западных границах 40—45 пехотных дивизий.

Вариант 2. Если бы агрессор напал на Польшу и Румынию, то предусматривалось, что они выставят против агрессора все свои силы. Англия и Франция обязаны были немедленно объявить войну Германии и принять участие в военных действиях. Советский Союз в таком случае «выставляет 100% тех вооруженных сил, которые выставят Англия и Франция против Германии непосредственно».

¹²⁵ Parkinson R. Peace for our Time. L., 1971. P. 174.

Вариант 3. В случае нападения Германии на СССР через Прибалтику Советский Союз предусматривал выставить 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий. Франция и Англия должны были выставить в этом случае 70% от указанных сил и немедленно начать активные действия против главного агрессора. Вместе с ними должна выступить их союзница Польша, выставив против Германии не менее 45 пехотных дивизий.

Советские предложения предусматривали, что правительства Англии и Франции должны договориться со своим польским союзником о пропуске советских войск через заранее согласованные районы территории Польши¹²⁶.

После этого заседания английская военная миссия в растерянности сообщала в Лондон, что из советских предложений было видно, что Советский Союз «не намерен придерживаться оборонительной тактики», как это миссии «предписывалось предлагать» русским, а «выражает желание принимать участие в наступательных операциях»¹²⁷.

Ж. Думенк телеграфировал в Париж, что советские представители изложили планы «весьма эффективной помощи, которую они полны решимости нам оказать»¹²⁸. В другой телеграмме он сообщал, что Советский Союз выражает готовность предпринять наступательные действия в поддержку Франции, если основной удар будет направлен против нее. «Одним словом,— писал Ж. Думенк,— мы констатируем ярко выраженное намерение не оставаться в стороне, а, как раз наоборот, действовать серьезно»¹²⁹.

Аналогичные соображения поступили в Париж от французского посла в Москве П. Наджиара. Он отмечал, что советские предложения отвечают интересам безопасности как Франции, так и Польши. Отнюдь не стараясь использовать переговоры для того, чтобы получить солидную помощь Франции на Западе в обмен на ограниченную поддержку с его стороны на Востоке, СССР предлагает нам, писал П. Наджиар, «вполне определенную помощь», если только Польша своей отрицательной позицией не сделает невозможным создание на Востоке фронта сопротивления с участием русских сил. Даже если бы рус-

¹²⁶ СССР в борьбе за мир... С. 574—577.

¹²⁷ DBFP. Ser. 3. Vol. 7. P. 600—601.

¹²⁸ СССР в борьбе за мир... С. 582; DDF. Sér. 2. T. 18. P. 52.

¹²⁹ СССР в борьбе за мир... С. 619; DDF. Sér. 2. T. 18. P. 126—127.

ские удовлетворились тем, что на Востоке предусматривалась бы только ограниченная помощь и меры, вытекающие из «позиции выжидания», на чем, согласно полученным инструкциям, должны настаивать перед ними французская и английская миссии, то польский и румынский вопросы все равно не могут быть обойдены¹³⁰.

Член французской делегации А. Бофр отмечал в те дни, касаясь советских предложений: «Трудно было быть более конкретным и более ясным». «Контраст между этой программой... и смутными абстракциями франко-английской платформы поразительный и показывает пропасть, которая отделяла две концепции». «Советские аргументы были весомые... Наша позиция оставалась фальшивой»¹³¹.

План военного сотрудничества, изложенный Б. М. Шапошниковым, свидетельствовал о готовности Советского Союза к решительным действиям вместе с Англией и Францией для нанесения поражения агрессору. Главное же в том, что в случае заключения соглашения, предложенного Советским Союзом, Германия не отважилась бы развязывать войну.

Эти предложения Советского правительства наглядно опровергают распространяемые на Западе утверждения о том, что в Москве, мол, мечтали о войне между двумя группировками империалистических держав, в то время как СССР оставался бы в стороне. Такие утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Советское руководство прекрасно понимало, что ни Польша, ни Франция, ни обе вместе они без помощи СССР не в состоянии устоять перед натиском фашистской Германии. Советское правительство не сомневалось, что, разгромив эти страны, нацисты всеми силами обрушатся на СССР. Как выше указывалось, Германия в 1939 г. планировала уничтожить Польшу, в 1940 г. — разгромить Францию, а затем начать войну против СССР. Уже из одного этого ясно, что Советский Союз, зная об этих планах, в целях собственной безопасности должен был сделать все возможное, чтобы предотвратить нападение Германии на Польшу и Францию, ибо разгром их делал, по существу, невозможным предотвратить нападение Германии затем и на СССР. И напротив, если бы Германии не удалось разгромить Польшу

---

¹³⁰ DDF. Sér. 2. T. 18. P. 53—54; СССР в борьбе за мир... С. 589—590.

¹³¹ *Beaufre A. Le drame de 1940. P., 1965. P. 149, 156.*

и Францию, то уменьшилась бы опасность нападения ее и на Советский Союз.

Военные круги Англии и Франции, разумеется, понимали, чем грозит срыв московских переговоров, поскольку были хорошо информированы, что до намеченного гитлеровцами нападения на Польшу остались считанные дни. 16 августа 1939 г. Форин оффис запросил мнение заместителей начальников штабов трех видов вооруженных сил Англии. Ответ был получен в тот же день. Если раньше они в своих заключениях преднамеренно принижали значение сотрудничества с СССР, то подготовленный ими новый документ звучал совсем иначе: «Мы полагаем, что теперь не то время, когда можно ограничиваться полумерами, и что необходимо приложить все усилия, чтобы побудить Польшу и Румынию согласиться на использование русскими войсками их территории... Совершенно очевидно, что без немедленной и эффективной помощи со стороны России поляки смогут оказывать сопротивление германскому наступлению лишь в течение ограниченного времени... Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны... Напротив, в случае срыва переговоров с Россией может произойти сближение между Россией и Германией»¹³².

Однако это заключение не было даже рассмотрено британским правительством и никаких мер в связи с ним принято не было.

Дал свое заключение и начальник генерального штаба французской армии генерал Гамелен. Он заявил, что бездействие Франции может иметь для нее катастрофические последствия. Установление германским рейхом контроля над Польшей значительно усилит его. Если Польша получит поддержку, то она сможет оказывать сопротивление достаточно долго, чтобы в 1939 г. Германия не могла бросить свои войска против Франции¹³³.

Что же касается поставленного советской делегацией вопроса о проходе советских войск через территорию Польши и Румынии, то ответа на него она по-прежнему не получила ни 15, ни 16, ни 17 августа, после чего по предложению П. Дракса переговоры были прерваны до 21 августа.

Советское правительство, разумеется, могло оценить

---

¹³² Цит. по: *Aster S.* 1939: *The Making of the Second World War*. L., 1973. P. 305—306.

¹³³ *Adamthwaite A.* *France and the Coming of the Second World War*. L., 1977. P. 340.

создавшееся положение лишь как свидетельство полной бесплодности переговоров.

Если бы правительства Англии и Франции действительно хотели договориться с СССР, то они еще до начала переговоров в Москве должны были бы урегулировать с правительством Польши вопрос и о советско-польском военном сотрудничестве. Когда же этот вопрос встал со всей остротой в ходе московских переговоров, англичане и французы, казалось, должны были принять самые экстренные меры к его урегулированию. Поскольку же правительства Англии и Франции думали не о заключении соглашения с СССР, а только о том, чтобы подольше тянуть с переговорами, они не спешили обращаться к польскому правительству, а тем более не стремились получить его согласие на военное сотрудничество с СССР. Впрочем, если с польским правительством они все же установили по этому вопросу определенные контакты, то к правительству Румынии они вообще не обратились.

Несмотря на то что до нападения Германии оставались считанные дни, правящие круги Польши ввиду своей резко антисоветской позиции по-прежнему категорически отказывались от какого-либо сотрудничества с СССР. Военное министерство Франции в записке о переговорах в Москве отмечало, что, для того чтобы облегчить принятие Польшей решения о военном сотрудничестве с СССР, советская делегация очень четко ограничивала зоны прохода советских войск через польскую территорию и определяла их, исходя из соображений «исключительно стратегического характера». Однако Ю. Бек и начальник штаба польских войск генерал В. Стахевич проявляют «непримиримую враждебность»¹³⁴.

Перед лицом опасности срыва переговоров в Москве французский посол П. Наджиар в тот же день телеграфировал в Париж, что позиция Польши «не может не иметь серьезных последствий для дела мира». Провал переговоров в результате позиции Польши может побудить Гитлера к началу военных действий¹³⁵.

Обструкционистская позиция, занятая польскими правящими кругами в связи с англо-франко-советскими переговорами, была прямым предательством ими национальных интересов польского народа. Даже румынский министр иностранных дел Г. Гафенку, несмотря на тесные

¹³⁴ СССР в борьбе за мир... С. 623.

¹³⁵ DDF. Sér. 2. T. 18. P. 211—212.

связи Румынии с Польшей, впоследствии признал, что Польша несет большую долю ответственности за неудачу переговоров между СССР, Англией и Францией¹³⁶.

Тогдашнюю позицию польского правительства проясняют воспоминания польского посла в Берлине Ю. Липского. 18 августа он поставил перед Ю. Беком вопрос о целесообразности его визита в Берлин для переговоров с нацистскими руководителями. На следующий же день Ю. Бек одобрил это предложение. 20 августа Ю. Липский срочно вылетел в Варшаву, чтобы обсудить с Ю. Беком содержание предстоящих переговоров¹³⁷.

Вряд ли у польских правящих кругов могли быть сомнения в том, какой характер будут носить эти «переговоры» и чем они кончатся. У всех в памяти еще свежи были аналогичные переговоры, которые происходили в Берлине в середине марта 1939 г. между Гитлером и президентом Чехословакии Гахой. Польские правители не могли не понимать, что в условиях, когда фашистский рейх завершил сосредоточение своих войск у польских границ для нанесения по ней уничтожающего удара, нечто похожее будет навязано в этих переговорах в Берлине и Польше. Но они, по-видимому, были готовы капитулировать.

Однако германские фашисты не собирались вести с поляками какие-либо переговоры. Поездка Ю. Бека в Берлин так и не состоялась.

Британское правительство, не желая соглашения с СССР и будучи заинтересовано в том, чтобы вину за срыв военных переговоров можно было свалить на Польшу, даже и не пыталось убеждать в чем-либо польских деятелей. Германские войска готовили свой очередной бросок на восток, и британские правящие круги считали возможным особенно не беспокоиться. Более того, они все еще надеялись на достижение соглашения с Германией.

Как в Лондоне представляли себе предстоящее столкновение, видно из высказываний военного атташе Англии в Москве Р. Файэрбрейса о взглядах, которыми руководствовалась в переговорах английская военная миссия: «В будущей войне Германия, напад превосходящими силами на Польшу, захватит ее в течение одного-двух месяцев. В таком случае вскоре после начала войны германские войска окажутся на советской границе. Несомненно, Германия затем предложит западным державам сепарат-

¹³⁶ *Gafencu G. Last Days of Europe. New Haven, 1948. P. 220.*

¹³⁷ *Papers and Memoirs of Józef Lipski. P. 563—565.*

ный мир с условием, что ей предоставят свободу для наступления на восток»¹³⁸.

Настало 21 августа, т. е. намеченный день очередного заседания военных делегаций трех держав, но никакого ответа на поставленный советской делегацией «кардинальный вопрос» она не получила. Английская и французская миссии предприняли попытку снова перенести заседание.

Комментируя впоследствии события этого дня, П. Дракс отмечал: «Нашей главной целью было выиграть время и предотвратить полный провал переговоров»¹³⁹. И это происходило в условиях, когда на 26 августа было назначено нападение Германии на Польшу, о чем британское правительство было информировано.

Советская делегация не согласилась на перенос назначенного заседания, и оно состоялось. Английские и французские представители, предлагая на этом заседании отсрочить переговоры еще на 3—4 дня, стали ссылаться на то, что им, мол, необходимо согласовать свою позицию с правительствами других заинтересованных стран, т. е. Польши и Румынии.

В связи с такими утверждениями глава советской делегации сделал заявление, в котором указывалось, что намерением советской военной миссии было и остается договориться о практической организации военного сотрудничества вооруженных сил трех стран. Советская миссия еще раз отметила, что СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территории, ибо не существует других путей для того, чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора. «Если, однако,— сказал К. Е. Ворошилов,— этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР.

Ввиду изложенного ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны».

Глава советской делегации признал, что в создавшихся условиях действительно нет практической необходимости собираться на новые заседания до того, как будут полу-

¹³⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 7. S. 22.

¹³⁹ Naval Review. 1952. N 4. P. 406.

чены ответы от британского и французского правительств. Если будут получены положительные ответы, заявил он, «тогда придется наше совещание собрать как можно раньше»¹⁴⁰.

Поскольку английская и французская военные миссии так и не получили от своих правительств указаний, которые открывали бы возможность успешного завершения переговоров, то переговоры окончательно зашли в тупик.

* * *

Это означает, что Англия и Франция несут всю полноту ответственности за провал военных переговоров в Москве. Это признает даже член французской делегации А. Бофр¹⁴¹. Английский историк Дж. Хаслэм также констатирует, что англичане и французы, несомненно, «сами виноваты», что «упустили возможность» установления сотрудничества с Советским Союзом¹⁴². Хотя до нападения Германии на Польшу оставалось всего несколько дней, британские и французские мюнхенцы все еще строили свою политику в расчете на то, что им удастся найти базу для соглашения с Берлином. Между тем единственной державой, на войну с которой Германия в то время еще не решалась, был именно Советский Союз. Поэтому сотрудничество Англии и Франции с СССР могло остановить агрессоров. Народам многих стран пришлось дорогой ценой расплачиваться за эту близорукую политику незадачливых правителей западных стран¹⁴³.

¹⁴⁰ СССР в борьбе за мир... С. 626—627, 624.

¹⁴¹ *Beaufre A.* Op. cit. P. 180—181.

¹⁴² *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933—39. L., 1984. P. 228.

¹⁴³ Даже лорд Галифакс признал в годы второй мировой войны, касаясь нежелания британского правительства заключить союз с СССР в 1939 г.: «Это было ошибкой» (см.: *Birkenhead F. Halifax.* L., 1965. P. 440).

Глава X

НА ПОРОГЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ЯПОНСКИЕ ПЛАНЫ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР. РАЗГРОМ АГРЕССОРОВ У р. ХАЛХИН-ГОЛ

Одновременно с обострением обстановки в Европе продолжало осложняться положение и на Дальнем Востоке. Японские империалисты захватывали все новые и новые районы Китая, пытаясь распространить свое господство на всю страну. Наряду с военными мерами они прибегали и к дипломатическим, стремясь склонить правящие круги Китая к капитуляции. Более того, они пытались привлечь Китай к участию в «антикоминтерновском пакте», к борьбе против СССР. Под давлением народных масс, решительно выступавших за отпор агрессору, китайское правительство, хотя и не без колебаний, продолжало придерживаться курса на сопротивление японским захватчикам.

Особенно отрицательно на обстановке на Дальнем Востоке отразилась мюнхенская капитуляция Англии и Франции. Японские агрессоры наглядно убедились, что могут не опасаться какого-либо противодействия со стороны западных держав.

Неоднократные обращения Китая за помощью к западным державам никаких результатов не давали. В таких условиях правительство Китая по-прежнему было серьезно заинтересовано в получении помощи от СССР. Чан Кайши заявил в беседе с английским послом А. Кларком Керром, что он «не является другом России и лишь вынужденно идет на необходимость более глубокого вовлечения в события в этой части мира. Но он уверен, что настала такая необходимость»¹. Советский полпред в Китае И. Т. Луганец-Орельский отмечал 20 марта 1939 г. в письме в НКВД, что по-прежнему наблюдается глубокая надежда Чан Кайши «на войну между СССР и Японией». В письме отмечалось: «Этот вариант они считают самым наилучшим.

---

¹ DBFP. Ser. 3. Vol. 9. P. 52.

Чувствуется во всем, что как только это случится, то вся тяжесть будет переложена на наши плечи, а сами китайцы будут «дипломатическими» маневрами восстанавливать статус-кво»².

Впрочем, и так происходил процесс постепенного затухания активных действий чанкайшистских войск против японских агрессоров. Советское руководство, разумеется, учитывало нерешительную, колеблющуюся позицию правительства Чан Кайши. Но поскольку китайский народ все же продолжал борьбу против японских захватчиков, вносил свой вклад в общую борьбу против агрессоров, Советский Союз продолжал оказывать Китаю всестороннюю помощь, как дипломатическую, так и военную.

Вопрос о японской агрессии неоднократно обсуждался в Лиге наций, и Советское правительство неизменно оказывало Китаю при этом всю возможную поддержку.

В связи с очередным обсуждением китайского вопроса на сессии Совета Лиги наций НКИД писал 11 января 1939 г. полпреду во Франции Я. З. Сурицу, назначенному представителем СССР на этой сессии, что китайский представитель Веллингтон Ку намерен проявлять на ней «некоторую активность». «Вы будете, конечно, — указывалось в письме, — поддерживать предложение Ку... Поощряйте его, обещайте ему всяческое содействие». Пусть он предварительно выяснит позицию англичан и французов, и если они действительно проявят готовность принять более решительные меры против Японии, то «за нами дело не станет»³. На открывшейся вскоре сессии Совета Лиги советская делегация снова энергично выступила за оказание членами Лиги наций эффективной помощи Китаю⁴.

И. М. Майский, представлявший СССР на майской сессии Совета Лиги наций, также заявил 22 мая в соответствии с указаниями Советского правительства, что СССР поддерживает требования Китая об оказании ему помощи. Советская страна, заявил он, «всегда готова — и это сущность нашей политики — оказывать помощь жертвам агрессии»⁵.

13 июня 1939 г. Советское правительство предоставило Китаю новый крупный кредит (150 млн американских

---

² АВП СССР. Ф. 06. Оп. 1. Д. 137. Л. 156—157.

³ Там же. Д. 267. Л. 7—8.

⁴ Правда. 1939. 21 янв.

⁵ СССР в борьбе за мир... С. 410.

долларов) для покупки военных материалов⁶. По этому кредиту в Китай было отправлено более 300 самолетов, 500 пушек, 5700 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 850 грузовых автомашин и тракторов, а также большое количество бомб, снарядов, патронов, горюче-смазочных материалов и различные другие военные материалы⁷.

Большую помощь в организации китайской армии продолжали оказывать советские военные специалисты. В небе Китая героически сражались с японцами советские летчики-добровольцы. 16 июня между СССР и Китаем был подписан торговый договор⁸, в основу которого был положен принцип равенства и наибольшего благоприятствования. Подписание этого договора в тогдашних крайне трудных для Китая условиях имело для него большое не только экономическое, но и политическое значение. Договор стал новым свидетельством дружественного отношения Советского Союза к Китаю, готовности оказывать китайскому народу помощь и поддержку в борьбе против японских захватчиков. Особое значение этого договора для Китая предопределялось и тем, что это был первый действительно равноправный торговый договор Китая с великой державой. Он укрепил его позиции и в торговле с другими странами⁹.

В Китае высоко ценили поддержку Советского Союза. В письме председателя исполнительного юаня Китая Кун Сянси Председателю СНК СССР В. М. Молотову от 1 марта 1939 г. выражалась «глубочайшая благодарность» за «деятельное сочувствие и подлинную дружбу». Кун Сянси отмечал, что в результате «великолепной и ценной помощи» в виде боевых самолетов и других военных материалов Китай получил возможность «истощить агрессивные силы противника и продолжать длительную борьбу»¹⁰.

Что касается западных держав, то они по-прежнему проводили на Дальнем Востоке, как и в Европе, политику попустительства агрессии, хотя действия японских импе-

⁶ Советско-китайские отношения, 1917—1957: Сб. документов. М., 1959. С. 176—179.

⁷ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, Сентябрь 1938 г.— август 1939 г.: Документы и материалы. М., 1971. С. 691.

⁸ Сборник торговых договоров СССР. М., 1941. С. 242—248.

⁹ Подробнее см.: *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. М., 1977. С. 133—134.

¹⁰ СССР в борьбе за мир... С. 219.

риалистов были направлены не только против Китая, но и против их интересов.

Японские империалисты решили воспользоваться трудным положением, в котором оказалась Англия в связи с европейским кризисом, и усиленно начало вытеснять из оккупированных ими районов Китая английских конкурентов. В середине июня 1939 г. японские военные власти в Китае установили, в частности, блокаду английской концессии в Тяньцзине.

У британского правительства были две альтернативы: борьба за свои интересы или капитуляция. В ходе обсуждения этого вопроса 19 июня на заседании внешнеполитического комитета правительства Н. Чемберлен заявил, что следует «попытаться достичь соглашения с японцами», хотя такой курс и поставит Англию в унижительное положение¹¹. Таким образом, в Лондоне выбрали вторую альтернативу. Советский полпред в Лондоне отмечал в телеграмме в Москву от 24 июня, что позиция английского правительства в отношении событий в Тяньцзине «становится все более капитулянтской» и есть много оснований полагать, что ликвидация конфликта «пойдет мюнхенским путем»¹².

Естественным и надежным союзником Англии в борьбе против агрессии на Дальнем Востоке, как и в Европе, мог стать Советский Союз. Однако британское правительство не было расположено сотрудничать с СССР и на Дальнем Востоке. «Чем меньше во все это дело будет втянут СССР, тем лучше», — писал британский посол в Японии Р. Крейги¹³.

22 июля было подписано англо-японское соглашение, по которому правительство Чемберлена фактически признало японских оккупантов законной властью на захваченной ими территории Китая¹⁴. Это соглашение вошло в историю как дальневосточный Мюнхен.

Позиция западных держав на Дальнем Востоке мало чем отличалась от их политики в Европе. И там и тут шла борьба между двумя империалистическими группировками. И там и тут западные державы проявляли нежелание сотрудничать с СССР с целью обуздания агрессоров, шаг за шагом отступали, пытались откупиться от

¹¹ Public Record Office (London). Cab. 27/625, P. 149.

¹² СССР в борьбе за мир... С. 463—464.

¹³ DBFP. Ser. 3. Vol. 9. P. 57.

¹⁴ Ibid. P. 313.

агрессоров уступками за счет других государств. Наилучшим вариантом развития событий на Дальнем Востоке они считали японо-советский конфликт.

Надежды западных держав на нападение Японии на СССР были связаны, в частности, с тем, что между тремя агрессорами — Германией, Японией и Италией — шли переговоры о заключении военного союза.

В начале 1939 г. японское правительство возглавил К. Хиранума, который, представляя фашистски настроенные группировки в правящих кругах Японии, стремился к скорейшему заключению союза с фашистскими державами Европы¹⁵. Р. Зорге сообщал из Токио 23 января 1939 г., что японские военные круги раскололись на три основные группы. Первая группа требует сосредоточения усилий для захвата всего Китая. Вторая группа, представляющая Квантунскую армию, требует мира с Китаем и сосредоточения внимания на войне с СССР. Третья группа желает прекратить операции в Южном и Центральном Китае, сохранив за собой лишь Северный Китай как базу развертывания войны против СССР. К этой группе принадлежат также К. Хиранума и другие члены правительства¹⁶.

В начале апреля 1939 г. японское правительство работало и передало германскому правительству проект договора трех фашистских держав, из которого следовало, что договор направлен прежде всего против СССР¹⁷. Как сообщал 15 апреля из Токио Р. Зорге, позиция Японии заключалась в следующем: «В случае если Германия или Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий»¹⁸. Министр иностранных дел Японии Х. Арита в доверительной беседе с американским послом Дж. Грю заявил 18 мая 1939 г., что «если Советская Россия будет вовлечена в европейскую войну, то Япония со своей стороны сочтет невозможным остаться вне этой войны»¹⁹.

Поскольку Германия и Италия готовились сначала к войне с Францией и Англией, а не с СССР, а Япония была заинтересована в союзе прежде всего против СССР, пере-

¹⁵ Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961. С. 434—439.

¹⁶ СССР в борьбе за мир... С. 169—170.

¹⁷ Там же. С. 317, 355; *Toscano L.* Le origini del patto d'acciaio. Firenze, 1948. P. 104.

¹⁸ СССР в борьбе за мир... С. 334.

¹⁹ FRUS. Japan. 1931—1941. N. Y., 1943. Vol. 2. P. 2.

говоры о военном союзе трех фашистских держав затянулись. Германия и Италия, как уже указывалось, подписали 22 мая 1939 г. двусторонний военный союз. Но японо-германо-итальянские переговоры продолжались.

Позиция Японии в отношении СССР становилась все более воинственной. Япония вела направленную против Советского Союза деятельность во всех соседних с ним государствах. Итальянский военно-морской атташе в Японии Г. Джорджис писал 27 мая 1939 г., что для Японии «врагом № 1» является Россия. «Маньчжоу-Го было образовано, — писал он, — как исходная база для нападения на Россию». В Японии принята громадная программа расширения вооруженных сил, с тем «чтобы она могла вести войну на два фронта, т. е. в Китае и против России»²⁰.

Советский военно-морской атташе в Японии А. С. Ковалев сообщал в Москву, что японские военные деятели публично выступают с угрозами по адресу СССР. Японскому общественному мнению, писал он, внушается мысль о слабости советских войск и необходимости вооруженного выступления против СССР²¹.

Как признал на Токийском процессе главных японских военных преступников подполковник генерального штаба Японии Седзима, основной замысел японского командования против СССР на 1939 г. заключался в том, чтобы, сосредоточив силы в Восточной Маньчжурии, «захватить Ворошилов, Владивосток и Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку»²².

В первых числах мая 1939 г. японский генеральный штаб получил указание императора начать военные действия против Монгольской Народной Республики в районе р. Халхин-Гол²³. Японские войска начали с вооруженных нарушений границ МНР. 19 мая Председатель СНК и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, вызвав японского посла М. Сигемицу, сделал ему серьезное предупреждение. Он напомнил о существовании между СССР и МНР протокола о взаимной помощи²⁴. 31 мая 1939 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, В. М. Молотов заявил: «... границу Монгольской Народной Рес-

²⁰ I documenti diplomatici italiani. Ser. 8. Vol. 12. P. 37—38.

²¹ СССР в борьбе за мир... С. 517.

²² Внешняя политика Советского Союза, 1948 год. М., 1950. Ч. 1. С. 455.

²³ Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. L., 1971. P. 702.

²⁴ СССР в борьбе за мир... С. 406.

публики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу»²⁵.

Вскоре стало очевидным, что японцы намерены захватить часть территории МНР. Советский Союз без промедления пришел на помощь своему союзнику. В Монгольскую Народную Республику были направлены крупные части советских войск. В течение нескольких месяцев между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками шли на территории МНР ожесточенные бои. О масштабах этих боев свидетельствует то обстоятельство, что с мая по сентябрь японцы потеряли около 61 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, 660 самолетов, а также значительное количество другой военной техники²⁶.

Начав 24 августа решительное контрнаступление, Советские Вооруженные Силы в сотрудничестве с монгольскими войсками нанесли сокрушительный удар японо-маньчжурским агрессорам. К концу августа вся территория МНР была очищена от захватчиков. СССР продемонстрировал верность своему интернациональному долгу, своим союзническим обязательствам.

Разгром японо-маньчжурских войск у р. Халхин-Гол не означал, однако, конца вооруженного конфликта. Японские агрессоры не хотели мириться с поражением, прекращать военные действия. Японское правительство приняло решение, что в случае войны между СССР и Германией Япония готова автоматически принять в ней участие²⁷. Поэтому положение на советских дальневосточных границах оставалось крайне напряженным.

Таким образом, СССР находился перед серьезной опасностью войны одновременно на своих западных и восточных рубежах.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ

Советское правительство делало летом 1939 г. все возможное, чтобы договориться о политическом и военном сотрудничестве с Англией и Францией в целях предотвраще-

²⁵ Правда. 1939. 1 июня.

²⁶ История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1974. Т. 2. С. 219.

²⁷ ADAP. Ser. D. Baden-Baden, 1956. Bd. 6. S. 546.

ния германской агрессии, сохранения мира. К сожалению, эти усилия Советского правительства из-за политики реакционных правящих кругов Англии и Франции, по-прежнему не желавших сотрудничать с СССР, не увенчались успехом.

СССР фактически продолжал оставаться в положении международной изоляции, в котором он оказался в результате мюнхенского сговора Англии и Франции с германскими и итальянскими агрессорами. Более того, Советское правительство должно было учитывать, что в случае войны с Германией СССР может подвергнуться нападению и со стороны Японии. Таким образом, Советское государство оказалось перед угрозой войны на два фронта. К тому же продолжала существовать опасность антисоветского сговора всего лагеря империализма.

Важнейшая задача советской дипломатии заключалась в том, чтобы сорвать антисоветские планы империалистических держав. Поскольку установить сотрудничество с Англией и Францией не удалось, приходилось считаться с опасностью начала войны, причем в ближайшие же дни. А это означало, что теперь надо было думать уже и о том, как в максимально возможной степени обеспечить безопасность СССР в случае, если бы действительно разразилась война, т. е. фашистская Германия напала бы на Польшу. В таких условиях Советское правительство было бы заинтересовано в том, чтобы по возможности дальше отодвинуть сроки нападения Германии на СССР, ограничить сферу распространения назревавшего военного конфликта. Советская дипломатия обязана была принять меры к тому, чтобы Советский Союз не оказался втянутым в войну одновременно на западе и на востоке в крайне невыгодных международных условиях.

Определенные возможности для этого имелись: с начала 1939 г. германское правительство проявляло заинтересованность в том, чтобы постепенно ослабить напряженность в отношениях с СССР. Как видно из высказываний Гитлера и его приближенных, Советский Союз был на Европейском континенте единственной страной, развязывать войну с которой нацистская Германия считала пока невозможным, ибо сил для этого у нее было недостаточно.

С целью направить германскую агрессию против СССР пропагандистская машина западных держав неустанно твердила о слабости Красной Армии, о непрочности советского тыла. Со страниц газет этих держав не сходили

утверждения о том, что СССР — это колосс на глиняных ногах. Нацистского главаря пытались убедить, что он с легкостью разделается с Советским Союзом. Однако фашистского канцлера убедить им не удалось, а в плену этих басен оказались сами их авторы. Так, лорд Галифакс утверждал 4 июля 1939 г. на заседании внешнеполитического комитета британского правительства, что «Гитлер очень низко оценивает Россию с военной точки зрения»²⁸. Отсюда делался вывод: фашистская Германия намерена начать войну против СССР. Н. Чемберлен и его сторонники принимали желаемое за действительное. Это была игра с огнем, точнее — мировым пожаром.

Немало писали до этого о слабости СССР и нацисты, подогревая надежды правящих кругов западных держав на то, что в фашистском рейхе только о том и думают, как бы скорее покончить с Советским государством. Когда же надо было не на словах, а на деле решать вопрос, кто из противников слабее, с кем война менее опасна, то оказалось, что Германия была готова помериться силами с кем угодно, но только не с Советским Союзом. В сводке германского генштаба от 28 января 1939 г., например, говорилось: «Русские вооруженные силы военного времени в численном отношении представляют собой гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определены. Богатые источники страны и глубина оперативного пространства — хорошие союзники»²⁹.

Германское военное руководство, учитывая мощь Красной Армии, считало, что борьба против Советского государства требует предварительного усиления военного потенциала Германии: увеличения числа дивизий, выпуска новой техники и необходимого количества боеприпасов.

Об этом же свидетельствовали заключения германских генералов В. Кейтеля и В. Браухича. На вопрос канцлера, чем кончится дело, если рейх нападет на Польшу, а Франция и Англия придут ей на помощь, оба генерала ответили, что Германия покончит с Польшей в течение месяца. В. Кейтель считал, что Германия разгромит затем также Францию и Англию. Тогда канцлер задал еще один вопрос: что случится, если против Германии выступит

---

²⁸ Public Record Office. Саб. 27/625. P. 246.

²⁹ *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса»: Докум. повесть. М., 1972. С. 95.

также СССР? Генерал Браухич ответил, что в таком случае «Германия потерпит поражение»³⁰.

Нацисты понимали, что в случае установления тесного сотрудничества между СССР, Англией и Францией осуществление агрессивных планов Германии оказалось бы невозможным. Ссылаясь на высказывания Гитлера, начальник штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдер говорил: «Трудно поверить в пакт между англичанами и русскими, но это — единственная мера, которая теперь может остановить Гитлера»³¹.

Французский посол в Германии Р. Кулондр писал в МИД Франции, что Гитлер пойдет на риск войны, если ему не надо будет сражаться с Россией. Если же ему будет известно, что он должен будет воевать и с ней, то он «отступит»³². Уполномоченный И. Риббентропа при ставке Гитлера В. Хевель цитировал высказывания фашистского канцлера, что в случае завершения переговоров в Москве заключением союза между западными державами и СССР он вынужден будет отказаться от нападения на Польшу. Если же западные державы не подпишут союза с СССР, то, заявил канцлер, путь для разгрома Польши будет открыт³³. Это подтверждается и документами стат-секретаря МИД Германии Э. Вайцзеккера³⁴.

Не считая пока Германию достаточно подготовленной для нападения на СССР, канцлер заявил И. Риббентропу, что «необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый рапалльский этап» и «проводить с Москвой в течение определенного времени политику равновесия и экономического сотрудничества»³⁵. Как писал Э. Вайцзеккер, германские руководители и дипломаты «начали ухаживать за русскими»³⁶.

Это скоро стало заметно по тону германской печати. Постепенно из немецких газет стали исчезать высказывания об агрессивных планах Германии в отношении Украины, как и столь свойственные для них различные антисоветские инсинуации. На дипломатическом приеме 12 января 1939 г. германский канцлер в течение нескольких минут беседовал с советским полпредом А. Ф. Мере-

³⁰ DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 2.

³¹ *Mosley L.* On Borrowed Time. N. Y., 1969. P. 252.

³² Documents diplomatiques, 1938—1939. P., 1939. P. 150—151.

³³ *Kordt E.* Nicht aus den Akten. Stuttgart, 1950. S. 310.

³⁴ Die Weizsäcker-Papiere. Frankfurt a. M., 1974. S. 181.

³⁵ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 465.

³⁶ Die Weizsäcker-Papiere. S. 176.

каловым, чего он раньше в аналогичных случаях никогда не делал. Канцлер впоследствии признавал, что еще на этом приеме он начал вести дело к достижению договоренности с СССР. Характерным был и тот факт, что в его речи 20 января не было обычных для него нападок на Советский Союз, не было их и в речи Гитлера 28 апреля.

Германские представители в беседах с советскими дипломатами начали заговаривать о стремлении к расширению торговых связей и вообще к улучшению отношений с СССР. П. Клейст, советник И. Риббентропа, получил от него 7 апреля соответствующие указания³⁷. 5 мая заведующий восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела германского министерства иностранных дел Ю. Шнурре информировал поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова³⁸ о согласии германской стороны на то, чтобы завод «Шкода» выполнил советские заказы³⁹, сделанные до прекращения существования чехословацкого государства. Такое заявление было весьма симптоматичным, тем более что речь шла о поставках — хотя и незначительных — военных материалов⁴⁰. В тот же день нацистский министр пропаганды Геббельс очередной раз инструктировал редакторов газет не публиковать враждебные высказывания в отношении Советского Союза⁴¹. Во время встречи с министром иностранных дел Италии Г. Чиано И. Риббентроп заявил, что он будет стремиться к ослаблению напряженности в отношениях с СССР⁴².

9 мая Г. А. Астахов посетил в отделе печати МИД Германии Б. фон Штумма, чтобы представить ему нового корреспондента ТАСС И. Ф. Филиппова. В ходе беседы Б. Штумм отметил следующие моменты, характерные для изменения германской политики в лучшую сторону: улучшение тона германской прессы в отношении СССР, отсутствие агрессивных намерений Германии в отношении

³⁷ Kleist P. Die europäische Tragödie. Pr. Oldendorf, 1971. S. 22—23.

³⁸ В апреле 1939 г. советский полпред А. Ф. Мерекалов покинул Берлин, и в течение продолжительного периода полпредство возглавлял временный поверенный в делах Г. А. Астахов.

³⁹ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 355.

⁴⁰ Максимычев И. Ф. Дипломатия мира против дипломатии войны: Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933—1939 годах. М., 1981. С. 238.

⁴¹ Fabry Ph. W. Die Sowjetunion und das Dritte Reich: Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. Stuttgart, 1971. S. 68—69.

⁴² Ibid.

Прибалтики (предстоящее заключение пактов о ненападении с Латвией и Эстонией) и Украины⁴³. Б. Штумм говорил о желательности улучшения германо-советских отношений. Г. А. Астахов заметил на это, что советская сторона видит во всем этом пока краткосрочный тактический маневр. Она никогда не уклоняется от улучшения отношений. Однако, поскольку германская сторона по своей инициативе вызвала ухудшение отношений, от нее и зависит в основном их улучшение⁴⁴.

12 мая 1939 г. Г. А. Астахов сообщал в Москву: «Немцы стремятся создать впечатление о наступающем или даже о наступившем потеплении германо-советских отношений. Отбросив все нелепые слухи, фабрикуемые здесь немцами или досужими иностранными корреспондентами, пока можно констатировать как несомненный факт лишь одно — это заметное изменение тона германской прессы в отношении нас». «Но, отмечая эти моменты, — писал Г. А. Астахов, — мы, конечно, не можем закрывать глаза на исключительную их поверхностность, ни к чему не обязывающий немцев характер... Слишком уж ясны мотивы, заставляющие немцев изменить тон в отношении нас, чтобы к этому можно было относиться достаточно серьезно»⁴⁵.

Мотивы эти были изложены нацистским канцлером, в частности, в разговоре с его адъютантом Н. фон Беловым. «В наших интересах, — сказал он, — установление взаимопонимания с Россией, так как мы таким путем могли бы изолировать Польшу и одновременно отпугнуть Англию»⁴⁶. О заинтересованности Германии в нормализации отношений с СССР И. Риббентроп заявил 17 мая папскому нунцию в Берлине Ц. Орсениго⁴⁷.

Представители германского правительства снова и снова затрагивали в беседах с советскими дипломатами во-

---

⁴³ В марте 1939 г. с согласия Германии к Венгрии была присоединена Закарпатская Украина, которая до этого рассматривалась в Германии как составная часть вассального украинского государства, создание которого планировалось в Берлине после Мюнхена.

⁴⁴ *Панкрашова М. И.* В канун второй мировой войны, 1939 г. // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 116.

⁴⁵ *Андросов И. Ю.* Накануне второй мировой войны // Вопр. истории. 1972. № 9. С. 137.

⁴⁶ *Below N. v. Als Hitlers Adjutant, 1937—1945.* Mainz, 1980. S. 170.

⁴⁷ *Stehle H.* Die Ostpolitik des Vatikans: Geheimdiplomatie der Päpste von 1917 bis heute. Bergisch Gladbach, 1983. S. 228.

прос об улучшении германо-советских отношений. Так, 17 мая Ю. Шнурре в беседе с Г. А. Астаховым попытался затронуть «тему об улучшении советско-германских отношений» и, начав «заверять об отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР», спросил, что нужно сделать, чтобы рассеять недоверие с советской стороны. Однако Г. А. Астахов заявил, что Советское правительство не имеет «данных о коренном изменении германской политики», и холодно заметил, что улучшение атмосферы в отношениях между двумя странами зависит от германского правительства⁴⁸.

20 мая германский посол в Москве Ф. Шуленбург поставил перед В. М. Молотовым вопрос о возобновлении экономических переговоров. С этой целью предлагался приезд в Москву Ю. Шнурре. Однако Советское правительство не считало возможным из-за напряженности политической атмосферы в отношениях между СССР и Германией вести переговоры о расширении торгово-экономических связей между обеими странами. В. М. Молотов обратил на это внимание германского посла. Он отметил, что экономические переговоры с Германией в последнее время начинались несколько раз, но неизменно оказывались безрезультатными. Нарком заявил послу, что у него создается впечатление, что германское правительство вместо деловых переговоров по торгово-экономическим вопросам ведет своего рода игру. Для такой игры, сказал он, Германии следовало бы поискать в качестве партнера другую страну, а не СССР, который в игре такого рода участвовать не собирается. Советское правительство пришло к выводу, сказал В. М. Молотов, что «для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»⁴⁹.

Отрицательный ответ, хотя немцы и были готовы к нему, обескуражил их. В Берлине начали планировать следующие «ходы». 25 мая И. Риббентроп информировал Э. Вайцзеккера и директора юридического отдела министерства иностранных дел Германии Ф. Гауса, что Гитлер выразил заинтересованность в том, чтобы «установить между Германией и Советским Союзом более терпимые отношения»⁵⁰. Э. Вайцзеккер писал в тот же день, что не-

⁴⁸ История внешней политики СССР. М., 1986. Т. 1. С. 383.

⁴⁹ Там же; Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 117; ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 454, 465—466.

⁵⁰ *Parkinson R. Peace for our Time. L., 1971. P. 151.*

обходимо принять меры, чтобы попытаться осложнить русско-англо-французские переговоры. Он считал полезным, чтобы советник германского посольства в Москве Х. Хильгер, находившийся в Берлине с целью подготовки материалов для переговоров с СССР о расширении торговых отношений, по возвращении в Москву провел зондаж, заявив, что «между Германией и Россией открыты все возможности». Кроме того, через итальянского посла в Москве А. Россо можно было бы «дать понять о готовности немцев к немецко-русским контактам»⁵¹.

Однако Э. Вайцеккер выражал опасения, что новое обращение к СССР связано «с опасностью повторного отказа»⁵². В письме германскому послу в СССР 27 мая Э. Вайцеккер отмечал, что новое немецкое обращение может вызвать в Москве саркастический смех⁵³. Поэтому Ф. Шуленбургу предписывалось проявлять пока «полную сдержанность»⁵⁴.

С одобрения Гитлера очередной зондаж было решено предпринять в Берлине. 30 мая Э. Вайцеккер отметил в беседе с Г. А. Астаховым, что Германия сняла с повестки дня «украинский вопрос», устранив этим повод для войны между двумя странами. Он сказал, что есть возможность улучшить советско-германские отношения. «Если Советское правительство хочет говорить на эту тему, то такая возможность имеется. Если же оно идет по пути «окружения» Германии вместе с Англией и Францией и хочет идти против Германии, то Германия готовится к этому»⁵⁵.

После беседы Э. Вайцеккер записал в своем дневнике, что германское правительство «вносит инициативные предложения», но русские по-прежнему «проявляют недоверие»⁵⁶.

Г. А. Астахов же сообщил в Москву, что смысл слов Вайцеккера заключается в том, чтобы весьма осторожно прозондировать возможность переговоров с Советским Союзом об улучшении отношений и удержать его от сближения с Англией. В то же время немецкие представители

---

⁵¹ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 488.

⁵² Ibid. S. 497.

⁵³ Ibid. S. 498.

⁵⁴ Ibid. S. 493.

⁵⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941 — 1945. М., 1960. Т. 1. С. 174.

⁵⁶ Die Weizsäcker-Papiere. S. 154.

воздерживаются «от каких бы то ни было обязывающих заявлений»⁵⁷.

Посетив 2 июня наркома внешней торговли А. И. Микояна, Х. Хильгер сообщил о готовности германского правительства возобновить торговые переговоры с СССР⁵⁸. 17 июня Х. Хильгер официально известил А. И. Микояна, что германское правительство готово послать в Москву Ю. Шнурре «с полномочиями вести переговоры о расширении и углублении экономических отношений между рейхом и Советским Союзом и, в случае достижения согласованных основ, заключить договор». «Из факта посылки полномочного германского представителя, — сказал он, — мы просим Советское правительство сделать вывод, что германское правительство считается с позитивными результатами на расширенной основе и стремится к этому». Однако, как сообщал в Берлин Х. Хильгер, А. И. Микоян снова заявил, что Советское правительство не уверено, что с немецкой стороны не продолжается лишь политическая игра⁵⁹.

Учитывая такую позицию Советского правительства, несколько дней спустя Э. Вайцеккер констатировал в письме германскому послу в Италии Х. Маккензену, что и в экономических вопросах русские занимают осторожную позицию⁶⁰.

Прибыв в Берлин за новыми инструкциями, Ф. Шуленбург говорил Г. А. Астахову 17 июня о немецких предложениях еще более определенно⁶¹. Германский посол подчеркнул то значение, которое имело бы возобновление экономических переговоров. Касаясь беседы Астахова с Вайцеккером, Шуленбург спросил, почему Советское правительство не дает ответа на поставленные Вайцеккером вопросы. Никакого ответа на них он, однако, так и не получил. Ф. Шуленбург констатировал в записи этой беседы, что Астахов снова отметил господствующее в Москве «большое недоверие» к политике Германии⁶².

Возвратившись в Москву, 28 июня Ф. Шуленбург посетил наркома иностранных дел СССР. Он сказал, что в результате бесед в Берлине, особенно с И. Риббентропом,

---

⁵⁷ Цит. по: Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 118.

⁵⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 507, 522.

⁵⁹ Ibid. S. 624.

⁶⁰ Ibid. S. 667.

⁶¹ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 383—384.

⁶² ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 619.

убедился, что с немецкой стороны приветствовали бы «нормализацию отношений между Германией и Советской Россией». Об этом отчетливо заявил Э. Вайцзеккер Г. А. Астахову. О такой позиции свидетельствуют корректный тон германской печати в отношении Советского Союза и желание возобновить экономические переговоры. Ф. Шуленбург заявил, что «Германия не имеет против Советского Союза каких-либо враждебных намерений», и упомянул, в частности, о существовании советско-германского договора 1926 г. о нейтралитете. В связи с этим В. М. Молотов переспросил, действительно ли посол уверен, что этот договор все еще остается в силе. Ф. Шуленбург ответил, что не имеет никаких оснований сомневаться в том, что договор о нейтралитете продолжает действовать. Нарком сказал, что принимает это к сведению, отметив, что у Советского правительства были в этом отношении сомнения. Касаясь упоминания Шуленбурга о том, что Германия заключила (7 июня) договоры о ненападении с Латвией и Эстонией, нарком отметил, что, учитывая опыт с германо-польским договором (он был разорван Германией 28 апреля 1939 г.), можно усомниться в прочности договоров. Шуленбург сказал, что еще со времени беседы Э. Вайцзеккера с Г. А. Астаховым германская сторона ожидает ответа на поставленные ею вопросы, но никакого ответа не получила и на этот раз⁶³.

Через день МИД Германии послал Ф. Шуленбургу срочное указание о том, что «в политической области пока до дальнейших указаний сказано достаточно» и что на данном этапе с немецкой стороны не следует заводить новые разговоры⁶⁴. И целый месяц немцы не решались больше обращаться по этим вопросам к Советскому правительству. В Берлине опасались получить от советской стороны «унижающий ответ»⁶⁵ и считали дело безнадежным⁶⁶.

Советник германского посольства в СССР В. фон Типпельскирх, прибыв в Берлин, отмечал в беседе с Ю. Шнурре, что германское посольство в Москве «сделало все возможное», но безрезультатно⁶⁷. Ю. Шнурре

⁶³ Ibid. S. 673—674; *Андросов И. Ю.* Накануне второй мировой войны // *Вопр. истории.* 1972. № 10. С. 100.

⁶⁴ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 680.

⁶⁵ *Irving D.* The War Path: Hitler's Germany, 1933—1939. L., 1978. P. 231.

⁶⁶ *Fabry Ph. W.* Op. cit. S. 72.

⁶⁷ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 764.

со своей стороны констатировал в записке от 30 июня, что главной причиной сдержанных ответов русских является, должно быть, нежелание вести одновременно с происходящими в Москве переговорами с англичанами и французами также германо-советские переговоры ⁶⁸.

В Берлине решили начать очередной зондаж по экономической линии. 7 июля германскому посольству в Москве были посланы соответствующие указания. Германское правительство выражало готовность предоставить Советскому Союзу кредит в размере 200 млн рейхсмарок для размещения в Германии советских заказов. Оно заверяло, что германская промышленность будет в состоянии выполнить эти заказы ⁶⁹. 10 июля Х. Хильгер информировал об этом А. И. Микояна. Он изложил конкретные предложения об условиях кредита и поставках ⁷⁰.

Дальнейшие торговые переговоры вел заместитель торгового представителя СССР в Германии Е. Бабарин. 22 июля в советской печати было опубликовано сообщение о начавшихся в Берлине переговорах о торговле и кредите ⁷¹.

В тот же день германское министерство иностранных дел телеграфировало посольству в Москве, что торговые переговоры будут вестись с немецкой стороны в духе ясно выраженной предупредительности, так как желательно скорейшее заключение соглашения. Одновременно Ф. Шуленбургу давались указания о том, что он снова должен попытаться начать переговоры также по политическим вопросам ⁷².

Встревоженные тем, что в это время в переговорах между правительствами СССР, Англии и Франции была достигнута договоренность о подписании одновременно с политическим соглашением также и военного соглашения, в Берлине решили снова усилить зондаж и по политическим вопросам. Сотрудник германского посольства в Москве Х. Херварт впоследствии писал, что Гитлер опасался оказаться в случае нападения на Польшу перед общим фронтом трех великих держав ⁷³.

---

⁶⁸ Ibid. S. 687.

⁶⁹ Ibid. S. 729—730.

⁷⁰ Ibid. S. 745, 787.

⁷¹ Правда. 1939. 22 июля.

⁷² ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 803.

⁷³ Herwarth H. Erlebte Zeitgeschichte. 1931 bis 1945. Frankfurt a. M., 1982. S. 165.

25 июля Г. А. Астахов сообщил в Москву, что накануне Ю. Шнурре со ссылкой на Риббентропа заявил «о необходимости улучшения политических отношений между СССР и Германией» и выразил разочарование, что «все попытки германской стороны заговорить на эту тему Наркоминдел оставляет без ответа»⁷⁴.

На следующий день Шнурре пригласил Г. А. Астахова и И. Е. Бабарина на обед. Сославшись на советско-германское сотрудничество в 20-е годы, Шнурре сказал, согласно имевшимся у него указаниям, что такое сотрудничество возможно и теперь. Он изложил три предполагаемых этапа его развития: восстановление экономического сотрудничества; нормализация и улучшение политических отношений; восстановление хороших политических отношений на основе договора 1926 г. или их новое урегулирование с взаимным учетом наиболее важных политических интересов. Г. А. Астахов отметил, что Советский Союз имеет серьезные опасения. Он напомнил об «антикоминтерновском пакте», германо-японских связях, мюнхенском соглашении, которое могло иметь для СССР серьезные последствия. Для Советского Союза представляет опасность политика Германии в Финляндии, Прибалтийских государствах и Румынии. Поэтому в Москве не считают возможным полагаться на изменение политики Германии⁷⁵.

В последующие дни Берлин стал требовать от Ф. Шуленбурга скорейшего возобновления контактов в Москве. 29 июля и затем снова 31 июля Э. Вайцзеккер послал ему соответствующие указания⁷⁶. Однако попытки Ф. Шуленбурга добиться принятия его В. М. Молотовым остались в те дни безрезультатными.

В таких условиях 2 августа Г. А. Астахов был приглашен к И. Риббентропу. Германский министр заявил, что между СССР и Германией нет неразрешимых вопросов «на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского. По всем этим вопросам можно договориться, если Советское правительство разделяет эти предпосылки». И. Риббентроп не скрывал, что Германия вела в то время тайные переговоры с Англией и Францией. Но он заявил, что «немцам было бы легче разговаривать с русскими, несмотря на все различия в идеологии, чем с англи-

---

⁷⁴ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 384.

⁷⁵ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 847; *Вопр. истории.* 1972. № 10. С. 103.

⁷⁶ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 854—855, 861.

чанами и французами». Далее И. Риббентроп прибег к недвусмысленным угрозам. «Если у вас другие перспективы, — говорил он, — если, например, вы считаете, что лучшим способом урегулирования отношений с нами является приглашение в Москву англо-французских военных миссий, то это, конечно, дело ваше. Что касается нас, то мы не обращаем внимания на крики и шум по нашему адресу в лагере так называемых западноевропейских демократий. Мы достаточно сильны и к их угрозам относимся с презрением и насмешкой. Мы уверены в своих силах; нет такой войны, которую мы бы не выиграли»⁷⁷.

На следующий день германский посол поставил эти вопросы и перед В. М. Молотовым. Нарком, отметив, что предложения посла о нормализации советско-германских отношений совпадают с желанием Советского правительства, тут же заявил, что ухудшение этих отношений произошло не по вине Советского правительства. Он указал на «антикоминтерновский пакт» и привел примеры антисоветского курса внешней политики Германии: поддержка и поощрение агрессивной политики Японии в отношении СССР и мюнхенское соглашение. В. М. Молотов спросил, как все это может быть поставлено в один ряд с заверениями посла об отсутствии у Германии враждебных замыслов против СССР⁷⁸. Сообщая в Берлин об этой беседе, Шуленбург сделал вывод о том, что в Москве по-прежнему наблюдается недоверие к Германии и что Советское правительство «преисполнено решимости договориться с Англией и Францией»⁷⁹.

Э. Вайцеккер отмечал в своем дневнике 6 августа, что немцы прилагают все более настойчивые усилия, чтобы договориться, но Москва оставляет эти зондажи без ответа⁸⁰.

Касаясь одной из причин такой позиции Советского правительства, Ф. Шуленбург писал, что в Москве «в каждом слове и на каждом шагу заметно очень сильное недоверие к нам. То, что это так, мы знали, правда, давно». Несчастье заключается в том, что недоверие возбуждается очень легко, «а рассеять его можно лишь с трудом

---

⁷⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1, С. 174; ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 883—884.

⁷⁸ Вopr. истории. 1972. № 10. С. 104; ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 892—894.

⁷⁹ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 894.

⁸⁰ Die Weizsäcker-Papiere. S. 157—158.

и постепенно»⁸¹. О естественном недоверии, которое в Москве испытывали в отношении Германии, в Берлин поступили сведения также из финляндских источников. Так, немцам стало известно, что В. М. Молотов в те дни в беседе с финляндским посланником в Москве отметил, что в СССР опасаются нападения немцев на Ленинград через Финляндию ⁸².

Документы свидетельствуют о том, что Советское правительство хорошо представляло себе замыслы гитлеровцев. Так, 8 августа 1939 г. Г. А. Астахов сообщал в Москву, что фашистские руководители, разумеется, не собираются «всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обязательства. Я думаю лишь, что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым идти на известную договоренность... Что же касается дальнейшего, то тут дело зависело бы, конечно, не от этих обязательств, но от новой обстановки, которая создалась бы». Г. А. Астахов отмечал, что немцев «явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными и они не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы предотвратить эвентуальное военное соглашение. Ради этого они готовы сейчас, по-моему, на такие декларации и жесты, какие полгода тому назад могли казаться совершенно исключенными»⁸³.

Даже западные исследователи и публицисты вынуждены признать исключительную сложность положения Советского Союза в связи с нежеланием западных держав пойти на сотрудничество с ним в деле защиты мира в Европе. Вот, например, как освещает этот вопрос в своей книге о начале второй мировой войны английский историк Л. Мосли. Касаясь усиления недоверия СССР к политике Англии и Франции, он пишет, что советские руководители понимали, что «не могут доверять ни той ни другой стороне. Они опасались, что затягивающие переговоры представители западных держав и стремящиеся уговорить берлинские политики в любой момент могут оказаться просто обманщиками и снова сговориться, как они уже сделали это в Мюнхене, оставив русских в еще большей изоляции, чем когда-либо. Нужна была осторожность»⁸⁴.

---

⁸¹ ADAP. Ser. D. Bd. 6. S. 905.

⁸² Ibid. S. 903.

⁸³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. С. 174—175.

⁸⁴ Mosley L. Op. cit. P. 228.

По-прежнему оставляя без ответа зондажи германских дипломатов, Советское правительство продолжало упорно добиваться, как показано выше, успешного завершения англо-франко-советских переговоров. Но в середине августа стало совершенно очевидно, что договориться с Англией и Францией о заключении договора о взаимопомощи и связанной с ним военной конвенции невозможно.

Образовался своего рода заколдованный круг: Англия и Франция добивались соглашения с Германией, но Берлин не проявлял заинтересованности; Германия стремилась к нормализации отношений с СССР, но Советское правительство не реагировало на германские предложения; СССР добивался заключения договора о взаимной помощи с Англией и Францией, но они уклонялись от подписания такого договора.

О нежелании Англии и Франции стать на путь сотрудничества с Советским Союзом неопровержимо свидетельствуют приведенные выше документы британского правительства, открытые теперь (хотя и не полностью) для исследователей. Среди высказываний Н. Чемберлена, Галифакса и других английских министров на заседаниях правительства и его внешнеполитического комитета, а также среди вносившихся на их рассмотрение меморандумов нет ни одного заявления и документа, который свидетельствовал бы о стремлении британского правительства заключить с СССР эффективный договор о взаимной помощи против германской агрессии. Напротив, они неоспоримо доказывают, что английские правящие круги преследовали в переговорах с СССР совсем другие цели.

Вплоть до середины августа 1939 г., пока существовала хоть какая-то надежда на заключение англо-франко-советского договора, Советское правительство не реагировало на немецкие зондажи. Однако, когда полностью выяснилась бесплодность переговоров с Англией и Францией, игнорировать германские обращения стало невозможно.

Германская дипломатия проявляла все большую активность. 14 августа 1939 г. Ф. Шуленбург получил указание И. Риббентропа срочно посетить советского наркома иностранных дел. Ему поручалось сделать заявление, что Англия и Франция вновь пытаются втравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 г. эта политика имела для России плохие последствия. Интересы Германии и СССР требуют, чтобы они избежали взаимного

растерзания в угоду западным державам. Рисуя, таким образом, последствия войны между Германией и СССР, германское правительство выражало готовность урегулировать отношения с Советским Союзом и направить для этой цели в Москву И. Риббентропа⁸⁵. На следующий день германский посол зачитал это заявление В. М. Молотову. Сообщая об этом в Берлин, Ф. Шуленбург отмечал, что, хотя нарком приветствовал намерения Германии улучшить отношения с СССР, он тем не менее не дал конкретных ответов на поставленные вопросы, в том числе о возможности приезда в Москву германского министра иностранных дел⁸⁶.

Берлин начал проявлять явное нетерпение. Гитлер заявил своим приближенным, что в случае необходимости он и сам готов поехать в Москву⁸⁷.

17 августа Ф. Шуленбург снова явился к наркому иностранных дел СССР. Он подтвердил готовность Германии заключить с СССР пакт о ненападении и гарантировать вместе с СССР суверенитет Прибалтийских государств. Германское правительство обещало также оказать влияние на Японию в целях нормализации японо-советских отношений. Ф. Шуленбург сообщил, что министр иностранных дел Германии Риббентроп готов прибыть в Москву 18 августа или в последующие дни⁸⁸.

Германскому послу был дан ответ, что улучшение советско-германских отношений должно осуществляться постепенно посредством ряда политических шагов, а приезд германского министра невозможен без предварительной тщательной подготовки. При этом В. М. Молотов снова напомнил о многолетней антисоветской направленности внешней политики Германии⁸⁹.

19 августа в Берлине было подписано советско-германское торгово-кредитное соглашение. Германия предоставила Советскому Союзу кредит в размере 200 млн марок сроком на семь лет для закупки в течение двух лет германских товаров⁹⁰.

---

⁸⁵ ADAP. Ser. D. Bd. 7. S. 51—52; История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. С. 175.

⁸⁶ ADAP. Ser. D. Bd. 7. S. 64.

⁸⁷ *Speer A. Erinnerungen.* Frankfurt a. M., 1969. S. 176.

⁸⁸ ADAP. Ser. D. Bd. 7. S. 95.

⁸⁹ Вопр. истории. 1972. № 10. С. 108; ADAP. Ser. D. Bd. 7. S. 95—96.

⁹⁰ Известия. 1939. 21 авг.

Выполняя поручение И. Риббентропа, в тот же день Ф. Шуленбург еще раз настаивал в беседе с В. М. Молотовым на немедленном приезде германского министра в Москву⁹¹, но снова безрезультатно.

Исчерпав другие возможности, решил вступить в дело Гитлер. 20 августа он обратился к И. В. Сталину с посланием, где говорилось, что в любой день может «разразиться кризис», в который может оказаться вовлеченным и Советский Союз, если он не согласится на подписание с Германией договора о ненападении. «Поэтому я еще раз предлагаю Вам,— говорилось в послании,— принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее — в среду 23 августа. Имперский министр иностранных дел будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении»⁹².

Продолжать и дальше отклонять германские предложения было для СССР уже невозможно. Тем более что на Дальнем Востоке советские войска уже находились в состоянии ожесточенных боев с японскими агрессорами у р. Халхин-Гол, т. е. существовала серьезная опасность войны одновременно на западе и на востоке.

Вечером 21 августа, после безрезультатного окончания последнего заседания советской, английской и французской военных миссий, Советское правительство сообщило, что оно не возражает против приезда в Москву 23 августа германского министра иностранных дел⁹³.

Но это не означало, что Советское правительство отказалось от дальнейших попыток добиться заключения соглашения с Англией и Францией. На следующий день представителям иностранных телеграфных агентств в Москве было передано сообщение о том, что прибытие Риббентропа для заключения пакта о ненападении не является несовместимым с продолжением переговоров между английской, французской и советской военными делегациями в целях организации отпора против агрессии. Напротив, заключение пакта о ненападении вполне совместимо с заключением тройственного договора между Францией, Англией и СССР. Эти акции ни в коем случае не исклю-

---

⁹¹ ADAP. Ser. D. Bd. 7. S. 100—102, 124—125.

⁹² Ibid. S. 131; История второй мировой войны. Т. 2. С. 282.

⁹³ ADAP. Ser. D. Bd. 7. S. 140—141.

чают друг друга. Англо-франко-советский пакт, дополненный военным соглашением, имел бы целью обуздать Германию, если бы она продолжала агрессивные действия. Заключение же пакта о ненападении между СССР и Германией ослабило бы напряженность, существующую между двумя странами⁹⁴.

23 августа И. Риббентроп прилетел в Москву для подписания пакта о ненападении.

В этой связи нельзя не отметить принципиальную разницу в подходе к переговорам с Советским Союзом правительств Англии и Франции, с одной стороны, и Германии — с другой. Германское правительство недвусмысленно заявляло через своего посла в Москве, что оно желает заключить с СССР договор о ненападении. Глава германского правительства обратился со специальным посланием по этому вопросу к И. В. Сталину. В Москву прибыл министр иностранных дел Германии. Эти факты не могли не свидетельствовать о действительном желании Германии заключить с СССР без какой-либо оттяжки договор о ненападении. Все это резко контрастировало с тем, как относились к переговорам с Советским Союзом в Лондоне и Париже. Если Англия и Франция в течение многих месяцев вели с СССР «переговоры ради переговоров», то для выработки текста советско-германского договора о ненападении и его подписания потребовался всего один день.

В договоре, подписанном в ночь с 23 на 24 августа (в договоре указана дата — 23 августа), содержались условия о ненападении (ст. I) и отказе от оказания помощи державе, напавшей на одну из договаривающихся сторон (ст. II). Обе стороны обязывались информировать друг друга по вопросам, затрагивающим их общие интересы (ст. III), и не участвовать в какой-либо группировке держав, направленной против другой стороны (ст. IV). Договор был заключен на 10-летний срок⁹⁵.

Решение Советского правительства заключить этот договор было вынужденным, но единственно правильным в тогдашних условиях, поскольку добиться подписания англо-франко-советского договора о взаимной помощи против агрессии не удалось. Тем более что до намеченного

---

⁹⁴ Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). Film 10520; ADAP. Ser. D. Bd. 7. S. 175; DBFP. Ser. 3. Vol. 7. P. 385; L'Ouvre. 1939. 23 août; DDF. Sér. 2. T. 18. P. 282.

⁹⁵ Правда. 1939. 24 авг.

заранее срока нападения германских войск на Польшу оставалось всего два дня⁹⁶.

В беседе с французским послом 22 августа 1939 г. В. М. Молотов подчеркнул, что Советское правительство решило заключить договор с Германией лишь тогда, когда окончательно убедилось, что в англо-франко-советских переговорах не может быть достигнуто ничего положительного⁹⁷. В интервью народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова корреспонденту «Известий» также указывалось, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате того, что «военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»⁹⁸.

Раскрывая несколько дней спустя те мотивы, которыми руководствовалось Советское правительство, В. М. Молотов заявил на заседании Верховного Совета СССР, что, поскольку переговоры с Англией и Францией показали, что нет оснований рассчитывать на заключение пакта взаимопомощи, оно не могло не поставить перед собой вопрос о других возможностях устранить угрозу войны между Германией и СССР. «Наша обязанность,— подчеркнул он,— думать об интересах советского народа, об интересах Союза Советских Социалистических Республик. Тем более что мы твердо убеждены в том, что интересы СССР совпадают с коренными интересами народов других стран»⁹⁹.

Как отмечалось в исторической справке «Фальсификаторы истории», подписание советско-германского договора о ненападении было «дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке»¹⁰⁰.

К таким же выводам приходят и некоторые буржуазные ученые. Так, английский историк А. Тейлор отмечает, что Советский Союз стремился прежде всего «к безопасности в Европе... Объяснение этого очевидно. Советские государственные деятели... не доверяли Гитлеру. Союз с западными державами представлялся им курсом,

---

⁹⁶ Вторжение германских войск было назначено на утро 26 августа, но за несколько часов до его начала было перенесено на 1 сентября.

⁹⁷ DDF. Sér. 2. Т. 18. Р. 326.

⁹⁸ Известия. 1939. 27 авг.

⁹⁹ Там же. 1 сент.

¹⁰⁰ Фальсификаторы истории: Ист. справка. М., 1948. С. 53.

лучше обеспечивающим безопасность... Советское правительство повернулось в сторону Германии только тогда, когда удостоверилось, что заключение этого союза невозможно»¹⁰¹. Западногерманский историк К. Хильдебранд отмечает, что Советское правительство пришло летом 1939 г. к заключению, что Чемберлен стремится к соглашению не с СССР, а с Германией¹⁰².

Как видно из приведенных выше документов, в Лондоне и Париже отчетливо понимали, что если Советское правительство придет к окончательному заключению о невозможности договориться с Англией и Францией, то у него не осталось бы иной разумной альтернативы, как принять германские предложения. Авторы книги «Гитлер против Рузвельта» (Нью-Йорк, 1979) Т. Бейли и П. Райан отмечают, что «Сталин, хорошо зная о повсеместных разговорах на Западе о натравливании Гитлера на него, мудро ушел из-под удара»¹⁰³.

В западной историографии до сих пор высказывается недовольство по поводу заключения советско-германского договора о ненападении. Германию упрекают за то, что она изменила своим заверениям о намерении напасть на СССР, а Советский Союз — по существу, за то, что он сорвал попытки водить его за нос. Недовольны советско-германским договором прежде всего те круги Англии и Франции, которые строили свою политику на провоцировании войны между Германией и СССР. Эти планы были сорваны, в результате чего их авторы сами оказались в незавидном положении и они пытаются как-то оправдаться. Но одно то обстоятельство, что эти оправдания все снова и снова повторяются уже в течение многих десятилетий, свидетельствует о том, что они несостоятельны.

Впрочем, в работах западных авторов встречаются и

---

¹⁰¹ *Taylor A. F. P. The Origins of the Second World War. L., 1961. P. 241.*

¹⁰² *Hildebrand K. Deutsche Aussenpolitik, 1933—1945. Stuttgart, 1971. S. 90.*

¹⁰³ Цит. по: *Борисов А. Ю. СССР и США: Союзники в годы войны, 1941—1945. М., 1983. С. 29.* Впоследствии, уже в годы войны, в переговорах между представителями стран антигитлеровской коалиции иногда вспоминали и о ее предыстории. Американский поверенный в делах в Великобритании Ф. Мэттьюс телеграфировал 13 марта 1942 г. в госдепартамент, что работники Форин оффис твердо придерживаются мнения, что их собственная волюкита во время переговоров в 1939 г. была «действительной причиной соглашения СССР с Германией» (FRUS. 1942. Wash., 1962. Vol. 3. P. 533).

признания, что британское и французское правительства сами привели дело к срыву переговоров с СССР. Некоторые американские историки отмечают и тот факт, что вину за срыв переговоров и последствия этого несут также США, в том числе президент Ф. Рузвельт, так как ничего не сделали для создания общего фронта с СССР против агрессии¹⁰⁴.

Подписав договор о ненападении с Германией, Советское правительство способствовало сохранению мира не только на западных, но и на дальневосточных рубежах СССР. Заключение Германией этого договора в нарушение «антикоминтерновского пакта» вызвало кризис в правящих кругах Японии, рассчитывавших на фашистский рейх как на важнейшего союзника в войне против СССР. «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь», — сообщало 24 августа в Москву советское полпредство в Японии¹⁰⁵. Итальянский посол в Токио Г. Аурити также сообщал, что заключение договора вызвало в Японии «сильное негодование в отношении Германии», так как она «предала дружбу и антикоминтерновский пакт»¹⁰⁶. Правительство Хиранумы, строившее свою политику на сотрудничестве с Германией на основе «антикоминтерновского пакта», пало. Японские милитаристы вынуждены были пересмотреть свои планы и до поры до времени отказаться от вторжения на советский Дальний Восток.

Советское правительство, разумеется, понимало, что полагаться на договор о ненападении с Германией как на спасение от агрессии нельзя. Было ясно, что, как только гитлеровцы сочтут себя достаточно сильными, они обрушатся всеми силами на СССР¹⁰⁷. При ратификации со-

---

¹⁰⁴ Bennett E. M. Franklin D. Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933—1939. Wilmington, 1986. P. 191—193.

¹⁰⁵ СССР в борьбе за мир... С. 637.

¹⁰⁶ I documenti diplomatici italiani. Ser. 8. Roma, 1953. Vol. 13. P. 105.

¹⁰⁷ И. В. Сталин говорил, например, месяц спустя (2 октября 1939 г.) в беседе с министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом, что не исключена возможность нападения на СССР со стороны Германии. В течение шести лет, сказал он, фашисты выступали против СССР. Теперь произошел неожиданный поворот. Так иногда случается в истории. Но положиться на

ветско-германского договора на заседании Верховного Совета СССР было подчеркнуто, что договор «не может ослабить нашей бдительности»¹⁰⁸.

Коммунистическая партия, Советское правительство нашли единственно разумный выход из создавшегося положения: они одним ударом отвели от СССР угрозу со стороны двух наиболее мощных агрессоров, а фактически всего лагеря империализма.

СССР ОСТАЕТСЯ ВНЕ ВОЙНЫ

Заключением договора о ненападении с Германией Советский Союз обеспечил до поры до времени мир на своих границах. Но это был мир неустойчивый, временный. Приходилось считаться с тем, что в будущем фашистская Германия может развязать войну и против СССР.

Поэтому Советское правительство, несмотря на советско-германский договор о ненападении, по-прежнему было заинтересовано в сотрудничестве с Великобританией и Францией. Французский посол П. Наджиар сообщал 22 августа в Париж, что, по словам наркома иностранных дел, если и будет подписан советско-германский договор о ненападении, то это не обязательно должно означать прекращение переговоров трех стран. П. Наджиар писал, что некоторое время спустя, например через неделю, переговоры могли бы быть продолжены. Договор о ненападении с Германией не является несовместимым с договором о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом¹⁰⁹.

В министерстве иностранных дел Франции в срочном порядке также занялись изучением вопроса о том, совместимо ли заключение советско-германского договора о ненападении с советско-французским договором о взаимопомощи 1935 г. Заключение было положительным: договоры совместимы¹¹⁰. Министерство иностранных дел Франции считало, что не противоречат друг другу также

это нельзя. Необходимо вовремя подготовиться. См.: *Сиполс В. Я. Тайная дипломатия: Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав, 1919—1940.* Рига, 1968. С. 316.

¹⁰⁸ Известия. 1939. 1 сент.

¹⁰⁹ DDF. Sér. 2. T. 18. P. 326—328.

¹¹⁰ *Bartel H. Frankreich und die Sowjetunion, 1938—1940.* Stuttgart, 1986. S. 256.

статья IV советско-германского договора и переговоры трех держав, так как они ведутся о заключении договора, направленного не против Германии, а против агрессии, откуда бы она ни исходила. П. Наджиару было дано указание выяснить по этому вопросу позицию Советского правительства¹¹¹.

Излагая позицию Советского правительства по этим вопросам, В. М. Молотов подтвердил ему 25 августа, что оно считает договор 1935 г. сохраняющим силу. Может продолжаться и сотрудничество в Лиге наций¹¹². Советское правительство считало возможным продолжение и переговоров о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи. Французский военный атташе в Москве генерал О. Палас сообщал 23 августа в Париж, что, по его мнению, для СССР заключение договора с Германией — это лишь «выход на худой конец, а может быть, средство нажима в целях более быстрого создания прочной, хорошо спаянной во всех своих частях коалиции», которая всегда была «предметом желаний советских руководителей»¹¹³.

Однако английская и французская военные миссии получили приказ вернуться домой «как можно скорее»¹¹⁴. Когда они 25 августа нанесли визит К. Е. Ворошилову, последний заявил: «К сожалению, нам на этот раз не удалось договориться. Но будем надеяться, что в другое время наша работа будет носить более успешный характер»¹¹⁵.

26 августа 1939 г. этот вопрос встал также во время беседы заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского с китайским послом Ян Цзе. Отвечая на вопрос, будут ли продолжаться англо-франко-советские переговоры, заместитель наркома сказал, что «переговоры с Англией и Францией велись в течение пяти месяцев, отъезд делегаций — это эпизод в этих переговорах. Делегации приезжают и уезжают, а вопрос о борьбе за мир остается. Отъезд не есть результат заключения договора о ненападении между СССР и Германией, а результат недоговоренности по ряду вопросов. Если Англия и Франция

---

¹¹¹ Ibid. S. 262.

¹¹² Ibid. S. 264; *Bonnet G. Defense de la paix. Gèneve. 1948. T. 2. P. 291.*

¹¹³ DDF. Sér. 2. T. 18. P. 408.

¹¹⁴ DBFP. Ser. 3. Vol. 7. P. 224.

¹¹⁵ *Международ. жизнь. 1969. № 11. С. 111.*

пойдут на предложения Советского правительства, не исключена возможность заключения договора с ними... В настоящее время переговоры прерваны, но их возобновление зависит от Англии и Франции»¹¹⁶.

Ссылаясь на высказывания советских дипломатов, У. Сидс в письме Галифаксу 29 августа 1939 г. высказывал мнение, что Советский Союз, несмотря на советско-германский договор, все еще мог бы принять участие «в направленном против агрессии соглашении в целях защиты других стран»¹¹⁷.

На заседании французского правительства 24 августа рассматривался вопрос о том, как быть дальше. Э. Даладье высказал мнение, что следует возобновить переговоры с русскими¹¹⁸. На следующий день один из его помощников — Р. Жанебрие предложил послать в Москву для завершения переговоров о соглашении бывшего министра авиации Франции П. Кота, который еще с 1933 г. последовательно выступал за сотрудничество с СССР¹¹⁹. Глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк, возвратившись 28 августа из Москвы, также высказывал мнение, что заключение союза трех держав все еще возможно¹²⁰. Однако никаких конструктивных решений по этому вопросу французское правительство так и не приняло.

Завершив сосредоточение германских войск у польских границ, Гитлер заявил 22 августа 1939 г. на совещании руководящего состава вермахта, что считает необходимым немедленно начать военные действия. Он утверждал — и не без оснований, — что, хотя Англия и Франция взяли на себя определенные обязательства перед Польшей, фактически они не будут выполнять их¹²¹.

Немецкие фашисты не желали уже и бескровных побед. Они готовились к мировой войне и хотели обстрелять в конфликте локального характера, т. е. в войне с Польшей, своих новобранцев. Поэтому, когда министр иностранных дел Италии У. Чиано спросил И. Риббентропа: «Чего вы хотите: коридор или Данциг?» — германский

---

¹¹⁶ СССР в борьбе за мир... С. 640.

¹¹⁷ DBFP. Ser. 3. Vol. 7. P. 384.

¹¹⁸ *Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War.* L., 1977. P. 341.

¹¹⁹ *Ibid.*

¹²⁰ *Ibid.*

¹²¹ ADAP. Ser. D. Bd. 7. S. 168.

министр цинично заявил: «Теперь ни первого, ни второго... Мы хотим войны»¹²².

Правительство Чемберлена развернуло в это время лихорадочную деятельность, чтобы хоть в последнюю минуту договориться с правителями фашистского рейха. Оно утратило всякий интерес к переговорам с Советским Союзом. События последней декады августа 1939 г. окончательно подтвердили, что в Лондоне стремились не к соглашению с СССР, а к империалистическому сговору с фашистской Германией путем предательства Польши¹²³.

Британский посол в Берлине Н. Гендерсон пришел к выводу, что, как и накануне Мюнхена, Н. Чемберлен снова должен взять переговоры в свои руки. По инициативе Гендерсона 22 августа британский премьер отправил Гитлеру срочное послание, в котором делал вид, что Великобритания намерена выполнить свои обязательства перед Польшей. В то же время он заверял, что готов на переговоры как для рассмотрения спорных вопросов, имеющих между Германией и Польшей, так и для обсуждения «более широких проблем, затрагивающих будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие интерес для Англии и Германии»¹²⁴.

Предпринятая британским правительством акция являлась недвусмысленным свидетельством того, что оно готово было на повторение мюнхенской сделки, на этот раз за счет Польши. У. Буллит, ознакомившись с посланием Н. Чемберлена, пришел к заключению, что оно «похоже на подготовку нового Мюнхена»¹²⁵. Он телеграфировал в госдепартамент, что англичане ведут «деликатную подготовку предательства Польши, используя средства, аналогичные тем, которые они так успешно применили в отношении Чехословакии»¹²⁶.

Характеризуя создающуюся обстановку, советский полпред в Лондоне 26 августа отмечал, что «в воздухе определенно ощущаются мюнхенские настроения». Британское правительство, Ф. Рузвельт, папа римский, бельгийский король и др., писал И. М. Майский, пытаются нащупать почву для «компромисса» в польском вопросе¹²⁷.

¹²² *Ciano G. Diario. Milano, 1963. Vol. 1. P. 5.*

¹²³ *Batowski H. Agonia pokoju i początek wojny. Poznań, 1979. S. 244—261.*

¹²⁴ DBFP. Ser. 3. Vol. 7. P. 127—128.

¹²⁵ FRUS. 1939. Vol. 1. P. 354.

¹²⁶ *Ibid. P. 376—377.*

¹²⁷ СССР в борьбе за мпр... С. 638.

Как видно из ставших теперь доступными для историков протоколов заседаний британского правительства, это сообщение соответствовало действительности. Н. Чемберлен все еще считал, что можно достигнуть договоренности с фашистской Германией. Излагая позицию германского канцлера, как он ее себе представлял, британский премьер заявил 26 августа на заседании правительства: «Главное заключается в том, что если Англия оставит господина Гитлера в покое в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое пас»¹²⁸. Лондон был готов к новой сделке с Гитлером на такой основе.

На следующий день, 27 августа, Чемберлен и Галифакс снова передали Гитлеру через курсировавшего между Лондоном и Берлином неофициального посредника шведского промышленника В. Далеруса, что они «стремятся к достижению соглашения с Германией»¹²⁹. В дневниках помощника лорда Галифакса О. Харви от 27 августа также отмечается, что готовится «новый Мюнхен и предательство поляков». Сторонники Чемберлена, подчеркивал он, «неистово действуют в этом направлении»¹³⁰.

Такой же была и позиция французского правительства. Э. Даладьё в послании Гитлеру в эти дни напоминал: «Ни один француз не сделал больше меня для укрепления между нашими странами не только мира, но и искреннего сотрудничества»¹³¹. Ж. Бонне, П. Фланден, П. Лаваль были за продолжение мюнхенского курса¹³².

Однако нацистский канцлер не намеревался менять своих планов. Контакты, которые гитлеровцы поддерживали в те дни с англичанами, являлись лишь дымовой завесой. Гитлер предложил Чемберлену даже англо-германский союз, а Геринг говорил о готовности срочно прибыть в Лондон. Но эти лицемерные заявления делались гитлеровцами только ради того, чтобы добиться локализации предстоявшей войны с Польшей. Подготовка нападения на Польшу шла тем временем полным ходом. Все попытки британского и французского правительства прийти к соглашению с фашистской Германией потерпели полный провал.

На рассвете 1 сентября германские войска с трех сторон вторглись в пределы Польши¹³³. Все попытки британ-

¹²⁸ Public Record Office. Cab. 23/100. P. 375.

¹²⁹ Ibid. P. 402.

¹³⁰ The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. L., 1970. P. 307.

¹³¹ Documents diplomatiques, 1938—1939. P., 1940. P. 266—267.

¹³² Bartel H. Frankreich und die Sowjetunion. S. 275.

¹³³ Советское правительство, будучи глубоко заинтересовано в

ского и французского правительств прийти к соглашению с фашистской Германией потерпели позорный провал. Перед ними встала крайне трудная задача. Они сами поставили свои страны в исключительно опасное положение. Британскому и французскому правительствам трудно было рассчитывать на то, что они смогут одержать победу над Германией. Однако они полагали, что отказ от выполнения их союзнических обязательств перед Польшей еще хуже, так как это означало бы поглощение Германией по очереди Польши, Румынии, Венгрии, Югославии и Греции, после чего агрессоры обратились бы против Франции и Англии, имея в своем распоряжении дополнительно и ресурсы всех этих стран¹³⁴.

Англия и Франция оказались вынуждены объявить состояние войны с Германией. Началась вторая мировая война.

* * *

Советский Союз твердо и неуклонно боролся за обуздание фашистских агрессоров, за предотвращение войны, сохранение всеобщего мира. Но из-за внешнеполитического курса Англии и Франции добиться этого не удалось. Война разразилась. Но это был не «крестовый поход» лагеря капитализма против первой в мире социалистической страны, о чем мечтали реакционные силы всех империалистических держав. Советскому Союзу удалось избежать такой войны. Война разразилась внутри лагеря империализма между двумя группировками империалистических держав.

Советский народ имел возможность продолжать социалистическое строительство, а также укреплять свою оборонную мощь, что было необходимо, так как приходилось считаться с тем, что со временем агрессоры обратят свои орудия против СССР.

том, чтобы Польша не была уничтожена Германией, по-прежнему было готово оказать ей помощь. 2 сентября, когда Англия и Франция, несмотря на свои союзные договоры с Польшей, еще продолжали молчать о своей позиции, советский полпред в Варшаве Н. И. Шаронов поставил перед министром иностранных дел Польши Ю. Беком вопрос о поставке Советским Союзом Польше военных материалов.

¹³⁴ FRUS. 1939. Vol. 1. P. 301—304, 398—399.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I	
БОРЬБА СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ	8
Советский Союз в условиях роста военной опасности . . .	8
Курс СССР на сотрудничество с Францией и Англией . . .	13
Ввод германских войск в Рейнскую зону и позиция СССР	23
Борьба СССР за укрепление Лиги наций	29
Вопрос о советско-французском военном сотрудничестве . .	42
Глава II	
ПОДДЕРЖКА СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРОТИВ ГЕРМАНО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ	47
Начало интервенции фашистских держав в Испании и пози- ция СССР	47
Деятельность советской дипломатии в Комитете по невмеша- тельству в дела Испании	57
Глава III	
СССР В БОРЬБЕ ПРОТИВ АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ	69
Усиление агрессивных устремлений Японии и позиция СССР Протокол о взаимопомощи между СССР и МНР (12 марта 1936 г.)	69
Разгром японских агрессоров у оз. Хасан (июль — август 1938 г.)	82
85	
Глава IV	
ПОМОЩЬ СССР КИТАЮ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНСКИХ АГРЕССОРОВ	94
Вторжение японских войск в Северный Китай. Советско-ки- тайский договор о ненападении	94
Поддержка Советским Союзом Китая в Лиге наций. Брюс- сельская конференция	111
Помощь Советского Союза Китаю	124

Глава V	
ПОЗИЦИЯ СССР В СВЯЗИ С ОБОСТРЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ В ЕВРОПЕ ВЕСНОЙ 1938 г.	130
Аннексия Германией Австрии и позиция СССР	130
Срыв Советским Союзом польско-германских планов захва- та Литвы	139
Советский Союз за коллективный отпор германской агрес- сии против Чехословакии	143
Глава VI	
МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ И ПОЗИЦИЯ СССР . .	162
Курс Германии и Англии на подрыв договоров о взаимопо- мощи между СССР, Францией и Чехословакией	162
Советские предложения о коллективных мерах против гер- манской агрессии	166
Мюнхенский сговор и осуждение его Советским Союзом . .	174
Глава VII	
СССР В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ ПОСЛЕ МЮНХЕНА	200
Международное положение СССР в послемюнхенский период	200
Провал попыток английских и французских мюнхенцев на- править германскую агрессию против СССР	217
Глава VIII	
СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ В ЦЕЛЯХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЙНЫ	224
Советская инициатива о созыве международного совещания	224
Предложение Советского Союза Англии и Франции о заклю- чении договора о взаимной помощи	240
Глава IX	
СОВЕТСКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В МОСКВЕ ЛЕТОМ 1939 г.	254
Переговоры о заключении договора трех держав о взаимопо- мощи	254
Переговоры военных представителей СССР, Англии и Франции	282
Глава X	
НА ПОРОГЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	301
Японские планы войны против СССР. Разгром агрессоров у р. Халхин-Гол	301
Советско-германский договор о ненападении	307
СССР остается вне войны	328

Вилнис Янович Сиполс
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
1936—1939 гг.

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Т. Д. Лосева*
Художник *И. Е. Сайко*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*
Корректоры *В. А. Бобров, Г. Г. Петропавловская*

ИБ № 35891

Сдано в набор 11.02.87.
Подписано к печати 27.05.87.
А-01814, Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ л. 17,64. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 19,5
Тираж 4100 экз. Тип. зак. 673
Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90.

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77,
ул. Станиславского, 25.

В. Я. СИПОЛС ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА